
А.И. ПАТРУШЕВ

ГЕРМАНИЯ

в XX веке

Допущено
Министерством образования
Российской Федерации
в качестве
учебного пособия
для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся
по направлению подготовки
и специальности
«История»

Д р о ф а

МОСКВА · 2004

УДК 94(436)'19'
ББК 63.3(4Гем)6
П20

Рецензенты:

кафедра истории и теории культуры
Российского государственного гуманитарного университета
(зав. кафедрой д-р ист. наук, проф. Г. И. Зверева);
д-р ист. наук С. И. Оболенская (ведущий научный сотрудник-консультант
Института всеобщей истории РАН)

Патрушев, А. И.

П20 Германия в XX веке : учеб. пособие / А. И. Патрушев. —
М. : Дрофа, 2004. — 432 с. : ил., 16 л. цв. вкл.

ISBN 5-7107-6076-5

В пособии предложена современная концепция новейшей истории Германии, разработанная на основе анализа новых историографических направлений. Подробно рассматриваются проблемы массового национального сознания и культуры. Принципиально новыми и исключительно важными для исторического образования являются материалы по холокосту (1933—1945). Большое внимание уделяется социально-психологическим процессам в послевоенной Германии, разделенной на два государства, а также трудностям социально-психологической интеграции, возникшим после объединения Германии в 1990 г.

Для студентов исторических факультетов университетов и педагогических вузов, институтов и факультетов иностранных языков, а также для учащихся гимназий и лицеев гуманитарного профиля. Может быть полезно всем, кто интересуется историей Германии.

УДК 94(436)'19'
ББК 63.3(4Гем)6

Учебное издание

Патрушев Александр Иванович

ГЕРМАНИЯ В XX ВЕКЕ

Пособие для вузов

Зав. редакцией Н. Е. Рудомазина. Ответственный редактор Н. А. Страхова. Художественное оформление В. В. Голубева
Технический редактор Л. В. Коновалова. Компьютерная верстка Ю. Е. Гогина. Корректор И. А. Никанорова

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.02.953.Д.006315.08.03 от 28.08.2003.

Подписано к печати 09.08.04. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типографская. Гарнитура «Школьная». Печать офсетная. Усл. печ. л. 27+1,0. Тираж 5000 экз. Заказ № 3457.

ООО «Дрофа». 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

По вопросам приобретения продукции издательства «Дрофа»

обращаться по адресу: 127018, Москва, Суцевский вал, 49.

Тел.: (095) 795-05-50, 795-05-51. Факс: (095) 795-05-52.

Торговый дом «Школьник». 109172, Москва,

ул. Малые Каменщики, д. 6, стр. 1А. Тел.: (095) 911-70-24, 912-15-16, 912-45-76.

Магазины «Переплетные птицы»: 127018, Москва, ул. Октябрьская, д. 89, стр. 1.

Тел.: (095) 912-45-76; 140408, Московская обл., г. Коломна, Голутвин,

ул. Октябрьской революции, 366/2. Тел.: (095) 741-59-76.

Отпечатано с готовых диапозитивов издательства. ОАО «Тверской полиграфический комбинат»
170024, г. Тверь, пр-т Ленина, 5. Телефон: (0822) 44-42-15.

Интернет/Home page - www.tverpkr.ru Электронная почта (E-mail) - sales@tverpkr.ru

ISBN 5-7107-6076-5

© ООО «Дрофа», 2004

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
ВВЕДЕНИЕ	9
<i>Часть первая</i>	
ЭПОХА МИРОВЫХ ВОЙН	
Глава 1. КАЙЗЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ В НАЧАЛЕ XX в. (1900—1914)	21
Вильгельм II и его эпоха	21
Политическая система и партии	22
Германская экономика	28
Становление «индустриального общества»	30
Профсоюзы и «союзы интересов»	33
Немецкая семья и молодежные движения	38
«Флотские программы»	41
Канцлерство Бюлова	43
Правление Бетман-Гольвега	48
Империя накануне Первой мировой войны	50
Глава 2. ПОД ГРОХОТ «БОЛЬШОЙ БЕРТЫ» (1914—1918)	52
Июльский кризис 1914 г.	52
Германия в начале войны	55
Война на Западе и Востоке	57
Война и экономика	61
Победы и поражения	64
Агония империи	68
Глава 3. РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ (1918—1923)	71
Германская революция	71
Партийные силы Веймара	80
Веймарская конституция	84
Версальский диктат	88
Репарации и выполнение версальских обязательств	96
Рурский конфликт	99
Инфляция — кто страдает, а кто выигрывает	102
Кризис республики	106
Глава 4. ХРУПКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ (1924—1929)	112
Партии и правительства	112
Больная экономика	115

Эрзац-кайзер во главе республики	117
Дипломатия Штреземана	120
Нелегитимная республика	124
Кризис парламентаризма	127
Глава 5. КОЛЛАПС ДЕМОКРАТИИ (1930—1933)	131
«Черная пятница»	131
Выборы 1930 г. — поражение демократии	133
Национал-социализм завоевывает Германию	136
Гинденбург против Брюнинга	139
«Кабинет баронов»	142
Крах планов «социального генерала» Шлейхера	146
Гибель республики	149
Веймарская республика — первая германская демократия	150
Глава 6. КУЛЬТУРА И БЫТ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ	153
Феномен массовой культуры	153
Дух модернизма	155
«Новая» немецкая женщина	158
Молодежь и традиции	160
Жизнь и нравы послевоенной Германии	163
Интеллектуалы против республики	167
Идеология «консервативной революции»	169
Глава 7. НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ (1933—1939)	176
На пути к власти	176
Установление диктатуры	182
Унификация	186
Единство партии и государства	189
Террор и пропаганда как орудия нацизма	191
«Коричневая революция»	195
Экономика Третьего рейха	197
Четырехлетний план перестройки хозяйства	201
Аграрная политика национал-социалистов	204
Женский вопрос в нацистской Германии	206
Воспитание молодежи в нацистском духе	209
Глава 8. КУЛЬТУРА ПО-АРИЙСКИ	211
Интеллигенция и политика	211
Искусство воспекает рейх	215
Уход от действительности... в кино	217
Пресса под контролем государства	218
Нацификация образования	219
Крест и свастика	221
Глава 9. ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГИТЛЕРА (1933—1939)	225
Под маской миролюбия	225
Венский путч	228
Возвращение Саара и создание вермахта	230
Морское соглашение с Британией	232
Западный вал за Рейном	234
«Ось Берлин — Рим»	236

Аншлюс — присоединение Австрии	238
Мюнхенское соглашение	241
Пакт двух диктаторов	245
Глава 10. ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (1939—1945)	250
Подготовка к большой войне	250
Четвертый раздел Польши	253
Полигон в генерал-губернаторстве	255
Блицкриг на Запад	256
Поход на Восток	262
«Новый порядок» в Европе	266
Немецкое Сопротивление	269
Тотальная война	272
Конец Третьего рейха	275
Глава 11. ХОЛОКОСТ (1933—1945)	278
Апрельские и Нюрнбергские законы	278
«Хрустальная ночь»	282
Исход — решение «еврейского вопроса»	284
Ванзейская конференция	287
Лагерь смерти	288
Часть вторая	
ДВА ГОСУДАРСТВА — ОДНА НАЦИЯ	
Глава 12. ПУТЬ К РАСКОЛУ (1945—1949)	293
Нулевой час	293
Оккупационная политика держав-победителей	295
Потсдамская конференция	296
Денацификация	298
Нюрнбергский процесс	299
Возрождение партий	301
Судьбы военнопленных, переселенцев и беженцев	303
От Потсдама к Бонну через Бизонию	305
Денежная реформа	307
Блокада Берлина	309
На карте мира две Германии	310
Глава 13. ВРЕМЯ КОНРАДА АДЕНАУЭРА (1949—1961)	314
Политическая система ФРГ	314
«Экономическое чудо»	317
Социальная реформа	319
Путь на Запад	320
Берлинский кризис	323
Социал-демократы в оппозиции	325
Проблемы авторитарного канцлерства	326
Глава 14. «ЛУЧШЕЕ ГОСУДАРСТВО В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ» (1961—1989)	329
От Конрада Аденауэра — к Людвигу Эрхарду	329
«Большая коалиция»	331

Проблема чрезвычайного законодательства	333
Социал-либеральная коалиция	334
Восточная политика ФРГ	335
Оппозиция консерваторов	338
Нефтяной кризис	340
Волна терроризма	341
Развал коалиции	342
Канцлерство Гельмута Коля	344

Глава 15. ВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО НА ВОСТОКЕ ГЕРМАНИИ

(1949—1989)

Создание ГДР	347
От забастовок — к восстанию	350
Оппозиция руководству ГДР	353
Операция «Китайская стена»	354
Новая экономическая политика	357
Смена политических эпох	359
Банкротство ГДР	360

Глава 16. НЕ РАЗДЕЛЕННАЯ ЭЛЬБОЙ КУЛЬТУРА

Возрождение немецкой литературы	363
Традиции и новаторство в живописи	366
Очередные задачи архитектуры	367
Музыкальная жизнь Германии	368
Театр, кино, телевидение — творческая конкуренция	369

Глава 17. «И ОБРУШИЛАСЬ СТЕНА ДО СВОЕГО ОСНОВАНИЯ...»

(1989—1990)

Падение ГДР	372
Дворцовый переворот в политбюро	374
Путь на Запад свободен!	374
«За» и «против» объединения	376
Мартовские многопартийные выборы	379
Единый народ, единая страна	382

Глава 18. НОВАЯ СТРАНА В НОВОМ МИРЕ (1990—2000)

Первые общегерманские выборы	387
Экономическая интеграция	389
Опекунское ведомство наводит порядок	391
«Осси» и «весси»	393
Кризис социального государства	395
Год «супервыборов»	396
«Красно-зеленая коалиция»	397
Германия — член мирового сообщества	399

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рекомендуемая литература	407
--------------------------------	-----

Приложение

Краткая хронология истории Германии XX в.	409
Германские канцлеры	422
Указатель имен	424

Предисловие

Предлагаемое пособие дает широкую панораму истории одного из основных партнеров России на международной арене — Германии. Мы стремимся проанализировать историю взлетов и падений Германии в XX в. и показать ее положение в мире, вступившем в третье тысячелетие. В книге значительное внимание уделяется тем аспектам, которые оставались в течение длительного периода без внимания — идеологии, проблемам массового сознания и культурной истории Германии, сложностям социально-психологической интеграции, возникшим после объединения двух германских государств в 1990 г.

Принципиально важной представляется нам выделение в отдельную главу истории холокоста. Отношение той или иной страны к этой трагедии является индикатором, по которому можно судить о праве этой страны именоваться гражданским демократическим государством. Печальный опыт Германии первой половины XX в. показывает опасность распространения национал-патриотической и профашистской идеологии. Правый и левый экстремизм, выступающие под лозунгами национального спасения и возрождения, смыкаются на общей платформе ненависти к демократии, апологии прямого и грубого насилия как средства решения всех проблем, шовинизма и антисемитизма. В этом смысле немецкая история является для нас особенно поучительной.

Между тем существует большой дефицит в литературе по истории Германии нового и новейшего времени, отвечающей современным требованиям науки и основанной на социокультурном подходе к историческому процессу. Проблемы немецкой истории второй половины XX в. в основном освещаются в политической публицистике и популярной литературе, для которых характерно стремление радикальнейшим образом изменить все прежние толкования и оценки, не давая глубокого анализа событий. Множество переводных работ по-

следних лет, прежде всего касающиеся проблем национал-социализма, несут на себе отпечаток сенсационности и скоропалительных суждений и выводов.

Положение начало меняться только в 90-е годы XX в. Появилось новое и необычное для отечественной литературы учебное пособие И. Я. Биска «История повседневной жизни населения в Веймарской республике (Иваново, 1990), в котором исследуются быт, нравы, духовная атмосфера в Германии начала XX в.

В курсе лекций Е. Ф. Язькова «История стран Европы и Америки в новейшее время (1918—1945)» (М., 1998), с современной точки зрения в числе многих проблем освещены и такие важные вопросы немецкой истории, как революция 1918—1919 гг. и германский фашизм.

Масштабная картина современного устройства Германии нарисована в пособии по страноведению Н. В. Павлова «Германия на пути в третье тысячелетие» (М., 2001).

Новый взгляд (хотя по многим суждениям и выводам чрезмерно современный и не свободный от пережестов) на основные проблемы немецкой истории и перспективы ФРГ в XXI в. представлен в монографии А. Ю. Ватлина «Германия в XX веке» (М., 2002).

Среди переводной литературы следует отметить книгу известного немецкого политолога и публициста К. Зонтхаймера «Федеративная Республика Германия сегодня. Основные черты политической системы» (М., 1996), дающая систематический анализ экономического строя, общественной структуры, деятельности партий и союзов, бундестага, правительства и президента, федеративной системы и местного самоуправления.

Наконец, блестящим исследованием является монография американского историка и культуролога Г. Крейга «Немцы» (М., 1999), представляющая собой ряд тематических эссе (религия, деньги, немцы и евреи, женщины, профессора и студенты, романтики, литература и общество, военные и др.), в которых очень обстоятельно раскрывается своеобразие характера этого великого народа, живущего в самом сердце Европы.

А. Патрушев.

ВВЕДЕНИЕ

На первый взгляд, создается впечатление, что нет другой такой страны, жизнь которой в XX в. была бы столь запутанной и таинственной, величественной и трагичной, как Германия. XX век, который иногда называют «германским веком», начался с неудачного рывка Германской империи к мировому господству в 1914 г., а закончился неожиданным воссоединением расколотой на два государства (и казалось, что это на столетия) страны.

Ход германской истории XX в. производит впечатление абсурда. Мощнейшее государство терпит две сокрушительные катастрофы, но после обеих возрождается, словно феникс из пепла, а в конце столетия становится во главе объединенной Европы.

Будущее сокрыто для настоящего во мраке неопределенности, но корни его лежат в прошлом. Груз прошлого сбросить невозможно, оно неотступно преследует человека. Чтобы понять нашу современность, надо обратиться к истории, загадки которой требуют объяснения, хотя и считается, что они не поддаются этому. По-разному можно относиться к германской истории. Ее можно считать великой, можно — кошмарной, но только не... скучной. Мало таких стран, на долю которых выпало в XX в. столько драматических, поучительных и волнующих событий, как на Германию. Но уроки истории в состоянии усвоить лишь тот, кто знает эту историю.

Какой же путь прошла Германия к началу XX в.? Какие процессы и события прошлого определили ее облик?

В XIX в. полагали, что германская история началась в 9 г., когда вождь племени херусков Арминий наголову разгромил в Тевтобургском лесу три римских легиона и остановил даль-

нейшее продвижение Рима. Но впоследствии было установлено, что формирование немецкой народности началось раньше и продолжалось в течение длительного срока. Появившимся, вероятно, в VIII в. словом «немецкий»¹ называли только язык, на котором изъяснялось население восточной части Франкского государства. Постепенно название «немецкий» было перенесено с языка на людей, говоривших на нем, а затем и на область их проживания — Германию.

Первым германским королем считается франкский герцог Конрад I, избранный в 911 г. Позже франкских королей стали именовать римскими, а их государство с XIII в. называлось Священной Римской империей, а с XV в. — *Священной Римской империей германской нации*. Это была выборная монархия, в которой могущественных родовых герцогов король мог заставить признавать его власть лишь с помощью военной силы и умелой дипломатии. В полной мере этими качествами обладал Оттон I (936—973), который в 962 г. принудил Папу Римского короновать его с целью получения титула императора (кайзера²).

То обстоятельство, что для своего коронования немецкому королю необходимо было ехать в Рим, объясняло активное участие германских властителей в итальянской политике. Следствием того, что в течение трех веков они сохраняли свое господство в Северной и Средней Италии, было «распыление» сил и сохранение политической раздробленности Германии.

Новый расцвет империя пережила в столетнее правление династии Штауфенов. Ее самый знаменитый представитель — Фридрих Барбаросса (1152—1190). Он вел успешную борьбу против папства, североитальянских городов и своего главного соперника в Германии — саксонского герцога Генриха Льва. Однако процесс территориального дробления страны не удалось остановить ни ему, ни его преемникам. Завершение правления династии Штауфенов в 1268 г. фактически означало и конец универсальной императорской власти на Западе. В Германии победили центробежные силы, что не позволило

¹ Слово *deutsch* происходит от древнегерманского слова *thuitisk* или *duitsche*. Латинская форма — *theodiskus*.

² От нем. *Kaiser* < лат. *caesar* — цезарь. Так называли императоров Священной Римской империи (902—1806) и Германской империи (1871—1918).

ей превратиться по примеру других стран Западной Европы в единое национальное государство.

Тем не менее с 1356 г. в империи существовала своего рода конституция — Золотая булла Карла IV Габсбурга. Она гарантировала ряд привилегий семи курфюрстам, прежде всего утверждала их исключительное право избирать короля. Значение власти мелких князей, графов и рыцарей неуклонно падало, но возрастала роль городов как центров экономического развития. Положение городов еще более укрепляло их объединение в союзы, важнейшим из которых была Ганза — ведущий торговый союз на Балтике и в Северной Европе.

К концу XV в., когда титул императора фактически стал наследственным для династии Габсбургов, со всей очевидностью проявилось анахроничное устройство империи. Максимилиан I (1493—1519), который впервые принял титул императора без коронования Папой Римским, безуспешно пытался реформировать империю, учредив общеимперские представительные органы — рейхстаг и Высший имперский суд. Но и они не смогли сдержать процесс дробления империи. В стране сложилось двоевластие императора и курфюрстов, князей, а также городов, права которых постоянно расширялись. Но империя не распадалась. В ее сохранении были заинтересованы и мелкие правители, и рыцари, и города,

стремившиеся обезопасить себя от посягательств более сильных соседей.

В экономике, прежде всего в горном деле и производстве текстиля, появляются новые формы хозяйствования, которые выходят за рамки средневековой цеховой организации труда ремесленников.

Это были первые признаки становления раннего капитализма. Одновременно начинается секуляризация — процесс реформирования духовной жизни, направленный против власти католической церкви, бесстыдно обиравшей страну.

После выступления в Виттенберге в 1517 г. монаха **Мартина Лютера** (1483—1546) с его 95 тезисами против индульгенций накопившееся возмущение вылилось в широкое движение *Реформации*. Начав с пересмотра религиозных основ, вскоре оно затронуло всю социальную структуру. В 1522—1523 гг. восстало имперское рыцарство, в 1524 г. началась *Крестьянская война* (1524—1526). Это были первые крупные революционные движения социально-политического характера в немецкой истории. Оба восстания были жестоко разгромлены, а выгоду от этого получили только мелкие князья. По *Аугсбургскому религиозному миру* (1555) протестантское вероисповедание стало равноправным с католическим, а князья получили право устанавливать в своих владениях главенство той или иной религии. Религиозный раскол Германии был завершен: страна стала преимущественно протестантской.

Католическая церковь и ее владетельные сторонники не могли примириться с этим и развернули свою *Контрреформацию*. Противостояние вероисповеданий обострилось, были созданы религиозные союзы — *Протестантская уния* (1608) и *Католическая лига* (1609). Вспыхнувший в Богемии конфликт между протестантским дворянством и католическими Габсбургами привел к *Тридцатилетней войне* (1618—1648), превратившейся в общеевропейскую борьбу за гегемонию на континенте. Война опустошила и разорила страну. По Вестфальскому миру (1648) Франция и Швеция отторгли от Германии ряд

территорий, а Голландия и Швейцария официально вышли из состава империи. Мирный договор гарантировал всем немецким правителям суверенитет и давал им право заключать союзы с любыми иностранными державами.

По французскому образцу в германских государствах утвердился абсолютизм, что означало неограниченную власть правителя. Абсолютизм обеспечивал жесткое административное управление, создание постоянной армии и упорядоченной финансовой системы для сбора налогов. В хозяйственной сфере проводилась политика меркантилизма, способствовавшая экономическому укреплению государства.

Австрия, которая успешно отразила натиск турок и окончательно присоединила Венгрию, стала великой европейской державой. Но в XVIII в. у нее появился соперник — Пруссия, которая при **Фридрихе II Великом** (1740—1786) отвоевала у Габсбургов богатейшую провинцию Силезия и также вошла в число ведущих европейских держав.

Начавшаяся в 1789 г. во Франции революция устранила феодальную систему и провозгласила свободу, равенство и братство всех граждан. Попытка Австрии и Пруссии путем интервенции подавить «парижскую чернь» потерпела крах и привела к ответному удару со стороны революционной Франции. Натиск армий Наполеона сокрушил империю. Франция присоединила к себе левобережье Рейна.

С целью компенсировать потери прежним владельцам земель в 1803 г. были ликвидированы все духовные и многие светские мелкие княжества. Увеличившие за их счет свои территории и население средние государства в 1806 г. объединились в *Рейнский союз* под протекторатом Наполеона и заявили о своем выходе из развалившейся германской империи. В июле 1806 г., когда император Франц II сложил с себя корону, бесславно закончилась тысячелетняя история Священной Римской империи германской нации.

Влияние Французской революции на Германию было противоре-

чивым. С одной стороны, революционные настроения значительно политизировали немецкое общество, вызвав ряд социальных волнений и акций протеста средних и низших слоев. С другой стороны, революция с ее кровавым якобинским террором усилила представление о том, что политические перемены в Германии лучше всего осуществлять с помощью продуманных реформ. Точно сформулировал этот принцип поэт Ф. Шиллер: «Следует начать с того, чтобы подготовить граждан к конституции, прежде чем давать им конституцию».

Такое убеждение играло важную роль в реформаторской политике начала XIX в. В Пруссии и Рейнском союзе было отменено крепостное право, введены свобода промыслов и городское самоуправление, установлено равенство всех перед законом, реорганизованы армия и система образования и т. д. Но многие замыслы реформаторов остались неосуществленными. Например, не было введено конституционное правление. В этот же период зарождается и немецкий национализм как освободительная антинаполеоновская идеология.

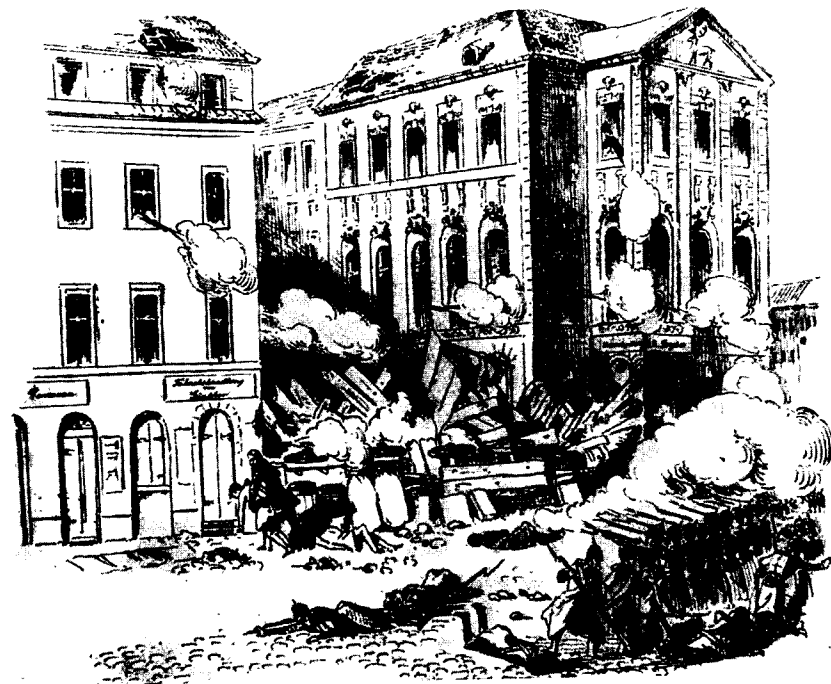
Сразу после победы над Наполеоном Венский конгресс (1814—1815) принял акты о переустройстве Европы. Но не сбылась надежда немцев на создание единого и свободного национального государства. Старую империю заменил *Германский союз*, объединивший 35 суверенных политических единиц. Единственным общегерманским учреждением был бундестаг во Франкфурте-на-Майне. Но это был не выборный парламент, а скорее конгресс послов. Дееспособным Германский союз мог стать лишь в случае единодушия двух ведущих его членов — Австрии и Пруссии. Свою главную задачу союз усматривал в том, чтобы подавлять любые устремления к единству и свободе. Политические организации были запрещены, пресса подвергалась суровой цензуре, университеты находились под жестким контролем. Восторжествовал девиз Реставрации — «Трон и алтарь».

Но с этим мрачным периодом истории связано и такое прогрессивное явление, как начало развития капиталистической экономики. В 1834 г. был образован *Германский таможенный союз*, постепенно создавший единый внутренний рынок. В 1835 г. была открыта первая немецкая железная дорога Нюрнберг—Фюрт, а на Рейне задымили первые пароходы. С началом индустриализации возник новый класс — фабричные рабочие. Быстрый рост населения привел вскоре к избытку рабочих рук на рынке труда, и многие немцы испыты-

вали нужду и лишения. В отсутствие какого-либо социального законодательства власти стремились подавить силой вспыхивающие волнения, как это было с восстанием силезских ткачей в 1844 г.

Французская революция 1848 г. получила немедленный отклик в Германии. В марте этого года по всей стране с запада на восток прокатилась волна народных выступлений. Напуганные правители вынуждены были пойти на уступки. В мае было избрано общегерманское *Национальное собрание* (Франкфуртский парламент), главную роль в котором играл либеральный центр, стремившийся установить конституционную монархию с ограниченным избирательным правом.

В парламенте были представлены все будущие политические силы Германии — от консерваторов до радикальных демократов. Но внутри всех фракций существовало противоречие между сторонниками двух вариантов объединения страны — «малогерманского» вокруг Пруссии (но без Австрии) и «великогерманского» под эгидой Австрии. После долгих дебатов парламент принял демократическую имперскую Конс-

Баррикадные бои в Берлине 18—19 марта 1848 г.

титудию, провозгласившую общегерманскую парламентскую монархию. Наследственную германскую корону Национальное собрание, в котором победили приверженцы «малогерманского» варианта объединения страны, предложило прусскому королю-романтику Фридриху Вильгельму IV. Но он отказался принять императорский титул из рук революционного парламента.

В мае 1849 г. в защиту Конституции были подняты восстания в Саксонии, Бадене и Пфальце. Все они были разгромлены. Германская революция потерпела поражение, национального объединения не произошло. Победил не демократически-революционный, а эволюционно-реформаторский путь развития страны. В 1850 г. был восстановлен *Германский союз*.

В 50-е годы XIX в. ситуация в Германии характеризовалась бурным экономическим подъемом. Отставая от Англии по общему объему производства, Германия обогнала ее по темпам роста, особенно в тяжелой промышленности и машиностроении.

Экономический бум укрепил политическое самосознание и увеличил амбиции либеральной буржуазии. В 1861 г. она создает *Прогрессивную партию*. И прусский ландтаг, в котором эта партия была сильнейшей, отказал правительству в кредитах на реорганизацию армии до проведения либеральных реформ. Начался конституционный конфликт. Новый министр-президент Пруссии **О. Бисмарк** (1815—1898) в 1862 г. принял вызов «прогрессистов» и в нарушение прусской Конституции несколько лет правил без

утвержденного парламентом бюджета. Сопrotивление либералов было слабым, на что и рассчитывал Бисмарк. Они не рискнули выйти за рамки действий парламентской оппозиции.

Свое неустойчивое внутриполитическое положение Бисмарк укрепил внешнеполитическими успехами. Пруссия и Австрия в войне 1864 г. против Дании отторгли у нее немецкую землю Шлезвиг-Гольштейн, которой вначале управляли совместно. Но взявший курс на объединение страны под

эгидой Пруссии Бисмарк, умело использовав благоприятную международную ситуацию, сознательно пошел на конфликт с Веней. В *Немецкой войне* 1866 г. Австрия была разбита, и возник новый *Северогерманский союз*, объединивший все государства севернее реки Майн.

Окончательно объединение Германии завершилось в итоге *Франко-германской войны* (1870—1871). Побежденная Франция уступила Эльзас и Лотарингию и должна была выплатить огромную контрибуцию. Охваченные патриотическим пылом, южногерманские государства охотно вошли в состав единой Германии. 18 января 1871 г. в Версале была провозглашена *Германская империя*.

Созданное единое немецкое государство не стало демократическим. Появилось новое авторитарно-милитаристское государство во главе с харизматическим лидером Бисмарком. Конституция империи была продумана таким образом, чтобы лишить рейхстаг возможности реально участвовать в управлении страной. В империи однозначно доминировала победоносная Пруссия с ее порядками и традициями. Это стало тяжелой проблемой в дальнейшем, но тогда иной альтернативы просто не существовало.

Многие современники называли создание Германской империи «революцией сверху». Была реализована та мечта, которую не удалось осуществить революционерам 1848 г. Кое в чем национально-революционная Пруссия во главе с Бисмарком пошла даже дальше. Если Франкфуртский парламент не решился посягнуть на троны, то Бисмарк отважился ликвидировать три суверенные монархии — Ганновер, Гессен и Нассау, а также вольный город Франкфурт-на-Майне. Консерваторы были потрясены: революцию, которую видный политик Л. Герлах назвал «безбожным и преступным деянием», совершил один из них — Бисмарк. Юнкерство опасалось, что их добрая старая Пруссия растворится в новой объединенной Германии. Лишь к исходу 70-х годов XIX в., когда «либеральная эра» закончилась, они примирились с существованием нового национального государства.

Бисмарк занимал пост рейхсканцлера в течение девятнадцати лет. Во внешней политике он стремился прежде всего укрепить положение молодой империи на европейском континенте, выстроив для этого весьма сложную систему союзов. Но его внутренняя политика являлась полной противополож-

ностью расчетливому и прозорливому внешнеполитическому курсу.

«Железный канцлер» не понимал демократических тенденций своего времени, считая любую политическую оппозицию «врагом империи». Он вел ожесточенную, но безуспешную борьбу против левого либерализма, политического католицизма, а особенно — против организованного рабочего движения, которое с принятием исключительного закона против социалистов было запрещено в течение двенадцати лет (1878—1890). Несмотря на принятое в 80-е годы самое прогрессивное в то время в мире социальное законодательство, рабочий класс оказался неинтегрированным в немецкое государство.

В конечном счете Бисмарк пал жертвой собственной системы и в 1890 г. был отправлен в отставку. В истории Германии началась новая глава — эпоха кайзера **Вильгельма II**, под управлением которого страна и вступила в новое, XX столетие.

Часть ПЕРВАЯ

ЭПОХА МИРОВЫХ ВОЙН

Глава 1

**КАЙЗЕРОВСКАЯ ГЕРМАНИЯ
В НАЧАЛЕ XX в. (1900—1914)****Вильгельм II и его эпоха**

Кайзер Вильгельм II (1859—1941), вступивший на трон в июне 1888 г., был незаурядной личностью. Его отличали живость ума, любознательность, интерес ко всему новому. Но и неуравновешенный характер, огромное самомнение и отсутствие человеческого и политического такта. Современники злословили, что он стремится повсюду быть первым: на всяких крестинах — отцом, на каждой свадьбе — женихом, на любых похоронах — покойником. Эксцентричная манера поведения заставляла многих даже усомниться в психической нормальности императора, страдавшего явным комплексом неполноценности из-за поврежденной при рождении и полупарализованной левой руки.

Вильгельм стремился единолично определять внешнюю и внутреннюю политику Германии, выступая в роли «железного канцлера». Но из-за непостоянства характера и некомпетентности во многих вопросах личное правление кайзера на деле чаще всего выражалось в неожиданном и бесцеремонном вторжении в сферу деятельности отдельных министров. К тому же под влиянием своего окружения он был склонен

Вильгельм II

принимать спонтанные решения, не интересуясь мнением специалистов или дипломатов. Это делало немецкую политику непредсказуемой и даже опасной для других европейских держав. Великий немецкий ученый М. Вебер справедливо расценивал стиль правления кайзера как «буланжистски-бонапартистский»¹, проводимый в манере гвардейского лейтенанта, стремящегося прослыть оригиналом», и резко осуждал «династическое тщеславие и личные амбиции» Вильгельма.

В значительной мере кайзер воплощал в своей личности облик правящей германской элиты. Будучи ярким сторонником мировой экспансии и создания мощного военно-морского флота, император встречал поддержку буржуазии, а его вера во всемогущество силовой политики роднила кайзера с милитаристским прусским юнкерством. Интерес, проявляемый Вильгельмом к новациям в промышленности и торговле, и тесные связи с крупнейшими предпринимателями Германии Ф. Круппом и Ф. Штуммом позволяли рассматривать его как правителя, идущего в ногу со временем, способствующего развитию немецкой индустрии и современных технологий.

Вильгельм II имел архаично-романтические представления о роли монарха, которые не укладывались в рамки ограниченного немецкого конституционализма. Он всегда оставался сторонником приоритета монаршей власти перед парламентской системой. Это соответствовало убеждениям немецкого дворянства и поддерживалось крупной буржуазией, прежде всего магнатами тяжелой и военной промышленности. Бесчисленные парады и маневры, к которым кайзер испытывал настоящую страсть, придавали Германской империи облик оплота милитаризма, чему способствовали также громогласные и воинственные речи Вильгельма, хотя в глубине души он был человеком нерешительным и миролюбивым.

Политическая система и партии

Германская империя являлась союзным государством, в которое входили 25 самостоятельных политических единиц (четыре королевства, шесть великих герцогств, четыре герцогства, восемь княжеств, три вольных города —

¹ По имени французского генерала Ж. Буланже, возглавлявшего в 80-е годы XIX в. шовинистически-реваншистское движение против Германии.

Гамбург, Бремен и Любек) и особая провинция Эльзас-Лотарингия, управляемая имперским наместником. Коллективным носителем суверенитета являлись 22 германских монарха и сенаты трех вольных городов, но не народ или император. В ведении отдельных государств находились их конституции и избирательные системы, юстиция и административное управление, финансы, образование и культура.

Имперская Конституция, принятая в марте 1871 г., в скрытом виде обеспечивала гегемонию Пруссии, население и территория которой составляли две трети Германии. Кайзером мог быть только прусский король, который распоряжался вооруженными силами и представлял государство на международной арене. Лишь армия Баварии в мирное время подчинялась своему королю, но в случае войны и она переходила под командование кайзера.

Императору принадлежало право утверждать или отклонять все законопроекты, созывать и распускать имперский парламент — *рейхстаг*. Единственный общегерманский министр — *рейхсканцлер* — одновременно являлся министром-президентом Пруссии, отвечал за свою деятельность только перед императором, указы которого подлежали обязательному визированию канцлером. Отдельные ведомства возглавляли статс-секретари, которые по своему служебному положению были не самостоятельными министрами, а лишь помощниками канцлера. С 1878 г. все общегерманские ведомства были закреплены за соответствующими прусскими министрами.

В Союзном совете — *бундесрате*, куда входили представители всех немецких государств (61 депутат) и который исполнял высшую законодательную функцию, у Пруссии было всего 17 голосов. Но она имела право вето по наиболее важным конституционным и военным вопросам. К тому же всегда находились мелкие государства, послушно следовавшие за Берлином. В итоге ключевое положение в империи заняла высшая прусская бюрократия.

Рейхстаг как народное представительство, напротив, являлся уже политическим институтом массовой демократии, так как избирался сроком на пять лет на основе всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права. Но оно распространялось только на мужчин старше 25 лет, ибо женщины в Германии права голоса не имели. Кроме того, избирательные округа в империи были организованы по устаревшему территориальному принципу, хотя с течением времени

численность избирателей в округах значительно изменилась. В результате малонаселенный сельский округ оказался приравнен к гораздо большему по числу жителей городскому району, что ставило на выборах различные политические организации и партии в неравное положение. Так, избирательный округ Берлин-VI насчитывал около 700 тыс. жителей, а округ Шаумбург-Липпе — всего 43 тыс. жителей. Но каждый из них был представлен в рейхстаге одним депутатом.

Рейхстаг совместно с бундесратом осуществлял законодательную власть, утверждал бюджет и имел право законодательной инициативы. Но подлинным органом парламентской системы он стать не мог, поскольку не обладал правом ни назначать, ни отзывать канцлера. Поэтому в Германской империи исполнительная власть получила явный перевес над властью представительной. В итоге мощной и передовой экономической системе и соответствовавшей ей общественной структуре противостояла архаичная политическая система авторитарно-корпоративного типа. Армия и бюрократия находились вне контроля со стороны рейхстага.

Кайзеровская Германия была не только конституционным, но и партийным государством. При этом, еще не

получив настоящей парламентской демократии, империя уже имела все ее недостатки, главным из которых являлось преобладание эгоистических партийных целей над интересами всего немецкого общества.

Правый фланг общественно-политической системы империи представляли две партии. *Свободная консервативная партия* (позднее — *Имперско-консервативная*) выражала интересы крупных аграриев Восточной Пруссии и магнатов тяжелой промышленности Рейнско-Вестфальского региона. Практически она не имела широкой народной поддержки и опиралась на личный авторитет и высокий социальный престиж крупных промышленников и землевладельцев.

Немецкая консервативная партия была создана в 1876 г. ультраправыми прусскими юнкерами для борьбы за такой экономический курс государства, при котором были бы сохранены их привилегированные политические позиции и специфические интересы. Консерваторы опирались как на зажиточное крестьянство, так и на воспринявшие их социальную демагогию популистского толка средние слои в городах Восточной Пруссии, Померании и Мекленбурга. Консерваторов активно поддерживал созданный в 1893 г. *Союз сельских хозяев*, руководящее положение в котором занимали крупные аграрии.

Особое место среди немецких политических партий принадлежит созданной в 1875 г. *Социал-демократической партии Германии* (СДПГ), отстаивавшей интересы рабочего класса, а также образованной в 1871 г. католической партии «*Центр*». Партия «*Центр*» выражала не столько религиозные, сколько антипрусские настроения, широко распространенные среди населения Юго-Западной Германии, особенно Баварии. Лидирующие позиции в партии «*Центр*» занимали аристократы-католики, духовные лица и некоторые представители крупной буржуазии. Она имела внушительную поддержку мелкой и средней буржуазии, рабочих и крестьян католического вероисповедания.

Партийно-политический центр представляла *Национал-либеральная партия*, оформившаяся в 1867 г. после раскола антибисмарковской либеральной оппозиции. Она опиралась на широкие круги интеллигенции и промышленной и торговой буржуазии прежде всего в протестантских регионах страны. Партия была неоднородной, еще с середины 70-х годов XIX в. в ней противостояли друг другу левое меньшинство и праволиберальное большинство.

Принципы левого либерализма отстаивала *Германская прогрессистская партия*, выступавшая за политику свободной торговли, создание правового государства и парламентаризацию империи. По большинству вопросов «прогрессистов» поддерживала региональная буржуазно-демократическая *Немецкая народная партия* (ННП), деятельность которой ограничивалась Юго-Западной Германией.

Германская экономика

В начале XX в. экономика Германии продолжала развиваться быстрыми темпами. Если к 1900 г. ее доля в мировом промышленном производстве составляла лишь 16%, то к 1910 г. по уровню развития промышленности империя вышла на второе место в мире после США. В целом объем промышленной продукции в 1893—1914 гг. увеличился почти в полтора раза. Германия вышла и на второе после Англии место в торговле, где на ее долю приходилось 13% мирового товарооборота.

Уже на границе XIX—XX вв. в немецкой промышленности начались глубокие структурные изменения. Доля мелких предприятий (до 5 работников) неуклонно снижалась, а численность крупных (свыше 50 работников) возросла более чем в три раза по сравнению с началом 80-х годов XIX в. Хотя в общем числе промышленных предприятий они составляли всего 1,3%, на них было занято свыше 5 млн рабочих из почти 12-миллионного немецкого пролетариата, при этом 15,7% работников были заняты в машиностроении, 7,4% — в горном деле, 3,7% — в металлургии, 2,3% — в химической промышленности. Число крупных предприятий (свыше 1000 работников) увеличилось со 127 в 1882 г. до 506 в 1910 г. Продолжа-

лась массовая миграция населения из восточных сельскохозяйственных областей в индустриальные районы Центральной и Западной Германии. В 1900 г. лишь 60% немцев проживало в местах своего рождения. Численность городского населения (39 млн человек, или 60%) превысила численность сельского населения (26 млн человек, или 40%).

Растущая концентрация производства вела к ускоренному образованию картелей, число которых возросло с 210 в 1890 г. до 600 в 1911 г. Некоторые из них, достигнув огромных размеров, стали монополистами в своих отраслях. Так, Рейнско-Вестфальский каменноугольный синдикат контролировал 98% добычи угля в этом регионе и 50% — в остальной Германии. Все сталелитейные заводы объединились в гигантский Стальной трест. В электротехнической промышленности господствовали два общества — «Сименс—Хальске» и «Всеобщая электрическая компания» (АЭГ), в наиболее передовой химической — концерны «Байер», «Агфа» и БАСФ¹. На них приходилось две трети мирового производства анилиновых красителей.

Аналогичный процесс шел и в банковском деле, где в 1909 г. девять берлинских банков контролировали 83% всего банковского капитала, обладая громадной суммой в 11,2 млрд рейхсмарок. Начали возникать мощные банковские группы с разветвленной сетью провинциальных филиалов, установившие тесные связи с крупнейшими промышленными объединениями. В 1910 г. директора шести ведущих банков Берлина являлись членами руководства около 800 промышленных обществ, а в наблюдательные советы этих банков входило более 50 крупных предпринимателей.

С возникновением и развитием финансового капитала значительную роль стали играть заграничные инвестиции, прежде всего в экономику Австро-Венгрии, Турции, стран Юго-Восточной Европы и Южной Америки. По размерам вывезенного капитала (35 млрд марок) Германия сравнивалась с Францией и уступала только Англии.

Однако, превратившись в ведущую промышленную державу, Германия в политическом отношении оставалась государством авторитарного типа. Сильные политические позиции

¹ От нем. *AEG* — Allgemeine Elektrizitäts-Gesellschaft; *Agfa* — Aktiengesellschaft für Anilinfabrikation; *BASF* — Badische Anilin- und Soda-Fabrik.

сохраняло прусское дворянство. Оно доминировало в высшем административном аппарате империи, в офицерском корпусе, в сфере дипломатии. Прусские помещики (юнкера) опирались и на значительную материальную базу. Хотя число их латифундий (площадью свыше 100 га) составляло всего 0,4% от общего количества сельских владений, они охватывали 22,2% всей обрабатываемой земли, в Пруссии — около 45%, в Мекленбурге — 55% земли. В то же время 4 млн крестьян имели всего 15% обрабатываемой земли. У 58,9% хозяев были участки площадью менее 2 гектаров, у 17,6% — площадью 2—5 гектаров.

Экономические интересы юнкерства и буржуазии все более смыкались, но это не исключало резкого расхождения их позиций по многим политическим вопросам. Особенно тесные связи в рамках Свободной консервативной партии существовали между силезскими земельными магнатами и рейнско-вестфальскими представителями тяжелой промышленности. Но в целом притязания буржуазии на политическую власть всякий раз сталкивались с решительным противодействием юнкерства. Однако история многому научила германскую аристократию. Она предоставила буржуазии экономическую свободу и тем самым спасла и даже укрепила свое политическое господство.

Становление «индустриального общества»

Немецкое общество начала XX в. значительно отличалось от того, каким оно было в период образования империи. Население Германии увеличилось с 41 млн человек в 1871 г. до 67 млн человек в 1913 г. Быстрее всего росли индустриальные центры — Берлин и Гамбург, Бремен и Любек, Рейнско-Вестфальский регион и Силезия. Росту населения способствовало улучшение социальной сферы, в том числе здравоохранения, питания и условий труда. Увеличилось число крупных городов, в 1910 г. уже в 48 городах население превышало 100 тыс. человек.

Социальная структура городского населения претерпела значительные изменения. Вместе с индустрией росла и промышленная *буржуазия*, в которую входили крупные предприниматели, банкиры и торговцы. Средняя и мелкая буржуазия (средний класс) подразделялась на «старую» и «новую». Буржуазия «старая» состояла из ремесленников и мелких

торговцев, значительная часть которых с трудом сохраняла свою самостоятельность и часто влачила жалкое существование. Но мелкие собственники из всех сил старались удержаться от перехода в ряды наемных рабочих.

«Новую» буржуазию представляли служащие, число которых заметно возросло, особенно на тех должностях, которые не требовали высокой квалификации. Часть служащих материально была обеспечена не хуже чиновников среднего ранга, положение других немногим отличалось от положения квалифицированного рабочего с высокой зарплатой. Мелкие и средние служащие особенно стремились к утверждению своего социального статуса, ориентировались на образ жизни крупной буржуазии и старались дать своим детям хорошее образование с целью повысить их социальный статус.

Немецкая буржуазия была тесно связана с государством, тем более что значительную ее часть составляли чиновники. Государство регламентировало доступ ко многим, в том числе и свободным, профессиям, усиливало социальную иерархию раздачей чинов и орденов, поощряло ремесла, поддерживало стремление служащих отмежеваться от низших социальных слоев, прежде всего от рабочих.

В этот период немецкий *рабочий класс* заметно помолодел, более половины его мужской части к 1907 г. еще не достигли 30 лет. С ростом производительности труда сокращалась продолжительность рабочей недели (к 1914 г. она составляла в среднем 55 часов), но интенсивность труда неуклонно повышалась и все более жестко контролировалась. Вместе с тем росла и заработная плата, хотя это увеличение очень сильно зависело от отрасли и региона, квалификации, возраста и пола работника. Но и рост заработной платы не обеспечивал трудящимся прочного материального положения. Как и прежде, рабочим угрожала нищета в случае болезни или несчастного случая.

В начале XX в. изменился облик не только городского, но и сельского общества, причем разрыв между городом и деревней увеличился. Этому способствовала как «аграрная романтика», прославлявшая труд на земле, так и враждебное неприятие крестьянами городского образа жизни.

На вершине социальной пирамиды, как и раньше, находилось *дворянство*. При этом дискуссионным остается вопрос: было ли его положение по-прежнему прочным? Бесспорно, что в немецком обществе дворянство все еще имело высокий

социальный статус. Оно оберегало свою кастовость, исключительность и сохраняло обособленность от прочих социальных групп, даже от крупной буржуазии и сравнительно небольшой группы «новых» дворян. Но экономическая основа дворянства — крупное землевладение — в процессе индустриализации утрачивала свое прежнее значение. Политический вес дворянства определяло то, что оно прочно удерживало в своих руках ключевые должности при императорском дворе и в органах государственного управления, в сфере дипломатии и офицерском корпусе (как правило, немецкие послы, генералы, статс-секретари и министры были дворянами).

В целом положение германского дворянства в начале XX в. было довольно сложным. С одной стороны, оно стремилось оградить себя от нового, формирующегося индустриального общества. Не успевая воспринять новое, оно реагировало на это либо разочарованием, пессимизмом, либо агрессивной защитой архаичных отношений. С другой стороны, дворянству удалось сохранить свое социальное положение, материальное благополучие и отстоять свои политические позиции.

В этот период наблюдается и дальнейшее расслоение *крестьянства*, которое теперь определялось близостью или удаленностью села от индустриальных центров. В первом случае те, кто не мог существовать только за счет своего хозяйства, имели возможность найти работу в городе, продолжая вести сельский образ жизни. Во втором случае крестьянин мог надеяться на традиционный наемный труд в зажиточных сельских хозяйствах, дворянских имениях, на надомный промысел либо на миграцию в другой регион.

Число *сельских рабочих* в этот период сократилось, так как совершенствование агротехники и появление механизмов позволяли использовать меньше рабочих рук. В число зависимых работников входили дворовая челядь, большей частью не имевшая семьи, поденщики, которые работали либо за натуральную плату, либо за деньги, получая иногда небольшой участок земли для собственных нужд, и т. п.

Наконец, имелись свободные сельские рабочие, нанимавшиеся без трудового соглашения, среди которых постоянно увеличивалась доля иностранных сезонных рабочих, главным образом из русских областей Польши. Условия их труда и быта были гораздо хуже, чем даже у неквалифицированных рабочих в городах. За свой тяжелый труд они получали нищенскую плату.

Численность представителей отдельных слоев и классов можно определить лишь приблизительно. По подсчетам ученых того времени, 12 млн немецких домашних хозяйств делились следующим образом:

250 тыс. «аристократических и богатых» семей (крупные аграрии и предприниматели, высшие чиновники, врачи, некоторые лица свободных профессий, рантье);

2750 тыс. семей «высшего среднего слоя» (средние землевладельцы и промышленники, большинство чиновников, основная часть людей свободных профессий);

3750 тыс. семей «низшего среднего слоя» (средние крестьяне, ремесленники, мелкие торговцы и служащие среднего звена, мастера, высококвалифицированные и высокооплачиваемые рабочие);

5250 тыс. семей «низшего слоя» (большинство наемных рабочих, основная часть мелких служащих, обедневшие ремесленники и мелкие торговцы, малоземельные крестьяне).

В немецком обществе социальное движение происходило главным образом «по горизонтали» и гораздо реже — «по вертикали», т. е. за пределы своего слоя. В этой мобильности все возрастающую роль играло *образование*, которое позволяло детям служащих, мелких чиновников, учителей подняться над своей средой, перейти из «низшего среднего слоя» в «высший средний слой». Еще чаще дети из низших слоев, становясь служащими, переходили в «низший средний слой».

Профсоюзы и «союзы интересов»

В начале XX в. все больше людей вовлекались в сферу политики и общественную жизнь. В Германии появились первые массовые организации — профсоюзы и «союзы интересов». В то же время усиливаются противоречия между избираемым демократически рейхстагом и прусским ландтагом, в котором из-за сохранения трехклассного избирательного права доминировали консерваторы.

Уже в 80-е годы XIX в. *профсоюзы* заняли заметное место в немецком обществе. В то время социалистические и либеральные профсоюзы объединяли около 100 тыс. рабочих. В 1890 г. социалистические профсоюзы сплотились под эгидой *Генеральной комиссии свободных профсоюзов Германии*, руководителем которой стал К. Легин (1861—1920). Руководство Социал-демократической партии Германии (СДПГ) долго не желало признавать самостоятельность профсоюзов, опасаясь,

что экономический характер их деятельности приведет к усилению реформистских тенденций. Только в 1906 г. на Мангеймском съезде социал-демократов была принята резолюция о независимости профсоюзов от партии. В 1900 г. свободные профсоюзы насчитывали около 700 тыс. членов, в 1910 г. в рядах профсоюзов состояло более 2 млн человек, а к 1914 г. число членов профсоюзов возросло еще на полмиллиона.

Кроме социалистических, в Германии действовали *гирш-дункеровские профсоюзы* (названные так по имени их создателей — М. Гирша и М. Дункера), находившиеся под влиянием левых либералов. Эти профсоюзы объединяли лишь около 120 тыс. рабочих.

С 1894 г. под эгидой партии «Центр» начало действовать *христианское профсоюзное движение*, которое к 1910 г. насчитывало более 300 тыс. рабочих-католиков и имело свою главную базу в Рейнско-Вестфальском регионе.

Не только рабочие, но и другие социальные группы создавали свои организации экономической направленности. Большое влияние на политику правительства оказывали *союзы предпринимателей*. Крупнейшими из них являлись *Центральный союз немецких промышленников* (1876), политически близкий свободным консерваторам, и *Союз промышленников* (1895), который объединял представителей легкой промышленности и поддерживал национал-либеральную партию.

Если союзы предпринимателей выражали экономические интересы промышленников, то в области социальной политики аналогичную роль выполняли *союзы работодателей*, объединившиеся в общеимперские организации в 1904 г., после крупнейшей забастовки саксонских текстильщиков.

Городские ремесленники по прусскому закону 1897 г. получили право создавать так называемые принудительные гильдии, что противоречило принципу свободы промыслов. К 1914 г. около 40% всех ремесленных организаций были «принудительными», что ограничивало свободную рыночную конкуренцию.

Таким образом, в начале XX в. в Германии сформировались многочисленные «*союзы интересов*», которые оказывали влияние на политические партии, превратившиеся из элитарных групп мировоззренческой ориентации в организации, выражавшие политические и экономические интересы различных социальных слоев. Так, Немецкая консервативная партия представляла в рейхстаге Союз сельских хозяев.

В 1907 г. в стране насчитывалось свыше 500 союзов, объединявших около 5000 мелких организаций. Возросло и число членов таких союзов. Например, в деятельности Союза сельских хозяев участвовало более 300 тыс. человек. Такие массовые организации нуждались в своих бюрократических структурах и профессиональных функционерах.

Политическую активность масс отражали выборы в рейхстаг. Число голосующих постоянно росло. Если в выборах 1871 г. участвовал 51% немцев, имеющих право голоса, то в выборах 1912 г. — 85% граждан. Изменились и сами выборы. Если раньше кандидатами становились личности, популярные в своих регионах, то теперь кандидатов в рейхстаг предлагают политические партии. Избирательные схватки переросли в организованные и планомерные *избирательные кампании*, требующие значительных финансовых средств.

Чем больше политизировалось и дифференцировалось общество, тем больше различались сторонники тех или иных кандидатов. Возросла конкуренция кандидатов в депутаты рейхстага и внутри самих партий.

СДПГ превратилась в самую массовую партию рабочих и мелкой буржуазии. Она насчитывала более 1 млн членов, а количество избирателей, голосующих за социал-демократов, в 1912 г. составило 4,25 млн человек (т. е. партия набрала около 35% всех голосов).

Прочные позиции сохраняла партия «Центр». Число ее избирателей возросло к 1907 г. до 2,18 млн человек. Партия по-прежнему опиралась на католическую церковь, профсоюзы, крестьянские союзы и массовый Народный союз за католическую Германию.

Сложнее было положение либералов. Хотя число их избирателей к 1912 г. возросло почти до 3,2 млн человек, но количество мандатов сократилось из-за «распыленности» сторонников либералов по всей Германии, т. е. их малой концентрации в отдельных избирательных округах.

Большие проблемы встали перед консерваторами. Число их избирателей к 1912 г. возросло незначительно — примерно до 1,5 млн человек, но доля голосов и число мест в рейхстаге сократились. Хотя консерваторы безуспешно пытались завоевать голоса городских избирателей, они все же так и остались партией аграрных провинций Пруссии. Поскольку они не имели своих партийных организаций, то в повседневной работе опирались главным образом на Союз сельских хозяев.

В этот период заметно возросло влияние прессы, в которой наряду с партийно-политическими изданиями утвердилась массовая коммерческая печать. Благодаря доходам от рекламных объявлений, в изобилии помещаемых на страницах газет и журналов такого рода, она имела большие тиражи.

Среди идеологий важную роль в политической мобилизации масс играл *антисемитизм*, который приобрел в Германии новое содержание и формы. Взяв на вооружение расовые теории и отождествляя евреев с пороками современного капитализма, сторонники антисемитизма выражали таким образом протест против натиска индустриального мира.

Антисемитское движение возникло еще в конце 70-х годов XIX в. в лице протестантско-консервативной *Христианско-социальной партии*, созданной придворным проповедником А. Штёккером. Позже были образованы более радикальные антисемитские партии в Берлине, Саксонии и Гессене, Бранденбурге и Померании. Они умело использовали страх сельского и мелкобуржуазного городского населения перед наступлением на их интересы крупной промышленности и латифундий юнкерства. Антисемитизм давал этим слоям возможность политически высказать свой протест. Антисемитские лозунги находили широкий отклик у школьных учителей, в студенческих корпорациях, ремесленных и торговых гильдиях, в Союзе сельских хозяев.

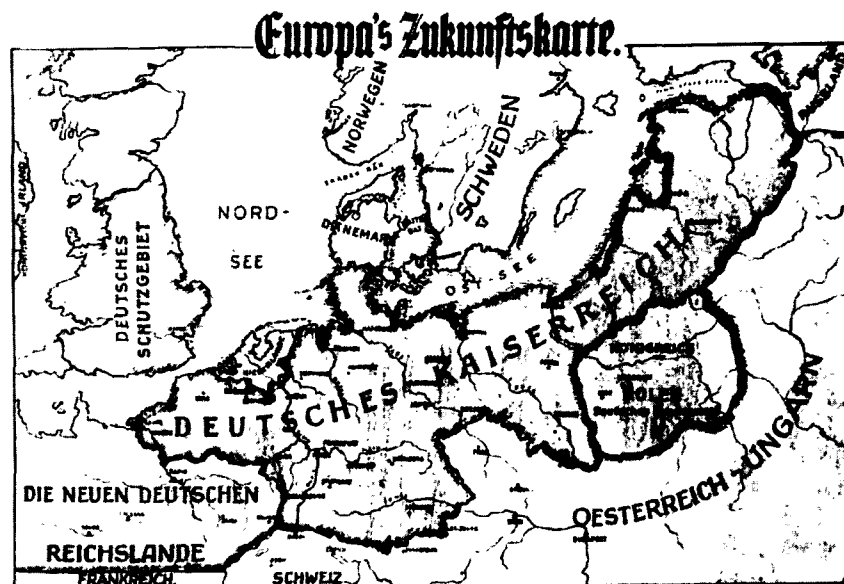
Политика государства в решении этого вопроса была весьма противоречива. С одной стороны, правительство провозгласило принцип гражданского равенства, с другой — фактически отлучало евреев от ряда административно-государственных должностей, прежде всего в дипломатической и военной сферах. Наконец, в обществе в явной или скрытой форме существовал бытовой антисемитизм, который активизировался в кризисных ситуациях.

Еще одним средством мобилизации населения Германии мог стать *национализм*, умело использующий патриотические чувства народа, его стремление к величию отечества. О его притягательной силе говорит массовый характер националистических организаций (так, Кифхойзербунд объединял 2,8 млн человек, Немецкий флотский союз насчитывал 1,1 млн членов).

Пропаганду национализма, милитаризма, широкой внешней экспансии вели многочисленные союзы и общества. Наиболее влиятельный *Пангерманский союз* (1891) не был массо-

вой организацией (насчитывал всего 30—40 тыс. членов). Но в него входило множество чиновников, благодаря которым союз имел прочные связи с государственными органами, а также журналистов, формирующих общественное мнение, университетских профессоров и школьных учителей, доносивших идеи пангерманизма до немецкой молодежи. В течение ряда лет во главе союза стоял адвокат и публицист Г. Клас (1868—1953), крайний реакционер, автор нашумевшей книги «Если бы я был кайзером». Пангерманский союз выполнял роль «национальной оппозиции» и критиковал кайзера и правительство за излишнюю, по убеждению «пангерманцев», уступчивость и недостаточно энергичную защиту жизненных интересов Германии.

«Пангерманцы» требовали создания обширной колониальной империи: присоединения к Германии стран Прибалтики, Бельгии, Люксембурга, установления сферы немецкой политической и экономической гегемонии на Балканах, в Центральной Европе, на Ближнем и Среднем Востоке. Наиболее рьяные из них расшифровывали обозначение железной дороги «три Б» (Берлин—Багдад—Басра) как Берлин—Баку—Бомбей. Они неустанно пропагандировали концепцию немцев как «народа без жизненного пространства», со всех сторон ок-

Планы Пангерманского союза

руженного врагами, война с которыми является неизбежной и к которой необходимо готовить немецкий народ.

Широкую агитацию за проведение политики внешней экспансии и создание мощного военно-морского флота развернул *Флотский союз* (1889). Эта массовая организация с многочисленными региональными отделениями в 1908 г. насчитывала более 1 млн членов, однако в основном за счет коллективного членства экстремистских организаций.

Деятельность «пангерманцев» и Флотского союза поддерживали *Немецкое колониальное общество* (1882), антипольский *Немецкий союз Восточной марки*, *Имперский союз против социал-демократии* и множество подобных организаций. Они имели филиалы на всей территории империи, выпускали огромными тиражами газеты, листовки и т. п. В этой пропагандистской литературе на все лады перепевалась главная тема — превосходство немцев над другими нациями и необходимость установления германской гегемонии во всем мире.

Немецкая семья и молодежные движения

Становление индустриального общества влекло за собой серьезные изменения в семье, особенно в положении женщин и молодежи.

Основными считались три типа семьи: крестьянская, рабочая и буржуазная. В *крестьянскую* семью, для которой было характерно единство сельского труда и домашнего хозяйства, входили как сами крестьяне с их детьми, так и челядь, батраки и поденщики. Браки в этой среде заключались довольно поздно, поскольку крестьянин обзаводился семьей обычно после получения отцовского двора. Во главе этой патриархальной семьи стоял муж и отец, для которого дети были не личностями, а скорее наследниками и работниками.

Рабочие семьи, по своей сути, также являлись патриархальными, но уже не имели характера производственной единицы. Обычно рабочие женились в возрасте 25—30 лет (т. е. позднее самостоятельных хозяев, но раньше служащих). В начале XX в. проявилась тенденция планировать семью, чтобы дать детям, число которых теперь невелико, приличное образование и тем самым обеспечить им возможность улучшить свою жизнь. Это было присуще в основном семьям квалифицированных рабочих, в то время как в семьях неквалифици-

рованных рабочих, как правило, женились раньше и рожали больше детей, продолжая архаичные семейные традиции.

В *буржуазной* семье обычно работал один муж, а жена вела домашнее хозяйство и воспитывала детей. Эта семья основывалась на эмоциональной связи мужчины и женщины, на их духовной общности. Мужчины большей частью женились к 30 годам, поскольку лишь к этому времени они завершали образование и утверждались в профессиональном плане. Хотя увеличился и средний возраст выходящих замуж женщин, но невеста была примерно на семь лет моложе жениха. В буржуазной семье к детям относились намного внимательнее, чем в крестьянской или рабочей.

В начале XX в. немецкое общество по-прежнему оставалось мужским, в котором сохранялась правовая и политическая дискриминация женщин. Но положение *женщин* все же менялось. Они стали создавать собственные организации, с 1908 г. перед женщинами распахнулись двери университетов. Накануне Первой мировой войны среди 60 тыс. немецких студентов было 4000 девушек.

Растет число работающих женщин, в 1907 г. их было уже 9,8 млн человек. В основном женщины заняты традиционным сельским трудом, но все больше работниц появляется на промышленных предприятиях. Заметно увеличилась доля женщин в сфере просвещения, в здравоохранении, торговле и банковском деле. При этом большинство работающих женщин составляли незамужние, разведенные или вдовы. Замужние немки, как правило, после рождения ребенка оставляли работу или переходили к домашнему труду.

Важнейшей целью начавшегося женского движения было признание профессионального труда женщин определяющим для их эмансипации и самоутверждения. Возникла сеть местных и региональных союзов, значительная часть которых в 1894 г. образовала

Молодые крестьяне в воскресный день
(1914 г.)

ций. Главным требованием этих объединений было установление юридического и политического равноправия мужчин и женщин. Помимо либеральных и социал-демократических, существовали также евангелические, католические и еврейские женские союзы. Особое место занимали организации националистического толка, которые шумно выступали против эмансипации, чем только содействовали популярности борьбы женщин за свои права.

В начале XX в. в Германской империи возникло ранее совершенно неизвестное явление — молодежное движение, которое открыто противопоставило свои идеи традициям вильгельмовского общества. Если родители являлись консерваторами, либералами или социалистами, то их сыновья и дочери становились националистами или нигилистами.

Националистическое молодежное движение «бюндиш» резко выступало против новых общественных явлений — современного авангардистского искусства, высмеивания общественной морали в кино, театре, литературе, против алкоголизма и курения. Главенствующей идеей движения был миф о прошлом национальном величии. Много внимания члены новых молодежных организаций уделяли сохранению и популяризации народных ремесел и обычаев, игр, танцев и песен. Они были проникнуты сельской романтикой, ставя превыше всего труд на земле. Не случайно отдельные организации выбирали

себе «романтичные» названия: «Союз башмака» (по аналогии с крестьянскими союзами начала XVI в.), «Молодежь Шилля» (герой борьбы против Наполеона), «Молодежь Кифхойзера» (гора в Тюрингии, в недрах которой, по преданию, спит Фридрих Барбаросса), «Союз артаманов», «Великогерманская молодежь».

Еще в 1896 г. в берлинской гимназии Штиглица учителем К. Фишером была создана организация, названная по аналогии с обществом кочующих школяров средневековья «Вандерфогель» («Перелетные птицы»). Это движение распространилось на всю Германию. Оно пропагандировало дух новой национальной общности и сплоченности, принципы построения рыцарских орденов, приоритет национальных ценностей и миф о создании нового человека в стиле ницшевского Заратустры. Аполитичность этого движения проявлялась в том, что главным признавались активность и динамизм его членов, но цель была неопределенной.

Молодежь отказывалась принимать новый стиль жизни с его формальными требованиями к поведению, одежде, воспитанию и протестовала против расчетливого рационализма. Члены новых молодежных организаций презирали идиологов вильгельмовской эпохи, отвергали бездуховность и помпезность, пышность и монументализм официального искусства, суету больших городов, лихорадочную погоню за прибылью. Пресыщение цивилизацией, ожидание чего-то романтического и совершенно нового стали основой того воодушевления, с которым подавляющее большинство немецкой молодежи встретило август 1914 г.: пришел долгожданный апокалипсис, несущий гибель старому миру меркантильности, лжи и лицемерия.

«Флотские программы»

Поворот во внешней политике Германии наступил после отставки «железного канцлера» О. Бисмарка. Разумеется, его преемники также видели опасность в сближении России и Франции, в возможности ведения войны на два фронта, но рассматривали это как разрешимую военно-техническую проблему, рассчитывая разгромить противников поодиночке. Кайзер и непосредственные руководители немецкой внешней политики до самого заключения англо-французского соглашения в 1904 г. полагали, что противоречия между Великобританией с одной стороны и Россией и Францией — с другой гораздо

значительнее, чем противоречия между Германией и Россией и даже Францией.

На деле оказалось, что экономические противоречия между Англией и Германией стали сильнее, чем их общее стремление воспрепятствовать русской экспансии в Азии и на Балканах. Немецкие товары успешно вытесняли английские с рынков России, Австро-Венгрии, Дании, Швеции, Румынии, Турции и других стран. Немецкие изделия из металла продавались в Великобритании по более низким ценам, чем отечественные. Началась ожесточенная конкуренция английских и немецких банков за сферы вложения капиталов в странах Латинской Америки и Дальнего Востока.

Проникновение Германии на Ближний Восток было связано прежде всего с получением в 1899 г. концессии на строительство железной дороги Берлин—Багдад, которая явилась средством включения Османской империи в сферу немецкого влияния и подрыва позиций Великобритании в этом регионе.

Еще в конце XIX в. Германия захватила в Тихом океане важные в стратегическом отношении Каролинские, Маршалловы и Марианские острова, а также часть Самоанских островов. Она прочно утвердилась на Шаньдунском полуострове, навязав Китаю крайне неравноправный договор.

Но до тех пор, пока Британия оставалась «владычицей морей», Германия, не имевшая мощного военно-морского флота, не могла рассчитывать на мировую гегемонию. Со строительством собственного флота Германия связывала все свои дальнейшие внешнеполитические планы. Инициатором и руководителем первой крупной «флотской программы» стал статс-секретарь военно-морского ведомства адмирал **А. Тирпиц** (1849—1930). Его энергичная деятельность привела к тому, что в 1898 г. рейхстаг утвердил программу строительства 19 линкоров, 8 броненосцев береговой обороны, 12 тяжелых и 30 легких крейсеров. В 1900 г. была принята новая программа, увеличившая этот план вдвое. Прусское юнкерство, для которого главным было укрепление сухопутной ар-

мии, вначале противилось «флотским программам», усматривая в них лоббирование интересов промышленной и торговой буржуазии, и согласилось на их осуществление только тогда, когда была принята и программа значительного увеличения сухопутных войск.

В 1897 г. статс-секретарем по иностранным делам был назначен **Б. Бюлов** (1849—1929), сторонник наступательной и экспансионистской внешней политики. Уже его первое выступление в рейхстаге стало сенсацией. Новый статс-секретарь откровенно заявил, что «прошли те времена, когда немец уступал одному из своих соседей землю, другому — море, а себе оставлял небо, где господствует чистейшая теория. Мы никого не хотим отодвигать в тень, но требуем и себе места под солнцем».

Угрозы Бюлова и выполняемые с немецкой пунктуальностью «флотские программы» стали вызывать беспокойство ведущих британских политиков. Некоторые из них начали говорить о необходимости превентивного нападения на пока еще слабый германский флот с целью уничтожить опасность в самом зародыше. Когда эти планы получили известность в Германии, в обществе поднялась новая сильнейшая волна антибританских настроений.

В 1906 г., когда в Англии со стапелей сошел первый сверхмощный линейный корабль «Дредноут» (по имени которого и все суда этого типа стали называться дредноутами), начался новый этап гонки военно-морских вооружений. Британцы полагали, что их успех в кораблестроении обескуражит немцев, но расчет оказался ошибочным. Вскоре в Германии был спущен на воду первый дредноут «Нассау». В 1908 г. немецкий флот имел уже 9 дредноутов (у Великобритании их было 12). К тому же меньший по численности немецкий военно-морской флот не был разбросан по всему миру, как британский. Учитывая это, Лондон принял решение иметь такое количество сверхмощных военных кораблей, чтобы их всегда было на 60% больше, чем у Берлина.

К 1913 г. Германия превратилась во вторую морскую державу мира, хотя по мощи ее военно-морской флот все еще значительно уступал британскому.

Канцлерство Бюлова

В 1900 г. на пост рейхсканцлера Германии был назначен **Бернхард Бюлов** (1849—1929), который до этого ведал иностранными делами. Он не был достаточно сведущ в проблемах

внутренней политики и социальных отношений. Поэтому глава правительства предоставил свободу действий статс-секретарю по внутренним делам А. Посадовскому, а сам занялся вопросами внешней политики.

Посадовский быстро убедился в том, что репрессивные меры против социал-демократии и профсоюзов не получают одобрения рейхстага и вернулся к политике социальных реформ с целью постепенно интегрировать рабочий класс в авторитарно-монархическое государство. В этом статс-секретаря поддержала крупнейшая в рейхстаге фракция католической партии «Центр».

Требования парламентского большинства нашли отражение в принятии трех новых законов. В 1899 г. была разрешена свобода коалиций между различными организациями. В 1904 г. рейхстаг отменил закон, разрешавший правительствам отдельных германских государств высылать из страны членов ордена иезуитов. Наконец, в 1906 г. для депутатов рейхстага было введено денежное довольствие. В свое время О. Бисмарк категорически воспротивился этому, чтобы ограничить участие социал-демократов в работе парламента. Но незаинтересованность депутатов приводила к тому, что многие из них крайне нерегулярно посещали заседания и рейхстаг часто не набирал кворума.

Посадовский провел ряд новых социальных реформ: расширился круг лиц, застрахованных от несчастных случаев; во всех общинах с численностью свыше 20 тыс. человек вводились третейские арбитражные суды; увеличивался оплачиваемый отпуск в случае болезни; запрещался детский труд и в надомном производстве; была принята имперская программа строительства жилья для рабочих, на которую ежегодно выделялось 4—5 млн марок.

В 1903—1904 гг. истек срок действия торговых договоров, заключенных Германией с Россией, Австро-Венгрией, Италией, Румынией и Бельгией. Союз сельских хозяев и консерваторы заблаговременно развернули широкую агитационную кампанию за двойное повышение тарифов на импорт зерновых культур. Поскольку парламентское большинство было настроено не так радикально, то в конечном счете тарифы были повышены, но не так сильно.

Осуществление военных программ и увеличение армии до 633 тыс. человек, проведение социальных реформ, участие в подавлении Боксерского восстания в Китае потребовали больших финансовых расходов. В результате государственный

долг Германии вырос в 1904 г. до 3 млрд марок. Ситуация не улучшилась и после введения прямого имперского (т. е. шедшего в бюджет государства) налога на получаемое родственниками наследство и некоторого повышения косвенных налогов.

Новых затрат потребовало подавление в 1904 г. восстания племен гереро и готтентотов, выступивших против немецкого господства в Юго-Западной Африке. 17-тысячный военный корпус жестоко подавил основные очаги восстания, но партизанская война продолжалась еще три года. Когда правительство потребовало дополнительные кредиты на колониальные нужды, то встретило сопротивление партии «Центр», которая осуждала суровое обращение с местным населением и настаивала на участии католических миссий в назначении колониальной администрации.

Статс-секретарь только что созданного Имперского колониального ведомства Б. Дёрнбург ответил отказом, а партия «Центр» вместе с Социал-демократической партией Германии (СДПГ) не утвердили предоставление колониальных кредитов. В ответ рейхстаг был распущен и назначены новые выборы, что означало провал социального курса Посадовского.

Выборы 1907 г. проходили под знаком жесткой борьбы проправительственных партий с партией «Центр» и СДПГ. Проведенные в обстановке обострения националистических настроений, они принесли победу союзу консервативных и либеральных партий, образовавших «бюловский», или «готтентотский», блок. Партия «Центр» все же удержала свои позиции и осталась крупнейшей парламентской фракцией, но социал-демократы потеряли в рейхстаге около половины мандатов. Однако победа на выборах консервативно-либерального блока была обусловлена прежде всего устаревшим, не отвечающим истинному соотношению сил делением страны на избирательные округа. СДПГ потеряла 38 депутатских мест, но за нее проголосовало на четверть миллиона больше избирателей, чем на предыдущих выборах. Поражение социал-демократов привело к усилению реформистских настроений в партии и прекращению полемики с ревизионистами.

«Бюловский» блок не являлся сплоченным. Либералы стремились к расширению прав рейхстага и введению в Пруссии всеобщего и равного избирательного права. Консерваторы же настаивали на сохранении существовавшего трехклассного избирательного права. Объединяло их лишь общее понимание внешнеполитических проблем.

В 1908 г. рейхстаг принял закон «О союзах и собраниях», единый для всей Германии. Права полиции по надзору за собраниями и митингами были ограничены, женщины получили возможность участвовать в работе различных организаций. Если ранее выступавшие на массовых собраниях могли пользоваться только немецким языком, то теперь полякам, датчанам и населению Эльзас-Лотарингии было разрешено говорить на родном языке.

Одновременно с этим либеральным законом в Пруссии был принят закон «Об отчуждении», по которому особая имперская комиссия получила широкие права скупать польские земельные владения (а в случае необходимости даже отчуждать их) и продавать немецким колонистам с целью усилить германизацию восточных провинций. Хотя из-за внутренних сложностей и сопротивления польского населения закон практически не применялся, само его наличие осложняло политическую жизнь Пруссии.

В конце 1908 г. рейхсканцлер Бюлов оказался в сложной ситуации, вызванной бестактностью кайзера. В октябре лондонская газета «Дейли телеграф» опубликовала интервью Вильгельма II, в котором он утверждал, что является большим другом Англии, но вынужден считаться с господствующими в немецком обществе антибританскими настроениями. Далее кайзер заявил, что война с бурами (1899—1900) велась по разработанному им плану, который он якобы послал королеве Виктории, и что именно он воспрепятствовал созданию антианглийской Континентальной лиги. Наконец, он утверждал, что Германия строит свой флот не для войны против Британии, а для действий на Тихом океане, что было направлено явно против Японии.

В Англии первая часть интервью была воспринята как доказательство глубокой вражды немцев к Великобритании, а вторая — как свидетельство надменности и высокомерия германского императора. Россия и Франция заявили официальный протест и выразили возмущения попыткой кайзера спровоцировать ухудшение их отношений с Англией.

В Германии все политические партии, даже консерваторы, потребовали, чтобы впредь император был более осмотрительным и воздерживался от необдуманных заявлений. Сторонники широкой экспансии тоже выразили сожаление, но по иной причине — чрезмерного, на их взгляд, дружелюбия кайзера по отношению к коварному Альбиону.

Следует, однако, отметить, что император в данном случае действовал достаточно корректно. Он отправил текст интервью рейхсканцлеру, спрашивая, нет ли каких-либо возражений против его опубликования. Бюлов то ли специально «подставил» кайзера, то ли, занятый массой дел, на самом деле не читал интервью, перепоручив это чиновникам иностранного ведомства, которые, естественно, не отважились на правку высочайшего сочинения, возвратив его автору с незначительными замечаниями.

При обсуждении этого скандала в рейхстаге Бюлов под огнем критики депутатов от всех партий не решился ни защищать кайзера, ни взять ответственность на себя. Свалив всю вину на Вильгельма II, рейхсканцлер заявил, что он не в состоянии отвечать за политику империи, если и впредь монарх не будет проявлять сдержанность и благоразумие. В уклончиво-трусливой позиции Бюлова кайзер не без оснований усмотрел предательство и сделал вывод о необходимости при первом удобном случае заменить рейхсканцлера, хотя и не принял прошения главы правительства об отставке. А в рейхстаге левые либералы, представители партии «Центр» и социал-демократы потребовали, чтобы отныне кабинет министров отвечал перед парламентом за свои действия.

Консервативно-либеральный блок распался в 1909 г. из-за разногласий по финансовой реформе. Для покрытия государственного долга, составившего более 4 млрд марок, и преодоления бюджетного дефицита требовалось 500 млн марок ежегодно. Реформа предусматривала введение налога на прямых наследников недвижимости и повышение косвенных налогов на потребительские товары. Против новых налогов в рейхстаге выступили левые либералы и социал-демократы, а консерваторы и партия «Центр» усматривали в налоге на наследство посягательство на полное и свободное право земельной собственности.

В рейхстаге произошла перегруппировка сил: оформился новый «черно-голубой» блок партии «Центр» и консерваторов (название происходит от традиционной черной одежды духовенства и «голубой крови» аристократии). Рейхстаг нашел выход из финансовых затруднений: вместо налога на наследство были приняты налоги на операции с ценными бумагами и на биржевые сделки.

Лишившись опоры в рейхстаге, Бюлов в июле 1909 г. подал в отставку. Необычность этой ситуации состояла в том, что впервые в Германской империи рейхсканцлер ушел со

своего поста после парламентского поражения. Новым рейхсканцлером стал образованный и трудолюбивый прусский чиновник Т. Бетман-Гольвег. Однако в отличие от энергичного и изворотливого циника Бюлова Бетман-Гольвег не обладал сильным характером, он предпочитал политику компромиссов, с трудом принимал решения и обычно подчинялся монарху, впрочем, ценившему нового рейхсканцлера как раз за это.

Правление Бетман-Гольвега

Канцлерство Теобальда Бетман-Гольвега (1856—1921) началось в обстановке кризисной ситуации. Парламентская борьба вокруг финансовой реформы показала возрастание значения рейхстага, в котором, однако, резко усилилось противостояние либералов и консерваторов. В 1910 г. все леволыберальные группы объединяются в *Прогрессивную народную партию*, которая стремится установить сотрудничество с социал-демократами для совершенствования государственного устройства путем проведения реформ.

В первую очередь речь шла о реформе прусской избирательной системы, которую в умеренном варианте пытался осуществить еще Б. Бюлов. Но когда Бетман-Гольвег предложил свой проект некоторых либеральных изменений в трехклассном избирательном праве Пруссии, то консерваторы и партия «Центр» сразу отвергли его. Вопрос остался нерешенным.

В это время обострилась и эльзас-лотарингская проблема. Имперская провинция Эльзас-Лотарингия по-прежнему не имела своих представительных органов власти и управлялась *штатгальтером* (наместником кайзера). Такая дискриминация усиливала профранцузские настроения местного населения. Поэтому канцлер выступил с предложением учредить в провинции свой парламент из двух палат, избираемых по системе, в целом аналогичной прусской. Рейхстаг согласился с этим, но проголосовал за избрание нижней палаты на основе всеобщего и равного избирательного права, с чем после бурных дебатов был вынужден согласиться и рейхсканцлер.

Однако реформа не улучшила обстановку в Эльзас-Лотарингии, что подтвердил случившийся в 1913 г. Цабернский инцидент. Причиной его явился арест командиром размещенного в городке Цаберн прусского гарнизона 28 участников массовой антипрусской демонстрации. Это было грубым нарушением закона, поскольку арест входил в компетенцию поли-

ции, но не армии. Когда же военный трибунал признал действия командира правомерными, по всему Эльзасу прокатилась волна митингов и демонстраций протеста. Поведение прусского офицерства и проявленная в связи с этим скандалом нерешительность рейхсканцлера были осуждены большинством депутатов рейхстага.

Немецкий парламент 1913 г. во многом отличался от предыдущего. На выборах 1912 г. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) далеко опередила другие партии по числу полученных голосов (4,2 млн человек). Социал-демократы стали сильнейшей парламентской фракцией, без которой уже было невозможно принимать какие-либо законы и постановления. Этот успех был обеспечен не только растущим влиянием партии в массах, но и сотрудничеством с левыми либералами. Сближение облегчалось тем, что в руководстве СДПГ появилась группа социалистов нового поколения (Г. Носке, Ф. Эберт, В. Гейне), которые считали, что к социализму можно прийти реформистским, парламентарно-демократическим путем, а не с помощью насильственной социальной революции.

Положение канцлера осложнилось. В проведении дальнейших социальных реформ он должен был опираться в рейхстаге на левые фракции, которые настойчиво требовали введения в империю парламентарной системы. Такой курс означал конфликт с консерваторами, опиравшимися на поддержку высшей бюрократии и офицерского корпуса. Отказ же от проведения дальнейших реформ мог привести только к росту противоречий и социальной напряженности в обществе, чего кабинет министров в преддверии надвигающейся войны всеми силами стремился избежать.

Консерваторы обвиняли Бетман-Гольвега в слабости, которую они усматривали в его осторожной позиции. Они считали политику рейхсканцлера губительной для страны, поскольку правительство решало задачи, достойные, по мнению консерваторов, торговца, миссионера или ученого, но не великого народа.

Леволыберальная и социал-демократическая оппозиция критиковала правительство главным образом за внутреннюю политику. Так же как и консерваторы, левая оппозиция осуждала нерешительность Бетман-Гольвега, но с противоположных позиций. Она считала, что политика рейхсканцлера недостаточно отвечает демократическим веяниям времени и слишком часто уступает давлению правых партий.

Однако компромиссность правления Бетман-Гольвега отражала не только его нерешительность, но и определенный политический курс. Правительство ставило перед собой задачу, не слишком задевая интересы консервативно-монархических кругов, приблизить к себе либеральную буржуазию и усилить позиции реформистов в социал-демократической партии.

Империя накануне Первой мировой войны

В начале XX в. Германия оказалась в центре почти непрерывно провоцируемых ею же международных кризисов, каждый из которых все ближе подталкивал Европу к большой войне.

Не сумев предотвратить создание в 1904 г. Антанты, Германия постоянно стремилась подорвать франко-русский союз, чтобы избежать угрозы войны на два фронта. Во время Русско-японской войны (1904—1905) Вильгельм II при встрече с императором Николаем II в Бьёрке (Финляндия) предложил заключить союзный договор. Российский царь согласился, однако министры убедили его в том, что такой договор будет противоречить союзу с Францией и сделает невозможным получение новых французских займов, в которых остро нуждалась Россия.

В 1909—1912 гг. Германия несколько раз предпринимала неудачные попытки обеспечить британский нейтралитет, соглашаясь взамен на сокращение своих «флотских программ». Такая политика «маятника» — попеременной ориентации то на Россию, то на Англию — свидетельствовала о том, что германская внешняя политика оказалась в тупике.

Марокканские кризисы 1905 и 1911 гг., вызванные стремлением утвердиться в Северной

Встреча германского и российского императоров в Бьёрке

Африке, показали растущую изоляцию Германии, которая определено могла рассчитывать только на поддержку Австро-Венгрии. Италия, отношения которой с империей Габсбургов явно ухудшились из-за противоречий на Балканах, формально оставаясь членом Тройственного союза, все более переориентировалась на Францию.

Чувствительный удар по германским планам утвердиться на Ближнем и Среднем Востоке нанесли две Балканские войны (1912—1913). В итоге первой из них Турция, находившаяся в сильной экономической зависимости от Германии, потеряла почти все свои территории в Европе. Вторая война закончилась поражением Болгарии, которая к этому времени сблизились со странами германского блока.

Предвидя неизбежность военного конфликта, германское руководство вело энергичную подготовку к войне. Численность армии возросла до 748 тыс. человек, было сформировано два новых корпуса и несколько полков тяжелой артиллерии, пехотным дивизиям была придана полевая артиллерия.

Германия опережала остальные европейские державы по общим военным расходам, увеличившимся с 1910 по 1914 г. почти вдвое. Но по доле национального дохода, истраченного на вооруженные силы, ее опережали Россия, Франция и Австро-Венгрия.

В сфере внешней политики Германия вряд ли смогла бы добиться большего, чем сделала ее дипломатия, допустившая ряд крупных просчетов, но объективно поставленная в такие условия, когда невозможно было разрешить противоречия между Германией и ее противниками путем переговоров. Однако если пангерманские группировки и генералитет, уверенные в своей скорой победе, рвались в бой, то либералы и сам рейхсканцлер опасались войны, не будучи столь убежденными в ее благоприятном исходе.

Таким образом, в Германии к 1913 г. резко возросла возможность общего социально-политического кризиса. Потерпел крах курс на стабилизацию положения империи, которую должны были обеспечить внешняя экспансия и ограниченная внутренняя модернизация. Кайзеровская Германия оказалась неререформируемой. Это и стало одной из главных причин, побудивших руководство страны летом 1914 г. поддержать союзную Австро-Венгрию и решиться на вступление в большую войну.

ПОД ГРОХОТ «БОЛЬШОЙ БЕРТЫ» (1914—1918)

Июльский кризис 1914 г.

Еще в 1905—1906 гг. начальник германского генерального штаба **А. Шлифен** тщательно разработал стратегический план ведения войны, которую он считал неотвратимой. Шлифен исходил из того, что Германии придется вести войну на два фронта. Учитывая, что России для проведения полной мобилизации и начала активных действий потребуется не менее шести недель, Шлифен предлагал за это время разгромить Францию, а затем, объединив практически все силы, повернуть на Восток.

Сконцентрированные на правом фланге (линия Мец — голландская граница) главные силы должны были в ходе операции продвинуться через Люксембург, Бельгию, Южную Голландию и Северную Францию до побережья Ла-Манша, окружить Париж, прижать французскую армию к франко-германской границе и устроить ей Канны XX в.

Задача более слабого левого крыла германской армии (линия Мец — швейцарская граница) состояла в том, чтобы сковать наибольшее число французских частей. Война должна была закончиться молниеносно, поэтому план Шлифена являлся первой в истории концепцией блицкрига¹. Стратегическую внезапность автор плана намеревался обеспечить нападением на нейтральные Бельгию и Люксембург. Ни высокопоставленного генерала, ни кайзера, ни политических руководителей империи не смущало такое откровенное нарушение международного права. Что же касалось Англии, то Шлифен полагал, что она может выставить только экспедиционный корпус, который не будет иметь большого военного значения.

¹ От нем. *Blitzkrieg* — молниеносная война.

К 1914 г. новый начальник германского генерального штаба **Г. Мольтке**, учитывая изменившуюся ситуацию в мире, модифицировал план своего предшественника. Теперь предполагалось сразу бросить одну армию против России и усилить левое крыло немецких войск на Западе, поскольку Мольтке опасался наступления французских частей в Лотарингии.

Кроме того, по новому плану сохранялся нейтралитет Голландии с целью использовать ее как коридор для военно-продовольственного снабжения. Был разработан также план внезапного захвата сильной бельгийской крепости Льеж.

Прямым поводом для начала международного кризиса явились события в боснийской столице Сараево 28 июня 1914 г. В этот день сербский националист убил наследника австро-венгерского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену. В Вене и Берлине это покушение сочли давно искомым поводом для нанесения удара. Начальник генерального штаба Австро-Венгрии потребовал немедленно объявить войну Сербии. Но венское правительство ставило военное выступление в зависимость прежде всего от позиции Германии, поскольку за спиной Белграда стояла Россия. В сложившейся политической ситуации война против Сербии не могла остаться локальной, а неизбежно должна была перерасти в большую европейскую.

Таким образом, решение вопроса, быть или не быть войне, зависело от позиции Берлина. Вильгельм II еще 30 июня заявил: «Теперь или никогда! С сербами надо разделаться, и притом быстро». Документы свидетельствуют, что в те решающие недели лета 1914 г. умами кайзера, генералитета, правительства и дипломатов владела одна мысль: наступил уникальный момент для начала войны, пока Германия еще имеет военное преимущество. Поэтому Берлин заверил Вену в своей полной и безоговорочной поддержке в ее выступлении против Сербии.

Окончательное решение о начале войны было принято 5—6 июля 1914 г. в Потсдаме. Там кайзер и рейхсканцлер **Т. Бетман-Гольвег** подтвердили представителям Австро-Венгрии свою решительную поддержку, даже если война против Сербии повлечет за собой вооруженное столкновение Германии с Россией. Впрочем, Вильгельм II считал, что Россия к войне пока не готова и, возможно, останется в стороне.

В те дни в Потсдаме проходили непрерывные совещания о подготовке к войне. Военный министр Э. Фалькенхайн заверил всех, что «армия готова к войне как никогда». Новый

мобилизационный план и план стратегического развертывания вступили в силу еще 1 апреля, а в военном министерстве находился заранее подписанный кайзером приказ о мобилизации.

Россия первоначально склонялась к возможному смягчению конфликта, поскольку действительно не была готова к войне. Ее перевооружение должно было завершиться только к 1917 г. Лишь 20 июля во время визита французского президента Р. Пуанкаре в Санкт-Петербург было решено, что в случае войны Россия выступит на стороне Сербии и получит полную поддержку Парижа.

Во всех этих событиях решающую роль играла Англия. Если бы она ясно определила свои действия, то Германия была бы осторожнее. Но британское правительство дистанцировалось от вспыхнувшего конфликта и заняло очень уклончивую позицию, что укрепило Вильгельма II в убеждении, что Великобритания не вяжется в войну.

23 июля Австрия предъявила сербскому правительству ультиматум, составленный в нарочито оскорбительных тонах. Принятие австрийских требований означало бы фактический отказ Сербии от политической самостоятельности. Однако сербские дипломаты, по настоянию России, где все же опасались войны, сумели дать удовлетворительный ответ на все требования (кроме допущения австрийской полиции к расследованиям антиавстрийской деятельности на территории Сербии). Даже Вильгельм II посчитал, что повода для войны больше не существует. Но в Вене полагали иначе, и 25 июля австрийский посол заявил о разрыве дипломатических отношений и выехал из Белграда. Это было началом прямого конфликта.

28 июля Австро-Венгрия объявила Сербии войну, а на следующий день начались бомбардировки Белграда. Россия, которая не желала терять свое влияние на Балканах, объявила частичную мобилизацию. В Берлине все еще надеялись на нейтралитет Англии. Но в этот же день, 29 июля, английский министр иностранных дел Э. Грей заявил немецкому послу, что если в конфликт будут втянуты Германия и Франция, то Лондон выступит на стороне Парижа. До этого момента германская дипломатия энергично провоцировала войну, но теперь она попыталась склонить австрийцев к компромиссу.

Однако такой шаг Бетман-Гольвега не устраивал военных. Начальник генерального штаба Мольтке твердо заявил о необходимости начать вооруженные действия, пока у Германии

сохраняется военное преимущество. В самой империи уже более недели проходила скрытая мобилизация. При этом надо иметь в виду, что в Германии сформировались такие военно-технические системы — транспорт, связь, службы мобилизации, развертывания и снабжения армии, — которые в случае приведения их в действие остановить было уже невозможно. Они выходили из-под человеческого контроля и начинали развиваться по своей собственной логике.

29 июля Германия заявила, что если Российская империя не отменит мобилизацию, то ее объявит и кайзеровская империя. Николай II уже был готов отступить, но теперь свое слово сказали русские генералы. 30 июля Россия начала всеобщую мобилизацию, а Германия выставила ей ультиматум с требованием прекратить военные приготовления. Получив отказ, 1 августа Германия объявила России войну. При этом немецкий кайзер и русский царь буквально бомбардировали друга телеграммами с просьбами не начинать войну.

Хотя Франция не предпринимала никаких активных действий и даже отвела от границы свои войска, 3 августа Германия объявила войну и ей. В этот же день передовые части немецкой армии вторглись в нейтральные Бельгию и Люксембург. В ответ Великобритания заявила протест и потребовала вывести войска из этих стран. Германия отказалась сделать это, и 4 августа 1914 г. Британская империя объявила ей войну. Таким образом, военный конфликт принял мировой характер.

Германия в начале войны

В жаркие августовские дни 1914 г. Германию охватил невиданный патриотический подъем. Такие же страсти бушевали в Лондоне и Париже, Вене и Санкт-Петербурге. Если еще в июле в Берлине, Кельне, Гамбурге, Мангейме и других немецких индустриальных центрах проходили многотысячные антивоенные демонстрации, то в августе начавшаяся война предстала в глазах подавляющего большинства населения как национальная и оборонительная, как борьба за само существование государства и нации. Сказались плоды многолетней националистической пропаганды. Выступая 4 августа в рейхстаге, Вильгельм II заявил: «Я не знаю больше никаких партий, я знаю только немцев». Этими словами кайзера были провозглашены согласие и установление «гражданского мира».

Среди левых сил первыми этот призыв поддержали лидеры профсоюзов, постановившие прекратить все трудовые конфликты и отказаться от стачек и забастовок. Социал-демократическая фракция рейхстага дружно проголосовала (хотя на предварительном обсуждении К. Либкнехт решительно возражал) за выделение военных кредитов и призвала рабочих отдать все силы укреплению обороны родины.

Установлением «гражданского мира» правительство Т. Бетман-Гольвега стремилось упрочить тыл и добиться необходимого единства всех слоев немецкого общества. Тем не менее в конце 1914 — начале 1915 г. в Германии произошло более 160 стачек. В правящих кругах также не было полного единства.

Неуверенность Бетман-Гольвега в успешном исходе войны заставляла его быть осторожным и воздерживаться от откровенно экспансионистских и агрессивных выступлений. Рейхсканцлер сопротивлялся применению особенно жестоких методов и средств ведения войны, опасаясь, что это увеличит число противников Германии и настроит против нее мировое общественное мнение.

Негодование реакционных сил вызывала также подчеркнутая предупредительность главы правительства по отношению к лидерам социал-демократии, в деятельности которых он с полным основанием видел лучший способ влияния на рабочий класс.

После того как стало очевидно, что война приобретает затяжной характер, перед правительством встала задача перевода всей немецкой экономики на военные рельсы. Рассчитывая по плану А. Шлифена на молниеносный разгром Франции, а затем и России, германское правительство не позаботилось о создании в стране крупных запасов стратегического сырья и товаров, не разработало подробных планов мобилизации промышленности и распределения рабочей силы. Все это пришлось делать уже в условиях военных действий.

В то же время особая структура экономики Германии позволяла сравнительно легко приспособить ее к потребностям войны. Этому способствовали: высокая степень концентрации промышленности, что обеспечивало ее быструю мобилизацию; новейшая техника, позволявшая осваивать новые виды производства; высокая квалификация и дисциплинированность рабочих. Государственный аппарат империи имел хорошие навыки управления хозяйством, так как Пруссия давно обладала значительной государственной собственностью в ви-

де железных дорог, каменноугольных шахт и месторождений селитры. Все это должно было помочь Германии выдержать длительную войну в условиях фактической блокады и недостатка собственных ресурсов.

Ахиллесовой пятой немецкой экономики было отсутствие сырья и нехватка собственного продовольствия. В таких условиях важнейшее значение приобретала торговля с нейтральными странами, от которых Антанта так и не сумела полностью изолировать Германию. Из Швеции она получала железную руду, медь и лес, из Норвегии — никель, из Швейцарии — алюминий, из Дании и Голландии — продовольствие. Хотя Германии практически до конца войны удавалось удерживать на довольно высоком уровне импорт важнейшего сырья и отчасти продовольствия, в стране широкое распространение получили эрзац-продукты (заменители). Были разработаны способы извлечения азота из воздуха и получения искусственного каучука, хлопок заменила обработанная целлюлоза, технические масла стали изготавливать из касторки и рыбьего жира. Таким образом, строгая экономия сырья и рыбьего жира. Таким образом, строгая экономия сырья, ввоз необходимого и выпуск эрзац-продуктов позволили Германии воевать в течение долгих четырех лет.

Война на Западе и Востоке

Война началась по плану А. Шлифена: правое крыло немецкой армии, продвигаясь вперед, должно было охватить левый фланг французской армии. 21 августа 1914 г. у города Шарлеруа были разбиты Пятая французская армия и английский экспедиционный корпус. После этого немецкое командование посчитало, что кампания уже выиграна, и начало нарушать предписания плана Шлифена. Часть войск осталась в Бельгии, два пехотных корпуса и кавалерийская дивизия отправились в Восточную Пруссию.

Тем не менее оставшиеся на Западе части немецких войск продвигались вперед. Проходя в день по 40—50 километров, солдаты валялись с ног от усталости, и французы нередко брали в плен спящих немецких солдат. В начале сентября германские части вышли на берега реки Марна и оказались в 70 километрах от Парижа, но не западнее его, как предполагал Шлифен, а севернее. Французскую столицу уже готовились обстреливать из сверхтяжелых крупнокалиберных орудий, в том числе гигантского монстра — «Большой Берты» — пушки ве-

сом в 98 тонн, каждый снаряд которой весил тонну. Но после четырехдневной битвы немецкое наступление было остановлено. Когда между двумя немецкими армиями возник опасный разрыв в полсотни километров, встревоженный начальник генштаба Г. Мольтке приказал отвести все армии правого крыла на 80 километров назад. Блицкриг был сорван, Париж спасен, а французы назвали это «чудом на Марне».

Теперь начался «бег к морю», когда обе стороны продвигались на север, пытаясь охватить противника с фланга. Во время этого продвижения и родился знаменитый миф о Лангемарке. 24 октября 1914 г. в местечке Лангемарк, что в Нормандии, немецкие части, состоявшие преимущественно из малообученных студентов и гимназистов, с пением национального гимна в полный рост цепями двинулись на вражеские позиции. И эта героическая атака, перед которой не было никакой артиллерийской подготовки, превратилась в бойню — погибли 11 тыс. солдат. Позднее этим мифом успешно пользовался А. Гитлер.

Война на Западе окончательно превратилась в позиционную. Фронт, который протянулся от побережья Северного моря до швейцарской границы, зарылся в систему траншей и окопов, оцетинившихся рядами колючей проволоки.

Русское наступление в Восточной Пруссии, начавшееся по просьбе Франции ранее запланированного срока и плохо подготовленное, было отражено. В битве при городке Танненберг два русских корпуса потерпели поражение, в плен попали более 137 тыс. русских солдат. Командовал Восточным фронтом отставной генерал **П. Гинденбург** (1847—1934), но фактическим организатором победы был его начальник штаба, энергичный и талантливый генерал **Э. Людендорф** (1865—1937).

Однако австро-венгерская армия терпела поражение за поражением, что вынуждало немец-

кое Верховное командование постоянно выделять войска для поддержки союзника. В таких условиях проводить большие военные операции на всех фронтах было невозможно, ибо для этого просто не хватало сил.

В 1915 г. главным стал Восточный фронт, поскольку было необходимо обеспечить безопасность промышленной Силезии, спасти Австро-Венгрию от поражения и сохранить через Балканы прямую связь с союзной Турцией. Эти цели были достигнуты. Австро-германские войска весной и летом 1915 г. отеснили русские части далеко назад. Были и дипломатические успехи: Румыния осталась нейтральной, а Болгария выступила на стороне Германии. И хотя 1915 г. оказался для воюющей Германии успешным, но общие перспективы оставались неясными, тем более что в мае в войну на стороне Антанты вступила Италия и образовался третий фронт — Южный.

В 1916 г. центр событий вновь переместился на Запад. После того как союзникам не удалось прорвать немецкий фронт в Артуа, Фландрии и Шампани, германское командование решило нанести контрудар и обескровить французскую армию. В феврале немцы начали наступление на Верден, опорную крепость всего французского фронта. Самое кровопролитное за всю войну сражение продолжалось с февраля по декабрь и не принесло победы ни одной из сторон. «*Верденская мясорубка*» стала символом всех ужасов войны. Французы потеряли 364 тыс. солдат, немцы — 338 тыс. человек.

В июне 1916 г. началось англо-французское наступление на реке Сомма с целью прорвать немецкий фронт. Бои, в кото-

рых англичане впервые в больших масштабах применили танки, продолжались до ноября, но союзникам удалось продвигаться всего на 10 километров. В сражении на Сомме погибло более 700 тыс. англичан и французов и около 500 тыс. немцев. Многочисленные человеческие жертвы были бессмысленны: сражение не принесло победы ни одной из сторон.

Однако в том же июне в ходе знаменитого «брусилковского прорыва» русской армии были фактически уничтожены австро-венгерские войска в Галиции. Воодушевленная этим Румыния, имея свои интересы в венгерской части Трансильвании, вступила в войну на стороне Антанты. Русское командование было этим недовольно, полагая, что вскоре ему придется спасать новоявленного союзника от разгрома, что впоследствии и случилось.

Становилось все яснее, что положение на фронтах медленно, но неуклонно меняется в пользу Антанты. Обвиненный в неудаче под Верденом начальник германского генштаба Э. Фалькенхайн покинул свой пост. Верховное командование возглавили победители при Танненберге — Гинденбург и Людендорф. Единственным средством добиться победы становилась радикализация методов ведения войны. С февраля

1915 г. Германия начала *подводную войну* с целью блокировать Англию и добиться ее выхода из войны.

Подводная война, которую Германия намеревалась вести на всех морях и океанах, вызвала резкие протесты нейтральных государств, чьи суда по ошибке также могли быть потоплены. 7 мая 1915 г. немецкая подводная лодка торпедировала британский океанский лайнер «Лузитания». На затонувшем корабле погибли более 1200 человек, среди которых было много американцев. Соединенные Штаты Америки пригрозили объявить Германии войну, если она не прекратит нападения на корабли. И немцы были вынуждены отступить. Но в январе 1917 г., вопреки возражениям Т. Бетман-Гольвега, подводная война возобновилась, что было уже шагом отчаяния. И когда в апреле 1917 г. в войну вступили США, их огромный экономический потенциал окончательно склонил чашу весов на сторону антигерманского блока.

В 1916 г. впервые появился шанс на заключение мира. В середине декабря рейхсканцлер заявил о готовности начать переговоры, а Президент США В. Вильсон выразил готовность выступить на них посредником. Но на самом деле ни одна из воюющих сторон о мире и не думала. Летом 1917 г. рейхстаг принял резолюцию о заключении мира по согласию, которая так и осталась декларативной. Войне было принесено уже столько жертв, что о простом восстановлении статус-кво не могло быть и речи. Каждая из воюющих стран соглашалась на установление мира только на своих условиях.

Война и экономика

Война потребовала крайнего напряжения всех сил Германской империи, усиления государственного руководства экономикой. Организацию военного производства и распределение военных заказов осуществляло Центральное управление военным хозяйством, в которое входили представители государственных органов, финансово-промышленных кругов и армии.

Если в 1915 г. *военное производство* составляло 38% всей промышленной продукции, то в 1917 г. — уже 75%. Резко возросли прибыли крупных предприятий, занятых выполнением оборонных заказов. Специальное управление военно-стратегического сырья получило право изымать сырье у мелких и средних предпринимателей и передавать его в отрасли военной промышленности.

Война потребовала и огромных *финансовых затрат*. Ежедневные расходы на нее выросли с 36 млн марок весной 1915 г. до 100 млн марок к 1917 г., что частично было связано и с начавшейся в стране инфляцией. Государственный долг возрос с 5,2 млрд марок в 1914 г. до 156,4 млрд марок в 1918 г. Все социальные расходы были значительно урезаны, а косвенные налоги возросли почти вдвое.

Однако нехватка сырья и квалифицированной рабочей силы, снижение производительности труда (ушедших на фронт мужчин на производстве заменяли работавшие по 12 часов слабосильные женщины и подростки) вели к неуклонному снижению выпуска промышленной продукции. Так, по сравнению с довоенным 1913 г. добыча угля упала с 190 млн тонн до 159 млн тонн, выплавка стали — с 16,9 млн тонн до 13 млн тонн.

Несмотря на замораживание заработной платы, постоянно сокращался национальный доход: в 1917 г. он составлял только 67% от уровня 1913 г.

В тяжелом положении находилось *сельское хозяйство*, продукция которого в первые же два года войны сократилась почти вдвое. Это катастрофически сказывалось на снабжении

не только гражданского населения, но и армии, а потому требовалось принятие особенно решительных мер со стороны государства.

Уже осенью 1914 г. была введена единая система максимальных цен на хлеб, картофель, сахар и жиры. А в начале 1915 г., несмотря на негодование и протесты крупных аграриев, была установлена хлебная монополия, когда все зерно должно было поступать в распоряжение Военного общества зерновых продуктов. Постепенно контроль за расходованием всех важнейших продовольственных продуктов перешел к Военно-продовольственному управлению, подчиненному непосредственно рейхсканцлеру.

Для наведения порядка в распределении продуктов в 1915 г. правительство было вынуждено ввести *карточки* — сначала на хлеб, а затем на все основные продукты питания (картофель, мясо, молоко, сахар, жиры). Широкое распространение получили *суррогаты*: брюква заменяла картофель, маргарин — масло, сахарин — сахар, а зерна ячменя или ржи — кофе. Все это вело к ухудшению питания. Если до войны пищевой рацион в Германии в среднем составлял 3500 калорий в день, то в 1916—1917 гг. он не превышал 1500—1600 калорий. В целом за годы войны от голода и недоедания в Германии умерло около 760 тыс. человек.

Однако некоторые непродуманные мероприятия правительства носили отпечаток трагикомичности. Так, в начале 1915 г. правительство, обеспокоенное резким сокращением запасов картофеля, распорядилось провести массовый убой свиней и разрешило ландратам, управлявшим сельскими округами, отбирать свиней у хозяев, отказывавшихся выполнять это распоряжение. С чисто немецкой обстоятельностью была проведена широкая пропагандистская кампания, в ходе которой экономисты и журналисты объявили свинью «внутренним врагом» империи, поедающим нужное людям продовольствие, а потому ослабляющим «силу сопротивления» немецкого народа. В результате весной было забито около 9 млн свиней... а уже к концу года население почувствовало явный недостаток мяса и жиров.

Война резко ухудшила и *демографическую ситуацию* в стране. В августе 1914 г. немецкая армия насчитывала около 2 млн человек, а к 1916 г. в армию было мобилизовано более 7 млн мужчин, из которых только на Западном фронте были убиты, ранены, пропали без вести или попали в плен около

2,5 млн человек. Всего же через горнило четырехлетней войны прошли 13 млн солдат и офицеров, или 20% всего населения страны. На фронтах Первой мировой войны погибли 2 млн солдат и офицеров, около 1 млн пропали без вести, 4,3 млн были ранены или искалечены.

Победы и поражения

После успешного для Германии 1915 г. военная кампания 1916 г. оказалась неудачной. На Западе немецкая армия фактически проиграла битву за Верден, на Востоке пришлось срочно спасать австро-венгерского союзника от русского наступления в Галиции и Буковине, безрезультатно закончившееся Ютландское сражение с британским флотом не позволило прорвать морскую блокаду.

Вера руководства империи и всего населения в возможность добиться военной победы намного снизилась. Правительство Т. Бетман-Гольвега, еще в 1916 г. имевшее шансы попытаться закончить войну путем переговоров, стремилось заключить сепаратный мир с Россией, которая «размышляла» и не давала определенного ответа.

На фронт Первой мировой войны

В этих условиях назначение нового командования в лице **П. Гинденбурга** и **Э. Людендорфа** было воспринято в обществе как реальный шанс на победу. Газеты и журналы прославляли их (прежде всего Гинденбурга, поскольку Людендорф предпочитал держаться в тени) как спасителей отечества. Правда, позднее острый на язык начальник штаба Восточного фронта генерал М. Хофман, показывая гостям поля под Танненбергом, всякий раз говорил: «Вот здесь фельдмаршал спал перед сражением, здесь он спал после сражения, а вот здесь — во время сражения». Но и Хофман не мог поколебать сложившийся миф о Гинденбурге-победителе. Новое Верховное командование фактически установило в Германии свою диктатуру.

Гинденбург немедленно предъявил военному министру генералу Г. Штейну свое требование за полгода удвоить производство легкого вооружения и боеприпасов, а также утроить производство орудий, пулеметов и самолетов. Все предприятия, не связанные с производством вооружений, предлагалось лишить запасов сырья и топлива, а квалифицированных рабочих — принудительно перевести на военные предприятия.

В конце 1916 г. был принят закон «О вспомогательной службе Отечеству», по которому для всех мужчин в возрасте от 17 до 60 лет *трудовая повинность в военном производстве* стала обязательной, причем менять место работы по своему желанию запрещалось. Война со стороны Германии стала приобретать *тотальный* характер. Окончательно сложилась система *государственного капитализма*, которую видный деятель Социал-демократической партии Германии (СДПГ) депутат рейхстага и главный редактор «Лейпцигской народной газеты» П. Ленш характеризовал как «военно-национальный социализм». Лидер национал-либеральной фракции в рейхстаге Г. Штреземан имел все основания констатировать, что «Германия превращается в единую военную фабрику».

Однако предложенная Гинденбургом программа «военизации» страны, выполнение которой потребовало огромного напряжения всех сил, только ускорила истощение экономики Германии, что неизбежно должно было повлечь за собой нарастание социальной напряженности. Понимая, что это грозит нарушением «гражданского мира», Бетман-Гольвег возражает против введения исключительно жестких принудительных мер. Позиция рейхсканцлера привела к резкому ухудшению его отношений с Верховным командованием, которое стало требовать от кайзера отставки главы правительства.

Опасения Бетман-Гольвега быстро подтвердились. В 1916 г. по Германии прокатилась волна антивоенных митингов и демонстраций, произошли массовые выступления рабочих в Берлине, Бремене, Штутгарте. В этой ситуации для успокоения общества рейхсканцлер предложил провести в Пруссии умеренную реформу избирательной системы, но консервативно-милитаристское окружение кайзера решительно выступило против его проекта.

Более успешным стало другое мероприятие правительства. В ноябре 1916 г. оно объявило о создании самостоятельного государства из тех польских земель, которые входили в состав России, а теперь оказались занятыми немецкими войсками. Это должно было поднять морально-политический престиж рейха. Однако создание, пока на словах, независимой Польши вызвало большую тревогу в Вене и негодование в Санкт-Петербурге. Именно решение проблемы Польши фактически сорвало переговоры о мире с Россией, которые велись с лета 1916 г.

Силы Германии были уже на исходе. Она испытывала острейший недостаток сырья и продовольствия. Неурожай картофеля в 1916 г. повлек за собой страшную «брюквенную зиму». Смертность в стране по сравнению с 1913 г. возросла на 32,3%. Тем не менее Германия продолжала увеличивать запасы ору-

жия и боеприпасов (например, месячное производство взрывчатых веществ возросло с 8 тыс. тонн в 1916 г. до 14 тыс. тонн в 1917 г.).

Консерваторы и Верховное командование продолжали отклонять все требования проведения внутривнутриполитических реформ, выдвигаемые либералами, социал-демократами и партией «Центр». Отношения левых и правых перешли в стадию открытой и непримиримой конфронтации. Бетман-Гольвег, пытавшийся примирить враждующие стороны, потерпел неудачу и по требованию Верховного командования в июле 1917 г. был отправлен в отставку.

Вначале предполагалось назначить рейхсканцлером либо Б. Бюлова, либо адмирала А. Тирпица. Но кайзеру, его окружению и Верховному командованию оба претендента казались слишком самостоятельными политическими фигурами. Поэтому рейхсканцлером стал совершенно безвестный прусский чиновник Г. Михаэлис — очень удобная марионетка для Верховного командования, одобрявшего это назначение. Военных активно поддерживала созданная «пангерманцами» в Кенигсберге осенью 1917 г. крайне агрессивная *Немецкая отечественная партия*, оплот всех реакционных политических сил.

В противовес «пангерманцам» левое крыло партии «Центр», либералы и умеренные социал-демократы образовали *Народный союз за свободу и отечество*. В него вошли представители свободных и католических профсоюзов, видные либеральные деятели, ряд известных университетских профессоров. Союз требовал заключения компромиссного мира, проведения социально-политических реформ и тесного сотрудничества с руководством СДПГ. Ближайшей же целью Народно-го союза было проведение избирательной реформы в Пруссии.

Михаэлису не удалось установить сотрудничество с парламентским большинством, и в октябре 1917 г. он был заменен бывшим премьер-министром Баварии Г. Гертлингом. Новый рейхсканцлер, долгие годы игравший активную роль в деятельности правого крыла партии «Центр», имел большой политический опыт. Были основания полагать, что он сумеет наладить отношения с либералами и умеренными социал-демократами. Весной 1917 г. представители левого крыла СДПГ обособились и создали *Независимую социал-демократическую партию Германии* (НСДПГ) во главе с К. Каутским и Г. Ледебуром. В нее на правах автономии вошла и возникшая в 1916 г.

наиболее левая революционная группа «Спартак». Раскол социал-демократии отражал растущее недовольство немецких рабочих, требовавших немедленного окончания войны. Выступления под антивоенными лозунгами прошли весной и летом 1917 г. почти во всех промышленных городах Германии. Волнения не успокоило и пасхальное послание кайзера, обещававшего после окончания войны ввести в Пруссии всеобщее и равное избирательное право. Антивоенные настроения начали проявляться в армии и на флоте, стоявшем в северогерманских гаванях.

Агония империи

Октябрьская революция 1917 г. в Петрограде и выход России из войны заметно усилили антивоенные и революционные настроения в Германии. В январе 1918 г. всеобщая политическая стачка охватила основные индустриальные центры страны: Берлин, Гамбург, Бремен, Рейнско-Вестфальский регион, Среднюю Германию. Свыше миллиона ее участников требовали заключения мира с Россией, амнистии политических заключенных, отмены военной диктатуры, улучшения продовольственного снабжения. Лишь введя осадное положение, власти через посредничество правых лидеров Социал-демократической партии Германии (СДПГ) Ф. Эберта и Ф. Шейдемана добились прекращения стачки.

После подписания в марте 1918 г. *Брестского мира* появились надежды на скорую победу и на Западе. Однако усилились и амбиции «пангерманцев», рьяно требовавших германизировать Крым и Прибалтику.

Весной и летом 1918 г. отчаявшаяся германская армия предприняла четыре мощных наступления с целью разгромить англо-французские войска до прибытия в Европу главных американских сил. В ходе третьего наступления немецкие части вновь достигли реки Марна и прошли дальше того рубежа, где они были остановлены в сентябре 1914 г. В Париже, который подвергался обстрелам из тяжелых орудий, началась паника. Но измотанные, истратившие последние резервы германские дивизии не могли выдержать контрудара англо-французских армий. 8 августа 1918 г. союзники прорвали немецкий фронт под Амьеном, а в сентябре начали методичное наступление по всему фронту, отгесняя истощенные немецкие войска, которые, несмотря на предельную усталость

после пяти месяцев непрерывных боев, отходили в полном порядке, разрушая за собой мосты и дороги.

Провал наступлений во Франции вызвал сильнейшее брожение в Германии. Экономика страны трещала по всем швам, население окончательно утратило веру в кайзера и генералитет, рабочие бастовали, началось разложение армии и флота. В стране назревал огромный социальный взрыв.

29 сентября 1918 г. на совете в городе Спа, где располагалась ставка Верховного командования, П. Гинденбург и Э. Людендорф заявили, что армия начинает выходить из повиновения и что единственное средство спасения — быстрое заключение перемирия, так как Западный фронт может в любой момент окончательно рухнуть.

Поскольку в ответ на просьбу о перемирии немцам дали понять, что дальнейшие переговоры будут вестись только с парламентским правительством, то в начале октября кайзер поручил создание нового кабинета министров принцу Максуду Баденскому (1867—1929), имевшему репутацию либерала и сторонника широких реформ. В его правительство впервые

Братание немецких и русских солдат на Восточном фронте

вошли правые социал-демократы. В ночь на 4 октября 1918 г. германское правительство направило Президенту США В. Вильсону телеграмму с просьбой о посредничестве в переговорах и 5 октября попросило *перемирия*. Германская империя была повержена.

Одновременно началась лихорадочная работа по демократизации немецкой политической системы. Но все эти меры слишком запоздали. 3 ноября вспыхнуло восстание матросов в Киле. За неделю *революция охватила всю Германию*. Попытка кайзера и Верховного командования подавить революционные выступления фронтовыми частями выявила полную ненадежность армии. Тем не менее Вильгельм II упорно отказывался отречься от престола, передать власть социал-демократам и назначить выборы в Национальное Собрание, на чем настаивал рейхсканцлер.

Не добившись результатов, Макс Баденский решился на свой страх и риск опубликовать прокламацию, в которой говорилось, будто бы кайзер отрекся от власти и назначил новым рейхсканцлером Эберта, лидера СДПГ. Узнав об этом, Вильгельм II немедленно выехал в Голландию. 10 ноября 1918 г. власть в Берлине перешла в руки социал-демократического Совета Народных Уполномоченных. Германской империи более не существовало.

11 ноября 1918 г. в силу вступило *Компъенское перемирие* с его крайне жесткими условиями. Германия в течение месяца должна была очистить от своих армий Эльзас, Лотарингию, Бельгию, Люксембург, левобережье Рейна. Она была обязана выдать победителям 5000 пушек, 25 тыс. пулеметов, 3000 минометов, 1700 самолетов и все дирижабли, 5000 паровозов, 150 тыс. вагонов, 5000 автомобилей, всю бронетехнику и химическое оружие. Германский флот должен был направиться для сдачи союзникам в указанные в соглашении порты. Это были только условия перемирия, но они ясно говорили о том, какой же мир будет продиктован побежденной и обескровленной стране.

РОЖДЕНИЕ РЕСПУБЛИКИ (1918—1923)

Германская революция

Октябрьские преобразования 1918 г., провозгласившие систему парламентарной монархии, дали массам то, чего они требовали. Но простые рабочие и солдаты пока что не почувствовали никаких перемен. Действительно, проведенная 28 октября 1918 г. конституционная реформа в основном осталась декларативной. Президент США В. Вильсон настаивал на отречении кайзера и заявлял о готовности вести переговоры только с назначенным парламентом правительством.

Революция фактически началась 28 октября с мятежа матросов в Киле, отказавшихся выполнить приказ о самоубийственном выходе в море для решающего сражения с британским флотом, и быстро распространилась по всей стране. Она не была делом рук леворадикальных агитаторов, но имела объективные причины.

«Гражданский мир», провозглашенный в августе 1914 г., мог сохраняться до тех пор, пока существовала вера в скорую победу. Но надежды улетучивались в той мере, в какой положение масс ухудшалось. Наибольшее недовольство, несмотря на относительно высокую заработную плату, проявляли рабочие военных заводов. Большинство из них прежде было занято в других отраслях промышленности, поэтому дисциплинирующее воздействие профсоюзов и партии социал-демократов сказывалось на этих рабочих гораздо слабее, чем на тех, кто продолжал трудиться на своих прежних предприятиях.

Недовольство охватило и средние слои, отказавшиеся проявлять лояльность к авторитарному режиму Германии. В ходе войны все большее число служащих и чиновников, приблизившись по своему положению к пролетариату, начали чувствовать общность материальных интересов всех трудящихся.

У ремесленников и мелких торговцев высокие цены, нехватка или даже конфискация запасов сырья, давление со стороны государства вызывали растущее чувство раздражения. Они все громче требовали скорейшего заключения мира, независимо от его условий.

Крестьяне меньше других общественных групп страдали от голода. Но у них вызывали недовольство постоянный непосильный труд, нехватка рабочей силы, низкие закупочные цены и спекуляция продуктами.

В глазах большинства немцев старый режим настолько утратил популярность, что его больше не стоило защищать. Все чаще звучало требование отречения кайзера. Кроме того, заключить мир казалось невозможным без обуздания прусского милитаризма, по мнению многих, виновного в затягивании бессмысленной войны.

Стремление к заключению мира дополнялось стремлением к желанной демократизации страны. Конкретно это выражалось в требовании созыва Национального собрания, которое могло бы заключить мир на более приемлемых условиях. Но средние слои и значительная часть рабочих не требовали большего, чем *установление мира и буржуазной демократии*.

Что же касается социальных требований, то рабочие, прежде всего горняки Рура и металлисты Берлина, выдвинули их только во второй половине декабря. В ноябре более важными и насущными представлялись иные задачи.

В германской революции было три основных этапа. П е р в ы й, очень короткий, начался 3 ноября 1918 г. восстанием матросов в Киле и закончился через неделю созданием нового правительства — Совета Народных Уполномоченных. В т о р о й этап продолжался до январских боев 1919 г. в Берлине. Т р е т ь и й этап революции закончился в апреле — мае 1919 г. поражением весенних выступлений пролетариата и падением Баварской советской республики¹.

Революция была прежде всего с т и х и й н ы м выступлением смертельно уставших от войны и лишений народных масс. Специально ее никто не готовил, более того, никто даже не ожидал таких событий. Социал-демократы, и умеренные из Социал-демократической партии Германии (СДПГ), и радикальные из Независимой социал-демократической пар-

¹ Некоторые историки считают заключительным аккордом революции восстание в Руре в марте 1920 г.

тии Германии (НСДПГ), действовали под влиянием момента, не имея четкой политической цели. В ночь с 7 на 8 ноября член НСДПГ **К. Эйсер** провозгласил в Мюнхене социалистическую республику, а в Берлине социал-демократы потребовали немедленного отречения кайзера. Утром 9 ноября прекратили работу почти все промышленные предприятия Берлина. Заполнившие улицы рабочие и солдаты стекались в центр города. Последний имперский рейхсканцлер, принц Макс Баденский, самовольно объявил об отречении Вильгельма II и передал власть лидеру СДПГ **Ф. Эберту**. Ненавидя революцию «как смертный грех», Эберт надеялся сохранить монархию с целью предотвратить хаос и угрозу гражданской войны.

Но под напором масс это уже было невозможно. 9 ноября, после полудня перед народом, собравшимся у здания рейхстага, другой социал-демократический лидер, **Ф. Шейдеман**, торжественно провозгласил *республику*. В то же время с балкона Берлинского замка руководитель левой группы «Союз Спартак» **К. Либкнехт** объявил о создании социалистической республики.

Все социалистические группировки, кроме крайне левых, выступали под лозунгом предотвращения братоубийственной гражданской войны. Поэтому Эберт предложил НСДПГ

сформировать общее правительство, в которое должен войти и Либкнехт. Но и Либкнехт, и Г. Ледебур (лидер радикального крыла НСДПГ) отказались сделать это.

10 ноября 1918 г. был создан *Совет Народных Уполномоченных* из шести человек, который опирался на поддержку берлинских рабочих и солдатских Советов. В него вошли по три представителя от СДПГ (Ф. Эберт, Ф. Шейдеман, О. Ландсберг) и НСДПГ (Г. Гаазе, В. Дитман, Э. Барт). Новое правительство, которому принадлежала вся полнота власти, сразу столкнулось с рядом трудных проблем. Прежде всего Германии угрожала реальная опасность голода, хаоса и распада на отдельные государства.

Особенностью германской революции было то, что основная борьба разгорелась не между правыми и левыми силами, чего следовало бы ожидать по логике вещей, а между умеренными левыми и крайне левыми, создавшими 30 декабря 1918 г. — 1 января 1919 г. *Коммунистическую партию Германии* (КПГ). На учредительном съезде партии царил дух революционного утопизма. Немецкие коммунисты откровенно ориентировались на российский большевизм. А врагов у революции в этот момент практически не оказалось, настолько правые были деморализованы. Уже вечером 10 ноября новый начальник штаба действующей на Западном фронте армии генерал В. Грёнер позвонил Эберту и предложил помощь

войск для борьбы против большевистской опасности. Помощь была с готовностью принята.

Совет Народных Уполномоченных сразу начал все те преобразования, которых жаждал народ. Были введены восьмичасовой рабочий день, пособия по безработице и страхование по болезни, гарантировано обязательное восстановление на работе демобилизованных фронтовиков. В стране провозглашалось всеобщее и равное избирательное право для мужчин и женщин с двадцатилетнего возраста, а также гарантировались все политические права и свободы. Была даже создана комиссия по социализации некоторых отраслей промышленности; ее возглавили известные марксистские теоретики центристской ориентации К. Каутский и Р. Гильфердинг.

Приверженность лидеров СДПГ демократии стала причиной того, что они рассматривали Совет Народных Уполномоченных как временный орган власти, нужный лишь на период революционных потрясений. Вопрос о власти и форме государства должно было решить демократически избранное Национальное Собрание. Такой вариант поддерживало руководство большинства рабочих и солдатских Советов, которые и себя рассматривали как временные организации. Лозунг спартаковцев «Вся власть — Советам!» не получил поддержки состоявшегося 16—20 декабря в Берлине всегерманского съезда Советов, на котором из 489 делегатов всего 10 человек высказались за передачу власти Советам. Съезд своей резолюцией назначил выборы в Национальное Собрание на январь 1919 г.

Но всего через несколько дней коалиция социал-демократических партий распалась. В знак протеста против того, что Эберт для усмирения взбунтовавшихся из-за невыплаты жалования матросов Народной морской дивизии призвал регулярные фронтовые части, министры-«независимцы» вышли из Совета Народных Уполномоченных. В правительстве их заменили правые социал-демократы Р. Виссель и Г. Носке. Эйфорическое настроение ноябрьских дней сменилось конфронтацией внутри социалистического рабочего движения.

Создание Совета Народных Уполномоченных немецкие рабочие рассматривали как свой приход к власти в Германии. Однако в государственном аппарате, в армии и хозяйстве не произошло никаких изменений. Новое государство базировалось на старом фундаменте. Им руководили те же люди, что и при кайзере. Так, даже спустя полгода после Ноябрь-

ской революции из 470 прусских сельских округов только одним управлял социал-демократ, остальные ландраты занимали свои посты еще со времен империи. Отсутствие реального улучшения ситуации в стране вызывало всеобщее недовольство. Начались волнения и забастовки в Рурской области и Верхней Силезии, в Саксонии и Тюрингии, в Берлине, Бремене и Брауншвайге. Трудящиеся требовали не только повышения заработной платы и улучшения продовольственного снабжения, но и социализации предприятий, сохранения рабочих Советов и даже ликвидации капиталистической системы.

Когда члены НСДПГ вышли из Совета Народных Уполномоченных, то их сторонники также стали повсеместно уходить с административных постов. Но глава берлинской полиции Э. Эйхгорн отказался сделать это и заявил, что он подчиняется не правительству, а берлинскому исполкому Советов. 4 января Эйхгорн был смещен со своего поста. В его защиту выступили лидеры левого крыла НСДПГ, берлинские революционные старосты предприятий и коммунисты, создавшие Революционный комитет. Члены комитета призвали к свержению правительства Эберта и объявили, что берут власть в свои руки. Но это было голословным заявлением, поскольку уже

6 января выяснилось, что возглавить активные боевые действия некому. Массы остались без руководителей.

Эберт обратился за помощью к Верховному командованию, но оно также не имело достаточного числа надежных воинских соединений. Однако еще в декабре 1918 г. по призыву генерала Грёнера демобилизованные офицеры начали создавать *фрейкор* (добровольческие корпуса) из фронтовиков, отвыкших от мирной жизни, из патриотически настроенных студентов; в корпуса принимали даже разного рода авантюристов и бродяг. Фрейкор и стал главной опорой правительства, которое предложило Г. Носке возглавить военные операции. Тот сразу же согласился, заявив, что не боится ответственности, потому что все равно кто-то «должен стать кровавой собакой».

Бои в Берлине начались 10 января 1919 г., и войска захватили часть опорных пунктов восставших. На следующий день в столицу вступила трехтысячная колонна фрейкоровцев, во главе которой шел сам Носке. Совершенно не подготовленное выступление было разгромлено. Погибли более 100 повстанцев, в то время как фрейкор потерял всего 13 человек.

Среди погибших оказались также руководители КПГ К. Либкнехт и Р. Люксембург. Сначала их доставили в штаб

гвардейской дивизии, который располагался в отеле «Эден». После короткого допроса было приказано отправить арестованных в тюрьму Моабит. При выходе из отеля они были жестоко избиты. По дороге Либкнехту предложили якобы из-за поломки мотора продолжить путь пешком. Через несколько шагов сопровождавший арестанта капитан выстрелил Либкнехту в затылок. Убитый был доставлен в морг как «труп неизвестного». Люксембург была застрелена прямо в автомобиле. Ее тело, завернутое в одеяло и опутанное проволокой, было брошено в Ландвер-канал и найдено только в конце мая. Эта кровавая расправа лишила КПГ руководителей. Рабочие были возмущены правительством, молчаливо одоббившим убийство.

Вслед за Берлином были жестоко подавлены рабочие восстания в Бремене, Вильгельмсхафене, Мюльхайме, Дюссельдорфе и Галле. Но 3 марта в Берлине началась всеобщая забастовка, через два дня переросшая в ожесточенные уличные бои. Носке, по приказу которого в столицу вошел 42-тысячный фрейкор, распорядился расстреливать на месте каждого, кто будет задержан с оружием в руках. В столкновениях погибли до 1500 рабочих, фрейкоровцы потеряли 75 человек. В апреле—мае правительственные войска разгромили рабочих в Брауншвайге, Магдебурге, Дрездене и Лейпциге.

На этом этапе рабочими и руководителями коммунистов была предпринята попытка превратить буржуазно-демократическую революцию в социалистическую. 13 апреля 1919 г. в Мюнхене была провозглашена *Баварская советская республика* во главе с коммунистом О. Левине. Правительство, состоявшее из членов КПГ и НСДПГ, национализировало банки, ввело рабочий контроль на производстве и в распре-

делении продуктов. Началось формирование Красной гвардии. Но авантюризм анархистов во главе с также вошедшим в руководство республики Г. Ландауэром, расстрелы заложников отвратили население Баварии от левых политиков. Не случайно именно Бавария стала оплотом правых сил и местом рождения нацизма. В начале мая Баварская советская республика пала под ударом посланной из Пруссии

Правительственные войска
у Бранденбургских ворот (1919 г.)

20-тысячной армии, а в Мюнхене красный террор предшествующих дней сменился белым террором.

В апреле 1919 г. мощное стачечное движение, в котором участвовали более 400 тыс. рабочих, охватило весь Рур. Правительство ответило не только введением осадного положения, но и тактическим маневром. Собравшийся в это время Второй всегерманский съезд Советов, которым руководили реформисты, рекомендовал установить в Германии «советскую систему». На деле предлагалось принять слегка модифицированный вариант соглашения о трудовом сотрудничестве, заключенного еще в первые дни Ноябрьской революции (1918) между крупнейшими промышленниками и социал-демократическими профсоюзами. По этому соглашению за профсоюзами признавалось единоличное право защищать интересы рабочих, предусматривались заключение коллективных договоров, а также арбитражное разбирательство спорных вопросов; на предприятиях создавались фабрично-заводские комитеты.

Так называемое *спартаковское восстание* в Берлине в январе 1919 г. означало решительный поворот в развитии революции. Бои в столице не только углубили раскол рабочего класса, но и ускорили формирование фрейкора, ставшего

Спартаковцы в Берлине (январь 1919 г.)

позднее главным очагом правой угрозы. Жестокое подавление восстания привело как к радикализации настроений части рабочих, так и к недовольству курсом правительства даже среди части его прежних сторонников. После январского восстания усиливается правый и левый экстремизм и угасают надежды на мирное социально-демократическое переустройство общества. Та парламентарно-демократическая республика, к которой стремились лидеры СДПГ, получила поддержку масс лишь тогда, когда демократия не остановилась бы перед воротами заводов и казарм, перед дверями административных учреждений и университетов, а решительно сломала бы прежние структуры. Но поскольку этого не произошло, то в немецкой историографии до сих пор обсуждается вопрос — а была ли в 1918 г. в Германии революция?

В Германии произошли события, которые в корне изменили ее политическую систему: авторитарную монархию сменила демократическая республика. Но следует признать, что в плане радикального разрыва с прошлым и коренного изменения социально-экономических условий революции как таковой не было.

Партийные силы Веймара

Веймарская республика была *многопартийным государством*, жизнеспособность которого в значительной мере определялась политическим курсом руководящих партий. Партии веймарской Германии не проявили склонности к компромиссам и готовности к сотрудничеству, так как это, разумеется, требовало отказа от некоторых принципов и постулатов. Кроме того, ни у одной из партий не было сильных и дальновидных политических лидеров (за исключением Г. Штреземана), способных поставить интересы нации выше интересов отдельных социальных слоев и классов. В конечном счете это привело к деградации партийно-парламентской системы.

Узость политического кругозора была присуща как партиям, стоявшим на республиканских позициях, так и их антидемократическим соперникам. *Социал-демократическая партия Германии* (СДПГ), например, так и не смогла окончательно освободиться от идеологических догм прошлого и безоговорочно принять то государственное устройство, в создании которого она сыграла главную роль. Принятая в 1925 г. Гейдельбергская программа показала, что СДПГ пре-

вратилась в реформистскую партию, которая тем не менее провозгласила своей целью построение социализма, хотя и эволюционным путем. Партией руководила группа функционеров, неотличимых друг от друга и старательно избегавших решительных и рискованных действий. Не случайно даже в самой партии, в которой молодежь составляла примерно 10%, называли своих лидеров «старыми бонзами».

В 20-е годы СДПГ, которая являлась главной опорой демократической республики, играла роль лояльной оппозиции. Она настолько привыкла к такому положению, что стала считать его желательным и отказывалась от заключения компромиссов, что было необходимо, если бы партия вновь захотела взять на себя государственную ответственность. Вместо того чтобы превратить партию в политическую силу, привлекательную для всех слоев населения страны, ее лидеры неутомимо твердили, что партия выражает интересы исключительно рабочего класса. На практике это означало, что они не делали ничего, что могло бы вызвать недовольство профсоюзов.

Что же касается *Независимой социал-демократической партии Германии* (НСДПГ), то эта массовая партия, численность которой превышала 900 тыс. человек, пыталась идти «третьим» путем и совместить несовместимое — сочетать власть Советов с парламентаризмом. В итоге в конце 1920 г. ее левое крыло объединилось с Коммунистической партией Германии (КПГ), а оставшаяся часть партии в 1922 г. вошла в состав СДПГ, хотя небольшие организации существовали до 1931 г.

Созданная 20 ноября 1918 г. бывшими «прогрессистами» и левыми национал-либералами *Немецкая демократическая партия* (НДП) не имела четких целей, что приводило к постоянным внутрипартийным трениям и частой смене руководства. В 1919 г. НДП была третьей по значимости партией в республике, но всего за год она потеряла половину своих избирателей. Причиной этого явилась главным образом неистребимая склонность либералов интересоваться больше абстрактными, а не волнующими массы проблемами. Поэтому избиратели все чаще рассматривали НДП как партию непрактичных интеллектуалов.

Партия «*Центр*» придерживалась гибкого парламентского курса и выступала за сотрудничество с социал-демократией. Она опиралась на самые различные социальные слои. Так, фракция «центристов» в рейхстаге состояла из профсо-

юзных функционеров, учителей, литераторов, представителей духовенства, а также из промышленников, коммерсантов, трактирщиков и крестьян. Такой социальный состав членов объясняет, почему партия «Центр» (в том числе и ее руководство) была прагматичнее и гибче, чем СДПГ, и популярнее, нежели НДП. Партия «Центр» более других была готова к компромиссам. Как выразился один из ее лидеров, Й. Йоос, партия придерживалась принципа не «или — или», а «Почему бы не то и другое?». Такая позиция делала возможным ее сотрудничество как с левыми, так и с правыми политическими силами.

Уже с 1925 г. стало очевидно, что без участия партии «Центр» невозможно никакое правительство парламентского большинства. Возросшее по этой причине самомнение партии стало представлять потенциальную опасность для демократии. Пока во главе партии стояли такие люди, как Й. Вирт или В. Маркс, опасность антиреспубликанского эксперимента была маловероятной. Но когда в 1928 г. руководителем партии стал католический теолог Л. Каас, нетерпимый к недостаткам парламентаризма и готовый искать более радикальные решения для преодоления трудностей, то курс партии явно начал отклоняться вправо.

Довольно сильная антидемократическая тенденция была присуща созданной 15 декабря 1918 г. представителем правого крыла национал-либералов Г. Штреземаном *Немецкой народной партии* (ННП). Партия в целом негативно относилась к республике, хотя и не вела против нее активной борьбы. Выдвинув лозунг «Что хорошо для промышленности, то хорошо и для нации», она выражала интересы крупного капитала. Не случайно членами ее парламентской фракции были крупнейшие немецкие предприниматели Г. Стиннес и А. Фёглер, а в 1930 г. 10 депутатов от ННП занимали в различных предприятиях 77 директорских постов.

После смерти в 1929 г. Штреземана, по мере сил стремившегося ослабить прямое влияние промышленных кругов на партию, его преемники — сперва председатель парламентской фракции Э. Шольц, а затем адвокат Э. Дингерлей — проводили все более антидемократический курс, сближаясь с *Немецкой национальной народной партией* (НННП) — открытым противником Веймарской республики.

Созданная 24 ноября 1918 г. из бывших консервативных партий кайзеровской Германии, НННП выражала интересы

рейнско-вестфальских магнатов тяжелой промышленности, восточнопрусского юнкерства, высшей бюрократии и офицерского корпуса. Она стала оплотом всех антиреспубликанских, националистических и монархических политических сил, настаивая на ревизии Версальского договора и реставрации династии Гогенцоллернов. Когда в 1928 г. во главе партии встал бывший член дирекции крупновского концерна, владелец газетной империи и крупнейшей немецкой киностудии «УФА»¹ А. Гугенберг, человек огромного самомнения и невиданного упрямства, партия окончательно перешла на экстремистские, праворадикальные позиции. И потому вполне логично, что политические интриги НННП завершились ее союзом с национал-социалистами.

По большинству вопросов националистов поддерживала созданная 12 ноября 1918 г. региональная *Баварская народная партия* (БНП), которая формально считалась отделением партии «Центр», но фактически была гораздо правее.

Новым явлением в партийно-политической структуре Веймарской республики стало создание в Мюнхене в январе 1919 г. *Немецкой рабочей партии*. Свое окончательное название — *Национал-социалистическая немецкая рабочая партия* (НСДАП)² — эта партия фашистского типа получила в феврале 1920 г. после принятия официальной программы «25 пунктов». В 1921 г. партию возглавил неудавшийся художник австрийского происхождения, участник Первой мировой войны, человек с сильной волей и необычайной интуицией А. Гитлер (1889—1945).

Программа «25 пунктов» требовала отмены Версальского и Сен-Жерменского (с Австрией) мирных договоров, объединения всех немцев в единую Великую Германию, изгнания из нее «инородцев», прежде всего евреев. Многие положения программы были созвучны настроениям народных масс. Они предусматривали запрет нетрудовых доходов, национализацию крупных трестов, ликвидацию земельной ренты и спекуляции землей, сдачу крупных универмагов в аренду мелким торговцам по низким ценам. Лозунг партии «Общее благо выше личной выгоды» звучал совершенно по-социалистически. Дальней-

¹ От нем. *UFA* — *Universum Film AG*.

² От нем. *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*. В отличие от сокращенных названий других партий в отечественной литературе принята аббревиатура НСДАП — от немецкого сокращения *NSDAP*.

видный Гитлер настоял на включении в программу пункта о необходимости создания сильной централизованной государственной власти и ограничении прав отдельных немецких земель. Но основными принципами нацистской идеологии являлись ненависть к демократии, антисемитизм, славянофобия, антимарксизм. Эта идеология основывалась не на рациональной логике, а на слепой вере в непререкаемые догмы.

Существование в Веймарской республике множества политических партий объясняет, почему с 1919 по 1928 г. в ней сменилось 15 правительств, ни одно из которых не продержалось более 18 месяцев. Это происходило потому, что в рейхстаге было представлено слишком много партий, так что любой кабинет министров мог быть только *коалиционным*. К тому же число возможных коалиций было ограничено, поскольку социал-демократы и националисты наотрез отказывались сотрудничать.

Практически действующими могли быть только два коалиционных правительства: с участием СДПГ и других крупных партий «левее националистов» или с участием националистов и партий «правее социал-демократии». Но и эти потенциально возможные коалиции полностью зависели от благосклонности высших партийных функционеров, постоянно оказывавших давление на своих министров, шла ли речь о внепарламентских интересах партий или о пропагандистских кампаниях, которые время от времени развертывали партийные лидеры.

В таких условиях партийно-парламентарную систему Веймарской республики все чаще сотрясали *правительственные кризисы*, которые озлобляли избирателей, и без того не испытывавших особой любви к демократической системе, навязанной, по их убеждению, Германии западными странами.

Веймарская конституция

Выборы в Национальное Собрание Германии состоялись 19 января 1919 г. По сравнению с последними довоенными выборами 1912 г., когда право голоса имели 22,2% населения рейха (14,4 млн человек), теперь избирательное право имели 63,1% населения (36,8 млн человек). Такой рост числа избирателей объяснялся тем, что впервые в немецкой истории к избирательным урнам были допущены женщины, а возрастной избирательный ценз был снижен с 25 до 20 лет. Более того, 9,6% избранных депутатов составляли женщины.

Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) получила 11,5 млн голосов и 165 мандатов, став самой крупной парламентской фракцией. Независимая социал-демократическая партия Германии (НСДПГ) получила всего 2,31 млн голосов и провела в парламент 22 депутата. Компартия, оставшаяся верной лозунгу «*Вся власть — Советам!*», в выборах не участвовала.

Среди буржуазных партий наибольший успех выпал на долю партии «Центр», которая вместе с Баварской народной партией (БНП) получила 5,98 млн голосов и провела в парламент 91 депутата. Вплотную за ними следовала Немецкая демократическая партия (НДП), получившая 5,64 млн голосов и занявшая 75 депутатских мест. Немецкая национальная народная партия (НННП) вынуждена была довольствоваться 44 местами в парламенте. Аутсайдером стала Немецкая народная партия (ННП), за которую проголосовали 1,34 млн человек, что принесло ей 19 мандатов. Остальные 7 депутатских кресел заняли кандидаты от мелких партий и организаций.

Вопреки ожиданиям и расчетам, результаты выборов не принесли СДПГ абсолютного большинства в парламенте, на которое надеялась партия. Вместе с «независимцами» она получила 45,5% голосов избирателей, а буржуазные партии набрали в общей сложности 54,5% голосов. Следовательно, будущее правительство могло быть только коалиционным. В итоге переговоров была создана *веймарская коалиция* из СДПГ, НДП и партии «Центр».

Спустя месяц после выборов первый демократически избранный немецкий парламент открыл свои заседания в тихом Веймаре¹. Первым президентом республики был избран Ф. Эберт. Через два дня он поручил Ф. Шейдеману сформировать первое легитимное правительство, в которое вошли 6 министров от СДПГ и 6 — от НДП и партии «Центр». Министерство иностранных дел возглавил беспартийный У. Брокдорф-Рантцау.

Важнейшими задачами парламента и правительства являлись заключение мирного договора и принятие Конституции. После полугодового обсуждения в различных инстанциях Национальное Собрание 31 июля 1919 г. утвердило Конституцию. Против принятия ее голосовали националисты, «независимцы», а также представители ННП и БНП. Для одних

¹ Поэтому республика и получила название — Веймарская.

она была слишком левой, для других — чересчур правой. После подписания ее президентом 14 августа 1919 г. Конституция Веймарской республики вступила в силу.

«Отцы» Веймарской конституции, главную роль среди которых играл статс-секретарь внутренних дел, профессор государственного права, член НДП и убежденный демократ Г. Пройс, не последовали мудрому совету выдающегося французского дипломата наполеоновской эпохи Ш. Талейрана, утверждавшего, что конституции должны быть короткими и туманными. Вместо этого с чисто немецким педантизмом была создана рассчитанная на все случаи и времена Конституция, которая состояла из 181 статьи и не оставила без внимания ни одну сферу деятельности государства и общества.

В качестве основополагающего принципа организации немецкого государства Конституция провозгласила народовластие, когда «государственная власть исходит от народа», который может выражать свою прямую волю путем референдума. Конституция гарантировала соблюдение основных демократических прав и свобод, «защиту труда» и «обеспечение достойного человека существования» в той мере, в какой слова могут вообще что-либо гарантировать. Сохранив незыблемость частной собственности, Конституция одновременно объявила, что «собственность обязывает» и что пользование ею должно быть «служением общему благу», а потому в случае необходимости отдельные предприятия и даже целые отрасли промышленности могут быть социализированы.

Президент Фридрих Эберт обходит строй почетного караула

Главным законодательным органом республики являлся избираемый всеобщим голосованием сроком на четыре года *рейхстаг*, который большинством голосов утверждал *рейхсканцлера* и *правительство*, ответственное перед парламентом. Однако принятая в целях предотвращения необоснованной потери голосов депутатов система пропорционального представительства и голосования списком привела к плачевным результатам. Она способствовала появлению многочисленных небольших партий (так, в выборах 1930 г. участвовало 28 политических партий), что осложняло положение правительства.

Национальное Собрание не утвердило предложение Пройса превратить Германию в единое централизованное государство, а земли преобразовать в провинции. По настоянию партии «Центр» и правительство ряда немецких земель страна осталась *федерацией*, а в парламенте была учреждена вторая палата — *рейхсрат*, состоявший из представителей земель (в нем 26 мест из 66 принадлежало Пруссии). Права рейхсрата были довольно номинальными. Хотя он был призван исполнять контрольные функции, но его право вето утрачивало силу, если рейхстаг вторично подтверждал свое решение.

Главой государства являлся *президент*, избираемый на семь лет всеобщим голосованием и обладавший чрезвычайно широкими полномочиями. Он назначал и увольнял рейхсканцлера и министров, имел право досрочно распускать рейхстаг и назначать новые выборы, а также объявлять референдумы. Президент являлся главнокомандующим вооруженными силами и представлял государство на международной арене.

В одном отношении президент имел больше власти, чем даже в прошлом кайзер. Согласно 48-й статье Конституции, в случае возникновения чрезвычайной ситуации глава государства получал право издавать декреты без согласия рейхстага, применять для наведения порядка войска, приостанавливать действие статей о пра-

Гуго Пройс

вах и свободах граждан и в случае необходимости даже экспроприировать частную собственность.

Правда, по Конституции в случае несогласия рейхстага решения президента о принятии чрезвычайных мер теряли силу. Нередко в исторической литературе утверждается, будто бы президент был полностью независим от рейхстага. Однако 43-я статья Конституции гласила, что двумя третями голосов рейхстаг имел право вынести на референдум вопрос о досрочном прекращении президентских полномочий. Если это предложение депутатов не находило одобрения, то рейхстаг подлежал роспуску. Статья о диктаторских полномочиях президента была включена в Конституцию, чтобы иметь возможность стабилизировать положение в случае революционных потрясений. На деле оказалось, что применение этой статьи не повысило политическую безопасность, а стало оружием антиреспубликанцев.

И все же нельзя отрицать, что в то время Веймарская конституция была с а м о й д е м о к р а т и ч е с к о й в мире. Казались, нет людей более свободных, чем немцы, нет правительства более демократического и либерального, чем немецкое.

Версальский диктат

18 января 1919 г. в Париже открылась мирная конференция 27 союзных и присоединившихся государств, посчитавших, что окончание Первой мировой войны должно быть оформлено официально. Будущую судьбу Германии победители решали без ее участия. Немецких представителей пригласили только в конце заседаний, чтобы вручить им текст договора, который Германия могла или принять, или отклонить. До этого веймарское правительство, поскольку Германия стала демократической республикой, рассчитывало на мирный договор с некоторыми территориальными потерями и умеренной контрибуцией.

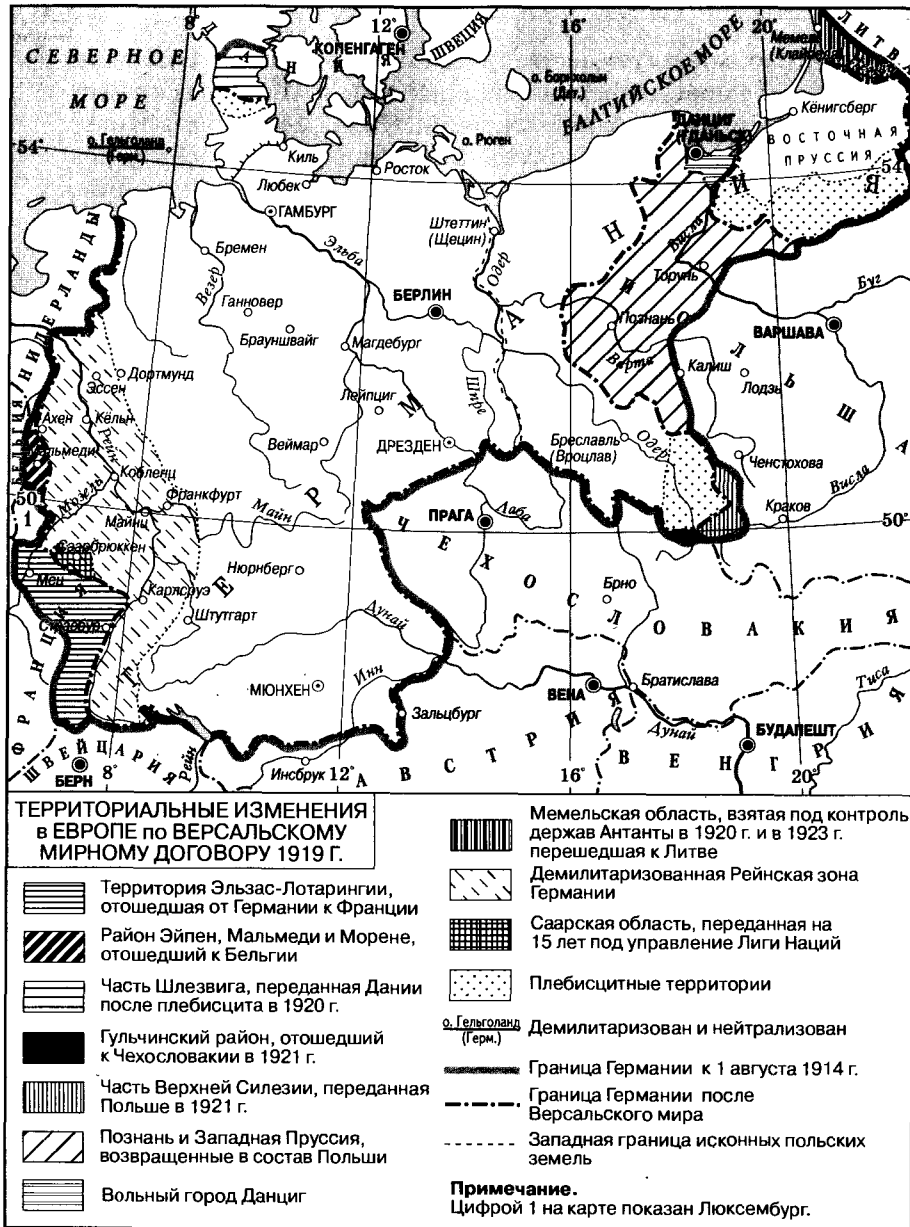
Иллюзии развеялись, когда 7 мая победители объявили свои условия. Немцы готовились к худшему, но такого не ожидал никто. Требуемые территориальные уступки превышали самые пессимистические предположения. Германия *теряла все колониальные владения*. Эльзас-Лотарингия возвращалась Франции, Северный Шлезвиг — Дании (после плебисцита). Бельгия получила округа Эйпен и Мальмеди и область Морене, где 80% населения были немцами. Новое Польское государст-

во получило основную часть провинции Познань и Западной Пруссии, а также небольшие территории в Померании, Восточной Пруссии и Верхней Силезии. Чтобы обеспечить Польше выход к морю, в районе устья реки Висла был создан коридор, отделивший Восточную Пруссию от остальной Германии. Немецкий Данциг был объявлен «вольным городом» под верховным управлением Лиги Наций, а угольные шахты Саарской области были временно переданы Франции. Левобережье Рейна оккупировали войска Антанты, а на правом берегу была создана демилитаризованная зона шириной в 50 километров.

В целом Германия теряла 13,5% территории (73,5 тыс. квадратных километров) с населением в 7,3 млн человек, из которых 3,5 млн человек были немцами. Эти потери лишали Германию 10% ее производственных мощностей, 20% объемов добычи каменного угля, 75% запасов железной руды и 26% выплавки чугуна. Реки Рейн, Эльба и Одер объявлялись свободными для прохода иностранных судов. Германия была обязана передать победителям почти весь военный и торговый морской флот, 800 паровозов и 232 тыс. железнодорожных вагонов. Общий размер *репараций* должна была позднее определить специальная комиссия, а пока Германия обязывалась уп-

Демонстрация против Версальского мира (Берлин, май 1919 г.)

латить странам Антанты контрибуцию на сумму 20 млрд золотых марок в основном в виде угля, скота (в том числе 140 тыс. молочных коров), различной продукции химико-фармацевтической промышленности, в том числе красителей. Суровость условий договора образно объяснил французский премьер-министр Ж. Клемансо, пообещавший своему народу, что «боши заплатят все до последнего гроша». В то же время британский министр У. Черчилль едко заметил, что «экономические статьи договора были злобны и глупы до такой степени, что становились явно бессмысленными».

Версальский договор практически *разоружал Германию*. Ее армия не должна была превышать 100 тыс. добровольцев, зачисляемых на долгосрочную службу, а флот — 16 тыс. человек. Германии запрещалось иметь самолеты, дирижабли, танки, подводные лодки и суда водоизмещением более 10 тыс. тонн. Ее флот мог включать 6 легких броненосцев, 6 легких крейсеров, а также по 12 эсминцев и торпедных катеров. Такая армия была пригодна для полицейских акций, но не для обороны страны. Кроме того, 895 немецких офицеров во главе с самим кайзером были объявлены военными преступниками, подлежащими выдаче. Впрочем, союзники не особенно настаивали на выполнении этого требования, отлично сознавая его нереальность, поскольку такого в истории еще не было.

Наконец, 231-я статья Версальского договора возлагала на Германию и ее союзников полную и единоличную *ответственность за развязывание Первой мировой войны*.

Немецкая сторона единодушно отвергла эти жесткие условия. Рейхсканцлер Ф. Шейдеман официально заявил об отказе от подписания договора, если в него не будут внесены существенные изменения. Но союзники настаивали на безоговорочном выполнении своих требований. Заявив, что «пусть отсохнет рука, подписавшая такой договор», Шейдеман подал в отставку. Кабинет министров покинули и представители от Немецкой демократической партии (НДП). Новое правительство сформировал социал-демократ Г. Бауэр, занимавший до этого пост министра труда.

В условиях продолжающейся блокады страны и под давлением угрозы со стороны победителей, что они возобновят военные действия, если Германия не примет предложенные условия, большинство депутатов Национального Собрания согласились на подписание договора.

28 июня в Версаль приехали два полномочных представителя Германии — министр иностранных дел Г. Мюллер (СДПГ) и министр почты и транспорта И. Белль (партия «Центр»). Церемония подписания договора проходила в том самом Зеркальном зале Версальского дворца, где в январе 1871 г. была провозглашена Германская империя. Как тогда, так и теперь Версаль стал символом триумфа победителя и унижением побежденного, который должен не только платить, но и пресмыкаться перед победителем. Известный философ и историк Э. Трёльч отмечал, что «Версальский договор — это воплощение садистски-ядовитой ненависти французов, фарисейски-капиталистического духа англичан и глубокого равнодушия американцев».

Но при всей тяжести экономических последствий Версальского договора не они повлияли на дальнейшую судьбу Веймарской республики, а то, что в Германии возобладало чувство унижения, которое способствовало появлению настроений национализма и реваншизма. В Версале британский премьер-министр Д. Ллойд Джордж пророчески заявил, что главная опасность заключаемого договора в том, что «мы толкаем массы в объятия экстремистов».

Среди победителей имелись различные мнения относительно будущего Германии. Франция, прежде всего ее генералитет, требовала вновь раздробить Германию на множество мелких государств и поддерживала любые сепаратистские выступления. Американцы склонялись к тому, чтобы безо всяких оговорок признать демократическую Веймарскую республику. Но был избран третий путь, фактически разрушительный. По Версальскому договору Германия осталась единым государством, но беспомощным в военном отношении, экономически разоренным, политически униженным. Такое решение не отличалось дальновидностью. Для того чтобы уничтожить Германию, договор был слишком мягким, для того чтобы просто наказать ее — слишком унижительным.

С немецкой точки зрения, договор был «Версальским диктатом» победителей. Большинство населения восприняло демократию как чужеземный порядок, навязанный западными странами. Роковым стало то, что борьба против Версаля означала и борьбу против демократии. Политических деятелей, которые призывали к сдержанности и компромиссу с Западом, немедленно обвиняли в позорной слабости, а то и в преда-

тельстве. Это и была та почва, на которой в итоге вырос тоталитарный и агрессивный нацистский режим.

9 июля 1919 г. Национальное Собрание ратифицировало Версальский договор («за» было подано 208 голосов, «против» — 115), а 10 января 1920 г. он вступил в силу.

Во второй половине 1919 г. казалось, что Веймарская республика упрочила свое положение. Спала волна революционных выступлений, начался некоторый экономический подъем, снизилось число безработных, голод «смягчили» поставки американского продовольствия. Но республике угрожала теперь опасность не слева, а справа. Унизительное бремя Версаля, нерешенные экономические проблемы, безрадостная повседневность вели к серьезным изменениям в настроении людей, которые все внимательнее прислушивались к агитации националистов.

Требуемое союзниками сокращение вооруженных сил прежде всего касалось фрейковровцев, которые упорно сражались в Силезии против поляков, а в Латвии — против советской Красной армии. Теперь они не без основания считали, что презираемое ими республиканское правительство просто предало их, распорядившись расформировать фрейкор.

В ответ фрейковровцы начали готовить военный переворот, который возглавил крупный восточнопрусский землевладелец В. Капп, игравший в 1917 г. видную роль в Отечественной партии. Среди руководителей заговора, получившего название *Капповский путч*, были также командующий берлинским военным округом генерал В. Лютвиц, бывший глава берлинской полиции Т. Ягов и капитан В. Пабст — организатор убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург. Тесную связь с ними поддерживал генерал Э. Людендорф, который, однако, предпочитал оставаться в тени. За спиной капповцев стояли также крупные рейнско-вестфальские промышленники и банкиры.

10 марта 1920 г. Лютвиц вручил президенту Ф. Эберту ультиматум, требуя роспуска Национального Собрания, пере выборов президента, отказа от сокращения армии, передачи вооружений Антанте. Лютвиц мотивировал требования тем, что армия и фрейкор необходимы для борьбы против большевизма. Эберт отверг ультиматум и предложил генералу добровольно подать в отставку. Но когда через три дня правительство решилось на арест заговорщиков, то оказалось, что в его распоряжении нет сил, способных выполнить такой приказ.

Хотя командующий рейхсвером генерал В. Рейнхардт стоял на стороне правительства, войска подчинялись не его приказам, но распоряжениям начальника общевойскового управления, а фактически начальника штаба рейхсвера генерала Х. Секта, имевшего большой авторитет у военных. Сект открыто заявил президенту, что «солдаты в солдат стрелять не будут», а правительство должно поискать себе других защитников. Президенту и кабинету министров не оставалось ничего другого, кроме бегства сначала в Дрезден, а оттуда в Штутгарт.

Сумрачным ранним утром 13 марта 1920 г. в Берлин вошла главная ударная сила путчистов — морская бригада капитана 2-го ранга Г. Эрхарда. На касках солдат этой части красовалась свастика. Не встретив никакого сопротивления, бригада расположилась лагерем в центре столицы, у Бранденбургских ворот. Здесь Эрхарда приветствовали Капп, Лютвиц и Людендорф, вышедший «подышать свежим воздухом». Путчисты объявили о создании нового правительства во главе с Каппом, ввели осадное положение и закрыли все оппозиционные газеты.

Президент и правительство вместе с профсоюзами призвали население к защите республики и всеобщей забастовке. После некоторых колебаний их поддержали и коммунисты. Забастовка, в которой участвовали более 12 млн человек, па-

Капповский путч (Берлин, март 1920 г.)

рализовала всю страну. Не работали транспорт, промышленные предприятия, электростанции, коммунальные службы, закрылись все учебные заведения и большинство магазинов, перестали выходить газеты. Берлинское чиновничество скрыто саботировало распоряжения руководителей путча, которые к тому же просто не знали, что делать дальше.

Когда до Каппа дошли сведения о том, что в ряде частей берлинского гарнизона назревает недовольство мятежом, глава правительства, испугавшись, бросил своих соратников на произвол судьбы и 17 марта бежал в Швецию. Генерал Лютвиц спешно выехал в Венгрию, где и скрывался в течение пяти лет. Путч потерпел полный крах.

Но он повлек за собой одно значительное последствие. Всеобщая забастовка приобрела такой размах, что пробудила у коммунистов надежду на новый революционный подъем. Созданная в Руре Красная армия, которая насчитывала до 80 тыс. вооруженных рабочих, разбив путчистов, взяла под свой контроль район восточнее Дюссельдорфа.

Чтобы овладеть положением, Эберт был вынужден призвать на помощь именно тех людей, которые неделей раньше отказали ему в защите. Генералу Секту, ставшему командующим армией, даются диктаторские полномочия и поручается навести порядок. В Рур были введены участвовавшие в капповской аванюре части фрейкора. Теперь им было на ком выместить свое озлобление. В начале апреля 1920 г. восстание было подавлено.

Еще до окончания боев в Руре Эберт заменил скомпрометировавшее себя беспомощностью правительство Бауэра и 27 марта назначил рейхсканцлером Г. Мюллера. Не сумевший удержать генерала Лютвица под своим контролем Г. Носке покинул правительство. Новым военным министром стал О. Гесслер, представитель правого крыла НДП.

Казалось, что перед Веймарской республикой открываются прекрасные шансы для консолидации. Но выборы в рейхстаг 6 июня 1920 г. стали для нее катастрофой. Все три партии веймарской коалиции понесли сокрушительные потери. Прежде всего полное поражение потерпела НДП, беспомощность лидеров которой не прошла для партии даром. Теперь за нее проголосовали лишь 2,33 млн избирателей, а потому у демократов оказалось в парламенте лишь 36 мест. Партия «Центр» получила в рейхстаге 64 мандата. Около половины избирателей потеряла Социал-демократическая партия Германии (СДПГ),

которая имела теперь 102 депутатских места. Ее прежние сторонники перешли в ряды избирателей Независимой социал-демократической партии Германии (НСДПГ), увеличившей число своих представителей в рейхстаге до 84. Чуть более полумиллиона избирателей отдали свои голоса Коммунистической партии Германии (КПГ), получившей 4 мандата.

Общий крен настроений вправо отразил успех Баварской народной партии (БНП), Немецкой народной партии (ННП) и Немецкой национальной народной партии (НННП). Баварцы, получив более 1 млн голосов, приобрели в парламенте 21 депутатское место. Число избирателей ННП возросло до 3,9 млн человек, что принесло партии 65 мест. Националисты провели в парламент 71 депутата и стали сильнейшей буржуазной фракцией.

В ситуации, когда веймарская коалиция получила 205 депутатских мест из 452, СДПГ ушла в оппозицию, уступив дорогу первому чисто буржуазному правительству (в него вошли также министры от ННП и националистов) во главе с лидером партии «Центр» К. Ференбахом.

После выборов 1920 г. республиканским партиям ни разу не удалось получить большинство мест в рейхстаге. У них оставалось две возможности — либо вступать в коалицию с антидемократическими партиями, либо создавать правительство меньшинства, которое попадало бы в зависимость от позиции их противников в парламенте.

Репарации и выполнение версальских обязательств

После долгих расчетов и переговоров проблема репараций была, наконец, решена. Первоначальный баснословный счет в 265 млрд золотых марок, выставленный Германией победителями, постепенно уменьшился до 200 млрд марок.

1 марта 1921 г. в Лондоне министр иностранных дел Германии В. Симонс потребовал установить общую сумму репараций в 30 млрд марок. Он заявил, что страна уже передала союзникам имущества на сумму в 21 млрд марок. Но репарационная комиссия, тон в которой задавала Франция, оценила это имущество всего в 8 млрд марок. Берлин соглашался выплатить 30 млрд марок в течение 30 лет при условии предоставления международного займа в 8 млрд марок, прекращения завышенного налогообложения немецкого экспорта и воз-

вращения Германии Верхней Силезии, занятой в это время французскими войсками.

Резко отклонив предложения Симонса, союзники предъявили Германии требование принять до 7 марта их условия. Поскольку немецкое правительство не ответило на ультиматум в установленный срок, 8 марта войска Антанты заняли Дуйсбург, Дюссельдорф и речной порт Рурорт, а также установили на Рейне свои таможенные посты, обложив германский экспорт налогом в 50% его стоимости.

Закулисные переговоры об урегулировании конфликта завершились тем, что 5 мая в Лондоне была определена окончательная сумма репараций в 132 млрд золотых марок, которую Германия должна была выплатить в течение 37 лет. Первый же миллиард марок она была обязана внести в ближайшие 25 дней. В противном случае союзники пригрозили оккупировать всю Рурскую область, а Франция тут же объявила частичную мобилизацию.

Немецкое правительство погасило назначенную сумму, выбросив на мировые валютные биржи 50 млрд свеженапечатанных банкнот, что привело к резкому падению курса марки.

Еще накануне вручения ультиматума, 4 мая 1921 г., правительство К. Ференбаха, которое покинули министры от Немецкой народной партии (ННП), ушло в отставку. Тяжелая задача выполнения западных требований легла на плечи нового кабинета министров. Его возглавили два самых одаренных политика веймарского периода. Лидер левого крыла партии «Центр» Й. Вирт стал рейхсканцлером, президент крупнейшего электротехнического концерна АЭГ, член руководства Немецкой демократической партии (НДП) В. Ратенау через некоторое время занял пост министра иностранных дел. В правительство вошли и четыре социал-демократа, включая вице-канцлера Г. Бауэра.

Ратенау отлично сознавал, что нет никакой альтернативы выполнению ультиматума союзников, в решимости которых у него не

Вальтер Ратенау

было ни малейших сомнений, тем более что премьер-министром Франции в начале 1922 г. стал Р. Пуанкаре, отличавшийся жесткостью проводимой политики и ярой враждебностью к Германии. Он немедленно обвинил немецкое правительство в том, что оно сознательно обесценивает марку, а потому за Германией следует установить строгий финансовый контроль.

Зная жесткость Пуанкаре, Ратенау сделал решительный шаг. Когда в апреле 1922 г. в Генуе открылась международная конференция по экономике и финансовым вопросам, Ратенау принял после согласования с Виртом предложение советского наркома иностранных дел Г. В. Чичерина заключить с Россией мирный договор, предусматривающий установление дипломатических и торговых отношений и отказ от взаимных претензий. Заключение 16 апреля в Рапалло, курортном городке близ Генуи, этого договора обеспокоило западных политиков. *Рапалльский договор* вывел из международной изоляции Россию и Германию, которых свел вместе бойкот со стороны остальных европейских государств.

Политика выполнения версальских обязательств и примирения с прежними врагами, проводимая Виртом и Ратенау, приводила в ярость правых экстремистов, перешедших к открытому террору. 26 августа 1921 г. два бывших морских офицера, ставших членами террористической организации «Консул», убили в Грисбахе (Шварцвальд) М. Эрцбергера, подписавшего Компьенское перемирие. А когда Ратенау стал министром иностранных дел, одна из правых газет негодовала по поводу того, что отстаивать интересы Германии на мировой арене поручено еврею, назначение которого является «абсолютно неслыханной провокацией».

Утром 24 июня 1922 г., когда Ратенау ехал на работу в открытом лимузине, его нагнала машина с тремя боевиками из «Консула». Один из террористов бросил гранату, а другой несколько раз выстрелил в министра. Через несколько часов Ратенау скончался.

Убийство министра иностранных дел потрясло страну. Во всех крупных городах прошли массовые демонстрации с требованием активной борьбы против террора. 25 июня рейхсканцлер Вирт произнес в рейхстаге знаменитую речь, которая заканчивалась получившими широкий резонанс словами: «Враг стоит справа!» 18 июля после долгих и ожесточенных дебатов рейхстаг принял закон «О защите республики», который вводил смертную казнь за политические убийства.

После смерти Ратенау рейхсканцлер пытался спасти положение, предложив создать коалицию всех крупных партий. Но его план провалился из-за нежелания социал-демократов и националистов сотрудничать между собой. В этой атмосфере вражды и взаимных обвинений Вирт 14 ноября 1922 г. подал в отставку.

Ситуация требовала нового руководства и новых идей, но устраивающего всех кандидата в рейхсканцлеры не было. Потребовалось вмешательство президента Ф. Эберта, который 22 ноября поручил формирование правительства беспартийному директору судоходной компании ГАПАГ¹ В. Куно, административные способности и энергия которого были широко известны. Такой выбор Эберта показал, что у него появились сомнения в отношении дееспособности парламентской системы.

Куно рассчитывал на поддержку промышленников и банкиров, но те не желали поступаться даже малейшими своими интересами и требовали ликвидации всех социальных благ, завоеванных рабочими в дни Ноябрьской революции 1918 г. Новый рейхсканцлер оказался не слишком компетентным политиком. Когда стало очевидно, что под предлогом задержки Германией поставок леса и угля в счет репараций Франция готовится оккупировать Рур, Куно решил обратиться к союзникам с требованием пятилетнего моратория на репарационные платежи. Глава правительства Германии заявил, что его страна готова уплатить 20 млрд марок, если получит международный заем, а Франция выведет свои войска с территорий, занятых ею в марте 1921 г.

Но было уже поздно. Еще 26 декабря 1922 г. репарационная комиссия под нажимом Парижа признала, что Германия не выполняет своих обязательств. Через две недели с этим согласились правительства Франции, Италии и Бельгии, а еще через два дня девять французских и бельгийских дивизий вступили в Рурскую область.

Рурский конфликт

Оккупация Рура лишила Германию 7% ее территории с населением в 3 млн человек, 70% добычи каменного угля, 54% выплавки чугуна и 53% стали. Промышленность Рура, где

¹ От нем. *HAPAG* — Hamburg-Amerika-Paketschiffahrtsgesellschaft.

было занято около четверти всех индустриальных рабочих Германии, оказалась парализована.

Немецкое правительство не приняло на этот случай никаких мер предосторожности, поскольку рейхсканцлер **В. Куно** до последней минуты был убежден в том, что какое-нибудь обстоятельство остановит действия Р. Пуанкаре. Когда французская оккупация все же началась, кабинет министров, в заседании которого приняли участие президент **Ф. Эберт**, командующий рейхсвером **Х. Сект** и бессменный министр-президент Пруссии социал-демократ **О. Браун**, принял решение об организации пассивного сопротивления. 13 января 1923 г., выступая в парламенте, рейхсканцлер заявил, что Германия прекращает репарационные платежи Франции и Бельгии, и призвал население Рура к бойкоту всех распоряжений оккупационных властей и отказу от уплаты налогов. В результате были прекращены поставки угля и леса во Францию и Бельгию, которым так и не удалось наладить работу угольных шахт. Фактически оккупация Рура обошлась Франции очень дорого, так как добыча угля в Рурском бассейне упала до минимума. Если в 1922 г. Германия поставила в счет репараций 11,46 млн тонн угля и кокса, то в 1923 г. даже под угрозой репрессий из Германии было вывезено всего 2,37 млн тонн угля.

Курс пассивного сопротивления встретил широкую поддержку партий и профсоюзов. Что же касается Коммунисти-

ческой партии Германии (КПГ), ставшей после объединения с левыми «независимцами» массовой партией, то она выдвинула лозунг «Бейте Пуанкаре и Куно в Рура и на Шпре!», который, по сути, раскалывал общий национальный фронт сопротивления оккупантам.

Войска Франции (на треть состоявшие из негров, что должно было еще сильнее унижить немцев) ответили на рост саботажа и забастовочного движения усилением репрессий. 31 марта 1923 г. французские солдаты заняли крупновский завод в Эссене. В ответ на требование рабочих покинуть территорию завода солдаты открыли огонь. Были погибшие и раненые. Но оккупационные власти обвинили в побоище не французских офицеров, устроивших его, а руководителей и служащих завода. Сам Г. Крупп в мае был приговорен к штрафу в 100 млн марок и пятнадцати годам тюрьмы, из которых он, впрочем, отсидел всего семь месяцев. Сопротивление немецких железнодорожников французы попытались сломить другим путем. В первом полугодии 1923 г. более 5000 семей рабочих и служащих выселили из их жилищ, более 4000 человек были высланы из Рура.

Свирепость оккупационных властей дала праворадикальным силам повод к переходу от пассивного сопротивления к активному противодействию. В марте и апреле 1923 г. особая команда устроила ряд взрывов на рурских железных дорогах. Входивший в нее бывший лейтенант балтийского фрейкора А. Шлагетер был арестован и по приговору французского военного суда в Дюссельдорфе расстрелян. Это возмутило всю Германию, причем самые резкие протесты заявили коммунисты, а член ЦК ВКП(б) и Исполкома Коминтерна К. Радек, главный советский эксперт по Германии, назвал Шлагетера «мужественным солдатом контрреволюции», который «заслуживает всяческого уважения».

С июня 1923 г. правительство Куно практически уже не контролировало положение в стране. Политика пассивного сопротивления не оправдала надежд рейхсканцлера на прекращение оккупации, а ее продолжение грозило развалить государство. При прямой поддержке Франции в Ахене и Кобленце была провозглашена *Рейнская республика*, а в Шпейере — *Пфальцская республика*. Осенью между оккупированной территорией и остальной Германией была создана таможенная граница.

Внутреннее положение Германии становилось все более неустойчивым. Летом 1923 г. по стране прокатилась волна забастовок. Сначала прекратили работу 100 тыс. берлинских металлургов, затем крупные волнения начались среди сельских рабочих. Появилась реальная угроза повторения событий ноября 1918 г. Видя, что рейхсканцлер не в силах овладеть ситуацией, 11 августа фракция Социал-демократической партии Германии (СДПГ) в рейхстаге отказала ему в доверии. Это стало неожиданностью для Эберта, но президент не захотел защищать человека, которому всего девять месяцев назад доверил пост главы правительства. Впрочем, и сам Куно с облегчением предпочел вернуться в более спокойный мир компании ГАПАГ.

Человеку, пришедшему ему на смену, было суждено стать главным политиком Германии на протяжении последующих пяти лет и последней надеждой немцев на выживание республики. На первый взгляд, Г. Штреземан, казалось, не очень подходил для этой миссии. В кайзеровские времена он поддерживал экспансионистский курс Б. Бюлова, в годы войны принадлежал к числу «аннекционистов» и безоговорочно одобрял действия Верховного командования. Оставаясь монархистом, Штреземан сочувствовал капшовскому путчу, хотя позорный крах этой акции убедил его в бесперспективности правого переворота. Его настолько потрясли убийства М. Эрцбергера и В. Ратенау, что он перешел на республиканские позиции.

Став 13 августа 1923 г. главой коалиционного правительства, Штреземан нашел в себе мужество объявить 26 сентября (на следующий день после введения президентом осадного положения в Германии) о прекращении пассивного сопротивления в Руре и возобновлении репарационных платежей. Он потребовал также предоставления правительству чрезвычайных полномочий, которые были ему даны рейхстагом 13 октября. Иного пути выхода из кризиса просто не существовало.

Инфляция — кто страдает, а кто выигрывает

Тяжелейшие экономические последствия войны яснее всего проявились в ужасающем обвале немецкой валюты. Финансовые трудности обнаружались уже в годы войны, когда средства на ее ведение — 164 млрд марок — добывались главным образом не с помощью прямых и косвенных налогов, а выпуском военных займов (93 млрд марок), ценных бумаг казначейства (29 млрд марок) и бумажных денег (42 млрд марок).

После войны этот курс был сохранен. В 1921 г. вместо значительного повышения налогов на тех, кто был в состоянии платить, правительство фактически существенно сократило их. В результате к 1923 г. дефицит бюджета увеличился до 5,6 млн марок. Растущие расходы на репарации, на выплату пособий по безработице, на трудоустройство демобилизованных фронтовиков и поддержку населения оккупированного Рура власть стала компенсировать с помощью печатного станка. Уже в октябре 1918 г. денежная масса составляла 27,7 млрд марок, т. е. в пять раз превышала довоенную, а к концу 1919 г. она возросла до 50,1 млрд марок. Государственный долг увеличился с 5 млрд марок в 1913 г. до 153 млрд марок в 1919 г. Инфляция превратилась из ползучей в галопирующую и стала неуправляемой. Марка стремительно падала. Если в июле 1914 г. курс доллара по отношению к марке составлял 4,2, то в январе 1920 г. — 64,8, в январе 1922 г. — 191,8, а в августе 1923 г. — 4 620 455,0. Абсолютный рекорд был установлен в ноябре 1923 г., когда за 1 доллар давали 4,2 трлн марок.

Более 300 фабрик изготавливали бумагу для денег. День и ночь в 133 типографиях из-под 1783 прессов бесконечно текли триллионы денежных знаков (отпечатанные обычно только на одной стороне бумажного листа), которые военные развозили затем в огромных коробах по местам выплат.

Марка падала в цене едва ли не каждый час. Если в декабре 1922 г. килограмм хлеба стоил 163 марки, то через год за него платили уже 339 млрд марок. Посетители ресторанов расплачивались за обед заранее, потому что к его концу обед мог подорожать в два-три раза. Даже отапливать помещение было дешевле банкнотами, чем углем. На предприятиях и в учреждениях заработную плату выдавали дважды в день, отпускная после этого персонал на полчаса, чтобы он успел что-нибудь купить. Это был призрачный мир, в котором цена почтовой марки по номиналу была равна довоенной стоимости фешенебельной виллы.

Но в то же время инфляция была выгодна владельцам материальных ценностей. Они брали банковские кредиты и вкладывали средства в промышленные предприятия, недвижимость и т. п. Инвестиции приносили надежную прибыль, а кредит возвращался обесцененными деньгами. Таким способом сколачивались огромные состояния. Самым богатым капиталистом того времени был Г. Стиннес. Он создал гигантскую империю из 1340 предприятий, шахт, рудников, банков,

железнодорожных и судоходных компаний, на которых в Германии, Австрии, Венгрии, Румынии трудились более 600 тыс. рабочих.

Свой маленький бизнес делали в период инфляции тысячи мелких спекулянтов и жуликов, которые за бесценок скупали у отчаявшихся людей ценные вещи, картины, драгоценности, чтобы выгодно сбыть их в Голландии или Бельгии за твердую валюту. Скупая запасы продуктов, они затем втридорога продавали их на черном рынке. Все это вело к росту преступности, падению общественной морали, цинизму, который проявлялся в песенках, театральных пьесах и карикатурах. Невиданных размеров достигла проституция. Будущее казалось таким безысходным, что надо было спешить наслаждаться настоящим, если, разумеется, для этого были средства.

Инфляция привела к страшному обнищанию средних слоев и мелкой буржуазии, имевших не материальные ценности, а денежные сбережения, превратившиеся в труху. По сравнению с 1913 г. число лиц, получающих социальное пособие, возросло втрое. Большинство их составляли старики и вдовы, которые в нормальных условиях могли бы спокойно жить на свои пенсии и сбережения.

Мелким торговцам, коммерсантам и ремесленникам, в отличие от Стиннеса, было не так-то легко получить кредит в банке. Они полностью зависели от развития местного рынка и были вынуждены закупать товары, сырье и орудия труда по фантастически высоким ценам. А поскольку в июле 1923 г. был введен государственный контроль за розничными ценами, то мелкие производители потеряли возможность компенсировать затраты повышением цен на свои изделия. Кроме того, именно они несли основное бремя налогов. Инфляция ударила по ним сильнее, чем война.

Инфляция (в корзине — выручка продавщицы газет)

Рабочие страдали от инфляции меньше, поскольку на ее первой стадии безработица была еще сравнительно небольшой, а заработная плата, благодаря действиям профсоюзов, росла. Но когда с апреля 1923 г. марка стала падать, их положение начало ухудшаться, стремительно увеличивался разрыв между заработной платой и стоимостью жизни. В конце 1923 г. среди организованных в профсоюзы рабочих 23,4% были безработными, а 47,3% — заняты неполный рабочий день с соответственным уменьшением заработной платы и лишь 29,3% рабочих получали плату за полный рабочий день. Профсоюзы, лишившиеся своих денежных накоплений, были бессильны помешать тому, чтобы заключенное в 1918 г. соглашение «О трудовом сотрудничестве» кануло в небытие. Фактически был отменен восьмичасовой рабочий день и на большинстве предприятий его продолжительность составляла десять часов. Рабочие в массовом порядке выходили из профсоюзов, численность которых в 1923 г. сократилась почти вдвое.

Но самыми незащитными перед инфляцией оказались больные. Взметнувшиеся вверх цены на лекарства и расходы на гонорары врачам сделали медицинское обслуживание недоступным для миллионов людей. И это как раз в то время, когда постоянное недоедание ослабляло человеческий организм и приводило к болезням и эпидемиям, напомиавшим страшные времена «брюквенной зимы» 1916/17 г. В больших городах росла смертность.

Не лучше было и положение детей и подростков. В Берлине в 1923 г. в народных школах 22% мальчиков и 25% девочек имели рост и вес гораздо ниже нормального для их возраста. Постоянно увеличивалось число серьезно больных детей. Так, в берлинском районе Нойкельн до войны детей, больных туберкулезом, насчитывалось 0,5%, а в 1922 г. — 3,2%; до войны в районе Берлин-Шенеберг болели рахитом 0,8% школьников, а в 1922 г. — 8,2%.

Нации начинало угрожать вымирание. Потерявшие надежду люди во всем обвиняли республику. Но эти проблемы были прежде всего следствием проигранной войны, условий Версальского договора и безответственной и эгоистичной позиции крупных промышленников и аграриев, резко протестовавших против любой попытки увеличить налоги на имущество.

К общему изумлению, рейхсканцлеру Г. Штресеману удалось жесткими мерами подавить рост инфляции, не прибегая при этом к иностранным кредитам. 15 ноября 1923 г. была

введена новая *рентная марка*, приравненная к 1 млрд бумажных денежных знаков. Поскольку государство не имело достаточного золотого запаса, то стабильность новой марки обеспечивалась всей продукцией промышленности и сельского хозяйства. Землевладение, торговля, банки и промышленность были обложены ипотекой в 3,2 млрд рентных марок. Для этого банк выпустил в обращение 2,4 млрд новых банкнот, которыми кредитовалась экономика. Эксперимент удался, но, помимо инфляции, в 1923 г. республика столкнулась и с другими проблемами и трудностями.

Кризис республики

В 1923 г. Веймарская республика находилась на грани не только экономического краха, но и политического переворота. Сначала правительство едва избежало повторения капповского путча. Еще в феврале 1923 г. перед лицом французской угрозы было принято решение создать тайную резервную армию — «черный рейхсвер». Официально эти части именовались трудовыми командами и проходили военную подготовку в различных гарнизонах регулярной армии. К сентябрю в этих командах насчитывалось до 80 тыс. человек. Четыре трудовые команды располагались в Кюстрине, недалеко от Берлина. Они подчинялись майору Б. Бухрукеру, у которого было больше энергии, чем здравого рассудка, и которому не терпелось пустить свои военизированные соединения в дело.

Бравый майор внушил себе, что если он совершит марш на Берлин и разгонит правительство, то рейхсвер во главе с **Х. Сектом** окажет ему поддержку, поскольку из окружения шефа армии к Бухрукеру поступали сведения о якобы сочувственном отношении генерала к заговору. Однако, когда в ночь на 1 октября 1923 г. части Бухрукера захватили три форта восточнее Берлина, Сект отдал приказ силам регулярной армии окружить путчистов, которые быстро сдались. Об этом мини-путче, может быть, и не стоило бы упоминать, но он стал показателем общей неустойчивой политической ситуации, которой грозила опасность быть взорванной скорее слева, чем справа.

Осенью 1922 г. на выборах в ландтаги Саксонии и Тюрингии Коммунистическая партия Германии (КПГ) добилась значительного успеха, усилившего ее воинственный настрой.

Ультралевые руководители берлинской организации КПГ Р. Фишер и А. Маслов начали яростную атаку на осторожную позицию лидера партии Г. Брандлера. Их поддержало руководство Коминтерна, считавшее, что в Германии созданы все условия для социалистической революции.

События в Саксонии и Тюрингии, казалось бы, подтверждали это. В мае 1923 г. социал-демократическое правительство Тюрингии утратило доверие ландтага. Рейхсканцлер возложил ответственность за поддержание общественного порядка на командующего военным округом генерала В. Рейнхардта. Но его неуклюжие попытки взять под контроль политическое положение в Тюрингии привели к обратному результату — сближению социал-демократов и коммунистов.

В Саксонии положение было еще более напряженным. Там Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), также потерпев парламентское поражение, заключила союз с КПГ и согласилась ввести рабочий контроль на предприятиях, провести коммунальную реформу и начать формирование вооруженных пролетарских отрядов (сотен). 21 мая 1923 г. премьером стал левый социал-демократ Э. Цейгнер. После падения правительства В. Куно Саксония предпочла активно поддерживать левых. 9 сентября в Дрездене состоялся парад пролетарских сотен, выступая перед которыми ораторы предсказывали скорую борьбу за установление в Германии диктатуры пролетариата.

Особое беспокойство рейхсканцлера **Г. Штреземана** вызывало нестабильное положение в Баварии, которая с 1919 г. стала постоянным источником сепаратистских настроений. Когда в стране было введено чрезвычайное положение, а генерал **Х. Сект** практически стал диктатором, Бавария не признала этого решения. Ее кабинет министров объявил свое собственное чрезвычайное положение и назначил правого монархиста **Г. Кара** генеральным комиссаром земли с неограниченными полномочиями. Кар немедленно установил тесные связи с командующим рейхсвером в Баварии генералом **О. Лоссовом** и начальником полиции **Х. Зайссером**.

Еще со времен Древнего Рима история не раз показывала, что триумvirаты весьма склонны к авантюрам. Не стала исключением в этом плане и «баварская тройка», которая отказалась выполнять любые приказы из Берлина. Раздраженный Сект 24 октября отстранил Лоссова от командования, но Кар оставил генерала на своем посту и потребовал в нарушение

ние Конституции, чтобы военнослужащие принесли присягу на верность баварскому правительству. Это был не только политический акт, но и фактически военный мятеж. В ответ генерал Сект пригрозил подавить любое выступление силой. Однако Штреземан не был уверен в готовности рейхсвера выступить против правой оппозиции. Поэтому рейхсканцлер уклонился от прямого баварского вызова и предпочел выжидательную тактику. Более неотложной задачей он считал овладение ситуацией в Саксонии и Тюрингии.

Для такого решения у Штреземана были веские основания. В сентябре 1923 г. руководство КПГ посетило Москву и получило там указание готовить революцию. Рейхсканцлер не знал об этом, но вся обстановка свидетельствовала о возможном скором выступлении коммунистов. Саксонский премьер-министр ввел представителей КПГ в состав своего кабинета министров и объявил о создании рабочего правительства единого фронта. Это отвечало планам компартии, руководство которой поспешило из Берлина в Дрезден. Но оно могло бы не затруднять себя этой поездкой. 13 октября командование саксонского военного округа приказало немедленно распустить пролетарские сотни. Командующий округом подчинил себе саксонскую полицию и ввел войска в Дрезден. Его действия опередили планы руководителей КПГ.

21 октября 1923 г. в Хемнице собралась конференция представителей заводских комитетов и других рабочих организаций Саксонии, на которой выяснилось, что у большинства нет никакого желания начинать активные действия. Страстный призыв Брандлера к всеобщей забастовке был встречен гробовым молчанием. Он имел только то практическое последствие, что правительство Штреземана использовало его как повод окончательно решить проблему Саксонии. Рейхсканцлер потребовал от премьер-министра удалить коммунистов из правительства. Когда воинственный премьер отказался сделать это,

Эрнст Тельман

Штреземан в соответствии с 48-й статьей Конституции сместил его с поста. По такому же сценарию развивались события и в Тюрингии.

Твердые действия рейхсканцлера вызвали у руководства КПГ чувство растерянности. Только этим, очевидно, объясняется то, что решение об отмене восстания не успело вовремя дойти до Гамбурга, где 23 октября около 400 боевиков из ударных групп во главе с Э. Тельманом (1886—1944) и около 200 их плохо вооруженных помощников попытались совершить переворот. Но восстание даже не вышло за пределы рабочего района Бармбек, где оно началось. Местная полиция с помощью морских частей и социал-демократической милиции в течение трех суток подавила выступление. Однако для КПГ восстание имело далеко идущие последствия. Провал «немецкого Октября» повлек за собой отстранение Брандлера от руководства партией. После недолгого правления Р. Фишер в сентябре 1925 г. председателем КПГ стал Тельман, который всегда и во всем следовал директивам из Москвы.

После ликвидации опасности слева и одновременного затухания рейнского сепаратизма у Штреземана оставалась еще одна проблема — Бавария. СДПГ, недовольная смещением премьер-министра Саксонии, требовала от рейхсканцлера такого же решительного курса и в отношении Баварии. Она не хотела и слышать предостережения Штреземана о том, что вступление рейхсвера в Баварию может привести к гражданской войне. Когда рейхсканцлер дал понять, что и впредь будет проводить осторожную политику, министры от СДПГ вышли из правительства Германии.

Этот шаг не повлек за собой немедленной отставки Штреземана, так как президент Ф. Эберт продлил парламентские каникулы. Но такое положение не могло длиться бесконечно. Штреземана критиковали и социал-демократы, и правое крыло его собствен-

ной партии во главе с Г. Стиннесом, настойчиво требовавшее союза с националистами. Число влиятельных политиков, готовых не только свергнуть Штреземана, но и покончить с конституционно-демократической системой, было столь велико, что успешная революция с победой правых в Баварии могла бы получить мощную поддержку в Берлине.

Однако события развивались по другому сценарию. Баварский триумvirат после устранения коммунистической опасности в Саксонии и разлада между рейхсканцлером и СДПГ смягчил свою политику конфронтации. Это некоторое ослабление напряженности побудило А. Гитлера и его приверженцев к печально известному «пивному путчу» 8—9 ноября 1923 г. Но триумvirат не поддержал объявленную Гитлером «национальную революцию» и предоставил ему свободу идти своим путем. И ранним утром 9 ноября колонна вооруженных нацистов оказалась на мюнхенской площади Одеонплац, где залп полицейской цепи положил конец походу на Берлин и дал нацистскому движению 16 его первых мучеников, убитых на этой площади.

Так закончился последний из немецких политических кризисов 1923 г., которые несколько раз подводили республику к краю пропасти. После провала гитлеровского путча положение в Баварии заметно стабилизировалось. Кар, хотя и остался влиятельной политической фигурой, отказался от своих далеко идущих планов. Новое мюнхенское правительство Г. Хельда не обнаруживало никакой склонности к сепаратистским выступлениям. В конечном счете штреземановская тактика проволочек оправдала себя.

Но СДПГ не могла смириться с этим. Когда 20 ноября 1923 г. рейхстаг возобновил работу, социал-демократическая фракция немедленно начала нападки на рейхсканцлера за его политику в отношении Саксонии. В тот же день с помощью голосов социал-демократов и националистов рейхстаг выразил главе правительства недоверие. Президент Эберт пришел в ярость от такого решения своей партии и во всеуслышание заявил, что «последствия этой глупости будут сказываться еще десять лет».

30 ноября 1923 г. новым рейхсканцлером стал лидер католической партии «Центр» В. Маркс. Штреземан сохранил за собой пост министра иностранных дел. Он выполнил свою задачу прекратить инфляцию и стабилизировать политическое положение в Германии. Закончился пятилетний период балансирования на грани гражданской войны, хаоса, невиданной в истории инфляции, левых и правых путчей. Поистине, у колыбели Веймарской республики не стояли добрые феи.

ХРУПКАЯ СТАБИЛИЗАЦИЯ (1924—1929)

Партии и правительства

По сравнению с бурным предшествующим десятилетием период 1924—1929 гг. представляется временем внутривнутриполитического затишья. Однако в эти пять лет также происходили малые и крупные кризисы. Именно в годы хрупкой стабилизации, как образно называли этот период, накапливались те политические и экономические проблемы, невозможность решения которых в 1930—1933 гг. привела к падению республики.

Состоявшиеся 4 мая 1924 г. выборы в рейхстаг принесли успех радикальным партиям. Националисты вместе с реакционными аграриями, получив более 6 млн голосов, избрали 105 депутатов. Партия «Центр», располагая 65 депутатскими местами, сохранила свои позиции. Существенные потери понесла либеральная Немецкая народная партия (ННП): она получила всего 45 мандатов вместо прежних 65. Немецкая демократическая партия (НДП) также уменьшила свое представительство в рейхстаге, сохранив лишь 28 мест из 39. Фракция Социал-демократической партии Германии (СДПГ), состоящая из 100 депутатов, осталась самой большой в рейхстаге. Однако, учитывая тот факт, что к моменту выборов «независимцы» уже сошли с политической сцены, распределившись между СДПГ и КППГ, то фракция социалистов в рейхстаге стала меньше на 84 депутата.

За счет избирателей, прежде голосовавших за Независимую социал-демократическую партию Германии (НСДПГ), коммунисты добились значительного успеха. Им отдали голоса 3,69 млн человек, и фракция Коммунистической партии Германии (КППГ) возросла до 62 депутатов. Но в рейхстаг прошли также получившие около 2 млн голосов и впервые участву-

щие в выборах правые экстремисты. Объединившись вокруг нацистской партии, они получили в парламенте 32 места.

Поскольку коалиционное правительство В. Маркса могло опереться всего на треть депутатов, то рейхсканцлер, рассчитывая получить после выборов большинство, добился от президента Ф. Эберта принятия решения о досрочном роспуске рейхстага и проведении новых выборов. Избирательная кампания велась под знаком борьбы против репарационного плана, разработанного под руководством американского банкира Ч. Дауэса и опубликованного в апреле 1924 г. Составители плана исходили из того, что общая сумма платежей в 132 млрд марок превышает возможности Германии.

По плану Дауэса, утвержденному Лондонской конференцией летом 1924 г., окончательный размер и срок выплаты репараций не устанавливался. В 1924—1925 гг. Германия должна была уплатить 1 млрд марок, затем ежегодные взносы повышались и в 1928—1929 гг. составляли уже 2,5 млрд марок в год. Источниками платежей должны были стать таможенные пошлины и налоги на товары массового потребления, а также отчисления от облигаций промышленных предприятий на сумму 5 млрд марок. От облигаций бывших государственных железных дорог, перешедших теперь в собственность частного акционерного общества, правительство рассчитывало получить 11 млрд марок. Бюджет, рейхсбанк и железные дороги подлежали контролю генерального репарационного агента, американца Дж. Паркера, ставшего одним из самых влиятельных людей в стране.

Для стабилизации валюты Германии был предоставлен заем в 800 млн марок. Всего за 1924—1929 гг. страна получила 10 млрд марок долгосрочных и 6 млрд марок краткосрочных кредитов, главным образом американских. За это же время она внесла по репарациям около 9 млрд марок. Предоставление внушитель-

**Das Sachverständigen Gutachten
der Bankiers der Arbeiter**

Was bringt der Vordruck Vertrag?
1. Creditlinie von 2500 bis 3000 Millionen zu 6%
2. Das neue Gutachten
3. Die Abschaffung der Zahlung der Creditlinie
4. Die Abschaffung der Zahlung der Creditlinie

Was fordern die Kommunisten?
1. Die Abschaffung der Creditlinie
2. Die Abschaffung der Zahlung der Creditlinie
3. Die Abschaffung der Zahlung der Creditlinie
4. Die Abschaffung der Zahlung der Creditlinie

Die Arbeiterschaft soll sagen:
Wer hat diesem Schand-
vertrag zugestimmt?
Der Bürgerhaushalt
und die Sozialdemokratie.

Werft die weissen Männer und
Frauen, unfähigsten Guch!
Das Arbeiter-Gutachten muß
im Kampfe erzwungen werden!

Hieder mit den Imperialisten und ihren Agenten!
Es lebe der Befreiungskampf der werktätigen Massen!

Kommunistische Partei Deutschlands
Hilft bei der Verbreitung des Gutachtens

Плакат КППГ против принятия
плана Дауэса

ных кредитов объяснялось не в последнюю очередь высокими процентными ставками, выплачиваемыми Германией. Достигая почти 8%, они значительно превышали ставки на финансовых рынках стран-кредиторов.

Националисты развернули шумную агитацию против плана Дауэса, называя его «новым Версалем» и «дальнейшим закабалением» Германии. Для утверждения этого плана рейхстагом требовалось большинство в две трети голосов, которого кабинет министров не имел. Оно могло быть обеспечено только согласием с планом фракции Немецкой национальной народной партии (НННП), руководство которой устроило небольшой спектакль. С целью сохранить имидж патриотов лидеры националистов сориентировали фракцию таким образом, что 52 депутата проголосовали против принятия плана Дауэса, а 48 (сколько и требовалось) высказались в его поддержку. Однако внешне это выглядело так, будто депутаты голосуют согласно своим личным убеждениям.

Новые выборы в рейхстаг, проходившие 7 декабря 1924 г. в условиях постепенной стабилизации жизни в стране, показали явное ослабление политического радикализма. Правые партии и КПП потеряли примерно по 1 млн избирателей. СДПГ завоевала около 2 млн новых избирателей и включила в свою фракцию 131 депутата. Либералы и националисты также расширили свои фракции. После выборов новый кабинет министров сформировал беспартийный Х. Лютер, занимавший в правительствах Г. Штреземана и В. Маркса пост министра финансов. Министрами стали представители только от буржуазных партий, а сторонники СДПГ перешли в оппозицию.

Партийно-политическая ситуация этого периода характеризовалась деятельностью трех главных сил — близких к правительству центристских партий, правых и левых радикалов. При этом постоянно усиливались тенденции, которые существенно нарушали принципы веймарского парламентаризма и ослабляли жизнеспособность самой республики. Правда, единственный раз в истории республики рейхстаг отработал полный срок своей легислатуры, и это было в 1924—1928 гг.

Республиканские партии, даже испытывая постоянное давление более радикальных партий, до 1930 г. всегда имели возможность сформировать компромиссное правительство. Поэтому нестабильность кабинетов министров нельзя объяснить только тем, что они испытывали давление со стороны правых и левых экстремистов.

Избиратели леворадикальных взглядов, которые поддерживали КПП, являлись достаточной силой для того, чтобы ослабить СДПГ, но не могли придать весомость революционной стратегии коммунистов.

Католическая партия «Центр», без участия которой невозможно было образовать ни одно правительство, и СДПГ в целом на протяжении всего периода существования республики сохраняли свои позиции. Однако СДПГ никак не могла сделать окончательный выбор между курсом на участие в коалиционных правительствах и социалистической оппозиционностью. Партия «Центр» из-за своей неопределенной социальной ориентации также постоянно колебалась между союзом с правыми или с социал-демократами.

Обе либеральные партии, Немецкая демократическая и Немецкая народная, неуклонно терявшие свое влияние, стремились противостоять как правому, так и левому радикализму и занять место в центре политического спектра. Но они так и не смогли договориться между собой (речь шла не о слиянии, а просто о единстве политического курса), а созданное ими в 1925 г. «Либеральное объединение» оказалось недееспособным.

Наконец, политическим партиям Веймарской республики были присущи нежелание принимать на себя единоличную ответственность за судьбу государства и отсутствие четких политических концепций.

Больная экономика

С началом стабилизации жизни у немцев появилась надежда, что наконец-то найден путь к быстрому экономическому подъему на базе широкой *рационализации производства*. Но многочисленные концепции рационализации имели нередко противоположный смысл. Профсоюзы и социал-демократия понимали рационализацию производства как *технический прогресс* и основу улучшения положения трудящихся масс. Рост производительности труда должен был повлечь за собой повышение заработной платы и сокращение продолжительности рабочего дня. А предприниматели рассматривали рационализацию производства как средство восстановления утраченных в годы войны и революции позиций как внутри страны, так и на мировой арене. Такой подход был характерен прежде всего для магнатов тяжелой промышленности. Представители же наиболее современных отраслей промышленнос-

ти — химической и электротехнической — видели в рационализации производства наилучшее средство интеграции рабочих в капиталистическую систему.

Применение новейших методов организации производства (конвейерная система, тейлоровская научная организация трудовых операций) позволило к 1929 г. поднять производительность труда на 40%. Одновременно резко усилился процесс *монополизации промышленности*. В 1925 г. был создан самый мощный в Европе химический концерн «ИГ Фарбениндустри»¹, который производил 80% синтетического азота и около 100% красителей и синтетического бензина. В 1926 г. появился другой промышленный гигант — «Стальной трест», включивший в себя более 300 предприятий, на которых трудились 200 тыс. рабочих. Тресту принадлежало более 40% производства железа, чугуна и стали. Росла и роль государства в экономике. Если в довоенное время его доля в валовом национальном продукте (ВНП) составляла 17,7%, то к 1929 г. она поднялась до 30,6%.

В то же время рационализация производства влекла за собой неуклонное *сокращение рабочих мест*. В 1922 г. в рурских шахтах работали 544,9 тыс. человек, а в 1929 г. — только 352,9 тыс. В социальном плане появление устойчивой безработицы влекло за собой нарастание напряженности в отношениях между квалифицированными рабочими и массой плохо обученных людей, которые первыми пополняли ряды безработных, превращались в маргиналов и становились приверженцами радикальных партий. Но положение работающих улучшилось. С 1924 по 1927 г. их заработная плата выросла на 37%. Однако если учесть, что точкой отсчета служила чрезвычайно низкая оплата труда в годы инфляции, то этот показатель выглядит не столь впечатляюще.

На первый взгляд, немецкая экономика казалась вполне благополучной. Объем промышленной продукции, составлявший (с учетом изменившихся границ) в 1923 г. 47% объема 1913 г., возрос в 1925 г. до 85%, а в 1928 г. довоенный уровень был превзойден на 3%. Доля Германии в мировом промышленном производстве в 1926—1929 гг., хотя и не превысила показатели 1913 г. (14,3%), но составляла уже 11,6% (против 9,4% у Великобритании и 6,6% у Франции). В экспорте Германия не достигла довоенного уровня (20,2% национального

¹ От нем. *IG* — *Industrielle Gesellschaft* — промышленное общество:

дохода), но в 1928 г. уже приближалась к нему (17%). Торговый баланс оставался пассивным, а задолженность иностранным государствам постоянно возрастала.

Подъем германской экономики не имел прочной основы. Массовая безработица, которая к 1929 г. возросла до 1,9 млн человек, и слабый экономический рост были наиболее показательными симптомами ее нестабильности. Уже с 1927 г. замедлились темпы роста производства и сократился товарооборот. В 1930 г. объем промышленного производства вновь упал, составив 91% довоенного уровня.

Версальский договор наложил на Германию, традиционно тесно связанную с мировым рынком, ряд тяжелых ограничений. Ее заграничное имущество и почти весь торговый флот были конфискованы. Потеряв внешние рынки, Германия не могла компенсировать эту утрату за счет внутреннего рынка, которому не позволяла развиваться низкая покупательная способность населения. Об этом свидетельствует тот факт, что в 1927—1928 гг. производство предметов потребления ежегодно падало на 3%.

В аграрном секторе отмечался спад. Восточноэльбское юнкерство с уходом с исторической сцены династии Гогенцоллернов потеряло своего верного защитника и благодетеля, а война и блокада лишили крупных землевладельцев традиционных рынков экспорта продукции. Чтобы стать конкурентоспособными, они должны были модернизировать свои хозяйства. Но их нерентабельность отпугивала инвесторов капитала и вела к неуклонному росту задолженности. Несмотря на значительную помощь правительства, прусские юнкеры так и не смогли вырваться из заколдованного круга получения все новых кредитов и необходимости выплачивать долги и проценты.

Эрзац-кайзер во главе республики

В середине 1925 г. истек срок полномочий президента Ф. Эберта. Первое время казалось, что предстоящие выборы станут простой формальностью, ибо никто не сомневался в его переизбрании. Эберт не был яркой политической личностью и только волей судьбы оказался во главе государства. Но он стремился охранять интересы нации и уберечь страну от хаоса и распада.

Однако случилось неожиданное. 25 февраля 1925 г. после неудачной операции аппендицита Эберт скончался. Досроч-

ные выборы нового президента Германии были назначены на 29 марта, и каждая из семи партий выдвинула своего кандидата. Лишь Немецкая национальная народная партия (НННП) и Немецкая народная партия (ННП) договорились об единой кандидатуре претендента — беспартийного, но близкого к правому крылу ННП дуйсбургского обер-бургомистра К. Ярреса, бывшего министра внутренних дел в правительстве В. Маркса. Партия «Центр» выдвинула снова В. Маркса, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) — прусского премьера О. Брауна, а Коммунистическая партия Германии (КПГ) — Э. Тельмана. От правых радикалов баллотировался генерал Э. Людендорф.

Разумеется, никто из кандидатов не набрал абсолютного большинства голосов. 26 апреля предстоял второй тур, в котором победителю было достаточно набрать простое большинство (хотя бы в один голос). В результате трудных переговоров социал-демократы, «центристы» и демократы создали Народный блок и договорились выставить своим общим кандидатом В. Маркса, который мог рассчитывать на большинство голосов избирателей, поскольку правые не надеялись получить значительный прирост голосов по сравнению с первым туром. Им было необходимо выдвинуть вместо малоизвестного Ярреса более популярную фигуру.

Националисты в союзе с ННП, Баварской народной партией (БНП) и региональной Ганноверской партией выставили кандидатуру 78-летнего фельдмаршала П. Гинденбурга (1847—1934). Впрочем, сам старый господин, будучи убежденным монархистом, не имел ни малейшего желания становиться президентом демократической республики. Уговорить его дать свое согласие баллотироваться на высокий пост удалось только адмиралу А. Тирпицу.

Расчет правых полностью оправдался. Как заметил министр иностранных дел Г. Штреземан, немецкий народ жаждал президента не в цилиндре, а в военном мундире и со множеством орденов. Даже БНП предпочла поддержать протестанта Гинденбурга, а не католика Маркса. КПГ, раскалывая, по сути, антигинденбургский Народный блок, вновь выставила кандидатуру Тельмана. Хотя из Москвы, где здраво оценивали ситуацию, руководство Коминтерна настойчиво рекомендовало коммунистам поддержать Маркса. Если бы даже обе рабочие партии договорились о выдвижении единого кандидата, у него не было реальных шансов стать президентом.

Во втором туре выборов участвовало на 2,66 млн избирателей больше, чем в первом, и большинство из них выразило свои симпатии бывшему кайзеровскому полководцу, который получил 14,7 млн голосов. За Маркса проголосовали 13,75 млн человек, за Тельмана — 1,9 млн сторонников.

Правые и монархические круги ликовали, но их радость оказалась немного преждевременной. Сразу после выборов новый президент приступил к изучению Веймарской конституции, на верность которой ему предстояло присягнуть, и, к своему удивлению, обнаружил, что она, «собственно говоря, вполне прилична». Гинденбургу особенно импонировало то, что президент являлся главнокомандующим и обладал практически всеми правами прежнего императора. Но, к великому разочарованию его окружения, Гинденбург и не думал о том, чтобы восстановить монархию. Вместо этого он решил лояльно служить нелюбимой республике.

Первая речь Гинденбурга в рейхстаге была вполне достойна президента демократического государства. Он обратился к депутатам с просьбой помочь ему консолидировать нацию и заявил, что споры между партиями должны не преследовать их односторонние выгоды, а доказывать, «кто всего вернее и успешнее служит нашему угнетенному народу». Однако руководители партий не проявили к этому никакой склонности. Их политика испытывала терпение президента, который все более возмущался недостаточной лояльностью партий, что, по убеждению Гинденбурга, угрожало национальной безопасности.

Правые круги, со своей стороны, неправильно оценили отношение Гинденбурга к присяге. Будучи прусским офицером, он, присягнув на верность Конституции,

Пауль Гинденбург

считал долгом чести относиться к ней с таким же уважением, как и к полевому уставу прусской армии. Но при всех добрых намерениях Гинденбург плохо разбирался в политике и ему были необходимы хорошие советники. К тому же весьма солидные лета и связанные с этим возрастные проблемы ставили Гинденбурга в зависимость от помощников.

К сожалению, его окружение было отнюдь не таким, каким оно должно было быть у главы демократической республики. Рядом с фельдмаршалом были старые боевые товарищи из прусской армии и представители остальбского юнкерства, испытывавшие настоящую ненависть к республике и демократии. А чаще всего президент прислушивался к мнению своего сына Оскара, политически бездарного, но крайне тщеславного, самоуверенного и ограниченного человека. Он твердо верил в то, что призван вершить историю в качестве «не предусмотренного Конституцией» президентского сына. В свою очередь, Оскар послушно следовал советам жены, необычайно честолюбивой баронессы М. Маренхольц. Неожиданно став хозяйкой первого политического салона Германии, она заявляла, что в президентском дворце не могут приниматься никакие решения, идущие вразрез с «духом семьи».

Нельзя однозначно утверждать, что президентство Гинденбурга предопределило гибель Веймарской республики. Но такой исход выборов показал, что среди населения отмечается ностальгия по «старым добрым временам», и обнаружил слабость демократической системы.

Дипломатия Штреземана

Внешняя политика, проводимая бесменным министром иностранных дел Г. Штреземаном с 1923 по 1929 г., находила поддержку умеренно левых и центристских партий, но беспрерывно подвергалась ожесточенным нападкам со стороны националистов, нацистов, коммунистов и правого крыла его собственной Немецкой народной партии (ННП).

Основой политики Штреземана являлось стремление вернуть Германии полный суверенитет и возродить ее в ранге великой державы, которая не зависела бы от благосклонности других государств и могла бы сама защитить себя. Но это было возможно только после реализации ближайших целей: уменьшения, а затем и отмены репарационных платежей; вывода всех оккупационных войск с немецкой зем-

ли; достижения военного паритета с другими державами; ревизии восточных границ; тесного союза или даже возможного объединения с Австрией, категорически запрещенного особой статьей Версальского договора.

Эти цели, которые вполне приходились по душе правым партиям и большинству населения, и стали основой внешней политики Штреземана. Однако сторонники правых партий не хотели понять, что реальное положение в Европе требует от немцев осторожности в проведении внешнеполитического курса и терпеливого ожидания благоприятного момента. Штреземан твердо придерживался высказанного им постулата: «Такова жизнь, и было бы глупо проводить внешнюю политику с позиций идеологии. Мы должны принимать людей, народы и обстоятельства такими, какими они являются». Для правых ультрапатриотов это выглядело не очень героически, и огонь их критики не стихал ни на минуту. Они могли бы сковать действия Штреземана, если бы его курс не поддерживали Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и католическая партия «Центр». Но он не мог твердо рассчитывать на их постоянную лояльность. Трезвый реализм Штреземана не устраивал не только националистов, но и умеренных политиков. Однако нередко весьма тонкая грань отделяла такой реализм от беспринципности.

Так, Штреземан знал о тайном соглашении между рейхсвером и Красной армией, которое давало Германии возможность обойти ряд версальских запретов. Рейхсвер построил в России авиационный завод, имел там летную школу, испытательные полигоны для танков и центр по разработке химического оружия. Министр иностранных дел не был в восторге от этого соглашения, но не делал ни малейших попыток воспрепятство-

Густав Штреземан

вать его действию, поскольку это грозило конфликтом с армией и только усилило бы реваншистский настрой, а также укрепил бы позиции военного руководства.

В 1926 г. был заключен *Берлинский договор с СССР о взаимном нейтралитете и сотрудничестве*. Существовала также секретная договоренность о совместных действиях рейхсвера и Красной армии в случае нападения Польши на Восточную Пруссию или Украину. Это было шагом к исполнению давней мечты генерала Х. Секта о войне Германии и СССР против Польши с целью ее раздела. Рейхсвер подчеркнуто сторонился как демократических институтов республики, так и политических партий. За спиной правительства военные активно перевооружали армию, держались в стороне от текущей политики и следовали принципу Секта: «Армия служит государству, только государству, ибо она и есть государство». Но Штреземан сознательно закрывал глаза на тайны рейхсвера.

Несмотря на постоянное сопротивление со стороны различных партий, Штреземану в течение пяти лет удалось осуществить значительную часть намеченного. Со времен О. Бисмарка ни один немецкий государственный деятель не обладал таким умением вести переговоры и добиваться желаемых результатов, как Штреземан.

Когда он положил конец пассивному сопротивлению в Руре, это способствовало ухудшению отношений между Англией и Францией и привело к появлению плана Ч. Дауэса. Стало возможно надеяться на осуществление главного замысла Штреземана — созыв конференции по европейской безопасности.

Первый шаг к этому немецкий министр сделал в сентябре 1924 г., направив в Совет Лиги Наций меморандум о готовности Германии вступить в эту организацию. В начале 1925 г. в Лондон и Париж поступили официальные немецкие предложения о заключении гарантийного пакта и признании сложившегося положения на Рейне. Успеху переговоров способствовал вывод французских войск из Рура, Дуйсбурга и Дюссельдорфа.

5 октября 1925 г. в швейцарском курортном городке Локарно открылась конференция министров иностранных дел Англии, Франции, Италии, Германии, Бельгии, Польши и Чехословакии. После трудных переговоров был заключен *Рейнский пакт*, утвердивший существующие границы между Германией и Францией, Германией и Бельгией. Эти страны

обязались не применять силу друг против друга и решать все спорные вопросы мирным путем. Англия и Италия становились гарантами пакта. Но с Польшей и Чехословакией были заключены лишь арбитражные договоры, в которых Германия обещала не изменять силой нынешние границы, что отнюдь не означало ее отказа от стремления к ревизии этих границ. Официальное подписание локарнских соглашений состоялось в Лондоне 1 декабря 1925 г.

Пресса Германии начала ожесточенную кампанию против ратификации пакта и обвинила Штреземана в национальной измене. 26 октября министры от Немецкой национальной народной партии (НННП) демонстративно покинули правительство. Со своей стороны, председатель компартии Э. Тельман выступил в рейхстаге с резкой речью, назвав локарнские соглашения «пактом войны» против СССР.

Проблема восточных границ носила весьма сложный характер. Польша, имея армию, которая втрое превышала численность рейхсвера, главным своим противником считала не Германию с ее стремлением к реваншу, а СССР. Чехословакия расценила итоги переговоров в Локарно как значительное улучшение своего международного положения и переориентировала свои военные планы на оборону против Венгрии, претендовавшей на часть Словакии.

8 сентября 1926 г. *Германия была принята в Лигу Наций* и стала постоянным членом ее Совета. Этот триумфальный успех политики Штреземана вызвал ликование либералов и пацифистов. В то же время правые и левые радикалы начали новую атаку на министра, которая к лету 1927 г. перешла в открытую травлю. Отчаянные попытки Штреземана преодолеть непонимание его политики соотечественниками и избежать кризиса доверия в отношениях с Парижем не имели успеха. Франция явно затягивала освобождение Рейнской области, обострились проблемы выплаты репараций и разоружения.

Много сил отняли у Штреземана последние в его жизни выборы в рейхстаг 20 мая 1928 г., на которых его партия потеряла голоса полумиллиона избирателей и провела в парламент всего 35 депутатов. А депутат от нацистов, доктор философии Й. Геббельс, во всеуслышание заявил, что теперь-то он сможет официально спросить Штреземана, действительно ли министр является масоном и женат не на арийке.

27 августа 1928 г., едва оправившись от болезни, Штреземан участвовал в Париже в подписании пакта Бриана—Кел-

лога, провозгласившего отказ от войны как инструмента внешней политики. Кончина Штреземана 3 октября 1929 г. означала фактический конец политики взаимопонимания и примирения с другими странами. Впоследствии некоторые немецкие и зарубежные политики и публицисты считали уход с политической сцены Штреземана чуть ли не главной причиной крушения Веймарской республики. Скорее всего, это преувеличение, в котором, однако, содержится значительная доля истины.

Нелегитимная республика

Многочисленные политические конфликты в Германии середины 20-х годов между республиканцами и правыми силами не принесли победы ни одной из сторон, впрочем, как и поражения. Политическая ситуация находилась в состоянии неустойчивого равновесия.

Правительство парламентского меньшинства стремилось доказать правым кругам свою «национальную благонадежность». В мае 1926 г. это ясно продемонстрировал правительственный указ, по которому имперский черно-бело-красный флаг немецкого торгового флота приравнивался к флагу республики и должен был висеть рядом с ним во всех торговых и консульских учреждениях Германии за рубежом. Указ привел не только к бурной общественной полемике, но и к тому, что рейхстаг большинством голосов выразил рейхсканцлеру недоверие. Но этот успех демократов и левых не был развит далее. Президент П. Гинденбург назначил новым главой правительства лидера партии «Центр» В. Маркса, который не только сохранил весь прежний кабинет министров, но и не отменил провокационное решение об имперском флаге.

В том же 1926 г. состоялся всколыхнувший всю Германию референдум по поводу княжеских имуществ, которые были конфискованы после Ноябрьской революции 1918 г. Вначале прусское правительство согласилось с требованием Гогенцоллернов выплатить им компенсацию в 500 млн марок. После этого все правившие до 1918 г. династии предъявили свои претензии, достигшие суммы в 3 млрд золотых марок. Эти требования активно поддержали правые партии, отвергавшие безвозмездную конфискацию имущества, законопроект о которой внесла в рейхстаг фракция Коммунистической партии Германии (КПГ). Коммунисты и социал-демократы поддержа-

ли возникшую среди рабочих идею проведения всенародного референдума. Референдум прошел 20 июля (в нем приняли участие 14,4 млн человек, т. е. 36,4% имеющих право голоса), но не достиг цели, так как для принятия положительного решения требовалось 20 млн голосов. Успех в выявлении общественного мнения показал значительный потенциал обеих рабочих партий в случае их совместных действий. Однако установить прочное сотрудничество партиям не удалось. Напротив, с 1928 г. КПГ безоговорочно приняла установку Коминтерна на борьбу с «социал-фашизмом».

Если опираться на разработанную выдающимся ученым М. Вебером концепцию легитимации власти в трех идеально-типических формах — традиционной, рациональной и харизматической, — то следует признать, что в Веймарской республике не наблюдалось ни одной из них.

Традиционную легитимацию власти воплощала прежняя монархия. Попытки демократов мобилизовать традиции национализма для реализации идеи «общенародной интеграции» закончились самым плачевным образом. Направленный против Версальского диктата немецкий национализм обернулся впоследствии ярким врагом республики.

Не было и *рациональной* легитимации власти, хотя к ней имелись предпосылки в виде закрепленных Конституцией основ свободного правового государства и социально-политических прав граждан. Однако для их реализации так и не удалось создать экономическую базу.

Была невозможна и *харизматическая* легитимация власти. Крах массового революционного движения вошел в сознание многих его участников как опыт горького разочарования. К тому же ни прежние, ни новые политики веймарского периода не обладали харизмой. Даже Г. Штреземан, при всем уважении к его личности, не смог сформировать в мировом общественном мнении доверительное отношение к республике.

К концу 20-х годов во всех партиях ощущалась тоска по вождю, способному мобилизовать и сплотить вокруг себя массы. Общее недовольство издержками парламентской демократии и правительственной чехардой вело к «поправению» буржуазных партий. Особенно это было заметно у Немецкой национальной народной партии (НННП), которую в 1928 г. возглавил А. Гугенберг, рассматривавший нацистов уже как возможных союзников.

На последнем этапе стабилизации все политические силы Веймарской республики испытали горечь крушения. Социалистическая модель перестройки общества была отвергнута уже в 1919—1920 гг. Коммунисты были травмированы неудачей октябрьского выступления 1923 г. Социал-демократы и либералы после провала на выборах 1920 г. постоянно занимали оборонительные позиции. Партия «Центр» ограничивалась компромиссами то с правыми, то с левыми силами.

За неполные двенадцать лет Веймарская республика испробовала все политические комбинации и везде потерпела неудачу. Многообразие и динамика социально-политических движений и концепций, которые так отличают веймарский период от других эпох немецкой истории, привели к невиданной дискредитации политики. Следствием стало неприятие демократической модели общественного устройства и усиление тяги к сильной авторитарной власти.

Однако этот процесс потери интереса к компромиссам не согласуется с распространенным тезисом о «самоотречении демократии». Хотя свобода действий сторонников демократии постоянно уменьшалась, это еще не означало неотвратимости краха республики. Блокирование демократического выхода из кризиса не делало его невозможным, только все более нереальным.

Кризис парламентаризма

20 мая 1928 г. состоялись выборы в четвертый рейхстаг. Они принесли рабочим партиям значительный успех, а правым и умеренным — заметные потери. За Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), которая далеко опередила остальные партии (153 места), проголосовало почти на 1,3 млн избирателей больше, чем в 1924 г. Коммунистическая партия Германии (КПГ) привлекла на свою сторону полмиллиона новых сторонников и получила 54 мандата. Националисты потеряли почти 1,9 млн голосов, и их представительство сократилось до 73 депутатов. Неудачными оказались выборы для партий «Центр», Немецкой народной (ННП) и Немецкой демократической (НДП), которые лишились 400—500 тыс. сторонников, т. е. потеряли 30 депутатских мест.

Исход выборов означал возможность воссоздания веймарской коалиции с участием и ННП. Не уверенный в правильности своего выбора, П. Гинденбург назначил рейхсканцлером председателя СДПГ Г. Мюллера. Но президент был приятно поражен, увидя перед собой во время первой аудиенции, данной новому председателю правительства, крепкого мужчину с военной выправкой, который держался с подобающим уважением.

Однако правительство Мюллера с самого начала оказалось очень нестабильным. Немецкая народная партия в это время рвалась к власти в Пруссии, но ее планы сорвала партия «Центр», опасавшаяся возможного конкордата Пруссии с Ватиканом¹. Добиваясь увеличения министерских постов для своих сторонников, католическая партия буквально шантажировала партнеров, отозвав на три месяца из кабинета министров одного из двух своих представителей. СДПГ же склонялась к тому, чтобы все вопросы экономической политики решать в интересах профсоюзов. Поэтому правительство Мюллера трудно назвать коалиционным в полном смысле этого слова, так как его члены прежде всего отстаивали интересы своих партий.

Не успел новый кабинет министров приступить к работе, как разразился политический скандал. Еще правительство

¹ От лат. *concordare* — быть согласным. Договор между правительством какого-либо государства и Ватиканом, определяющий взаимоотношения между государством и католической церковью в данной стране.

В. Маркса приняло одобренное рейхстагом решение о строительстве четырех тяжелых крейсеров, что было разрешено Версальским договором. СДПГ же вела избирательную кампанию под лозунгом «Никаких броненосцев — за хлеб для наших детей!». Поэтому, когда рейхсканцлером стал Мюллер, ожидалось, что эта программа будет заморожена или отменена, тем более что против нее высказывались НДП и часть политиков партии «Центр».

Вопреки сомнениям министры единогласно высказались за начало строительства первого крейсера. Однако руководство СДПГ не желало отказываться от своей позиции. И через неделю были приняты две взаимоисключающие резолюции. Правление партии осудило «своих» министров, а фракция СДПГ в рейхстаге посчитала обязательным их дальнейшее участие в правительстве «в интересах всех рабочих». Правда, затем она внесла в парламент законопроект о приостановке строительства и обязала всех членов партии, включая министров, поддержать его. Все это уже походило на политический фарс. Однако новому министру рейхсвера В. Грёнеру без особых проблем удалось провести через рейхстаг решение о строительстве всех крейсеров.

В это же время, к великому разочарованию Г. Штреземана, основанная им ННП превратилась в рупор крупных промышленников и все больше сближалась с национальной оппозицией А. Гугенберга. Последним успехом Штреземана стали очередные переговоры по репарациям. С февраля по июнь 1929 г. в Париже работала международная комиссия под руководством американского банкира О. Янга¹, результатом деятельности которой стал так называемый *план Янга*. Он был утвержден в августе того же года на Гаагской конференции. План устанавливал окончательный размер немецких репараций в сумме 113,9 млрд марок. Иностранный контроль за структурой германской экономики отменялся, а Франция обязывалась полностью вывести свои войска из Рейнской области к середине 1930 г.

Правые круги сразу встретили план Янга в штыки. В сентябре группа известных в Германии лиц — лидер Немецкой национальной народной партии (НННП), руководитель Пангерманского союза, представители «Стального шлема» и Им-

¹ До недавнего времени в научной литературе фамилию Young передавали по-русски как Юнг. Правильная транскрипция — Янг.

перского союза немецкой промышленности, а также приглашенный лично Гугенбергом А. Гитлер — выступила с проектом нового закона, по которому правительство должно было официально отклонить статью 231 Версальского договора об единоличной ответственности Германии за войну и потребовать немедленного вывода всех оккупационных войск. С этим предложением согласились 4,135 млн человек — такого количества подписей вполне хватало для назначения референдума. Но рейхстаг отклонил предложенный правыми закон. Провалился и состоявшийся 22 декабря 1929 г. референдум, в котором приняли участие только 6,2 млн человек из 42 млн немцев, имеющих право голоса. За предложение правых лидеров проголосовали 5,8 млн человек. Однако референдум показал и недовольство масс демократически-парламентской системой.

Политическое и социально-экономическое положение в Германии все отчетливее доказывало несостоятельность правительства Мюллера. Падение кабинета министров становилось только вопросом времени. Решающим фактором явилась экономическая рецессия, которую не могло остановить государство¹. Уже в начале 1929 г. число зарегистрированных и получавших пособие безработных выросло до 1,5 млн человек. На самом деле их было гораздо больше, поскольку еще не начавшие работать молодые люди регистрации не подлежали. Правительство было вынуждено запросить дополнительно 400 млн марок на пособия. В ответ правые силы потребовали существенного сокращения пособий, а это вызвало столь резкий протест профсоюзов, что какие-то разумные дискуссии на эту тему стали совершенно невозможными.

Отчетливо проявилось это в сентябре 1929 г., когда министры финансов и труда из социал-демократов, поддержанные прусским правительством, предложили увеличить взносы предпринимателей и рабочих в страховой фонд. Предприниматели обрушили шквал критики на этот план и потребовали сокращения социальных расходов и снижения налогов. Хотя рейхстаг и принял правительственный план, это не снизило напряжения. Трудности в стране только начинались.

Рейхсканцлер не мог справиться с тяжелой ситуацией. (Отчасти это можно объяснить состоянием его здоровья: серь-

¹ От лат. *recessus* — отступление. Спад производства или замедление темпов его роста.

езно больной человек, в марте 1931 г. Мюллер скончался.) Сolidарность членов кабинета министров исчезала на глазах. В конце 1929 г. президент рейхсбанка Я. Шахт, способнейший финансист, но необычайно высокомерный и честолюбивый человек, отказался выделить кредиты на выплату пособий по безработице. Разразился крупный скандал, а Шахт, демонстративно покинув свой пост, обвинил правительство в безответственности и некомпетентности.

Поскольку ни министры от разных партий, ни профсоюзы и объединения предпринимателей не могли достичь компромисса, то 27 марта 1929 г. Мюллер вручил президенту Гинденбургу прошение об отставке кабинета министров. Это был конец последнего парламентского правительства Веймарской республики.

Глава 5

КОЛЛАПС ДЕМОКРАТИИ (1930—1933)

«Черная пятница»

25 октября 1929 г., в пятницу (за океаном это был еще четверг), произошел внезапный и грандиозный обвал акций на нью-йоркской бирже. Начался самый зловещий в истории капитализма *экономический кризис*, охвативший практически весь мир. В Германии, экономическое положение которой и без того было тяжелым, кризис повлек за собой роковые последствия. Временный спад конъюнктуры перерос в невиданную доселе катастрофу. Кризис явился поводом к разрушению демократической системы, которая к тому времени уже значительно ослабела.

Своеобразие этого экономического кризиса в веймарской Германии заключалось в том, что он не только разрушил экономику, но и в еще большей степени разрушил политическую ситуацию.

Спад производства в немецком хозяйстве достиг таких размеров, что многие — и политики, и ученые, и простые люди — ожидали краха экономической системы капитализма. Уже к середине 1929 г. рост промышленного производства прекратился. Затем производство стало резко падать и к 1932 г. снизилось по сравнению с 1928 г. на 54%. Выплавка чугуна упала на 21,3%, а стали — на 24%. В начале 1931 г. недогрузка предприятий составляла 56,2%, а это означало, что свыше половины производственных мощностей германской индустрии не использовалось.

За падением покупательного спроса со стороны нищавшего населения последовало падение цен на потребительские товары. По сравнению с 1928 г. цены снизились в 1929 г. на 2%, в 1931 г. — на 20%, а в 1932 г. — на 33%. Одновременно сокращалась заработная плата, установленная по тарифным до-

говорам. Впрочем, для большинства трудящихся тарифы уже не имели значения, поскольку многие рабочие и служащие либо были заняты неполный рабочий день, либо оказались безработными. Начиная с кризисного 1926 г. безработица в Германии неуклонно росла. В 1927—1928 гг. она составляла 6,3%, в 1929 г. — 14%, в 1930 г. — 27,1%. В феврале 1932 г. безработица охватила более 6 млн человек. Но к этому числу надо прибавить еще около 1 млн незарегистрированных безработных, а также их семьи. Заметно снизилось жалование служащих. Мелкие торговцы и ремесленники жестоко пострадали из-за падения цен и спроса. Обострился аграрный кризис. Эта картина всеобщего обнищания в атмосфере тревоги и неуверенности показывает, что немецкое общество стояло на краю пропасти и жаждало перемен.

В условиях кризиса рабочие и служащие в строительной, тяжелой и горнодобывающей промышленности оказались в наихудшем положении по сравнению с персоналом более современных отраслей промышленности — электротехнической и химической. Гораздо выше среднего уровня была безработица среди молодежи в возрасте 18—30 лет. Юноши и девушки, которые еще жили с родителями, не имели права на

получение пособия и оказывались лишенными всяких средств к существованию.

Безработица стала и тяжелой социально-психологической проблемой. Люди, потерявшие работу, чувствовали себя бесполезными, изгоями и просто не знали, как прожить им очередной день, который не сулил ничего утешительного. Видимость выхода они находили в общении с единомышленниками, в объединении с людьми общей горькой судьбы. Именно в годы кризиса заметно возросла численность военизированных формирований при отдельных партиях. В этот период личной, социальной и политической дезориентации дисциплина организации заменила немцам прежнюю дисциплину труда, а участие в боевых отрядах давало отчаявшимся людям иллюзию смысла жизни и надежду на лучшее будущее. К 1932 г. Коммунистическая партия Германии (КПГ) превратилась фактически в партию безработных, а национал-социалисты (члены НСДАП) сумели привлечь на свою сторону миллионы людей из средних слоев, крестьян и сельских рабочих, а также молодежь, которая в партии составляла большинство.

Экономический кризис способствовал политическому краху Веймарской республики. «Внизу» быстро радикализировалась масса тех людей, которые потеряли все перспективы. «Наверху» политики правого толка и представители старой элиты пытались использовать благоприятный для них час, чтобы нанести смертельный удар по демократии.

Безработные в очереди за супом (1932 г.)

Выборы 1930 г. — поражение демократии

В период экономического кризиса и нестабильной политической ситуации активную роль в жизни Германии стали играть военные, которые стремились положить конец угрозе растущей поляризации общества, его распаду на враждебные друг другу силы. В начале 1930 г. военный министр В. Грёнер

и статс-секретарь его министерства генерал К. Шлейхер — человек невиданной изворотливости и беззастенчивый интриган — пришли к убеждению, что следует создать новое правительство из людей, не связанных никакими обязательствами перед партиями и лояльных по отношению к президенту.

Генералы остановились на кандидатуре лидера фракции «Центра» в рейхстаге — консерваторе Г. Брюнинге (1885—1970). Он пользовался в партии большим авторитетом, а в парламенте всегда поддерживал предложения армейского руководства. Брюнинг разделял враждебное отношение Шлейхера к социал-демократии, а как убежденный католик был готов на авторитарное решение трудных общественных проблем.

Именно Шлейхер сумел убедить президента П. Гинденбурга в необходимости назначить рейхсканцлером Брюнинга, к вероисповеданию которого глава страны питал недоверие. Но сыграло свою роль военное прошлое Брюнинга: в годы Первой мировой войны он командовал пулеметной ротой и за храбрость был награжден Железным крестом I степени. Это стало главным аргументом в пользу нового назначения, и 30 марта 1930 г. Брюнинг возглавил коалиционное правительство.

Таким образом, новый рейхсканцлер, возможно, не вполне отдавая себе в этом отчет, оказался ставленником армии. Человек безупречной репутации, честный, скромный, даже аскетичный, Брюнинг надеялся укрепить государство и вывести его из кризиса, наводя в стране жесткую экономию. При этом он прекрасно понимал, что такой курс возможен только при использовании президентом своих чрезвычайных полномочий. Гинденбург не слишком охотно, но согласился с этим, однако добавил, что предполагаемые меры не должны противоречить Конституции.

Внешне новый кабинет министров не слишком отличался от предыдущего (7 из 11 его членов были министрами и в правительстве Г. Мюллера), но у него были две особенности: непривычно молодой для Германии возраст министров и присутствие в составе правительства шести бывших фронтовиков.

Уже в апреле 1930 г., понимая, что время не ждет, рейхсканцлер сумел провести через рейхстаг законы о повышении косвенных налогов и пошлин на импорт важнейших продуктов питания. В июне правительство представило вторую часть «плана экономии»: значительно сокращались пособия по безработице, право на них теряли лица моложе 17 лет и старше

65 лет, вводились налоги на холостяков и всеобщий (поголовный) налог. Все это вызвало негодование многих депутатов рейхстага, особенно из правых фракций.

В итоге парламент отклонил правительственную программу. Тогда Брюнинг обратился к президенту с просьбой утвердить ее чрезвычайным декретом. Со своей стороны, рейхстаг потребовал отменить декрет, законность принятия которого с конституционной точки зрения была весьма сомнительна (статья 48 могла применяться лишь в случае возникновения угрозы общественной безопасности и порядку, о чем тогда не было и речи).

В поисках выхода из тупика глава правительства предложил президенту распустить рейхстаг и назначить новые выборы. (До настоящего времени неизвестно, каким образом Брюнинг надеялся получить поддержку большинства нового рейхстага.) Сам того не желая, рейхсканцлер пробил первую крупную брешь в Веймарской конституции и открыл путь к власти отъявленным демагогам и злейшим врагам республики. Но глава кабинета министров, искренне убежденный в правильности своего курса, наивно надеялся на рассудительность и благоразумие избирателей.

Брюнинг удивительно неверно оценивал ситуацию и общественное настроение, которое все более склонялось на сторону экстремистских партий. Было очевидно, что новый рейхстаг окажется неработоспособным и практически неконтролируемым.

В то же время программа лидера национал-социалистов А. Гитлера привлекала внимание все большего числа немцев. Обещая вновь сделать Германию могучей, он требовал разорвать постыдный Версальский договор и отказаться от выплаты репараций, обещал железной рукой искоренить коррупцию, обеспечить каждого немца куском хлеба и работой. Что могло быть более обнадеживающим для миллионов обездоленных людей?

Шансы нацистов на успех были велики, но и сам Гитлер удивился исходу выборов. Его партия завоевала на 5,5 млн больше голосов, чем два года назад, и получила в парламенте 107 мест, создав самую большую после Социал-демократической партии Германии (СДПГ) фракцию. К столь успешной партии стали внимательно присматриваться крупнейшие промышленники Германии. В конце 1930 г. Рейнско-Вестфальский угольный синдикат принял решение отчислить в поль-

зу Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) по 5 пфеннигов с каждой проданной тонны угля. В год выходило 6 млн марок.

Вперед продвинулись и коммунисты, которых поддержало на 1,3 млн немцев больше, чем на предыдущих выборах, а в фракции Коммунистической партии Германии (КПГ) теперь стало 77 депутатов.

Поскольку националисты потеряли около 2 млн голосов, то было очевидно, что их прежние сторонники поддержали НСДАП. Демократы и фракция Немецкой народной партии (ННП) потеряли по 5 мест. Среди умеренных лишь партия «Центр» немного улучшила свои позиции: число ее сторонников выросло на полмиллиона, что позволило иметь в рейхстаге 68 мест.

Результат выборов означал, что правительство никоим образом не может рассчитывать на необходимые для принятия важных законов голоса парламентариев. Фракции нацистов и коммунистов в рейхстаге, с разных позиций отвергавшие любые предложения буржуазного правительства, фактически блокировали работу парламента. Конституционный эксперимент Брюнинга потерпел полное крушение.

Национал-социализм завоевывает Германию

Ошеломляющий успех Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) на выборах лишь отчасти можно объяснить тяжелой экономической ситуацией в стране и глубоким разочарованием масс в партийной системе Веймара. То обстоятельство, что именно НСДАП совершила головокругительный рывок вперед, в основном следует объяснить политическим дарованием ее лидера **А. Гитлера** и притягательной силой нацистского движения.

Действительно, многие немцы, не разделяя идеалы национал-социализма, считали тем не менее, что он принес в серую и холодную повседневность «механически-рационального порядка» веймарской Германии накал драматизма и страсти. Нацизм казался эмоциональным протестом против бездушной рационализации человеческого бытия.

Выборы 1930 г. проходили в условиях кризиса, еще сравнимых с ситуацией 1926 г., когда спад производства был преодолен сравнительно быстро. Нацисты пришли в большую по-

литику не на пике кризиса, а на заключительной стадии стабилизации.

Включившись после освобождения из заключения в начале 1925 г. в активную партийную деятельность, А. Гитлер с удивительной энергией в кратчайший срок воссоздал и реорганизовал фактически развалившуюся партию. Новая тактика была выражена в требовании Гитлера «не перестрелять ноябрьских преступников, а переголосовать их». Все усилия партии отныне были направлены на *завоевание масс*.

Примечательной чертой нацизма была его постоянная активность, *движение ради движения*, движение как постоянное доказательство безудержной динамики. В идеологическом отношении НСДАП представляла собой характерный для немецких правых сил конгломерат самых различных идей. Новым был только тот эмоциональный накал, с которым велась борьба против веймарской «системы», дополненный антисемитизмом, антилиберализмом, антимарксизмом и антикапитализмом. Иррациональный мифологизм соединился с социальным протестом «молодого поколения» против старого мира. Вторым после фюрера (вождя) человек в партии Г. Штрассер громкогласно провозгласил девиз нацизма: «Эй, старичье, уступите дорогу!»

Многие аргументы национал-социализма были заимствованы из пропагандистского арсенала консервативных критиков процесса модернизации и его последствий. Но идея будущего «народного сообщества» уже выходила за пределы таких консервативно-реставрационных воззрений.

Представители старой элиты, со своей стороны, питали иллюзорную надежду на «приручение» нацистского движения и использование его в своих интересах. Они не поняли того, что нацисты являются не просто более радикальными выразителями идей врагов республики и демократии, а совершенно новой и еще невиданной **р а з р у ш и т е л ь н о й с и л о й**.

Национал-социалисты были, в сущности, первой «народной партией», о чем свидетельствует социальный состав НСДАП. В 1930 г. среди ее членов было 25,6% служащих, 14,1% сельских хозяев, 9,1% ремесленников и кустарей, 8,2% торговцев, 3% лиц свободных профессий, 1,7% учителей. Эти слои были представлены в партии сверхпропорционально их доле в населении Германии. Что же касается рабочих, то в партии они составляли 28,1%, в то время как среди трудящихся их было

45%. В это время за нацистов голосовали около 2 млн рабочих, а в штурмовых отрядах (СА)¹ их насчитывалось более 200 тыс. (в основном это были люди, потерявшие работу).

В отличие от других партий НСДАП сумела создать разветвленную сеть местных организаций, хотя никак не могла прочно утвердиться на католическом юго-западе страны.

Неоднородность членского состава партии определялась несоответствием профессий ее членов официальной статистике: «торговцем» считался как владелец солидного магазина, так и бродячий разносчик, а «рабочим» — как высококвалифицированный мастер, так и сельский батрак. В определенном смысле нацистская партия могла рассматриваться как «межклассовая». Причем большинство в партии составляли люди, испытавшие социальное падение и превратившиеся, по сути, в маргиналов, которые не могли (а некоторые и не хотели) найти свое место в обществе.

По сравнению с другими партиями, кроме компартии Германии, нацистская партия была движением молодежи: в 1930 г. более трети ее членов было моложе 30 лет, а 27% членов не достигли 40 лет, в 1930—1933 гг. доля вступавших в партию молодых людей превышала 40%. Все это усиливало впечатление динамики, мобильности партии, ее нацеленности в будущее, поскольку молодые нацисты уже не ожидали ничего хорошего от слабой и беспомощной республики.

Кризис экономики и идей либеральной демократии охватил все европейские страны, в которых также происходила вызванная модернизацией производства ломка традиций. Почему же среди развитых цивилизованных стран одна Германия брошена в пропасть тоталитаризма? Однозначно ответить на этот вопрос невозможно, поскольку в начале 30-х годов XX в. ситуацию в Германии определяло совпадение нескольких особенных факторов развития страны.

Экономический кризис затронул Германию сильнее, чем большинство других европейских государств (во Франции, например, кризис начался только в 1931 г. и протекал не так тяжело). И немцы, полностью утратив веру в существующую систему, стали искать пути выхода из кризиса в построении общества на тоталитарной основе. Однако Соединенные Штаты Америки были охвачены столь же катастрофическим кризисом, но тем не менее смогли наладить жизнь в рамках

¹ От нем. SA — Sturmabteilung.

Конституции. Но отличие Германии от США состояло в том, что она, в сущности, с 1918 г. находилась в перманентном кризисе, из которого, казалось, не было никакого выхода.

Процесс модернизации производства на рубеже XIX—XX вв. проходил в Германии гораздо стремительнее, чем в других странах Европы. Этот глубокий переворот еще до Первой мировой войны привел к формированию в стране общественных настроений, характеризующихся сочетанием хвастливого имперского мышления и страха перед непредсказуемыми последствиями социально-экономических перемен. Потрясения войны и последовавшего за нею кризиса привели к разочарованию в общественном устройстве и негативному отношению к техническому прогрессу. Выход из положения видели в радикальной ломке всей прежней политической и социально-экономической структуры. Идея построения «народного сообщества» приобретала все большую популярность по мере нарастания кризиса. Хотя аналогичные процессы шли и в других странах, но только в Германии произошло фатальное совпадение всех кризисных факторов.

Ни монархический режим, ни республика так и не добились легитимности. Война, революция, жесточайшая инфляция, национальное унижение привели к разрушению *социально-моральных норм и ценностей*. Все большему числу людей хотелось верить в обещания коммунистов и национал-социалистов. Вопрос был лишь в том, чтобы определить, кто сулит более радужные перспективы.

Гинденбург против Брюнинга

Сознавая, что его правительство оказалось самым непопулярным за все время существования Веймарской республики, рейхсканцлер Г. Брюнинг тем не менее упорно продолжал проводить свой курс жесткой экономии (и получил за него прозвище «канцлер Голод»). Вновь была снижена заработная плата рабочих и государственных служащих, причем одновременно была увеличена сумма их взносов в фонд страхования по безработице. Однако по-прежнему не было ни малейших признаков хозяйственного оживления.

В поисках выхода из кризиса рейхсканцлер решил прибегнуть к рецепту О. Бисмарка — уладить внутренние проблемы с помощью дипломатических успехов. Он намеревался добиться отмены выплаты репараций, мораторий на которые

объявил Президент США Г. Гувер в июне 1931 г. Брюнинг также надеялся договориться на предстоящей конференции по разоружению о военном паритете Германии с другими европейскими державами в том случае, если они откажутся сократить свои вооружения до уровня, сопоставимого с уровнем вооружения Германии.

Весной 1931 г. в прессе появились сообщения о предстоящем заключении австро-германского таможенного союза. Теоретически такой проект выглядел вполне реальным, но о возможном соглашении было объявлено без всякой предварительной дипломатической подготовки. Это являлось чистой импровизацией правительства, необдуманном броском вперед в стиле Вильгельма II. Поскольку такой союз означал бы возможное в дальнейшем объединение двух стран, то Франция и Чехословакия заявили категорический протест. Более того, Франция потребовала немедленного возврата всех краткосрочных кредитов с целью заставить Берлин отказаться от плана заключения союза. За этим дипломатическим поражением последовал явный рост недоверия западных держав к политике Германии. В итоге авторитет рейхсканцлера заметно снизился, а министр иностранных дел был вынужден уйти в отставку.

Убежденный сторонник восстановления монархии, Брюнинг разработал план отмены (с согласия рейхстага и рейхсрата) в 1932 г. президентских выборов, что означало автоматическое продление полномочий президента П. Гинденбурга. Глава правительства полагал, что после этого он сможет получить согласие рейхстага на провозглашение монархом одного из сыновей наследного принца, а престарелого президента назначить при нем регентом. По мнению Брюнинга, это могло бы ослабить позиции нацистов. Но Гинденбург и слышать не хотел ни о каком другом императоре, кроме самого экс-кайзера, и объявил о том, что будет бороться за свое переизбрание.

Рейхсканцлер, а затем и президент встретились с главой Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) А. Гитлером, который наотрез отказался поддержать план Брюнинга. На президента встреча с лидером популярной партии произвела такое негативное впечатление, что он заявил, что этот «богемский ефрейтор» годится только в министры почты.

11 октября 1931 г. Гитлер принял участие в собравшемся в брауншвайгском городке Бад-Гарцбург съезде «национальной оппозиции», представленной главным образом старыми консервативными силами — Немецкой национальной народной

партией (НННП), правым крылом монархического «Стального шлема», «пангерманцами», Ландбундом, выражавшим интересы крупных аграриев. На съезде присутствовали Я. Шахт и директор «Дойче банка» Э. Штаус, генеральный директор «Стального треста» А. Фёглер и председатель Союза горнозаводчиков Э. Бранди, экс-канцлер В. Куно и принц Фридрих Прусский, многие генералы.

Но созданный съездом «Гарцбургский фронт» оказался мертворожденным образованием. Без участия национал-социалистов фронт не имел никакой силы, хотя и объявил войну рейхсканцлеру. Однако Гитлеру, который презирал этих «последышей старого режима», не нравилась предназначенная ему роль второй скрипки.

Брюнинг еще раз попытался достичь соглашения с лидером НСДАП, пообещав ему, что уйдет в отставку сразу после отмены репараций и установления военного паритета, а на свое место предложит кандидатуру главы национал-социалистов. Такая ситуация не устраивала Гитлера, решившего баллотироваться в президенты. Однако для этого требовалось немецкое гражданство, которого Гитлер не имел. Тогда министр внутренних дел Брауншвайга, член нацистской партии, предоставил ему это гражданство и назначил своим представителем в Берлине.

Предвыборная президентская кампания носила крикливый и сумбурный характер, который усугубило вступление в нее еще двух кандидатов, не рассчитывавших на победу, но способных отобрать у главных соперников несколько миллионов голосов. Националисты поддержали кандидатуру совершенно заурядного политика, одного из лидеров «Стального шлема» Т. Дюстерберга, которого нацисты уличили в неарийском происхождении. Коммунисты, рискованно сыгравшие на руку нацистам, выдвинули кандидатуру Э. Тельмана.

На прошедших 13 марта 1932 г. выборах Гинденбург получил 49,6%, Гитлер — 30,1%, Тельман — 13,2% и Дюстерберг — 6,8% голосов. 10 апреля состоялся второй тур выборов, в котором победил Гинденбург, получивший 53% голосов; Гитлер набрал 36,8%, а Тельман — 10,2% голосов.

Еще накануне первого тура выборов гессенская полиция обнаружила в штаб-квартире НСДАП документы, которые доказывали, что после избрания Гитлера президентом руководители СА намерены совершить государственный переворот и ликвидировать демократическую республику. Подтвердивший свои президентские полномочия Гинденбург по насто-

янию Брюнинга и Грёнера, на которых оказывали давление встревоженные ситуацией правительства Пруссии и Баварии, подписал декрет о роспуске штурмовых отрядов. Но президент одновременно потребовал от Грёнера, который теперь исполнял и обязанности министра внутренних дел, объяснений, почему вместе с СА не были запрещены и отряды социал-демократического Рейхсбаннера¹.

Гинденбург разочаровался в Брюнинге, которого еще совсем недавно называл «лучшим канцлером после Бисмарка». Старый аристократ не мог простить рейхсканцлеру, что тот не сумел добиться отмены выборов, на которых фельдмаршалу пришлось соперничать с коммунистом и с ефрейтором. По его мнению, этот ефрейтор был настолько бездарным, что за все годы войны так и не сумел выбиться хотя бы в фельдфебели.

Неприязнь Гинденбурга к Брюнингу усилилась, когда глава правительства предложил национализировать за солидную компенсацию несколько разорившихся юнкерских поместий и передать землю безземельным крестьянам. Землевладельцы немедленно завалили президента жалобами на «аграрный большевизм», за что Брюнинга следует немедленно сместить с поста.

29 мая 1932 г. президент в резкой форме предложил рейхсканцлеру уйти в отставку, но остаться в новом правительстве министром иностранных дел. Оскорбленный Брюнинг, считавший, что находится уже «в ста метрах от цели», ответил отказом и немедленно подал Гинденбургу прошение об отставке. Возможно, в этот момент он вспомнил пророческое предостережение генерала Грёнера: «Единственное, на что вы всегда можете твердо рассчитывать, это — измена старого господина».

С уходом Брюнинга пала и Веймарская республика, хотя формально и просуществовала еще восемь месяцев.

«Кабинет баронов»

Новым рейхсканцлером Германии 1 июня 1932 г. был назначен **Ф. Папен** (1879—1969), выходец из обедневшего вестфальского дворянского рода, незадачливый политик, сторон-

¹ Нем. *Reichsbanner* — букв. государственный флаг. Военизированная организация, созданная в 1924 г. социал-демократами для защиты республики от монархической реакции.

ник католической партии «Центр», тщеславный, вероломный и хитрый человек. Выбор президента вызвал всеобщее недоумение, но президенту П. Гинденбургу понравились обходительность и превосходные манеры этого бывшего гвардейского офицера. Однако Папен не имел в Германии никакого политического веса. Он даже не был депутатом рейхстага, а всего лишь занимал место в прусском ландтаге, где не проявлял особых инициатив. Согласие Папена занять пост главы правительства после грубого отстранения от власти Г. Брюнинга вызвало такое возмущение руководителей «Центра», что нового рейхсканцлера немедленно исключили из рядов католической партии.

Правительство Папена получило меткое прозвище «кабинет баронов», потому что из десяти членов кабинета шесть министров были дворянами, двое — директорами промышленных корпораций. Известный немецкий дипломат и писатель Г. Кесслер охарактеризовал их позицию как «комбинацию глупости и реакционности». Министром обороны стал **К. Шлейхер**.

Уже 4 июня новый рейхсканцлер распустил рейхстаг с назначением новых выборов на 31 июля. В середине июня был снят запрет на действия штурмовых отрядов. И на улицах немецких городов постоянно стали происходить кровавые стычки между штурмовиками и ротфронтцами — военизированной организацией Коммунистической партии Германии (КПГ). Все партии, кроме Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) и КПГ, настойчиво требовали от правительства наведения элементарного порядка в стране.

Папен отреагировал на это требование своеобразно. За две недели до выборов он запретил все политические демонстрации, а 20 июля сместил прусское правительство и объявил себя рейхскомиссаром Пруссии, крупнейшей германской земли. Предлогом для такого государственного переворота послужило вооруженное столкновение в Гамбурге, в котором погибли 19 человек и были ранены около 300 человек. Это побоище было расценено как неспособность прусского правительства контролировать ситуацию (в общем, это соответствовало действительности). Прусский кабинет министров социал-демократа О. Брауна не оказал никакого сопротивления, хотя в его распоряжении имелась хорошо вооруженная полиция, превышавшая по численности местные части рейхсвера. Но Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) заявила, что остается на почве законности, не станет использовать антикон-

ституционные средства защиты и отвергает идею объявления всеобщей забастовки (в 1920 г. она спасла республику от капповского путча) как слишком опасную.

Выборы 31 июля 1932 г. принесли нацистам оглушительный успех. За национал-социалистов проголосовали 13,74 млн человек, а их фракция в рейхстаге, объединившая 230 депутатов, стала самой большой. Социал-демократы завоевали 7,95 млн голосов и провели в парламент 133 депутата. Третье место заняли коммунисты, которые получили 89 депутатских мест. Из других партий только партия «Центр» несколько увеличила свое представительство в рейхстаге, получив дополнительно 7 мест. Прочие партии проиграли: националисты потеряли 4 мандата, а от обеих либеральных партий в парламент прошли всего 11 депутатов.

Но А. Гитлер был недоволен тем, что его партия, за которую проголосовало 37% избирателей, не смогла получить большинство мест в рейхстаге. Таким образом, в основном немцы были по-прежнему настроены против национал-социализма. Однако при встрече с министром обороны Шлейхером фюрер потребовал для себя пост рейхсканцлера, а для партии — должности министров внутренних дел, юстиции, экономики, а также пост премьер-министра Пруссии. Одновременно Гитлер заявил, что потребует от рейхстага предоставления ему чрезвычайных полномочий для наведения порядка. Шлейхер вел себя уклончиво, но Гитлер почему-то решил, что генерал согласен. Однако через неделю Папен и Шлейхер взяли назад все свои обещания, предложив Гитлеру пост вице-канцлера и намекнув, что через некоторое время Папен конституционно уступит ему свое место рейхсканцлера. В тот же день Гитлера принял президент. П. Гинденбург заявил, что не может рисковать передачей власти такой партии, которая не располагает абсолютным большинством в парламенте и является чрезвычайно нетерпимой, крикливой и разнузданной.

Новый рейхстаг, в котором Папена практически никто не поддерживал, еще не приступил к работе, а глава правительства уже заручился президентским декретом на право его роспуска. Однако зачитать декрет рейхсканцлер так и не смог: забыл его дома. Председатель рейхстага Г. Геринг упорно «не замечал» просившего слова Папена и предложил немедленно голосовать за предложенный депутатами от КПП вотум недоверия правительству. Коммунистов поддержало абсолютное большинство — 513 депутатов.

Тем не менее рейхстаг признал президентский декрет о роспуске парламента и назначил новые выборы на 6 ноября 1932 г. За несколько дней до них коммунисты и нацисты совместно поддержали всеобщую пятидневную забастовку транспортников Берлина, выступавших против снижения заработной платы. Такое единение противников вызвало настороженность деловых кругов Германии, опасавшихся мнимой возможности образования красно-коричневой коалиции.

На парламентских выборах нацисты потеряли 2 млн голосов и 34 места в рейхстаге. Эти голоса отошли в основном к националистам, увеличившим свою фракцию до 52 представителей. Коммунистическая партия, за которую на этот раз проголосовало на 700 тыс. человек больше (ее новые избиратели ранее голосовали за социал-демократов), получила 100 депутатских мест. Фракцию СДПГ теперь составлял только 121 депутат. Прочие партии в целом сохранили свои позиции. Важнейшим итогом выборов стало доказательство того, что НСДАП практически исчерпала свои возможности и вряд ли сможет добиться в политике большего.

Встревоженные такой ситуацией, крупнейшие представители тяжелой промышленности, банков, аграрных кругов по инициативе Я. Шахта направили президенту послание, в котором вежливо, но весьма недвусмысленно говорилось, что во избежание дальнейших «экономических, политических и духовных потрясений» следует не распускать в очередной раз рейхстаг и проводить новые выборы, а назначить рейхсканцлером «лидера крупнейшей национальной группы» (имя Гитлера прямо не называлось), чтобы «подкрепить кабинет наибольшей народной силой».

Тем временем заранее информированный о письме Папен решил еще раз попытаться договориться с Гитлером о вхождении его в правительство. Это угрожало планам военного министра Шлейхера, который стремился ограничить свободу действий Гитлера своим соглашением с левым крылом нацистской партии во главе с Г. Штрассером и с лидерами реформистских профсоюзов. Когда в мае 1932 г. Шлейхера спросили о мотивах, по которым он выдвинул Папена в рейхсканцлеры, генерал полусмущенно ответил, что ему была нужна не голова, а шляпа. Теперь же шляпа решила поискать себе другую голову. Но переговоры Папена, а затем и Гинденбурга с Гитлером снова закончились неудачей. Глава нацистов продолжал катего-

рически настаивать на передаче ему власти безо всяких оговорок, хотя его ближайшее окружение уже было согласно немедленно войти в правительство.

Тогда рейхсканцлер совместно с министром внутренних дел В. Гайлом выработал удивительный по политической наивности план изменения Конституции. Суть поправок, которые должны быть внесены президентским указом, сводилась к тому, чтобы превратить демократическую республику в авторитарно-сословное государство, в котором небольшая группа консерваторов будет управлять лишенными всех прав массами. Сознвая, что такое изменение Конституции незаконно, Папен все же надеялся убедить Гинденбурга признать смену государственного устройства как единственный выход из политического лабиринта.

Однако против принятия этого плана неожиданно выступил Шлейхер. Он не без оснований опасался того, что экстремистские партии, которые имели около 1 млн вооруженных приверженцев и которых поддерживали 18 млн избирателей, попытаются предотвратить такой государственной переворот. А это уже грозило гражданской войной и всеобщим хаосом. Рейхсканцлер предложил президенту тотчас отправить министра обороны в отставку. Но Гинденбург заявил, что не желает на склоне лет нарушать присягу на верность Конституции и брать на себя ответственность за возможную гражданскую войну и предлагает попытаться счастья Шлейхеру.

2 декабря 1932 г. впервые после Л. Каприви, назначенного германским рейхсканцлером в 1890 г., во главе правительства встал искушенный в политике генерал. Берлин погряз в интригах и заговорах настолько, что к началу 1933 г. уже совершенно невозможно было разобрать, кто с кем объединяется и кто кого предаст.

Крах планов «социального генерала» Шлейхера

Сразу после своего назначения новый рейхсканцлер предложил лидеру левого крыла Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) Г. Штрассеру занять посты вице-канцлера и главы прусского правительства. К. Шлейхер рассчитывал на уступчивость нацистов. На земельных выборах в Тюрингии они потеряли 40% голосов и испытывали финансовые затруднения. Средств не хватало даже на содержа-

ние аппарата партии, не говоря уже о вознаграждении бойцов штурмовых отрядов. Со своей стороны, Штрассер настаивал на вхождении в правительство самого А. Гитлера. Однако после их встречи в берлинском отеле «Кайзерхоф», которая закончилась крупным скандалом, Штрассер предпочел подать в отставку со всех партийных постов. Такой его шаг грозил повлечь за собой развал нацистской партии, и Штрассер не решился пойти на это. Гитлер сначала растерялся, но быстро принял решение: исключить из партии всех сторонников опального руководителя политической организации НСДАП.

Несмотря ни на что Шлейхер не терял надежды создать прочное и дееспособное правительство. 15 декабря 1932 г. в радиообращении к нации он объявил, что своей главной задачей считает *снижение безработицы и стабилизацию экономики*. Назвав себя «социальным генералом», рейхсканцлер пообещал, что не допустит повышения налогов и сокращения заработной платы, а также проведет отчуждение земли у разорившихся прусских помещиков и передаст ее 25 тыс. крестьянских семей. Такими мерами Шлейхер надеялся привлечь на свою сторону основную массу рабочих и крестьян.

Однако переговоры главы правительства с руководителями профсоюзов потерпели неудачу, поскольку лидеры трудящихся не захотели сотрудничать с человеком, которому совершенно не доверяли, зная его вероломство и интриганство. А промышленники и крупные аграрии осуждали рейхсканцлера за его «большевистскую программу». Ландбунд от имени юнкерства заявил президенту резкий протест против передела земли (этот протест П. Гинденбург воспринял с явным сочувствием, поскольку и сам владел имением). В ответ Шлейхер пригрозил опубликовать в прессе секретный доклад о многочисленных злоупотреблениях при выделении «восточной помощи», когда сотни юнкерских семейств незаконно получили безвозвратные государственные кредиты. Косвенно в скандале был *Грегор Штрассер*

замешан и сам президент, который зарегистрировал подаренное ему поместье на имя сына, что освобождало его в будущем от налога на наследство.

4 января 1933 г., в тот день, когда Ф. Папен и Гитлер встречались в Кельне для выработки плана совместных действий, Шлейхер устроил Штрассеру аудиенцию у президента, на которой лидер левого крыла НСДАП дал согласие войти в правительство. Это сильно обеспокоило руководство нацистской партии, которое не исключало возможности ее раскола. Так полагал и рейхсканцлер, который через десять дней в беседе с австрийским министром юстиции К. Шушнигом заявил, что судьба нацистского движения уже решена, а сам герр Гитлер канул в прошлое.

Но Штрассер так и не решился войти в кабинет министров. Его примеру последовал и лидер националистов А. Гугенберг, которого нацисты приняли в качестве союзника. 15 января 1933 г. национал-социалисты одержали победу на местных выборах в крохотной земле Липпе, получив там 39% голосов. Успех был не столь уж и значителен, но нацистская пропаганда так громко рекламировала победу, что событие произвело впечатление на окружение президента.

Поздно вечером 22 января сын президента Оскар и статс-секретарь О. Мейснер отправились в загородный дом малоизвестного нацистского деятеля И. Риббентропа, где встретились с Ф. Папеном, А. Гитлером и Г. Герингом. Если верить Мейснеру, то до этого вечера Гинденбург-младший был против заключения соглашения с нацистами. Вероятно, об этом знал и Гитлер, который предложил Оскару поговорить наедине. О чем шел разговор, так и осталось неизвестным. По некоторым сведениям, Гитлер и обещал отблагодарить семью президента, и угрожал разоблачениями за аферу с «восточной помощью» и дареным поместьем. Доподлинно известно лишь, что Гитлер произвел на сына президента сильное впечатление. Оставалось только сломить сопротивление упрямого Гинденбурга, который по-прежнему не желал и слышать о назначении рейхсканцлером этого «богемского босняка».

Вице-канцлер Папен неустанно уговаривал президента и интриговал против рейхсканцлера Шлейхера, не сумевшего ни расколоть нацистскую партию, ни получить поддержку националистов, партии «Центр» и социал-демократов. Шлейхер, все планы которого потерпели провал, стремительно терял свое влияние.

Гибель республики

23 января 1933 г. рейхсканцлер К. Шлейхер посетил П. Гинденбурга. Он потребовал распустить рейхстаг, в котором так и не смог получить поддержки, и предложил управлять страной с помощью президентских декретов. Кроме того, Шлейхер попросил президента даже временно упразднить парламентскую демократию и установить военную диктатуру. Ранее о принятии подобных мер просил Ф. Папен, теперь уверявший всех, что уговорит А. Гитлера войти в правительство, которое сможет получить поддержку рейхстага.

Президент напомнил рейхсканцлеру, что он сместил его предшественника за аналогичные предложения. Это вынудило генерала Шлейхера 29 января подать Гинденбургу прошение об отставке. Приняв прошение, президент поручает Папену выяснить возможность формирования нового кабинета министров во главе с Гитлером «на конституционных основах».

Фюрер уже знал о намерении президента поручить ему формирование нового правительства. Папену же, не терявшему надежды вновь стать рейхсканцлером, удалось привлечь на свою сторону лидера националистов А. Гугенберга, партии которого было обещано два места в правительстве. Затем после новых переговоров с Гитлером было достигнуто соглашение о том, что нацисты, кроме должности рейхсканцлера, получают портфель министра внутренних дел, а для Г. Геринга будет создано министерство авиации. Но Гитлер внезапно потребовал под свое начало еще имперский комиссариат по делам Пруссии и прусское министерство внутренних дел, которое дало бы ему контроль над сильной прусской полицией. В довершение всего он заявил о необходимости проведения новых выборов в рейхстаг.

Услышав о требованиях лидера нацистов, Гинденбург вспомнил о своих сомнениях. Однако от имени Гитлера его заверили в том, что «это будут последние выборы». К вечеру 29 января 1933 г. распространились слухи о том, будто Шлейхер вместе с начальником войскового управления рейхсвера генерал-полковником К. Хаммерштейном поднимает по тревоге потсдамский гарнизон с целью арестовать президента и совершить военный переворот. Гитлер немедленно распорядился держать в полной боевой готовности всех берлинских штурмовиков.

Но лучше всех «использовал» этот слух (неизвестно кем пущенный) вице-канцлер Папен. Он убедил Гинденбурга немедленно вызвать из Женева генерала В. Бломберга. Ранним утром 30 января генерал был приведен к присяге в качестве министра рейхсвера и получил приказ президента пресекать любые попытки военного путча и оказывать всемерную поддержку новому правительству, которое будет создано через несколько часов.

Оставалось последнее препятствие: Гугенберг упорно не соглашался с назначением новых выборов, опасаясь вполне возможного поражения своей партии. Его сопротивление было сломлено, только когда в кабинете статс-секретаря О. Мейснера члены правительства ожидали их приема президентом, уже выражавшим недовольство непонятной задержкой. Лишь когда Мейснер с часами в руках объявил, что через пять минут Гинденбург отправится завтракать, дружными усилиями удалось уговорить Гугенберга дать согласие на проведение новых выборов, тем более что Гитлер пообещал не делать никаких персональных изменений в кабинете министров независимо от результатов голосования. Приведя к присяге этот, как его называли, «кабинет национальной концентрации», Гинденбург распрощался с министрами напутственными словами: «А теперь, господа, — с Богом за работу!»

Так холодным январским утром 1933 г. закончилась многолетняя драма Веймарской республики. В тот день вряд ли кто мог предположить, к чему приведет Германию диктатура национал-социализма.

Веймарская республика — первая германская демократия

Приход А. Гитлера к власти означал не только крушение первой немецкой республики. Германия перестала быть конституционно-правовым государством, которым она была еще до 1918 г. На вопрос «Можно ли было предотвратить катастрофу?» есть много ответов:

Нацизм не пришел бы к власти, если бы в Германии не начался *кризис демократии* и не распространились настроения отчаяния. Свою роль сыграла и Первая мировая война (1914—1918). Важнейшее значение имело не то, что немцы *проиграли войну* и не желали примириться с этим, а то, что Версальский мирный договор (1919) поставил Германию в предельно жест-

кие условия. Но еще более роковую роль сыграла статья 231 Договора, взвалившая всю вину за развязывание войны исключительно на Германию. Впервые в истории морально была осуждена целая нация, к своему несчастью проигравшая войну и фактически ставшая изгоем Европы.

После войны значительная часть немецкого народа, не знавшего демократических свобод, не приняла новое государственное устройство, которое воспринималось как навязанное стране извне победителями. К тому же Германия оказалась под давлением не только Запада, лидеры которого обещали своим народам, что «боши заплатят за все», но и Востока, откуда исходила угроза распространения большевистской революции. Гражданская война в России (1918—1922) смертельно напугала немецкое бюргерство, которое боялось страшной участи не только социального, но и физического уничтожения.

Наконец, *экономический кризис* привел к появлению в Германии 6 млн безработных, дошедших до нищеты и вынужденных кормить семьи на жалкое пособие. И даже такую возможность имели не все.

В стране сложилась отчаянная ситуация: через каждые несколько месяцев менялись правительства, распускался рейхстаг и у власти не оставалось людей, способных и желающих проводить демократическую политику. Результатом стали утрата внутреннего равновесия и дезориентация населения, дошедшие до такой степени, что большинство немцев жаждало лишь одного — восстановления порядка. А это наиболее убедительно обещали только национал-социалисты. Единственной альтернативой диктатуре Гитлера могло быть установление военной диктатуры. Таков печальный итог 14-летнего существования Веймарской республики.

В тот роковой день 30 января одна гамбургская учительница сделала в своем дневнике символическую запись: «Гитлер стал рейхсканцлером! Ах, что за Кабинет! О таком в июле мы и не могли мечтать. Гитлер, Гугенберг, Зельдте, Папен!!! К каждому относится большая часть моей немецкой надежды. Национал-социалистический порыв, немецко-национальный разум, аполитичный „Стальной шлем” и незабываемый всеми нами Папен. Это так невыразимо прекрасно...» Но прекрасное видение закончилось катастрофой. Весной 1945 г. этот дневник был найден в руинах разбомбленного союзника-

ми дома рядом с останками его хозяйки. Такой ужасный конец тоже был по-своему символическим.

Падение Веймарской республики не было неизбежным. Но национал-социализм наиболее адекватно выразил общий дух неудовлетворенности и смятения германского общества. При всей важности экономических, политических и социальных факторов жизни Германии восхождение и приход к власти Гитлера не могут быть поняты без учета морально-психологической дезориентации человека, испытывающего постоянный стресс стремительных перемен и грядущих катастроф. Национал-социализм успешно выступил как альтернатива обанкротившимся либерализму и демократии, которые воплотили старую цивилизацию и культуру, уничтоженную в огне Первой мировой войны. Предпочтение диктатуры — это была иррациональная реакция немцев на разрушение экономических, социальных, политических и духовных традиций.

Глава 6

КУЛЬТУРА И БЫТ ВЕЙМАРСКОЙ ГЕРМАНИИ

Феномен массовой культуры

В Германии веймарского периода изменилась не только политическая система. Другим стал сам образ жизни, определяемый новым феноменом — массовой культурой. Ее появление как бы завершало переход к той «технизации» мира, к которой деятели культуры всегда относились весьма критически. Но невиданное ускорение темпов жизни, диктатура технического прогресса неумолимо влекли за собой новое отношение к окружающему миру.

В литературе необычайно популярным стал жанр репортажа, документальной зарисовки событий. Особым успехом пользовались произведения не только партийно-политического «неистового репортера» Э. Киша, но и скептически-отстраненного наблюдателя Э. Регера. В то же время эссеист Э. Кракауэр считал, что репортаж является всего лишь «контрударом по идеализму, но не более того», что «сотни отчетов о фабрике не складываются в ее реальность, ибо она всегда является конструкцией».

Так Кракауэр определил два типа отношения к новому миру техники и массовой культуры с ее стандартизированной продукцией. В одном случае можно говорить о банальном, наподобие моментальной фотографии, отображении реальности, в другом — о ее критической реконструкции. Но и то и другое вело к созданию утопических образов нового человека, новой техники и нового общества.

Разрыв с прежними традициями был особенно заметен в творчестве молодых литераторов, смело ломавших общепринятые нормы. Например, произведение А. Дёблина «Берлин, Александерплац» даже формально отличается от классиче-

ского романа: и своим построением, и языком оно напоминает мастерски смонтированный фильм. Не случайно по книге был поставлен радиоспектакль, а затем и снят кинофильм. Таким же путем шел и **Б. Брехт** (1898—1956). Его «Трехгрошовая опера» являлась одновременно романом, драмой, мюзиклом и киносценарием.

С помощью новых форм литераторы и деятели театра хотели приблизиться к читателю и зрителю, откликнуться на его чаяния и запросы. Концертные программы в многочисленных варьете и кабаре, театрализованные уличные представления агитационного характера были рассчитаны на массу зрителей.

В авангарде массовой культуры несомненно находились *кинематограф* и радио. С самого начала кино стало искусством для масс, своего рода народным театром. Новые масс-медиа «доходили» до тех групп населения, которые прежде были вообще отстранены от достояний культуры. Кинотеатры стали для масс тем же, чем в XIX в. для аристократии и буржуазии была опера. Немецкие кинофильмы «Метрополис», «Кабинет доктора Калигари», «Доктор Мабузе», «Девочки в униформе» получили мировое признание. Любопытное наблюдение в связи с этим сделала известный киновед Л. Эйсер: «Немцы — чудаковатые люди. Для них несчастье, если дела идут слишком хорошо. Чем больше осложняется политическая ситуация, тем больше они отдаются в объятия творческой музыки. Немецкие художники должны жить в условиях

отчаяния и даже экзальтации, чтобы создавать значительные произведения. Как во время наполеоновского гнета расцвела великая немецкая поэзия — от Гёте до Шиллера! И позднее, в 20-е годы [XX в.], когда политическая и экономическая жизнь стала просто невыносимой, родилась великая кинематографическая культура: Ланг, Мурнау, Пабст, Бергер...» Но немецкое кино уже тогда испытывало сильнейшую конкуренцию Голливуда, который успешно формировал вкусы зрителей своими сентиментальными и развлекательными фильмами.

Германское *радио* приступило к регулярным передачам только с 1923 г. Но уже через пять лет в стране было зарегистрировано 2 млн радиослушателей, а к 1932 г. их стало более 4 млн (на 100 семей приходилось тогда 24 радиоприемника). В конце 20-х годов появились уличные громкоговорители. Немецкое радио фактически было правительственным. Формально все девять радиовещательных корпораций являлись акционерными обществами, но контрольный пакет акций всегда принадлежал государству. Все передачи, которые в основном носили познавательный или развлекательный характер, строго контролировала государственная цензура, имевшая право запретить любую программу. По радио нередко выступали видные деятели культуры, в том числе и левых (а то и радикальных) взглядов.

В целом в Веймарской республике наблюдалась тенденция к концентрации всех средств массовой информации. Возникли первые *газетные концерны*, ведущее место среди которых занимала империя А. Гугенберга, поставлявшая готовые информационные материалы формально независимым провинциальным изданиям. На левом политическом фланге один из руководителей германской компартии — энергичный В. Мюнценберг создал своеобразный альтернативный концерт средств масс-медиа (газеты, издательства, кинопрокат), на который работало множество фотографов и рабочих корреспондентов.

Новый образ жизни был тесно связан с появлением современных *товаров широкого потребления*. В 1932 г. в Германии на каждую тысячу жителей приходилось 66 радиоприемников, 52 телефона, 8 легковых автомобилей, что превышало средние европейские показатели. Но в США в это время у тысячи жителей было 131 радиоприемник, 165 телефонов и 183 автомобиля. А потому уже в 20-е годы проблема американизации культуры и образа жизни стала предметом горячих дискуссий между ее сторонниками и противниками.

Дух модернизма

Веймарскую Германию часто изображают как страну *модернизма*. В целом это соответствует действительности. Однако не следует забывать о том, что экспрессионизм в живописи и литературе, архитектура конструктивизма, теория относительности и квантовая физика, психоанализ и социология

появились еще в предвоенные годы. Но их влияние на отношение людей к самим себе и к окружающему миру в полной мере начало сказываться только в 20-е годы.

Культура веймарского периода была современной уже потому, что ее создатели и поклонники чувствовали, что живут в новом мире, отделенном от прошлого потрясениями войны, в мире, который казался освобожденным от груза старого. Здесь таилась опасность бездумного увлечения модерном — от идей коммунизма до джаза, от восточной мистики до оккультизма. Стиль 20-х годов определяли эксперименты с новыми идеями и новыми формами. Особенно дух модернизма сказывался в архитектуре, музыке, искусстве театра.

Когда-то великий поэт и драматург Ф. Шиллер заметил, что театральная сцена является «общественным каналом, по которому свет мудрости изливается на лучшую, мыслящую часть народа и мягкими лучами расходится по всему государству». Эту задачу стремился выполнять и немецкий театр веймарской эпохи. В спектаклях, поставленных **М. Рейнхардтом** и **Э. Пискатором**, органично сочетались литература, музыка, скульптура, пантомима, кино (на сцену проецировались кадры из игровых и документальных фильмов, коллажи из материалов газет и журналов).

Писатели и режиссеры — сторонники экспрессионизма увлекались созданием абстрактных и символических образов. Персонажи произведений даже назывались не по имени, а по профессии: Рабочий, Крестьянин, Торговец, Спекулянт, Проститутка. В их речи соседствовали восторженно-высокопарные тирады с полупристойными шутками. Это было рассчитано исключительно на эмоциональное восприятие публики. Широкий успех имели пьесы **Р. Гёринга**, **Э. Толлера**, **Г. Кайзера**, **Э. Барлаха**, **Б. Брехта**, направленные против войны, проявлений национализма, социального неравенства и угнетения, фальшивых ценностей и убивающих душу религиозных учений. Эти драматурги вывели

на театральную сцену низы общества, людей отверженных: бродяг, нищих, воров, проституток.

В 1919 г. возникло художественное течение, которое больше других повлияло на создание картины современного мира. Новая школа искусства, архитектуры и технического дизайна во главе с архитектором **В. Гропиусом** называлась *Баухауз*. Его последователи считали необходимым устранить высокомерное разделение на художников и ремесленников, воссоединить искусство и технику в новых, доселе невиданных прозрачных зданиях, полных света. В аудиториях Баухауза (сначала в Веймаре, а затем в Дессау) студентов учили виднейшие мастера искусства: художники **П. Клее**, **В. Кандинский**, **Й. Альберс**, график **Г. Байер**, скульптор **Г. Маркс**, архитектор **М. Бройер**. (После прихода к власти нацистов почти все лидеры школы эмигрировали в США, где были встречены с большой радостью.) Первая выставка Баухауза (летом 1923 г. ее посетили более 15 тыс. человек) знаменовала собой новый этап в развитии современного искусства. Мастера Баухауза талантливо и наглядно показали, что повседневные предметы быта — мебель, посуда, столовые приборы, светильники — могут отлично сочетать простоту, строгость, функциональность и изящество форм.

В музыке веймарского периода достижения были скромнее. Продолжал творить крупнейший композитор-новатор кайзеровской Германии **Р. Штраус**, но в его произведениях стало меньше оригинальности и яркой образности. Слушателей все чаще привлекают новые имена — **П. Хиндемита**, соз-

Арнольд Шёнберг

Курт Вайль

давшего в духе неоклассицизма оперы «Кардильяк» и «Художник Матис», и А. Шёнберга, основателя атональной музыки¹.

Еще большей популярностью пользовались у публики произведения создателя первых мюзиклов К. Вайля, написавшего музыку к брехтовским «Трехгрошовой опере» и «Возвышению и падению города Махагони».

Музыкальной столицей оставался Берлин с его тремя оперными театрами, в городе успешно выступали десятки симфонических оркестров, музыкальных и хоровых коллективов. Но активная музыкальная жизнь шла и в Дрездене, и в Штутгарте, и в Мюнхене, и во Франкфурте-на-Майне, и в Гамбурге, и в небольшом Дармштадте.

«Новая» немецкая женщина

В веймарской Германии каждая третья женщина работала. В 1925 г. треть всех занятых на производстве составляли женщины в возрасте от 18 до 60 лет, причем только каждая третья из них была замужем. В основном женщины трудились в сельском хозяйстве, в текстильном и картонажном производстве. К 1925 г. доля служанок и горничных среди работниц сократилась до 11,4%, а занятых в промышленности — увеличилась до 23%. Много женщин было среди служащих — до 12,6%, но самую значительную группу (36%) работающих женщин составляли занятые в различных промыслах.

Немало немецких девушек обучалось в высших учебных заведениях. К началу 30-х годов высшее образование имели более 12 тыс. женщин, а около 20 тыс. женщин еще учились.

В Веймарской республике проблема женской занятости горячо дискутировалась. А причиной являлось то обстоятельство, что изменилось представление об общественном положении женщин, занявших заметное место в наиболее современных отраслях промышленности (электротехнической, оптической, химической), в торговле, на государственной службе и т. д. Многие профессии стали считаться типично «женскими»: учительница, машинистка, стенографистка, работница на конвейере, продавщица, служащая социальной сферы. Сложился образ «новой» женщины — деловой, молодой и пока незамужней.

¹ Музыка, основанная на принципе атональности — отсутствии тональности. Характерна для некоторых современных музыкальных течений.

В то же время работающих замужних женщин нередко критиковали за то, что «двойные заработки» в одной семье способствуют росту мужской безработицы и даже разрушительно действуют на семью, которой занятая жена и мать не может уделять достаточного внимания.

В целом же в немецком обществе 20-х годов доминировало традиционное представление о женщине как в первую очередь *жене и матери*. Это отражалось и на заработной плате женщин. В сельском хозяйстве даже при равном труде женщины получали в среднем 40% заработка мужчин, в текстильной промышленности — около 70%. В годы стабилизации и рационализации производства, в период экономического кризиса это вело к тому, что безработных женщин было меньше, чем лишенных работы мужчин. Тяжелее всего приходилось потерявшим работу одиноким женщинам. Они не могли рассчитывать даже на тарелку бесплатного супа в каком-нибудь из партийно-военизированных формирований, так как женщины туда не допускались.

В 1932 г., в период кризиса, был принят закон, по которому все замужние женщины, занятые в органах государственной службы, подлежали немедленному увольнению. Прежде всего это коснулось молодых женщин с высшим образованием.

Борьба против женской дискриминации велась постоянно, но она осложнялась тем, что и сами женщины ориентировались на ту традицию немецкого общества, которая подчеркивала особую культурную миссию «женственности» и отвечающего ей рода занятий. По сравнению со временами кайзеровской Германии в Веймарской республике организованное *женское движение* было не столь активным, поскольку требования равенства полов формально соблюдались. В женском движении существовало два направления. Одно пропагандировало тип аполитичной и ориентированной на потребление и развлечения мо-

Секретарша на радио (1931 г.)

лодой работающей женщины. Другое культивировало образ идеальной матери и добропорядочной супруги, ограничивающей свою жизнь семейным кругом.

После Первой мировой войны под влиянием заокеанских веяний сложился новый, созданный мужчинами образ «женщины-вамп» — самостоятельной, привлекательной девушки, модно одетой, с ярким макияжем — накрашенными губами и подведенными глазами. Идеалом стала стройная высокая фигура. Эмансипированные немки заметно укоротили платья и прически и, не выпуская изо рта длинную сигарету, лихо отплясывали в дансингах и кафе модные танцы — чарльстон, шимми, танго или фокстрот.

Образ «новой женщины», усердно распространяемый газетами, журналами, кинофильмами, зажил своей собственной жизнью. Мир моды, рекламы, женских журналов, любовных романов, музыкальных мелодрам заслонял для множества машинисток или продавщиц реальный мир, отвлекал от суровой действительности. Но заработок большинства молоденьких немок был так ничтожен, что окунуться в призрачный мир своей мечты они могли только в выходной день.

Но в немецком обществе 20-х годов сложился и другой образ женщины — *образцовой домохозяйки*. Его также активно пропагандировали средства массовой информации, уделявшие больше внимания вопросам гигиены, питания, рациональной организации труда на кухне, чем описаниям светской жизни и развлечений. Разумеется, холодильник, пылесос и стиральная машина значительно облегчали домашний труд женщины, но низкая покупательная способность даже средних слоев населения Германии препятствовала широкому использованию этих технических новинок в повседневной жизни рядовой немки.

Молодежь и традиции

Изменение стиля жизни в урбанизированном индустриальном обществе привело к выделению особой проблемы — молодежной. В этом отношении веймарский период значительно отличается от других эпох немецкой истории, хотя «молодежный вопрос» стоял уже в кайзеровской Германии на рубеже XIX—XX вв. Проблема молодежи рассматривалась прежде всего как проблема контроля. По Конституции вопросы воспитания из прежнего ведения руководства отдельных земель были переданы органам центральной власти. Поэтому

появилась благоприятная возможность укрупнения и реформирования раздробленных до этого институтов воспитания и различных молодежных организаций. В 1926 г. из 9 млн молодых людей 4,8 млн юношей и девушек состояли в каких-нибудь организациях, причем 1,6 млн человек были членами спортивных союзов, а 1,2 млн — церковных организаций. В рабочие молодежные объединения входило около 400 тыс. молодых людей, а в буржуазном движении «бюндиш» насчитывалось чуть более 50 тыс. членов.

Сложность молодежной проблемы состояла в том, что в годы войны целое поколение выросло практически без отцов. А это вело к *потере авторитета родителей и разрыву с традиционными нормами социальной морали*. Особенно заметно это было в средних слоях, материальный и социальный статус представителей которых значительно снизился. В рабочих семьях проявлялась иная тенденция, связанная с увеличением свободного времени и уменьшением количества детей в семье. Дети получали теперь больше родительского внимания, но нередко бунтовали против патриархальных традиций «отцов».

Молодежь веймарской Германии, взрослевшая в стесненных материальных условиях, активно искала *новые виды досуга*. Кинотеатры, танцплощадки, ярмарочные аттракционы, слушание грампластинок — все это прочно вошло в молодежный быт. С коммерциализованным и организованным досугом резко контрастировали буйные выходки «диких групп», состоявших прежде всего из пролетарской молодежи. Их дебоши смертельно пугали блюстителей порядка и буржуазную общественность.

Организации молодежи имели преимущественно мужской характер. В спортивных союзах и молодежном движении было много девушек, но обычно они являлись лишь «подругами» юношей — членов организации, так как по-прежнему правилами хорошего

тона девушке предписывалось появляться в общественном месте непременно в сопровождении мужчины — отца, брата или друга.

Молодежь быстрее взрослых адаптировалась к новым ценностям урбанизированной массовой культуры. Образцом для многих чаще всего служил американский образ жизни. Но часть молодежи критически оценивала заокеанскую культуру как «тлетворную и негерманскую». При этом среди и тех и других были люди разных социальных кругов. Более всего выбор «культуры» определялся индивидуальными особенностями молодых людей, которые в условиях послевоенной дезориентации искали свой собственный жизненный путь, свое будущее.

Массовая безработица послевоенного времени особенно тяжелым грузом ложилась на молодых рабочих и выпускников высшей школы. Этому способствовала высокая рождаемость довоенного десятилетия, которая привела теперь к тому, что огромное количество юношей и девушек, вступивших в самостоятельную жизнь, оказались «лишними», ненужными. Не случайно в 20-е годы велись горячие дискуссии о таланте и элитарности небольшого числа людей в противовес массе «неполноценных».

Объективная неспособность государства обеспечить работой всех дипломированных специалистов вызывала враждебность по отношению к «республике старцев». Поэтому все более популярными становились требование «жизненного пространства», агрессивнo-националистические выпады против мирового «процентного капиталистического рабства» и позорного Версальского диктата. Такие настроения вели молодых людей в ряды радикальных партий — национал-социалистов и коммунистов. Молодежь жаждала перемен и революции — будь то социалистическая или национал-социалистическая. А горькое чувство бессилия, неприкаянности выплескивалось в уличные столкновения.

Поскольку большинство студентов являлись выходцами из высших и средних слоев общества, то среди них преобладали антиреспубликанские настроения. Разного рода корпорации и землячества объединяли примерно 56% студентов университетов. В конце 1929 г. большинство студенческих корпораций примкнуло к «взрослым» организациям — к «Стальному шлему» или к нацистской партии и активно требовало проведения референдума об отклонении пла-

на Янга. Созданный в 1926 г. *Национал-социалистический немецкий союз студентов* объединил 55—60% учащихся и стал сильнейшей политической силой в университетах. Важную роль сыграла в этом нацистская пропаганда: студентов призывали, сокрушая врагов страны кулаками, дубинками или ножами, спасти Германию. Обычными в университетских аудиториях стали дикие «кошачьи концерты», с помощью которых радикально настроенные студенты срывали лекции либерально или демократически настроенных профессоров.

С одной стороны, в годы Веймарской республики молодому поколению уделялось повышенное внимание, а с другой — резко возросла угроза усиленной радикализации юношества.

Жизнь и нравы послевоенной Германии

Духовную атмосферу Германии веймарского периода определяло ощущение нестабильности, тревожного или радостного ожидания неизбежных перемен. Постоянная стрессовая ситуация тяжело действовала на психику немцев, слывших образцом порядка и организованности.

После Ноябрьской революции 1918 г. в республике началась гиперинфляция. Материальные и нравственные последствия военного поражения, голод и нищета приводили к появлению у немцев чувства безысходности, к тяжелой депрессии. Люди всячески стремились отгородиться от реального мира. Не случайно одним из самых популярных писателей в Германии того времени являлся певец страдания и терпения Ф. М. Достоевский. С ним успешно соперничал О. Шпенглер (1880—1936), в книге которого под символическим названием «Закат Европы» утверждалась гибель западного мира. В поисках спасения немцы обращались к далекому историческому прошлому, черпая в нем силы противостоять гнетущей современности и безрадостному будущему.

Было и еще одно средство спасения от действительности — *погоня за удовольствиями*. Если кайзеровский Берлин бряцал оружием, выставляя напоказ агрессивность молодого и мощного государства, то Берлин первых послевоенных лет точно так же отражал падение нравов побежденной, но по-прежнему великой нации. Германская столица с отчаянием показывала всему миру, что она превратилась в новый Вавилон, что раньше у кайзеровской Германии была первоклассная ар-

мия, а теперь у республики — первоклассные развлечения на все вкусы.

Ужасающих размеров достигли *наркомания* и *проституция*. Каждый вечер по берлинской Тауэнтцинштрассе и соседним улицам прогуливалось множество уличных женщин. Среди них были и совсем девочки, зябнувшие в потертых пальтишках, и гордые кокотки в меховых шубах, и свирепые матроны в высоких сапогах из красной или зеленой кожи с неизменным хлыстом в руках. Многие из этих женщин вовсе не были профессиональными жрицами любви. Их, потерявших под Верденом и на Сомме отцов или мужей, вынудили выйти на панель голод и нищета. Кокаин и голые танцовщицы, морфий и американские сигареты, французское шампанское и проститутки — удовольствия и жестокая нужда уживались рядом. В оккупированных победителями рейнских областях обывденным явлением стали иностранные «друзья» немецких женщин. Чаще всего это были чернокожие солдаты французских колониальных частей, оставившие своим «подругам» множество «шоколадных» детей, обычной судьбой которых становились воспитательные дома.

Страны Антанты, высокомерно третировавшие демократическую Германию, объективно поддерживали ее внутренних врагов. На ущемленном национальном самолюбии немцев удачнее всего сыграли реваншисты и нацисты. Эти новые «спасители нации» крикливо заявляли, что только они призваны порвать унизительный Версальский договор и возродить могучий фатерланд. (Справедливо в этом смысле образное высказывание лидера партии «Центр» Л. Кааса о том, что А. Гитлер родился не в Браунау, а в Версале.)

С приходом зыбкой стабилизации начались и короткие германские «золотые годы». В 20-е годы промышленное производство превысило довоенный уровень, росли торговля и заработная плата, строились многоэтажные жилые дома, общественные здания, фабрики и заводы. Открылись огромные универмаги, роскошные рестораны были заполнены посетителями. По вечерам улицы крупных городов заливали огни световой рекламы. Германия оживала и прихорашивалась.

После хаоса первых послевоенных лет Веймарская республика добилась значительных успехов почти во всех сферах жизни. Только летом 1928 г. в Германии работало несколько общенациональных и международных выставок — «Питание» в Берлине, «Человек» в Штутгарте, «Техника современного

города» в Дрездене, «Печать» в Кельне, «Техника и домоводство» в Мюнхене. Они наглядно демонстрировали высокий уровень и огромный потенциал немецкой науки и техники. В апреле 1928 г. летчики Г. Кель и Г. Хюнефельд на самолете «Бремен» совершили первый трансатлантический перелет, за который Президент США лично вручил им американские летные медали.

Веймарская республика была, вероятно, *самой читающей страной*. По количеству издаваемых газет она занимала первое место в мире, а по числу журналов — второе (после США). На двух жителей Германии, включая детей, приходилась одна газета, которую можно было выписать или купить. Улицы городов оглашали громкие крики разносчиков, стремившихся заинтересовать прохожих сенсационными новостями из свежей газеты. Обычно экономные немцы предпочитали местные издания, сообщавшие о важнейших событиях в городе или округе, особенно интересовавших их жителей. В 1929 г. издательский концерн Ульштейнов впервые начал принимать фотоснимки по телеграфу, что делало газетные материалы самыми злободневными.

Широкое распространение в веймарской Германии получили *физкультура и спорт*. Государство и местные власти выделяли на это значительные средства. В условиях модернизации производства в роли меценатов часто выступали предприниматели, заинтересованные в здоровых рабочих. К тому же для всех было лучше, чтобы трудящиеся гоняли по полю мяч, а не ходили на уличные демонстрации. Звезды спорта пользовались популярностью, не уступавшей славе киноактеров. По итогам опроса, проведенного среди старшекласников, на первом месте среди их кумиров, опередив президента П. Гинденбурга, оказался боксер в тяжелом весе М. Шмелинг, радиорепортажи о поединках этого чемпиона мира немцы были готовы слушать и глубокой ночью. Кумиром молодежи был и знаменитый автогонщик М. Браухич.

Боксеры (1928 г.)

В начале 30-х годов в Германии насчитывалось 7,5 млн любителей спорта. Самыми распространенными видами спорта являлись гимнастика, футбол и легкая атлетика. Популярностью пользовалось и плавание. Возможно, этому способствовало то, что в 20-е годы женские купальники из эластичных материалов, подчеркивавшие фигуру, заменили вызывавшие теперь смех бабушкины купальные костюмы из ситца с оборками, а то и чулками; мужчины тоже не отстали от моды и сменили трусы до колен на шерстяные плавки.

Подтверждая национальную любовь к природе, городские жители независимо от социального положения, возраста и пола по выходным дням устремлялись за город. Самым распространенным был *ближний туризм* — пешеходный, велосипедный, автобусный и железнодорожный. Каждым воскресным утром вокзалы и автостанции заполнялись людьми с рюкзаками и палатками, поезда нередко брали штурмом. Учащиеся и студенты во время каникул небольшими организованными группами бродили по Гарцу, Шварцвальду, лесистой Тюрингии, отправлялись на мекленбургские озера, в заросшую вереском Люнебургскую пустошь или даже в соседние страны — Австрию, Данию, Чехословакию.

Особое место в повседневной жизни немцев занимали *пивные*, расположенные практически на каждом углу. В них можно было перекусить, выпить пива, почитать свежую газету, поиграть в настольную игру, пообщаться с приятелями и даже провести собрание какой-нибудь организации. Пивные, как правило, были центрами местной политической жизни и имели определенную «политическую» направленность, о которой было нетрудно догадаться, увидя на стенах портрет кайзера Вильгельма II, или П. Гинденбурга, или А. Бебеля. Хозяева охотно предоставляли свои заведения для собраний, поскольку это увеличивало доходы, а некоторые даже вступали в партии, чтобы привлечь в свое заведение новых посетителей. Не чурались пивного бизнеса и люди, близкие к руководству страны. Так, в свое время президент Ф. Эберт имел в Бремене пивную с модной новинкой — бильярдом, а отец рейхсканцлера Г. Штреземана был владельцем берлинской пивной.

Любопытно, что поскольку центрами местной партийной жизни являлись пивные, то это затрудняло привлечение в партии женщин, которые заглядывали в пивные крайне редко, да и то обычно в сопровождении мужчин.

Интеллектуалы против республики

Ярко выраженной чертой культурной жизни Веймарской республики было преобладание в ней левых и правых противников парламентаризма. Разумеется, нельзя было ожидать поддержки республики от идейных коммунистов, которые жили в ожидании новой, «настоящей» революции. Они рассматривали республику как завуалированную форму фашизма и предрекали ей смерть в тот час, когда пролетариат поймет ее подлинную сущность. Как кратковременный эпизод немецкой истории рассматривали республику и правые идеологи, относившиеся к ней с таким же презрением, что и лидеры Коммунистической партии Германии (КПГ).

Что же касается очень влиятельной в обществе группы университетских профессоров, то, за немногими исключениями, они также были убежденными противниками новой системы, которая не раз пыталась, хотя и безуспешно, ограничить их привилегии. А экономическая политика этой системы, по убеждению профессуры, привела к уменьшению их жалованья из-за инфляции.

Трагедией Веймарской республики можно считать то обстоятельство, что именно в тот момент, когда экономическая и политическая стабилизация жизни открывала перед Германией благоприятные перспективы на будущее, большинство интеллектуалов повернулось к ней спиной. Одни писатели (Л. Рубинер, Б. Брехт, И. Бехер) обратились к идеалам коммунизма, другие (А. Броннен, Х. Йост) были очарованы идеями национал-социализма, третьи (Ф. Верфель, В. Хазенклевер) предпочли искать истину в религиозных, оккультно-мистических и экзистенциалистских учениях. Открытые выступления писателей в защиту республики стали редкостью. Когда в 1922 г. Т. Манн призвал профессоров и студентов Берлинского университета поддержать веймарское демократическое государство, это оказалось гласом вопиющего в пустыне, а слушатели устроили оратору настоящую обструкцию.

Веймарская республика весьма нуждалась в поддержке

Герман Гессе

ке известных интеллектуалов, но в литературном мире она нашла мало сторонников. Два выдающихся немецких писателя — Т. Манн и Г. Гессе — приняли новорожденную демократию, но и они не верили в ее прочность и долгую жизнь. Оба были убеждены в неотвратимом закате общества западного типа и предрекали неизбежность ожесточенной борьбы между анархическим и авторитарным путями развития государства. Глубоким скептицизмом пропитан философский роман Манна «Волшебная гора» (1924). Автор очень сомневается в том, что в охваченной кризисом Европе может восторжествовать гуманный разум. Ощущение нарастающего безумия человечества с необычайной выразительностью передал Гессе в романе «Степной волк» (1927).

В романе Э. Кёстнера «Фабиан» (1931) еще более резко изображалось мрачное и безысходное состояние немецкого общества в годы экономического кризиса. В книге нет даже проблеска надежды — только чувства общей виновности и повального духовного смятения. Широко распространилось убеждение в том, что морально немецкое общество полностью разложилось. Не случайно в литературе и театре на первый план выдвигается фигура авантюриста и мошенника без принципов и морали. Однако героизация криминального элемента означала молчаливое признание того, что система, в которой процветают такие личности, не заслуживает ничего лучшего, кроме гибели.

Представители модернистского литературно-художественного течения «Новая вещественность»¹, чьи взгляды по общественно-политическим вопросам колебались от либерально-демократических до леворадикальных, негативно относились к капитализму, милитаризму, консерватизму прусского юнкерства, ортодоксии церквей, буржуазным нормам и ценностям. Но в политическом аспекте сторонники этого течения оставались маргиналами. Не признавая никакой партийной дисциплины, самое большее, на что они были способны, — это создавать недолговечные группы. Свою изоляцию от политической жизни они пытались компенсировать громкими и безответственными тирадами и радикальными заявлениями.

Интересной в этом отношении была личность самого крупного после Г. Гейне немецкого сатирика и крайне циничного

¹ Возможен перевод названия как «Новая предметность».

по природе человека — журналиста К. Тухольского (свои произведения он подписывал четырьмя псевдонимами). Неугомимый борец против антидемократических тенденций и беспощадный критик немецкой буржуазии, Тухольский отличался невыдержанностью высказываний и политическим радикализмом. Однако это скорее играло на руку его политическим противникам справа, которые успешно использовали его знаменитое выражение «Солдаты — это убийцы!», совершенно неуместное для Германии.

Язвительные нападки Тухольского на «ноябрьских преступников», которые не довели революцию до полной победы, внешне ничем не отличались от лозунгов правого экстремизма. Он презирал Ф. Эберта еще больше, чем ненавидел генерала Х. Секта. В то время когда демократические политики Веймарской республики нуждались в помощи для противодействия А. Гитлеру и А. Гугенбергу, Тухольский осыпал этих людей несправедливыми и презрительными насмешками, утверждая, что самой большой опасностью для Германии и Европы является не «стальной плем» немецкого солдата, а «шелковый цилиндр» рейхсканцлера Г. Штрэземана. Это была широко распространенная среди левых интеллектуалов позиция. Хотели они того или нет, но объективно их нападки на республику вели к ее гибели, так же как и антидемократическая критика справа.

Идеология «консервативной революции»

Своеобразным и необычным явлением в общественно-политической жизни Германии 20-х годов стало появление идеологии «консервативной революции», каким бы парадоксальным ни казалось такое сочетание совершенно несовместимых друг с другом понятий. «Консервативная революция» представляла собой антизападное, антилиберальное, антидемократическое, романтическое и отчасти антисемитское движение. Оно объединяло нескольких весьма различных, но едва ли не самых блестящих и ярких мыслителей Германии веймарского периода. Целью этого движения являлось возрождение главных национальных мифов на фоне жесткой критики пороков современной цивилизации. Его сторонникам представлялся апокалипсис новой истинной революции, который уничтожит все прежние системы, пересмотрит в духе Ф. Ницше все традиционные ценности и создаст новый рейх невидан-

ной мощи. Эти идеологи отказывали политике в праве на рациональные мотивы и цели и идеализировали насилие как самоценность. На фоне цинично-оскорбительной язвительности левых интеллектуалов патриотизм и идеализм «революционных консерваторов» смотрелся особенно привлекательно. Но их иррационализм и нигилизм расшатывали демократические устои Веймарской республики и расчищали нацизму путь к власти.

Идеи «консервативной революции» разделяли и пропагандировали многие немецкие философы, юристы, писатели. Крупнейший публицист и теоретик А. Мёллер ван ден Брук возродил националистический миф об имперском величии Германии. Самый известный немецкий правовед и оригинальнейший мыслитель К. Шмитт создал теоретически безупречную концепцию неизбежности построения тоталитарного государства. Писатель-фронтвик, получивший в окопах 14 ранений и высшую военную награду кайзеровской Германии — орден «За отвагу», Э. Юнгер воспел войну как «повышающий ценность человека порядок». Журналист Х. Церер разработал концепцию необходимости создания новой интеллектуальной элиты как наставника общества.

Самый известный философ того времени О. Шпенглер (1880—1936) создал основы концепции «немецкого социализма». В политическом сочинении «Пруссачество и социализм» (1919) Шпенглер писал о будущем Германии, которое видел

в органичном соединении «старо-прусского духа и социалистических взглядов». Поскольку, по его мнению, нет и не может быть никакого иного социализма, кроме немецкого, то Шпенглер требовал прежде всего освободить социализм от идей К. Маркса. Марксистской теории он противопоставил прусско-социалистическое представление о солидарности, по которому «труд является не товаром, а долгом».

В основе прусской системы лежит, по мнению Шпенглера, идея государства, принцип *подчинения личных интересов каждого*

Освальд Шпенглер

человека общему государственному интересу. В Германии нет капиталистов и рабочих, так как всякий истинный немец — рабочий, который служит общенациональному делу. Поэтому Шпенглер говорит о противостоянии двух враждебных систем: английского капитализма и прусского социализма, силы денег и силы права, — в результате которого «меч победит деньги». Он считал, что немцам уже не суждено в будущем дойти до духовности Гёте, но они могут приблизиться к активности Цезаря, ибо наступает эпоха цезаризма. Ее главным содержанием является уже не внутренняя работа духа, а внешняя лихорадочная активность, экспансия, создание мировых империй.

Шпенглер крайне негативно оценивал Ноябрьскую революцию (1918), считая, что она прошла фазы «глупости» и «низости», а совершил ее «сброд во главе с отбросами литературы». Он полагал, что революционный дух не имеет ничего общего ни с национальной психологией немцев, ни с трезвой прагматичностью англосаксов. Подлинная родина этого духа — Франция, ибо кошмарные ужасы якобинского террора, потоки крови под гильотиной и оргии беснующейся толпы, таскающей по парижским улицам отрубленные головы, как нельзя лучше характеризуют «садистский дух этой расы».

Большая популярность идей Шпенглера среди немцев объяснялась тем, что в обескровленной и поверженной Германии он пробуждал чувство национальной гордости. Коль скоро новая революция с целью установления настоящего немецкого социализма непременно должна произойти, то, утверждал этот идеолог консерватизма, для Германии не закрыт путь в будущее, в привилегированное сообщество мировых держав. Поэтому писатель Юнгер, посылая философу свою книгу «Рабочий», сделал на ней такую надпись: «Освальду Шпенглеру, выковавшему после разоружения Германии первое новое оружие».

Пропагандируя «немецкий социализм», А. Мёллер ван ден Брук также обрушивался на марксизм и германскую революцию. В своей книге «Третий рейх» (1923) он заявил, что «во всех произведениях Карла Маркса не отыщешь ни единого слова любви к человеку, в них содержится только темная страсть ненависти и возмездия». Призывая к новой национальной революции, Мёллер настаивал на том, что Ноябрьская революция 1918 г. не была немецкой, а утверждала чуждые Германии западные принципы либерализма и демокра-

тии. Он считал либерализм атрибутом вырождения, упадка, а демократию рассматривал как либерального хамелеона — «молоха, пожирающего массы, классы, сословия и все различия человечества». Противостоять этому может только национальная идея, способная объединить и сплотить всех немцев под флагом третьей партии, отделенной и от правых радикалов, и от левых экстремистов.

Границу между Западом и Востоком Мёллер проводил по Рейну и относил немцев к молодым, динамичным восточным народам, которым предназначено сокрушить Францию — этот источник мирового разложения. Его расовые идеи не были примитивно биологическими. Главным для Мёллера была не расовая чистота, а *расовое единство*, которое создается в постоянной борьбе различных духовных ценностей и принципов.

Для того чтобы покончить с ненавистной либеральной республикой, Мёллер призывал ликвидировать все политические партии и на основе антикапитализма и антилиберализма провозгласить истинный консерватизм. В начале 1922 г. Брук встречался с А. Гитлером. Фюрер пришел в восторг от беседы с теоретиком социализма и заявил, что его собеседник «выковал духовное оружие для обновления Германии» и что с ним необходимо сотрудничать. Напротив, Мёллер был весьма разочарован знакомством с лидером национал-социализма и сказал, что «этот парень ничего не понимает и никогда не поймет». В дальнейшем все члены консервативного политического «Июньского клуба» презрительно сторонились «плебея» Гитлера и «своры его уличных погромщиков».

Карл Шмитт

Из всех мыслителей и публицистов времен Веймарской республики К. Шмитта выделяли широчайшая эрудиция и необычайно тонкая аргументация, с которой можно было не соглашаться, но против которой трудно было что-либо возразить. В принесших ему славу книгах «Политический романтизм» (1919), «Диктатура» (1921), «Политическая теология» (1922), «Понятие политического» (1927) Шмитт утверждал, что насквозь коррумпированные современные институты государства

должны умереть. Государство, превратившееся в арену борьбы отдельных политических групп, больше не имеет определенной и общепризнанной цели, а парламентарии из представителей народа превратились в агентов различных политических партий.

Шмитта чрезвычайно занимала проблема *децизионизма*, т. е. процесса принятия решений. Точнее, его интересовало не то, как принимаются политические решения, а то, почему они вообще должны приниматься. Теория децизионизма в условиях паралича власти в Веймарской республике была призвана доказать неэффективность парламентаризма и необходимость установления диктатуры — сильной власти, которая не боится принимать ответственность за свои решения. А участники бесконечных парламентских дебатов стремятся всеми силами уклониться от принятия решений. Поскольку в центре политической теории Шмитта находились мощь и суверенитет страны, то это логично вело к оправданию существования государства тоталитарного типа, к *признанию принципа фюрерства*. В отличие от общественного плюрализма в эпоху массовой демократии только диктатура способна обеспечить политическое единство нации, в котором, по Шмитту, особенно нуждалась тогда Германия.

Любитель опасностей и приключений, Э. Юнгер всю жизнь ненавидел порядок и мещанский уют. В своих книгах «В стальных грозах» (1920), «Полная мобилизация» (1931), «Рабочий. Господство и облик» (1932) он идеализировал войну, фронтовое братство и утверждал, что *война является наиболее естественным проявлением полнокровной человеческой жизни*, что без нее наступают застой и вырождение. Только очищающие душу грозы войны в состоянии обновить народ и способствовать его дальнейшему развитию. Убежденный нонконформист и противник демократической системы, Юнгер все же уклонялся от участия в деятельности какой-либо радикальной партии. Однако его популярность была настолько велика, что один из лидеров Коминтерна Эрнст Юнгер

К. Радек заметил однажды, что для компартии привлечение Юнгера на свою сторону означало бы больше, чем завоевание большинства в рейхстаге.

Юнгер, который испытывал сильное влияние идей Ницше и Шпенглера, предрекал, что мир вступил в стадию конфликтов и жестокого насилия и что победителем во всеобщей борьбе будет *самоотверженный труженик*, независимо от того, стоит ли он у станка, сидит ли за письменным столом или лежит в грязном окопе.

Воспевание техники и промышленной модернизации вело Юнгера к преклонению перед новой рабочей аристократией. Он убежденно провозглашал конец буржуазной эпохи и грядущее появление нового национально-социального имперского государства, в котором трудовой план будет важнее Конституции.

Трудный и противоречивый характер писателя сказался в его призывах к жизни в одиночестве, к отстраненности человека от своего времени, к проповеди аристократического индивидуализма в стиле Ницше. Романтизм и стремление придать немецкой культуре динамику, волю и целеустремленность привели Юнгера к поддержке идей «консервативной революции» как радикального стремления найти новый, высший смысл в серой и будничной жизни.

Разумеется, овеянный романтикой славного фронтового прошлого Юнгер стал кумиром значительной части немецкой молодежи. Но с ним пытался соперничать и политический публицист, руководитель журнала «Тат» Х. Церер (позднее, уже в ФРГ, он стал духовным наставником крупнейшего консервативно-националистического издательского концерна А. Шпрингера).

Церера весьма занимала проблема *конфликта поколений*, очень острая в веймарской Германии, поскольку университеты выпускали вдвое больше специалистов, чем требовалось государству и обществу. В опубликованной в 1929 г. статье под программным заголовком «Внимание, фронт молодых! Всем стоять в стороне!» он предостерегал молодежь от погружения в «грязное болото политики» и утверждал, что отмечается огромная инфляция гражданского доверия к государству. Церер настоятельно советовал не защищать и не поддерживать Веймарскую республику, трактуя ее предстоящую гибель как своего рода необходимость. Он предсказывал *рождение нового Германского рейха* и понимал историю как мистический про-

цесс величайшего самоочищения. Во всяком случае, то, что Цереру с его весьма туманными умонастроениями удалось увеличить тираж своего журнала до 30 тыс. экземпляров (т. е. в 30 раз), — факт, который весьма красноречиво характеризовал состояние умов молодой немецкой интеллигенции.

В психологическом отношении позицию Церера можно назвать экзальтированным морализаторством, но в политическом смысле она демонстрировала опасную близость к национал-социализму, который поставил романтику на службу отнюдь не романтическим замыслам.

Идеологи «консервативной революции» удивительным образом сочетали иррациональный эстетизм с политической прозорливостью. Нацистский Третий рейх не стал, однако, тем государством, о котором они мечтали и в котором надеялись стать духовной элитой. Наоборот, после 1933 г. почти все они испытали чувства глубокого разочарования и несбывшихся надежд. Этот печальный итог консервативно-национального движения с горечью подвел Шпенглер: «Мы хотели покончить со всеми партиями. Осталась же самая отвратительная».

НАЦИОНАЛ-СОЦИАЛИЗМ В ГЕРМАНИИ (1933—1939)

На пути к власти

Национал-социалистическая идеология создана не только А. Гитлером. В его ранних выступлениях и статьях не найти никаких оригинальных идей. Все они уже были довольно широко известны, но Гитлер радикализировал их в своем толковании и превратил в политическую веру. При этом с самого начала изложению этих идей сознательно придавали двусмысленный характер с целью привлечь к нацистскому движению как можно большее число людей, которые могли бы отыскать в этой «идейной каше» то, что отвечало их интересам и склонностям.

Но все-таки в основе этого конгломерата идей лежали три главных компонента: *социальный дарвинизм* с его принципом борьбы за существование, в ходе которой сильный подчиняет или уничтожает слабого; необходимость завоевания «жизненного пространства для германского народа», прежде всего на востоке Европы; *расовая теория*, ядром которой стал *антисемитизм*, обвинявший евреев во всех земных грехах и неурядицах.

Обо всем этом говорили еще в конце XIX — начале XX в. На первый взгляд, может показаться, что те, кто пропагандировал такие лозунги, были эксцентричными одиночками, которых всерьез можно не принимать. Но на самом деле у них было много сторонников. А многие из этих лозунгов в годы нацистской диктатуры стали официальной политической доктриной. Речь, однако, не идет о таких обскурантистах и ариософах¹,

¹ *Ариософия* — оккультно-мистическое учение о превосходстве арийской расы над остальными, возникло в конце XIX в. в Австрии.

как Й. Либенфельс, основавший орден новых тамплиеров, или мюнхенский мистик А. Шулер, который хотел излечить от безумия Ф. Ницше, исполнив перед ним корибантский ритуальный танец (затяг провалилась за неимением необходимых для танца медных лат). Речь идет о весьма уважаемых в свое время людях, которые пользовались влиянием и авторитетом не только в Германии, но и в других странах Европы.

Естествоиспытатель Ч. Дарвин не может нести никакой ответственности за искаженное толкование его учения и идеологизацию принципа борьбы за существование. Он писал о биологическом понятии расы в совершенно нейтральном смысле. Врач В. Шалльмейер, который в Германии считается основателем расовой гигиены, также не проводил никакого качественного различия между расами. Для него была важна лишь социальная полезность человека. Но для того, чтобы обеспечить появление таких полезных людей, необходимо поощрять и регулировать продолжение рода. У женщины нет более высокого призвания, чем быть женой и матерью. Чем больше детей у нее будет, тем лучше. А чтобы это были здоровые дети, следует ввести анкеты расово-гигиенического контроля. Поэтому Шалльмейер требовал стерилизации «физически или душевно неполноценных» людей и высылки из страны всех инвалидов.

Еще радикальнее были настроены некоторые его современники, которые подчеркивали особую ценность германской расы. В книге «Основы расовой гигиены» (1895) врач А. Плётц настаивал на необходимости «выпалывания» больных и слабых людей. Он даже предлагал предписывать супружеским парам, до какого возраста они могут заводить детей, и требовал убивать каждого ребенка, появившегося позднее установленного срока.

Землевладелец А. Тилле в своей анонимно изданной книге «Народная служба» (1893) писал, что следует беспощадно выбраковывать детей с дурной наследственностью, которых «общество терпит только из сострадания и которые все равно погибнут». Такие люди, по его теории, не имеют права не только на продолжение рода, но и даже просто на существование. Так что об эвтаназии, т. е. умерщвлении душевнобольных и неизлечимых людей, говорилось задолго до появления нацистской программы. Тилле громогласно требовал «жизненного пространства для немцев» и обосновывал право более сильной расы уничтожать слабейшую: «Если она не имеет способности сопротивляться, то не имеет и права на существование».

Уже в конце XIX в. в научной литературе можно встретить положения, которые в будущем войдут в гиммлеровскую программу «выведения» идеальной человеческой расы — «Либенсборн». Так, пражский профессор философии Х. Эренфельс предлагал воспользоваться для этого методом искусственного оплодотворения и узаконить для расово безупречных мужчин полигамию (многоженство).

Идеей *превосходства германской расы* над остальными были пропитаны необычайно популярные на рубеже веков исторические романы Ф. Дана и Г. Фрейтага, «Германские сочинения» известного теоретика П. Лагарда и книга «Рембрандт как воспитатель» Ю. Лангбена. Но если мысли Лагарда трудно назвать расистскими (хотя он и предлагал выселить в Палестину всех евреев из Германии, Австрии, Польши и Прибалтики), то сочинение Лангбена проникнуто явным антисемитизмом.

Лагард утверждал, что только немцы обладают душой, а прочие народы являются всего лишь «человеческим сырьем». Он протестовал против эмиграции людей из рейха, утверждая, что на чужбине они потеряют свою германскую сущность. В то же время Лагард требовал колонизации восточных территорий, поскольку «не индустрия, а только земледелие, животноводство и торговля могут сделать Германию богатой и процветающей». Такие аграрно-романтические представления были широко распространены в немецком обществе и легли затем в основу концепции «кровь и почва» нацистского аграрного теоретика В. Дарре.

Лангбен мечтал о «пангерманской федерации» и искал корни арийской расы, которая должна повелевать остальным миром, не в Индии, а на берегах Северного моря.

Такого же мнения придерживался и натурализовавшийся в Германии сын британского адмирала Х. Чемберлен. Его огромный труд «Основы XIX века» (1899), наполненный множеством самых различных сведений (биология, искусство, философия, история и т. д.), привел в неопишуемый восторг кайзера Вильгельма II, который всем рекомендовал прочитать эту книгу. Чемберлен полагал, что человеческие расы наделены неодинаковыми способностями, а «германцы принадлежат к той группе особо одаренных рас, которую называют арийцами». Они «физически и духовно превосходят всех прочих людей», поэтому призваны стать «владыками мира». Труд Чемберлена послужил образцом для главного теоретика нацио-

нал-социализма А. Розенберга, считавшего автора «истинным художником, формирующим историю».

К началу XX в. широкое распространение получила *концепция о вековой расовой борьбе между германцами и славянами*. Ее авторы утверждали, что именно германцы принесли культуру в Восточную Европу, прежде всего в Польшу и Прибалтику, поэтому следовало вернуть эти области в состав Германской империи.

Понятие «*антисемитизм*» ввел в оборот в 70-е годы XIX в. журналист В. Марр. Он имел в виду исключительно евреев, хотя они являются самым малочисленным из семитских народов. Но проявления враждебности к евреям известны с незапамятных времен.

В «Германских сочинениях» Лагарда речь шла еще о чисто религиозной проблеме. Автор считал, что если евреи откажутся от иудейского вероисповедания, то смогут полностью смешаться с народами, среди которых проживают, или же эмигрировать в Палестину. Но в книге «Евреи и индогерманцы» (1887) Лагард уже резко обвинял евреев в расовом высокомерии и сравнивал их с вредными существами, которых «нельзя перевоспитать, а следует уничтожить как можно быстрее и основательнее». Такое сравнение стало позднее излюбленной метафорой радикальных антисемитов.

Лангбен, разделяя всех евреев на благородных и неблагородных, утверждал, что в Германии в основном проживают, к сожалению, вторые. Он считал, что «за каждый народ Бог и дьявол ведут борьбу между собой. Сегодняшние евреи попали преимущественно под власть дьявола», поэтому любой «честный и мужественный немец» обязан бороться против них.

Последовательным антисемитом был и знаменитый композитор Р. Вагнер. В своем трактате «Иудаизм в музыке» он утверждал, что иудаизм — это «нечистая совесть современной цивилизации», уже взявший все «под свой контроль». В работе «Познай самого себя» Вагнер объявил евреев носителями абсолютного зла и характеризовал их как «пластичных демонов упадка человечества», из-за которых суждено погибнуть немцам.

Откровенным антисемитом был и широко известный экономист и социалист О. Дюринг. Отклоняя в целом расовые учения, он полагал, что евреи угрожают самому существованию арийской расы и требовал их «беспощадного искоренения».

Однако гораздо большее значение, чем теории многих публицистов и псевдофилософов, имело то обстоятельство, что на сторону антисемитов встал самый популярный и уважаемый в последней трети XIX в. историк — берлинский профессор Г. Трейчке. В 1879 г. он опубликовал в авторитетном журнале «Прусские ежегодники» довольно сдержанную по тону статью, которая заканчивалась таким пассажем: «Бесспорно, что семиты породили сплошной обман, бесцеремонную алчность грюндеров-чудовищ. В большой мере они несут ответственность за презренный материализм наших дней, который рассматривает любой труд только как сделку и который угрожает навсегда покончить с активным трудовым энтузиазмом нашего народа. ...Отовсюду, включая лиц, занятых в системе высшего образования, и деятелей, которые готовы с возмущением отвести от себя любую мысль о религиозной нетерпимости или национальном высокомерии, в один голос звучит сегодня клич: „Евреи — наше несчастье!“»

Этот клич быстро стал одним из любимых девизов германского антисемитизма. Во всяком случае, именно «умеренный» антисемитизм Трейчке производил на публику, в том числе и на завсегдатаев респектабельных немецких салонов, гораздо большее впечатление, чем запугивания радикальных юдофобов, поскольку люди не склонны доверять фанатикам.

Одним из фанатиков антисемитизма был Г. Альвардт, который в своей книге «Отчаянная борьба арийских народов против еврейства» (1890) обвинил евреев в заговоре с целью захвата господства над миром. Выступая в рейхстаге, депутатом которого он являлся, Альвардт открыто потребовал «искоренения» евреев.

В 1892 г. журналист К. Пааш писал в данцигском журнале «Зеркало антисемитов», что самым простым решением было бы, конечно, поголовное истребление евреев, но поскольку в культурной Германии это невозможно, то всех их следует депортировать на остров Новая Гвинея. Пааш буквально предвосхитил план нацистов выселить евреев из Европы, правда, на другой остров — Мадагаскар (от этого замысла быстро отказались и начали уничтожать евреев в самой Европе).

Альвардт был учителем. И именно в школах и гимназиях идеи антисемитизма вдалбливали в головы учеников их наставники, как правило, большие поклонники Лагарда, Лангбена и Трейчке.

Таким образом, основные мифы и лозунги будущего национал-социализма были созданы уже к началу XX в. А спустя десятилетие появилось еще одно сочинение, в котором была изложена и систематизирована вся программа немецкого национализма, экспансионизма и расизма. В 1912 г. лидер Пангерманского союза Г. Клас выпустил под псевдонимом книгу «Если бы я был кайзером». Опасаясь постоянно растущего влияния Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которая на выборах 1912 г. получила более трети голосов избирателей и стала сильнейшей фракцией рейхстага, он потребовал проведения более жесткого внутривнутриполитического курса. Обвинив правительство и даже самого кайзера в слабости и нерешительности, Клас предложил отменить всеобщее избирательное право (введя высокий имущественный и образовательный ценз), выслать из Германии всех сторонников социализма и разрешить только ту прессу, которая будет писать исключительно для немцев.

По мнению Класа, влияние евреев в Германии достигло невыносимых пределов, а потому он требовал считать их иностранцами и лишить политических и гражданских прав, не допускать к участию в общественной жизни, к военной службе, не позволять работать юристами, учителями, директорами театров и банков. А в качестве возмещения за ту защиту, которую немцы обеспечивают этим «чужеродным элементам», Клас предлагал обложить всех евреев двойным налогом.

Чтобы остановить дальнейшую эмиграцию немцев, Клас считал необходимым провести широкие социальные реформы, активнее поддерживать крестьянство, а также присоединить к империи восточноевропейские территории. И хотя война против России нежелательна, бояться ее не следует, ибо она непременно завершится победой Германии.

Наконец, лидер Пангерманского союза возлагал все надежды на сильного вождя нации. Клас считал, что было бы счастьем, если бы таким вождем мог стать сам кайзер. Но он глубоко сомневался в этом и был, безусловно, прав в своем скептицизме относительно Вильгельма II. В книге «Если бы я был кайзером» впервые в основных чертах была изложена концепция тоталитарного государства XX в., едва ли не дословно воспроизведенная впоследствии Гитлером. При встрече с Класом в 1920 г. будущий диктатор почтительно заметил, что в его программе содержится все самое важное и необходимое для возрождения немецкого народа и самой Германии.

Установление диктатуры

В созданном в конце января 1933 г. новом правительстве консерваторы и националисты заняли десять постов. От национал-социалистов, кроме рейхсканцлера А. Гитлера, в правительство вошли двое: В. Фрик получил должность министра внутренних дел, а Г. Геринг стал министром без портфеля. Таким образом, формально этот кабинет министров был совсем не нацистским. Тем не менее вечером 30 января никто не сомневался в том, что демократическая Веймарская республика осталась в прошлом. Но относительно будущего Германии была полная неясность.

Чтобы понять сдержанное спокойствие общества, надо иметь в виду, что у подавляющего большинства немцев *не было никакого представления о зловещем характере национал-социализма*, который они считали просто одним из праворадикальных движений. Программную книгу Гитлера «Майн кампф» никто не принимал всерьез, полагая, что идеологические формулировки — это одно, а практические политические действия — совсем другое. К тому же сам поворот к открыто авторитарному режиму не стал чем-то необычным. Уже с 1930 г. не было никакого парламентского контроля за деятельностью правительства. Наконец, аналогичные процессы происходили в большинстве европейских государств, где установились диктаторские режимы. Господствовало убеждение, что в период тяжелого экономического кризиса демократия обнаружила свою несостоятельность, что пришло *время главенства сильных личностей*. Так, итальянским дуче Б. Муссолини открыто восхищались такие известные люди, как либеральный деятель, издатель Т. Вольф или социалист К. Хиллер.

Парламентские фракции не были готовы к тому, чтобы сплотиться для отражения коричневой опасности. Руководство Социал-демократической партии Германии (СДПГ) сравнивало приход Гитлера к власти с бисмарковским исключительным законом против социалистов и полагало, что хуже все равно быть не может. Коммунисты вообще не верили в жизнеспособность и прочность нацистского режима. Судя по воспоминаниям лидера парламентской фракции Коммунистической партии Германии (КПГ) Э. Торглера, руководитель партии Э. Тельман в ответ на его предложение объявить 29 января состояние особой готовности КПГ ответил, что буржуазия «даже близко не подпустит Гитлера к власти» и предложил... поехать поиграть в кегли в столичный район Лихтенберг. У кон-

серваторов царили самые радужные настроения. Вице-канцлер Ф. Папен (его оптимизм порой граничил с глупостью) хвастливо уверял всех, что он пользуется абсолютным доверием президента, а консервативное большинство кабинета министров «через два месяца загонит Гитлера в угол и прижмет так, что он запищит». Увы, через полтора года притихнуть придется самому Папену.

Сначала правительство Гитлера действовало в традициях республиканских кабинетов министров. 1 февраля рейхсканцлер предложил президенту распустить рейхстаг и назначить на 5 марта новые выборы. Избирательная кампания стала первым этапом на пути к диктатуре нацистов. Она опиралась на мощную пропагандистскую машину Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), а также на силу штурмовиков.

Целью сторонников Гитлера было получение абсолютного большинства мест в рейхстаге и практическое удаление с политической арены левых партий — СДПГ и КПГ. Для этого 4 февраля 1933 г. был выпущен президентский указ «О защите немецкого народа». Он предусматривал запрет любых политических собраний и митингов под открытым небом в том случае, если может возникнуть «непосредственная угроза общественной безопасности», а также выпуска предвыборных листовок и газет. Примечательной чертой указа была расплывчатость, неопределенность формулировок, дающая большой простор для произвольных интерпретаций. Хотя документ предусматривал возможность обжалования запрета в Имперском суде, но практически добиться отмены решения было крайне сложно, поскольку разбирательство велось уже после начала действия запрета. Решающим было то обстоятельство, что имперское и прусское министерства внутренних дел возглавляли на-

цисты — Г. Геринг и В. Фрик. Геринг использовал все возможности, чтобы установить в Пруссии полную власть НСДАП.

Уже в феврале 1933 г. курс Гитлера был совершенно ясен: террор против оппозиционных партий, против «марксизма». Рейхсканцлер четко заявил, что должен иметь всю полноту власти для *сокрушения противников режима*. Загадочное событие позволило резко ускорить этот процесс. В ночь с 27 на 28 февраля запылало здание рейхстага. В поджоге был обвинен психически неуравновешенный молодой голландец, бывший коммунист М. ван дер Люббе, позднее приговоренный на Лейпцигском процессе к смертной казни. На суде не удалось доказать причастность коммунистов к поджогу. (Уже после войны, на Нюрнбергском процессе, бывший ординарец начальника штаба штурмовых отрядов Э. Рема признался, что поджог совершили расстрелянные в «ночь длинных ножей» 23 штурмовика по приказу Рема и с одобрения Геринга.)

Пожар немедленно объявили «коммунистическим сигналом» к государственному перевороту. Уже через несколько часов многие руководители компартии и депутаты рейхстага от КПГ оказались арестованы, были запрещены коммунистическая пресса и некоторые издания социал-демократической партии. Вслед за коммунистами пришла очередь и социал-демократов, которых Геринг также попытался обвинить в соучастии в поджоге. 28 февраля появился новый президентский указ «О защите народа и государства», временно отменявший основные конституционные права и свободы. Полиция получила право проводить аресты без предъявления доказательств вины. Отменялись неприкосновенность жилища и собственности, тайна переписки и телефонных разговоров, свобода слова, собраний и т. д. За государственные преступления вводилась смертная казнь. Этот указ действовал до самого краха Третьего рейха и поддерживал в Германии перманентное состояние чрезвычайной ситуации.

С принятием «защитающего» указа в стране начался окровавленный террор. В уличных схватках

с обеих сторон погибли люди, несколько сотен человек получили тяжелые ранения. К середине марта 1933 г. только в Пруссии в тюрьмах и импровизированных концлагерях оказались 100 тыс. политических противников нацистского режима.

Выборы принесли правительству победу. Нацисты, националисты и «Стальной шлем», образовавшие «Черно-красно-белый боевой фронт», собрали 53% голосов, СДПГ получила 18,3%, а КПГ — 12,3% голосов. За нацистов проголосовали 17,27 млн человек, но это составило лишь 44% избирателей, так что большинство немцев по-прежнему были настроены против Гитлера и его партии. Даже в обстановке террора за рабочие партии не побоялись проголосовать 12 млн человек. Католическую партию «Центр» и Баварскую народную партию (БНП) поддержали 13,9% избирателей.

Однако и в новом рейхстаге правительство не имело большинства в две трети мест, необходимого для принятия закона о предоставлении кабинету министров чрезвычайных полномочий, а фактически — для установления личной диктатуры фюрера. Лишь путем угроз и уговоров Гитлеру удалось добиться поддержки буржуазных партий. Против голосовала только изрядно поредевшая фракция СДПГ. Коммунисты, многие из которых оказались в концлагерях или эмиграции, уже не участвовали в работе парламента.

Принятый 23 марта закон «О преодолении бедственного положения народа и государства» давал правительству право издавать любые постановления без утверждения рейхстагом. Хотя формально Веймарская конституция продолжала действовать, практически она была отменена. Чрезвычайные полномочия правительство получило до 1 апреля 1937 г., но фактически кабинет министров имел их до самого падения режима.

Теперь диктатура Гитлера приобрела юридическое обоснование, что делало рейхсканцлера независимым не только от парламента, но и от президента. Это означало, что консервативные партнеры Гитлера больше не участвовали в политической жизни Германии. Следствием принятого 13 марта закона стало и то, что отныне никакое легальное сопротивление тоталитарному режиму было невозможным. Итог борьбы за власть подвела официальная нацистская газета «Фелькишер беобахтер»: «На четыре года Гитлер получил все, что необходимо для спасения Германии. В негативном смысле — для искоренения разлагающего народа марксизма, в позитивном — для создания нового народного сообщества».

Унификация

Под *унификацией* в истории понимается процесс создания тоталитарной однопартийной системы. В Германии она осуществлялась стремительными темпами. Того, на что итальянскому фашизму потребовалось пять лет, А. Гитлер добился за пять месяцев.

Вначале А. Гугенберг, не желавший уступать Гитлеру всю полноту власти, настаивал на сохранении за президентом права участвовать в выработке законов. Но П. Гинденбург настолько устал от бремени власти, что счел за благо практически отойти от государственных дел. Это вполне отвечало желанию Гитлера ставить себя в какую-либо зависимость от непредсказуемости и строптивости Гинденбурга.

Первым шагом к унификации явилась *ликвидация самостоятельности германских земель*, которые на протяжении веков отстаивали свою автономию. Метод был очень прост. Нацисты в ультимативной форме потребовали своего участия в земельных правительствах, прежде всего — контроля над полицией и органами юстиции. Если местные власти сопротивлялись, то министр внутренних дел В. Фрик издавал постановление о немедленном смещении земельного правительства и замене его назначенным рейхскомиссаром. Уже в день выборов, 5 марта 1933 г., было ликвидировано правительство Гамбурга. На следующий день последовало упразднение кабинетов министров Бремена и Любека, затем — Гессена, Саксонии, Бадена, Вюртемберга. Последним было разогнано баварское правительство, и это случилось уже 9 марта.

Впервые используя свои чрезвычайные полномочия, 31 марта Гитлер и Фрик издали временный закон «О включении земель в рейх», предусматривавший *ропуск всех ландтагов, кроме прусского*, который полностью контролировал Г. Геринг. 7 апреля был учрежден новый пост — рейхсштатгальтер (имперский наместник) земли, имевший право формировать и смещать местное правительство, распускать ландтаг, назначать и увольнять чиновников и судей. Наместника Пруссии назначал сам рейхсканцлер, не спрашивая согласия президента, и Гитлер сразу сделал главой прусского правительства Геринга. Тот немедленно заявил в ландтаге, что является «в первую очередь вернейшим паладином своего фюрера Адольфа Гитлера». Так была уничтожена исконная федеральная структура Германии. В начале 1934 г. ландтаги были

упразднены окончательно, а прежние права земель переданы центральной имперской власти.

После этого начался второй этап унификации — *«упорядочивание» партий, профсоюзов и прочих организаций*. Первой жертвой стала Коммунистическая партия Германии (КПГ), все парламентские мандаты которой были объявлены недействительными, а имущество конфисковано. Так КПГ практически оказалась ликвидированной, хотя формального ее запрета не было.

По отношению к Социал-демократической партии Германии (СДПГ), которая в Веймарской республике политически не была столь изолирована, как коммунисты, приходилось действовать осторожнее. Первый удар нацисты нанесли по ее союзникам — военизированной организации Рейхсбаннер, распущенной к концу марта, и профсоюзам, бесславно капитулировавшим. Это было тем более удивительно, что 4,5 млн членов социал-демократических «свободных профсоюзов» не сделали ни малейшей попытки оказать Гитлеру сопротивление. Более того, 9 апреля их лидеры заверили рейхсканцлера в своей лояльности новой власти и даже предложили ему назначить в профсоюзы особого рейхскомиссара. Капитулировали также католические и либеральные профсоюзы.

Разумеется, позиции профсоюзов были весьма ослаблены невиданной безработицей, а нацисты, со своей стороны, громко и обещали создать новые рабочие места. В результате уже летом 1932 г. наметилась тенденция сближения лидеров профсоюзов и национал-социалистов. Показательно в этом смысле то, что весной 1933 г. правительство провозгласило 1 мая официальным «праздником национального труда», выполнив тем самым давнее требование рабочих, которое не осуществили даже социал-демократы в правительствах Веймарской республики. Но 2 мая, на следующий день после праздника, все профсоюзные здания были заняты штурмовиками. Средства профсоюзов были конфискованы, а их руководители арестованы.

В конце месяца фюрер издал декрет, возлагавший обязанность заключения коллективных договоров на «доверенных уполномоченных по труду», назначаемых самим рейхсканцлером. Фактически это означало запрет забастовок. «Хозяевами дома» вновь стали предприниматели. Впрочем, правительство оставило большинство профсоюзных функционеров на своих постах. 6 мая вместо прежних профсоюзов был создан

общенациональный *Германский трудовой фронт* во главе с Р. Леем (он обладал университетским дипломом, что было редкостью для нацистской верхушки).

В начале мая было конфисковано все имущество СДПГ, руководство которой уже эмигрировало к этому времени в Прагу. Нацисты использовали это обстоятельство, чтобы объявить партию «враждебной народу и государству». К концу июля все чиновники и государственные служащие, поддерживавшие социал-демократов, были уволены без права получения государственной пенсии. Если они не хотели ее лишиться, то в течение трех дней были обязаны официально сообщить в письменной форме о полном разрыве со своей партией.

Летом 1933 г. все буржуазные партии заявили под давлением сверху о своем самороспуске. Это означало ликвидацию всякой демократии.

Сложнее обстояло дело с роспуском католических партий, так как за ними стояла мощь церкви, интересы которой нацисты долгое время не решались затрагивать. Поэтому 23 марта 1933 г. Гитлер объявил, что новый режим будет уважать права церквей и все их прежние соглашения с правительственными органами. Уже через несколько дней в поддержку рейхсканцлера высказалась конференция католических епископов в Фульде. Стало очевидно, что церковь готова отказаться от политической деятельности в Германии, если будет заключен конкордат с Римом, что и произошло через три дня после решения партии «Центр» объявить о своем самороспуске.

В марте 1934 г. монархический «Стальной шлем» был переименован в Национал-социалистический союз немецких фронтовиков, а в конце апреля было объявлено о слиянии бывшего «Стального шлема» с нацистскими штурмовыми отрядами. Наконец, в начале июля кабинет министров покинул лидер националистов Гугенберг. На Лондонской конференции по проблемам мировой экономики он допустил политически неуместное и бестактное высказывание о возвращении Германии потерянных после Первой мировой войны колоний и праве немцев на экспансию на Восток. Гитлер, не желавший по тактическим соображениям пока раскрывать свои истинные намерения, немедленно дезавуировал заявление Гугенберга.

28 июня 1934 г. Немецкая национальная народная партия (НННП) объявила о своем самороспуске. За ней с политиче-

ской сцены безропотно сошли все либеральные и католические партии. После этого на заседании кабинета министров Гитлер заявил, что с устранением многопартийности строительство тоталитарного государства близко к завершению. А 14 июля вышел закон «Против создания новых партий», объявивший *нацистскую партию единственной в Германии*. Попытки создания других политических партий признавались уголовно наказуемыми преступлениями.

Единство партии и государства

Спустя четыре месяца после того, как рейхстаг отрекся от своих демократических прав и обязанностей, республика беспрепятственно сменилась однопартийным тоталитарным государством. Следующим шагом в укреплении тоталитарной системы стало сращивание Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) с государством, которое она превратила, можно сказать, в свое монопольное владение. 1 декабря 1933 г. был принят специальный закон «Об обеспечении единства партии и государства», в котором говорилось, что «НСДАП является носительницей германской государственности и неразрывно связана с государством». В результате государство стало партийным, а партия — государственной. Лидеры партии одновременно являлись и руководителями государства. Так, А. Гитлер в партии — вождь нации, а в государстве — рейхсканцлер; Г. Геринг в партии — рейхсфюрер СА (штурмовые отряды) и СС, а в государстве — министр авиации, министр-президент Пруссии и руководитель четырехлетнего экономического плана по подготовке к войне; Г. Гиммлер в партии — рейхсфюрер СС, в государстве — член Имперского совета обороны, а позднее и министр внутренних дел; Й. Геббельс отвечает за пропаганду и внутри партии, и в государстве, являясь одновременно куратором всей немецкой культуры и гауляйтером Берлина. Министерские посты или кресла членов Имперского совета обороны занимали и прочие высшие руководители партии: Р. Гесс, А. Розенберг, И. Риббентроп, В. Дарре, В. Лей, Х. Франк, В. Фрик.

К концу 1933 г. все руководящие должности в имперских, земельных и местных органах власти заняли члены партии. Кандидатов на эти посты могли выдвигать только местные организации НСДАП. Жесткая централизация практически

ликвидировала всякое местное самоуправление. Ни один чиновник не мог оставаться вне рядов нацистской партии. Под строгий контроль были поставлены и суды, членами которых назначались только обладатели партийных билетов.

Таким образом, все государственные органы оказались под всеобъемлющим контролем национал-социалистов. Более того, в Третьем рейхе не мог быть принят ни один закон, если руководство партии его предварительно не одобрило. Утверждение законов рейхстагом свелось к простой формальности, поскольку абсолютное его большинство составляли нацисты, а сам парламент был не отличим от партийного съезда, когда единодушно голосовал за все законы, уже завизированные в партийной канцелярии.

На съезде в Нюрнберге в 1935 г. Гитлер откровенно определил место нацистской партии в Германии: «Не государство дает нам приказы, а мы даем приказы государству». Если государство получило политическое благословение партии, то и партия оказалась под юридической защитой государства. Преступления против партии, подрыв ее престижа критическими высказываниями или даже политическими анекдотами наказывались тюремным заключением или отправкой в концлагерь, а нередко смертной казнью. Срастание партийного аппарата с государственными органами было настолько тесным, что практически нельзя было различить, где начинается партия и кончается государство. Государственные учреждения стали насквозь партийными и политизированными, а партийные органы превратились в государственно-бюрократические организации.

Национал-социалистическая партия из традиционной политической партии превратилась в государственно-принудительное образование. В сущности, члены партии не подчинялись законам государства, в частности они не могли привлекаться к обычной уголовной или гражданской ответственности. Совершивший преступление член НСДАП вначале исключался партийным судом из ее рядов, а лишь затем как рядовой гражданин Германии предавался обычному уголовному суду. Но большей частью партийные суды находили, что партийцем-преступником «двигали истинно национал-социалистические побуждения, а не какие-либо низкие намерения».

Обычной практикой стали и характерные для тоталитарной системы телефонные указания партийных руководителей судьям о вынесении соответствующего приговора. А поскольку все

судьи были обязаны состоять в национал-социалистической партии, то такие указания становились для них обязательными.

Единство партии и государства распространялось и на идеологию. Как партийное знамя легко превратилось в государственный флаг, так и нацистская партийная идеология стала государственной. Как монополю правящей стала партия, так и монополю господствующей оказалась и ее идеология. По словам Гитлера, если «национал-социализм как идеология не хочет сам себя уничтожить, он должен быть нетерпимым, т. е. при всех обстоятельствах отстаивать и проводить правоту своих взглядов и директив». Вторя фюреру, Геббельс заявил, что тот, кто не является национал-социалистом, не может оказаться правым.

Террор и пропаганда как орудия нацизма

Важнейшими инструментами упрочения нацистского режима являлись террор и пропаганда. Основным методом террора стало лишение свободы. Особенно широко применялись превентивные аресты, проводимые без судебного решения, сроком от нескольких дней до многих месяцев. Поводом к такому аресту могло стать простое подозрение в симпатиях к компартии или в «связях с марксистами». Человек, арестованный полицией, мог считать, что ему еще повезло. Куда хуже приходилось тем, кого хватили штурмовики, устроившие к весне 1933 г. только в Берлине более 50 пыточных бункеров и подвалов.

Поток арестованных непрерывно возрастал. В марте 1933 г. по приказу Г. Гимmlера в Дахау (близ Мюнхена) в бараках бывшей пороховой фабрики был устроен первый крупный *концентрационный лагерь*. К концу года в нем содержалось около 5000 заключенных, которых охраняли особые части СС — дивизия «Мертвая голова». В основном это были коммунисты, затем — социал-демократы и прочие «политические враги государства», составлявшие более трех четвертей всех узников. Дахау стал моделью для других концлагерей, заменивших тюрьмы и каторгу.

К середине 1933 г. концлагеря существовали во всех областях Германии. Однако прежняя регулярная полиция не очень подходила на роль инструмента беспощадного террора. Поэтому по инициативе Г. Геринга вначале в Пруссии, а затем и в других землях была создана *тайная государственная по-*

лица — *гестапо*¹ с задачей расследования всех «опасных для государства политических устремлений». Постепенно политическая полиция начала переходить под контроль Г. Гиммлера, бывшего тогда шефом баварской полиции, хотя номинально она оставалась под надзором Геринга. Организатором этого процесса явился Р. Гейдрих, бывший морской офицер, а ныне — группенфюрер СС.

Перед ведомствами СС были поставлены три основные задачи: 1) слежка и надзор за всем населением; 2) выявление и преследование противников режима; 3) наказание несогласных с режимом. Первую задачу решала *служба безопасности* — СД² во главе с Гейдрихом. Поскольку всякое общественное мнение было загнано в подполье, то служба безопасности располагала обширной сетью тайных агентов, доносивших «о настроениях».

Если служба безопасности (СД) была «глазами и ушами» нацистского режима, то гестапо и полиция, решавшие вторую задачу, — его «рукой». С июня 1936 г. все органы полиции и СС оказались под контролем рейхсфюрера СС и шефа немецкой полиции Гиммлера. Политическую и криминальную полицию возглавил Гейдрих, а полицию порядка (охранные отряды, местная полиция и жандармерия) — генерал К. Далюге. Объединение под эгидой СС политической и криминальной полиции стало существенным фактором усиления террора.

В концлагерях решалась третья задача — наказание и уничтожение противников нацистского режима. Помимо Дахау, к 1937 г. заработали еще два крупных лагеря — Заксенхаузен (под Берлином) и Бухенвальд (близ Веймара). К этому времени в дивизии СС «Мертвая голова» насчитывалось 3500 человек.

Столь же важным инструментом режима, как и террор, стала пропаганда. Ее задача состояла в привлечении на сторону нацизма того большинства избирателей, которые в марте 1933 г. не отдали Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП) свои голоса. Никто не понимал лучше самого А. Гитлера значение пропаганды для стабильности режима и для успешного ведения современной войны. В его книге «Майн кампф» глава, посвященная этой проблеме, была не только одной из лучших, но и невероятно циничной. Нацисты, как ни одна другая партия, использова-

¹ От нем. *Gestapo* — Geheime Staatspolizei.

² От нем. *SD* — Sicherheitsdienst.

ли все средства пропаганды — прессу, радио, кино, граммпластинки, огромные плакаты — в качестве *орудия политической борьбы*. В избирательной кампании 1933 г. все предвыборные речи Гитлера транслировались по радио и таким образом программные положения партии доходили до каждого потенциального избирателя.

Имперское министерство народного просвещения и пропаганды под руководством Й. Геббельса было создано в марте 1933 г. Благодаря заблаговременной подготовке его организация заняла всего несколько недель. Новое министерство сразу присвоило себе функции других правительственных органов. Министерство иностранных дел уступило ему заграничное вещание; Министерство внутренних дел — вопросы культуры; Министерство экономики — организацию рекламы, выставок и ярмарок; Министерство транспорта и связи — радио и телеграф. Это было логично, но в дальнейшем приводило к бесчисленным спорам о компетенции работников министерства в тех или иных вопросах. Нацистская пропаганда носила тотальный характер, т. е. была направлена на все население и на все сферы жизни. Геббельс выработал золотое правило про-

Члены Социал-демократической партии Германии в концлагере Ораниенбург (1933 г.)

паганды — простота, размах и концентрация. Днем и ночью, на улице и на работе, дома и в магазинах, в ресторанах и кинотеатрах на людей обрушивались потоки пропагандистских материалов. Несомненно, Геббельс был блестящим пропагандистом. Не случайно американский историк Р. Герцштейн назвал свою книгу о нацистской пропаганде «Война, которую выиграл Гитлер».

В государстве и партии Геббельс занимал три поста — министра пропаганды, руководителя Имперской палаты культуры и главного партийного пропагандиста. Однако в руководстве пропагандой у него было два серьезных «конкурента» из числа «старых бойцов» партии — рейхсляйтер по делам прессы М. Аман и начальник отдела прессы в правительстве О. Дитрих. Аман уже в 1921 г. руководил центральным издательством партии в Мюнхене, а к началу войны контролировал 80% газетных издательств Германии. Без его разрешения никто не мог издавать газеты в Третьем рейхе. Дитрих оказывал большое влияние на содержание пропагандистских материалов, поскольку получал личные указания фюрера, отнюдь не всегда согласовывавшего тезисы своих выступлений с Геббельсом.

В сферу деятельности министра пропаганды постоянно вторгался также официальный идеолог партии А. Розенберг, откровенно называвший доктора Геббельса «аморальным типом». Но острый на язык Геббельс не оставался в долгу и публично именовал Розенберга «сумасшедшим обитателем психушки» и «шумным дурачком».

Дебютом министра пропаганды стал «день Потсдама», 21 марта 1933 г. Это был прекрасно поставленный спектакль по хорошо написанной пьесе о мирном союзе молодого нацистского движения и доброй старой Пруссии. Сценой служила гарнизонная церковь в Потсдаме, где на свое первое заседание собрался новый состав рейхстага. Под звон колоколов, оглушительный салют и аплодисменты вставших зрителей рейхсканцлер А. Гитлер в мешковато сидевшей на нем черной визитке и президент

Символическое рукопожатие Адольфа Гитлера и Пауля Гинденбурга в Потсдаме (21 марта 1933 г.)

П. Гинденбург в форме кайзеровского фельдмаршала после коротких речей обменялись символическим рукопожатием над саркофагом их общего кумира Фридриха Великого. Все выглядело так, будто Третий рейх становился единственным законным наследником и продолжателем кайзеровской империи.

«Коричневая революция»

Когда нацисты подчинили себе Германию, перед ними встал ряд нерешенных проблем, среди которых была и такая: как предотвратить вторую революцию? Первым выражение «коричневая революция» употребил шеф штурмовых отрядов (СА) Э. Рем, призвавший приступить к подготовке новой революции. Так же думал и Й. Геббельс, который считал, что «революцию надо продолжать повсеместно». Нацисты уничтожили левых противников, но остались правые: крупный капитал, аристократия, юнкерство, прусские генералы, прочно державшие армию в своих руках. Радикальные члены Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП), в том числе и Рем, под командованием которого находилось более 2 млн отлично вооруженных штурмовиков, прямо говорили о необходимости ликвидировать «реакционеров, не имеющих никакого понятия о революционном духе».

Однако А. Гитлер рассматривал социалистические лозунги только как средство завоевания масс и говорил, что будет «беспощадно пресекать всякие разговоры о второй революции, которая привела бы только к хаосу». Фюрер запретил «Боевую лигу коммерсантов среднего сословия», которая устраивала погромы в крупных универмагах. Он назначил министром экономики директора крупнейшей в Германии страховой компании К. Шмидта. Разочарование рядовых нацистов было велико. Обедневшие в период кризиса люди, они понимали, что рушатся их надежды получить часть конфискованных богатств и хорошие места в коммерческой сфере или органах управления. Экономический эксперт партии Г. Федер настаивал на национализации крупного капитала, отмене доходов от ренты и Эрнст Рем со штурмовиками

«процентного рабства». Новый министр сельского хозяйства В. Дарре пригрозил перепуганным банкирам сокращением выплаты крестьянских долгов, просто списав их основную часть.

Положение обострилось и из-за старых разногласий Гитлера с Ремом, который требовал превратить штурмовые отряды в костяк будущей народной армии и заменить старых прусских генералов крепкими парнями из штурмовиков. Но Гитлер понимал, что от армейского командования зависит его судьба, особенно теперь, когда президент П. Гинденбург совершенно одряхлел.

В феврале 1934 г. Рем предложил правительству начать формирование народной армии на базе штурмовых отрядов. Это крайне обеспокоило офицерский корпус. Генералы не могли допустить, чтобы перевооружение армии, обещанное Гитлером, и весь рейхсвер попали под контроль «казнокрадов, хулиганов, пьяниц». Впрочем, агрессивностью штурмовиков уже тяготился и сам Гитлер. Он здраво полагал, что только поддержка военных поможет ему сохранить власть после смерти Гинденбурга и что в качестве инструмента власти кадровая армия гораздо важнее и полезнее, чем неуправляемые штурмовые отряды. Его всерьез начали беспокоить трескучие тирады Рема о «коричневой революции», в ходе которой «серый остров» рейхсвера¹ будет поглощен «коричневым половодьем» штурмовиков.

К лету 1934 г. напряженность между штурмовыми отрядами (СА) и армией настолько обострилась, что поставила под угрозу положение самого рейхсканцлера. Судьба лидеров СА была решена, когда Г. Геринг и Г. Гиммлер договорились уничтожить их опасного соперника Рема, использовав для этого подразделения СС. В «ночь длинных ножей», 30 июня 1934 г., большинство руководителей СА были арестованы и немедленно расстреляны. В ходе кровавой чистки погибли также некоторые давние недруги фюрера: его прежний соперник по партии Г. Штрассер, личный секретарь вице-канцлера Ф. Папена Э. Юнг, руководитель берлинской организации «Католическое действие» Э. Клаузнер, давно отошедший от политики Г. Кар, которому Гитлер так и не простил его отступничества во время «пивного путча». Были также убиты бывший рейхсканцлер К. Шлейхер и его ближайший сотрудник, генерал Ф. Бредов.

¹ Чины рейхсвера носили форму серого цвета.

Командование рейхсвера отреагировало на расправу с олимпийским спокойствием, поскольку вопрос о руководстве армией был решен в пользу военных. Гинденбург выразил благодарность Гитлеру как «спасителю немецкой нации» и ворчливо заметил, что давно надо было кончать с этой «бандой гомосексуалистов».

Для Гитлера кровавая расправа с частью сторонников нацистского движения стала решительным шагом на пути к полной власти в рейхе. Была ликвидирована сила, которая могла стать серьезной оппозицией. После «ночи длинных ножей» организация СА под руководством обергруппенфюрера В. Лутце превратилась в политическое и вполне лояльное движение. И впервые на политической арене появилась новая мощная сила — СС, гвардия фюрера. Такая поддержка заметно усилила позиции Гитлера. Он объявил СС самостоятельной организацией внутри НСДАП и разрешил Гиммлеру начать формирование специальных воинских частей. Он явно не желал оказаться в зависимости от армии, все еще сохранявшей прусско-консервативные настроения.

2 августа 1934 г. на 87-м году жизни скончался президент Гинденбург. В итоге, упразднив пост президента, Гитлер официально провозгласил себя *фюрером и рейхсканцлером*. Тем самым он давал понять, что его авторитет зиждется на более высокой легитимности, чем у его предшественников. Президентов в Германии было уже два, но фюрер был первым и последним. По инициативе военного министра В. Бломберга все солдаты принесли торжественную присягу на верность лично Гитлеру (а не Конституции). Учитывая этический кодекс рейхсвера, трудно переоценить значение такого изменения ритуала.

Чуть позднее присягу на верность лично фюреру принесли и все государственные служащие. А 19 августа на референдуме более 38 млн немцев одобрили решение Гитлера взять на себя все функции президента страны. И лишь 4,25 млн человек имели мужество голосовать против передачи всей власти лидеру национал-социалистов.

Экономика Третьего рейха

Сразу после прихода к власти нацисты начали устанавливать свой контроль над немецкой экономикой. Заключалось это в ограничении свободы конкуренции и рыночных отноше-

ний, введении административных методов управления и планирования, а затем и в утверждении монополии государства на распределение важнейших экономических ресурсов Германии. В феврале 1934 г. был опубликован закон «О подготовке органического построения германской экономики». В промышленности создавалось тринадцать главных групп, состоявших из множества отраслевых. Ими руководили «фюреры промышленности», функции которых перекрещивались с полномочиями имперского министра экономики. На практике это вело к постоянной неразберихе, поэтому была образована *Организация промышленного хозяйства*, делившаяся на профильные группы: промышленности, торговли, ремесла, банков, страхового дела и энергетики, которые, в свою очередь, объединяли более мелкие группы. Членство в Организации было обязательным, поэтому она контролировала все немецкое хозяйство.

С одной стороны, эта невероятно сложная система с бесчисленными отделами, правилами, инструкциями и законами привела к невероятному размаху коррупции и взяточничества. С другой стороны, действительно казалось, что Германия экономически возрождается. К 1938 г. безработица сократилась до 400 тыс. человек, но произошло это за счет усиленного перевооружения страны, лихорадочной подготовки к войне и широкого развертывания общественных работ по строительству автобанов, каналов и дамб. В 1933—1937 гг. промышленное производство возросло на 102%, а национальный доход удвоился. Третий рейх стал походить на гигантский пчелиный улей, в котором каждый трудился не покладая рук.

Адольф Гитлер
и немецкие промышленники

Хотя в стране появились миллионы новых рабочих мест, в 1938 г., когда происходил экономический бум, доля прибыли, полученной всеми немецкими рабочими, в национальном доходе составила всего 53,6%, одновременно доля прибыли с капитала возросла до 26,6% (в кризисном 1932 г. эти доли были соответственно 56,9% и 17,4%). Пропаганда трубила о солидарности и общей ответ-

ственности предпринимателей и рабочих, но от нацистской экономической политики больше всего выигрывали капиталисты. Так, если в 1934 г. концерн Г. Круппа получил 6,65 млн марок прибыли, то в 1938 г. — уже 21,11 млн марок. Колоссальной была прибыль немецких банков — с 36,3 млн марок в 1934 г. она возросла до 1342,1 млн марок в 1939 г.

Рабочие фактически были отданы во власть хозяев, ставших экономическими фюрерами своих предприятий. Заработная плата трудящихся снизилась, а на различные отчисления, взносы и налоги уходило до 35% общего заработка. Введя в 1935 г. обязательные *трудовые книжки*, без которых никто не мог устроиться на работу и которые хранились у администрации, нацистское правительство, по сути, восстановило принцип внеэкономического принуждения. В 1938 г. было принято постановление, обязывающее каждого немца отрабатывать *трудовую повинность* там, куда его направит государство. Уклонение от работы наказывалось штрафом и тюремным заключением. Однако отбывавший трудовую повинность человек не мог быть уволен предпринимателем без согласия властей, так что он имел определенную гарантию сохранения работы.

Чтобы отвлечь рабочих от трудностей их существования, руководитель *Германского трудового фронта* (ГТФ) Р. Лей, считавший, что «гораздо важнее утолить духовный голод людей, чем заполнить их желудки», предложил создать организацию по обеспечению отдыха и досуга — «Сила через радость». И она действительно облегчала жизнь простых немцев. Члены организации объединялись в многочисленные объединения — от шахматных или футбольных клубов до кружков любителей канареек или роз. «Сила через радость» организовывала для членов ГТФ невероятно дешевые туристские поездки и морские круизы. Так, при среднемесячной зарплате в промышленности 130—140 марок круиз вокруг Италии стоил примерно 155 марок, недельная поездка на Северное море — 35 марок. Организация распространяла дешевые, а нередко и бесплатные билеты в театры и на концерты.

Вскоре после прихода к власти А. Гитлер заявил, что каждый немец или, по крайней мере, каждый рабочий должен иметь свой автомобиль — «фольксваген» ценой в 990 марок. Ведомство Лея рьяно взялось за строительство близ Брауншвайга огромного автозавода с ежегодной производитель-

стью в 1,5 млн легковых автомобилей. Основную долю финансирования несли сами рабочие (ГТФ вложил в строительство лишь 50 млн марок), обязанные отчислять в неделю от 5 до 15 марок (в зависимости от заработка) в счет будущей покупки автомобиля. Когда сумма взносов достигала 750 марок, покупателю вручался номерной сертификат, позволявший получить автомобиль, как только тот сойдет с конвейера. План был превосходным и весьма современным. Однако, кроме опытной партии, ни одного автомобиля-жучка (его обтекаемую форму придумал сам фюрер) так и не было изготовлено. Выплатив заводу около 100 млн марок, немецкие рабочие не получили назад ни пфеннига. К началу войны завод перешел на выпуск более необходимых в военных условиях грузовиков.

Успешное *переворужение Германии* было бы невысказимо без финансовой политики министра экономики **Я. Шахта**. Его виртуозное умение «играть финансами» проявилось в том, что в 1936 г. марка имела одновременно 237 курсов — с финансово-экономической точки зрения это факт из области фантастики. Созданная Шахтом система кредитования в стране, у которой было мало легко реализуемого капитала и практически не было валютных запасов, до сих пор считается уникальной. Были введены мефо-векселя, которые выдавал рейхсбанк и оплату которых гарантировало государство. Ими расплачивались с компаниями по производству вооружений. Выпущенные на сумму в 12 млрд марок мефо-векселя не фигурировали в государственном бюджете, но именно они обеспечили финансирование перевооружения Германии. Гитлер, на которого проблемы экономики нагоняли тоску, никак не мог понять, в чем состоит хитрость Шахта. И тогда министр финансов решился объяснить ему, что это всего лишь один из способов печатания новых денег.

Тяжелая промышленность также получала огромные прибыли, несмотря даже на закон об ограничении ее доходности 6%. Но это было в теории, на практике же фирмы вкладывали сверхприбыль не в приобретение государственных облигаций, как было предложено, а в расширение собственного дела. В 1938 г. общие накопления в облигациях составили 2 млрд марок, а невыплаченные прибыли — 5 млрд марок. Поистине нацистская Германия стала золотоносным Клондайком для крупного промышленно-финансового капитала.

Четырехлетний план перестройки хозяйства

В августе 1936 г. **А. Гитлер** составил секретный меморандум о необходимости скорейшего перевооружения Германии. В нем он настолько откровенно изложил свои замыслы, что доверил ознакомиться с содержанием документа лишь **Г. Герингу** и **В. Бломбергу**. Утверждая, что величайшую опасность для Европы представляет большевизм, Гитлер предрекал, что если Германия в несколько лет не превратит свою армию в сильнейшую в мире, то рейх погибнет. Поэтому, как подчеркнул фюрер, главной задачей является осуществление не только военной, но и экономической мобилизации страны, обеспечение ее запасами сырья и продовольствия. Необходимо в течение четырех лет подготовить немецкую армию к военным действиям, а хозяйство — к большой войне.

Так появляется *четырёхлетний план перестройки всей немецкой экономики*, а для его реализации создается Генеральный совет во главе с будущим рейхсмаршалом **Г. Герингом**. Рейхсканцлер поставил целью обеспечить успех в скоротечной войне, а затем за счет побежденных решать остальные проблемы. Назначение «толстого Германа» фактическим руководителем немецкой экономики означало подчинение старой промышленно-финансовой элиты условиям нацистского режима.

Герингу как уполномоченному фюрера и партии было предоставлено право издавать любые приказы и инструкции, обязательные для всех государственных и партийных инстанций. Свое назначение честолюбивый маршал принял с нескрываемым удовольствием. Но склонность Геринга недооценивать сложность проблем и избегать кропотливой будничной работы привела к тому, что он направил все силы на борьбу с конкурирующими ведомствами. Зная, что он является «хозяином германских денег», Геринг требовал абсолютного повиновения.

Четырехлетний план был составлен не без некоторого авантюризма. До минимума сокращался импорт товаров, вводился жесткий контроль за ценами и зарплатой, до 6% снижались дивиденды по акциям. Были построены огромные заводы по производству синтетического бензина и каучука, тканей из искусственных волокон, различной продукции из отечественного сырья. Поскольку рурские концерны предпочитали перерабатывать более богатую, а значит и рента-

бельную, скандинавскую руду, то «комиссар по железу» в администрации Геринга П. Плейгер настоял на создании акционерного общества «Рейхсверке Герман Геринг» по добыче и переработке низкокачественной отечественной руды.

Представители нацистской партии заняли командные высоты в экономике, а частные промышленники, которым Геринг обоснованно сулил невиданные прибыли от гонки вооружений, превратились в служащих государственной военной промышленности.

Пока Я. Шахт оставался министром экономики, он резко протестовал против дилетантских и поспешных действий экономического невежды Геринга. Министр настаивал на праве предпринимателей самим принимать решения с точки зрения их интересов. Но деятельность промышленников была скована жесткими ограничениями и подробнейшей отчетностью. В августе 1937 г. непокладистого Шахта на посту министра экономики сменил старый «боец партии» В. Функ. Новый руководитель с удивлением обнаружил, что промышленники заняты не столько делом, сколько составлением отчетов и изучением бесконечных указаний — что, сколько и по какой цене производить.

У нас нет достаточных статистических данных, чтобы судить о реальном значении четырехлетнего плана в экономическом развитии рейха в 1936—1939 гг., но совершенно очевидно, что многих из поставленных в меморандуме Гитлера целей достичь не удалось. К 1939 г. не было осуществлено самообеспечение Германии валютой, сырьем и продовольствием. Производство горюче-смазочных материалов отставало от запланированного, а синтетические заменители оставались низкокачественными. Ощущалась также острая нехватка валюты, необходимой для импорта.

Однако начавшееся оживление мировой торговли способствовало значительному увеличению немецкого экспорта, прежде всего изделий машиностроительной и электротехнической промышленности. Он возрос на 23% и обеспечил Германию валютой на сумму в 150 млн марок. Аншлюс (присоединение Австрии в 1938 г.) принес Третьему рейху еще 295 млн марок золотом и валютой. Но рос и государственный долг. В 1938 г. он достиг астрономической цифры в 42 млрд марок, т. е. увеличился по сравнению с 1932 г. втрое.

Принятая четырехлетняя экономическая программа привела к ускоренному развитию новых отраслей и техноло-

гий, в первую очередь в производстве целлюлозы, пластмасс, вискозы, кожзамениителей. Другим структурным изменением немецкой экономики стало *перемещение центров тяжелой промышленности* с запада на юг Центральной Германии. Отчасти по стратегическим соображениям, отчасти по расположению крупнейших запасов бурого угля появились огромные химические предприятия в Мерзебурге и Шконау. Производство алюминия (по его выплавке Германия вышла на первое место в мире) сконцентрировалось в Биттерфельде, производство синтетического бензина и мазута — в Магдебурге, Цайце и Белене. В то же время крайне мало внимания уделялось выпуску товаров массового спроса. Если в 1933 г. их доля составляла 44,5% в общем валовом продукте, то в 1939 г. она упала до 18,9% (соответственно, до 81,1% выросла доля производства средств производства).

Осуществление четырехлетнего хозяйственного плана привело не только к установлению контроля нацистской партии над экономикой, но и к усилению уже ранее наметившейся тенденции к созданию крупнейших *промышленных концернов*. Показателен в этом отношении взлет химического концерна «ИГ Фарбениндустри», когда Геринг назначил одного из его директоров К. Крауха своим генеральным комиссаром в химической промышленности. Чтобы ослабить влияние военных ведомств на экономическое планирование, Геринг передал ему полный контроль над производством нефтепродуктов, резиновых изделий, взрывчатых веществ и легких металлов. Краух блестяще справился с порученной ему задачей, собрав для рейхсмаршала богатый материал о непродуктивности и некомпетентности военно-промышленного управления, что и позволило Герингу добиться значительного сужения полномочий военных. В результате химический гигант «ИГ Фарбениндустри» стал образцом сотрудничества нацистского режима и крупного капитала в подготовке войны. Все это и привело после поражения фашистской Германии директоров концерна и некоторых других капитанов немецкой индустрии на скамью подсудимых.

Хотя в 30-е годы XX в. тенденция к усилению государственного вмешательства в экономику проявилась во всех развитых странах, в Германии этот процесс начался раньше (не считая фашистской Италии) и принял наиболее радикальные формы. Сохранив частную собственность, нацистское правительство одновременно ввело жесткую центра-

ли за ц и ю в э к о н о м и к е, управляя ею командно-административными методами. При этом примечательно, что накануне краха Третьего рейха Гитлер высказывал горькое сожаление, что не экспроприировал в свое время всю промышленность.

Аграрная политика национал-социалистов

В 30-е годы XX в. немецкое сельское хозяйство переживало тяжелые времена. Доходы от аграрного сектора в 1932/33 финансовом году упали на 1 млрд марок по сравнению с 1924/25 годом. За это время общие долги земледельцев достигли баснословной суммы в 12 млрд марок. Столь трудное положение взывало к решительным действиям, и А. Гитлер, придя к власти, заявил, что главным приоритетом для нового правительства является «устранение бедственного положения в сельском хозяйстве», ибо «крах немецкого крестьянства станет крахом немецкого народа».

Еще в 1920 г. национал-социалисты обещали в своей программе земельную реформу, принятие закона о безвозмездной конфискации земли, отмену поземельной ренты и запрет всякой спекуляции землей. Но после прихода к власти нацисты забыли все обещания. В 1938 г. 2,5 млн мелких сельских хозяйств имели земли меньше, чем горстка юнкеров, составлявшая 0,1% населения Германии.

Нацистские правители не тронули огромные полуфеодальные латифундии, но провозгласили новую аграрную программу, в которой утверждали, что крестьянство — это соль земли и опора Третьего рейха. Уже летом 1933 г. был произведен общий перерасчет процентной задолженности, снизивший ее наполовину. Одновременно для аграрной продукции был примерно наполовину снижен налог с оборота. В итоге доходы от ее продажи выросли с 6,7 млрд марок в 1933 г. до 10,7 млрд в 1938 г., т. е. на 60%. В целом за первые два года нацистского режима оптовые цены на сельскохозяйственную продукцию поднялись в среднем на 20%, хотя одновременно выросли цены и на необходимые крестьянам машины и удобрения. Во всяком случае, сельским хозяевам жилось лучше, чем рабочим и тем мелким предпринимателям, которые не имели возможности или не сумели воспользоваться доходами от военных заказов.

Перевод экономики страны на «военные рельсы» отрицательно сказался на развитии сельского хозяйства. Сельские рабочие уходили в военную промышленность, а это ставило в трудное положение (вплоть до разорения) мелкие хозяйства. Если в 1933 г. в сельском хозяйстве было занято 28,9% населения, то в 1939 г. — только 25,9%. В то же время за эти годы втрое увеличился парк сельскохозяйственной техники. Ускоренная механизация и более широкое применение удобрений привели к 20-процентному *увеличению общего объема продукции сельских хозяйств*.

Руководил сельским хозяйством огромный бюрократический аппарат — почти 20 тыс. чиновников. Но при всех бесспорных, хотя и скромных успехах нацистской аграрной политики самообеспечения страны продуктами нацисты так и не добились. К 1939 г. Германия могла обеспечить себя продовольствием только на 83%.

Но важная для страны структурная реорганизация сельского хозяйства была следствием национал-социалистического мировоззрения и той работы, которую проводил созданный в 1930 г. аграрный отдел Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Его начальник **В. Дарре**, в отличие от прочих нацистских бонз, имел университетский диплом, прекрасно знал свое дело и был автором обратившей на себя внимание Гитлера книги «Крестьянство как источник жизни нордической расы».

Когда в 1933 г. Дарре получил пост министра сельского хозяйства и продовольствия, перед ним стояла первоочередная задача — преобразовать все население сельской Германии от крупного землевладельца до нищего батрака, от владельца сахарного завода до хозяина маленькой булочной в *единое имперское продовольственное сословие*. В сентябре 1933 г. было введено регулирование производства, переработки и сбыта продуктов сельского хозяйства по заранее установленным ценам.

Важное значение имел выпущенный 29 сентября 1933 г. закон «О наследственных дворах». Он гарантировал сохранение крестьянских хозяйств, имеющих от 7,5 до 12 5гектаров и касался 55% всех сельскохозяйственных площадей. Такие хозяйства были объявлены «*наследственными дворами*», которые не подлежали разделу, отчуждению за долги или продаже без специального судебного решения. Владеть ими могли только немецкие крестьяне, доказавшие чистоту своей арий-

ской крови с 1800 г. Они и удостаивались почетного звания «крестьянин». Владельцы прочих земельных участков назывались просто «сельскими хозяевами».

В принятии этого закона отчетливо выразилось стремление сохранить «крестьянство как чистокровный источник немецкого народа» и уберечь его от всех опасностей капиталистической, рыночной экономики. Это было необходимо потому, что крестьянство должно было стать главным участником будущей восточной колонизации. Всего в статус «наследственных дворов» было переведено 21,6% крестьянских хозяйств, которым принадлежало 38% всех сельскохозяйственных площадей.

Женский вопрос в нацистской Германии

В 1933—1934 гг. национал-социалистический режим приступил к исправлению доставшегося ему в наследство тяжелого экономического положения страны. В частности была развернута кампания по увольнению с работы замужних женщин, чтобы освободить их места для безработных мужчин.

Вслед за итальянскими фашистами германские нацисты проводили политику антифеминизма, но более жестко и последовательно. С точки зрения идеологов национал-социализма, тот прогресс, которого добилась Веймарская республика в освобождении женщины от оков кайзеровской эпохи, являлся непопустительной дерзостью. Образ эмансипированной берлинки 20-х годов они воспринимали как угрозу и общественной морали, и доминированию в обществе мужчин, и даже будущему арийской расы. Хотя во время президентских выборов 1932 г., когда А. Гитлеру были необходимы голоса избирателей, Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) и провозгласила, что «мужчина и женщина — товарищи в жизни и работе», а семья — это «наименьший, но самый ценный элемент всей государственной системы», было это не более чем предвыборными лозунгами.

После прихода к власти нацисты стали рассматривать стремление женщин к профессиональной, политической или академической карьере как противоестественное явление. Высшим счастьем для женщины должно было быть ее пребывание у семейного очага рядом с мужем. Не случайно еще в 1921 г. НСДАП приняла решение о том, что женщин не следует допускать до высоких партийных и государственных постов.

Уже с весны 1933 г. началось планомерное освобождение государственного аппарата от занятых в нем женщин. Увольняли не только сотрудниц учреждений, но и замужних женщин-врачей, ибо нацисты объявили заботу о здоровье нации такой ответственной задачей, что ее нельзя доверить женщине. В 1936 г. были освобождены от должности замужние женщины, работавшие судьями или адвокатами, так как их мог содержать муж. Резко сократилось количество женщин-педагогов, а в женских школах основными учебными предметами стали домоводство и рукоделие. Уже в 1934 г. в немецких университетах осталось всего 1500 студенток. Примечательна и судьба женщин — депутатов последнего веймарского рейхстага: 4 — покончили с собой, 10 — попали в концлагерь, 30 — некоторое время находились под арестом, а 43 — были вынуждены эмигрировать из страны.

Более дифференцированную политику проводил режим в отношении женщин, занятых на производстве и в сфере услуг. Нацисты не тронули ни те 4 млн женщин, которые работали «домашними помощницами», ни многочисленный отряд продавщиц, рабочий день которых оплачивался не полностью. Напротив, эти занятия были объявлены «типично женскими». Всячески поощрялся труд девушек. С января 1939 г. трудовая повинность стала обязательной для всех незамужних женщин моложе 25 лет. Главным образом их направляли в деревню или служанками к многодетным матерям.

Нацистский режим был весьма заинтересован в увеличении населения. Если трудящаяся женщина вступала в брак и добровольно оставляла работу, ей выдавалась беспроцентная ссуда в 600 марок. С 1934 г. началось активное поощрение рождаемости: вводятся детские и семейные пособия, медицинская помощь многодетным семьям оказывается по льготным расценкам. Были открыты специальные школы, где беременных женщин готовили к будущему материнству. Пропаганда не уставала превозносить достоинство и честь матери, а те женщины, которые имели восемь детей, награждались Золотым материнским крестом. Во всяком случае, Германия стала единственной крупной европейской страной, в которой постоянно росла рождаемость. Если в 1934 г. появилось на свет чуть более 1 млн младенцев, то в 1939 г. — уже около 1,5 млн детей.

К началу войны число женщин среди членов НСДАП составляло 16,5%. Если женщина стремилась к участию в общественно-политической жизни, то ей предлагалось участвовать

в воспитании других женщин в национал-социалистическом духе. В различных *нацистских женских организациях* состояло более 7 млн немок. Они выпускали многочисленные женские журналы, устраивали разнообразные культурные и образовательные мероприятия, вечера отдыха и танцев, благотворительные концерты, выставки цветов.

Немецкая пресса всячески подчеркивала, что выдающиеся успехи великолепной актрисы и режиссера Л. Рифеншталь или знаменитой летчицы-спортсменки Х. Рейч напрямую связаны с их глубокой верой в идеалы национал-социализма. Образцами для подражания объявлялись также бывшая актриса Э. Геринг и мать шестерых детей М. Геббельс, элегантные туалеты которой наглядно показывали немкам, что истинной национал-социалистке нет никакой надобности облачаться в скромную униформу Союза немецких девушек.

Немецкие женщины в целом спокойно воспринимали проводимую по отношению к ним политику. Они были довольны уже тем, что муж имеет работу и регулярно приносит домой небольшую зарплату, что можно пойти в магазин, не опасаясь стать случайной жертвой уличного побиойца, что в мире начинают считаться с их любимой Германией. На партийном съезде 1934 г. Гитлер в беседе с активистками женских организаций заявил, что существует противоположность между «большим и жестоким» миром мужчин, борющихся «за государство и общество», и «маленьким миром» женщины, который «ограничивается ее семьей, мужем, детьми и домом». Его слова встретили больше согласия, чем возражений, в первую очередь у представительниц евангелических организаций. А на съезде партии в 1937 г. Гитлер выступил перед огромной женской

аудиторией. Перед ним было 20 тыс. немок со всех концов страны: молодые девушки и почтенные старушки, помнившие еще великого О. Бисмарка, красавицы и дурнушки, озлобленные фурии и романтические мечтательницы, женщины с высокими моральными устоями и дамы легкого поведения. Гитлер не слишком глубоко разбирался в женской душе, но он интуитивно нашел слова, вызвавшие подлинный экстаз:

Лени Рифеншталь с юношами из гитлерюгенда

«Что дал вам я? Что дала вам национал-социалистическая партия? Мы дали вам Мужчину!» Ответом оратору был шквал аплодисментов и восторженных криков.

Лояльному отношению немок к новому режиму способствовало и улучшение благосостояния населения. Из-за нехватки рабочих рук были смягчены ограничения для работы женщин на производстве. Парадоксально, но режим, отношение которого к роли женщин в обществе характеризовал антифеминизм, немало способствовало улучшению их реального положения. Поэтому неудивительно, что подавляющее большинство женщин Германии обожали своего фюрера. Им во многом импонировало утверждение А. Розенберга, что «обязанность женщины — поддерживать лирический аспект жизни».

Воспитание молодежи в нацистском духе

Прекрасно понимая, что молодежь — это завтрашний день страны, Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) уже в 1922 г. создала в Мюнхене *Молодежный союз НСДАП*, ставший прообразом *гитлерюгенда*, объявленного в 1933 г. единственной молодежной организацией в Германии. Его руководителем стал потомок старинного дворянского рода (с примесью американской крови) Б. Ширах. В 1939 г. в гитлерюгенде состояли 7,73 млн юношей.

Молодые люди едва ли не с пеленок попадали под влияние нацистской идеологии. Мальчики от 6 до 10 лет проходили курс ученичества в организации «Пимпф», затем переходили в «Юнгфольк». С 14 до 18 лет они пребывали в гитлерюгенде, а затем направлялись в трудовые лагеря, где возводили мосты и рыли каналы, строили автобаны и пограничные укрепления. После этого их ожидала двухгодичная армейская служба.

Девушки с 10 до 14 лет состояли в организации «Юнгмедель», а с 14 до 18 лет — в *Союзе немецких девушек*.

В организациях гитлерюгенда юноши получали разностороннюю подготовку — учились жить в полевых условиях, совершали длительные переходы, занимались спортом, знакомились с азами нацистской идеологии. Военизированный характер организации подчеркивался строгой униформой. Юноши носили коричневые рубашки с черным галстуком и шорты, девушки — белые блузки, длинную синюю юбку и совсем

не женские тяжелые ботинки военного образца. Хотя девушки также совершали продолжительные походы с тяжелыми рюкзаками, но в их воспитании упор делался на основное предназначение женщины — быть здоровой матерью крепких детей.

Руководство гитлерюгенда состояло в основном из представителей средних слоев — учителей, студентов, торговцев, но каждый пятый наставник являлся рабочим. Постепенно среди руководителей молодежи становилось все больше студентов и людей с высшим образованием.

Поскольку к весне 1939 г. около 4 млн юношей и девушек все еще оставались вне нацистских молодежных организаций, то был принят закон об обязательности такого членства. Родителям, которые противились принудительному вовлечению их детей в организации, пригрозили, что подростки, которые не вступят в гитлерюгенд, будут направлены в воспитательные или сиротские дома. Но со стороны казалось, что юноши и девушки полны энтузиазма, верят в светлое будущее их отечества и самих себя, в товарищество, не знающее ни социальных, ни материальных различий.

Третий рейх готовил свою молодежь к будущей жизни *в условиях главенства арийской расы* очень серьезно. И он преуспел в этом, воспитав *сильное и безжалостное поколение*, перед которым содрогнулся весь мир.

Глава 8

КУЛЬТУРА ПО-АРИЙСКИ

Интеллигенция и политика

Фюрер превосходно знал, насколько важна для власти поддержка интеллигенции. Одна из главных причин уязвимости Веймарской республики заключалась как раз в отсутствии такой поддержки. Поэтому новый режим изо всех сил старался привлечь интеллектуальную элиту Германии на свою сторону. И во многом ему удалось это сделать. Конечно, многие из крупнейших представителей немецкой культуры покинули страну: писатели Т. и Г. Манны, С. Цвейг, Ф. Верфель, художники М. Бекман и О. Кокошка, архитекторы М. ван дер Роз и М. Бройер, режиссеры Й. Штернберг и Ф. Ланг и др.

Но гораздо больше было тех интеллектуалов, кто с ликованием встретил победу национал-социализма и оказал ему поддержку. Нетрудно понять причины этого воодушевления. Свою роль сыграли *политическая наивность* далекой от реальной жизни интеллигенции, ее убеждение в том, что в период республики немецкая культура чересчур космополитизировалась и пришло время *возродить национальные ценности*. Именно о необходимостиживительной связи между народом и культурой и говорил А. Гитлер. К тому же слишком многие интеллектуалы были очарованы динамизмом молодого нацистского дви-

жения. Даже великий гуманист и пацифист С. Цвейг в сентябре 1930 г. приветствовал триумф партии Гитлера на выборах в рейхстаг как достойный восхищения «бунт молодежи».

Конечно, многие поддержали нацистский режим из элементарного чувства страха и самосохранения. Но труднее объяснить, почему на сторону нацизма первоначально добровольно перешли такие выдающиеся люди, как крупнейший лирик Г. Бенн, лауреат Нобелевской премии писатель и драматург Г. Гауптман, знаменитый философ М. Хайдеггер, видный немецкий юрист К. Шмитт. Роковую роль сыграло в этом их влечение к иррациональному, неприятное бездуховности буржуазной цивилизации, преклонение перед героическим и трагическим как наивысшими ценностями. Но примечательно, что через некоторое время они отошли от нацизма, показавшего свой преступный характер.

Политика в области культуры всегда играла важную роль в жизни немецкого общества. Но только нацистский режим решил поставить под контроль всю духовную жизнь нации. В 1933 г. была создана *Имперская палата культуры*. В ее ведении находилось все, что на официальном жаргоне именовалось «сферой производства культурной продукции». Такой «продукцией» были литература, театр, музыка, кинематограф, изобразительные искусства, радио и пресса. Каждой из этих отраслей культуры руководила соответствующая палата, членство в которой было обязательным для того, кто хотел иметь возможность заниматься той или иной творческой деятельностью.

Поскольку число палат было ограничено, а необходимо было поставить под контроль все сферы культуры, то в отраслевые палаты принимались представители всех родственных профессий. Так, в палату литературы входили не только писатели и поэты, но и книгоиздатели, библиотекари, книготорговцы, владельцы типографий. Это были массовые организации (членами палат культуры были более 400 тыс. человек).

Система отбора в члены палат носила ярко выраженную поли-

тическую окраску, поскольку эти палаты создавались не для защиты интересов своих членов от бюрократического государственного управления, а наоборот, с целью помочь власти держать интеллигенцию под контролем. Такие союзы являлись не чем иным, как средством уничтожения подлинной свободы творчества, орудием насаждения партийных идеалов в литературе и искусстве. Идеалы же эти требовали, чтобы искусство, связанное с народом, было героическим, реалистическим, идеологически воспитывающим, ясным и понятным, жизнерадостным и оптимистическим (т. е. ни в коем случае не оторванным от народа, безыдейным, пессимистическим, нигилистическим, модернистским и анархистским).

Новые основополагающие принципы развития культуры четко выразил сам Гитлер, заявивший, что «показателем высокого уровня культуры является отнюдь не личная свобода, а ограничение личной свободы организацией, которая охватывает как можно больше индивидуумов, принадлежащих к одной расе». Президенты палат получили широчайшие полномочия, их распоряжения обрели силу государственных законов. Они могли исключить из палаты и лишить тем самым возможности работать по специальности любого, если находились факты, свидетельствовавшие о его «недостаточной благонадежности или квалификации».

В свое время поэт Г. Гейне иронически заметил, что у немцев нет более великой страсти, чем бесконечно выяснять сущность истинного германизма. Нацисты мгновенно решили эту проблему. Вечером 10 мая 1933 г. перед Берлинским университетом под восторженное улюлюканье собравшихся студентов было устроено зрелище из времен средневековья: в костер бросили более 20 тыс. «негерманских» книг. В огне горели книги К. Маркса, Г. и Т. Маннов, Л. Фейхтвангера, Э. Ремарка, З. Фрейда, Э. Золя, М. Пруста и десятков других авторов, чьи произведения «подрывают наше будущее или наносят удар по основам немецкой мысли, немецкой семьи и движущим силам нашего народа».

Из немецких музеев было изъято более 6500 полотен известных художников — П. Сезанна, В. Ван Гога, А. Матисса, П. Гогена, П. Пикассо и многих других. Впрочем, конфискованными шедеврами нацисты сумели распорядиться вполне толково. Многие картины (те, которые не успел присвоить лю-

битель прекрасного Г. Геринг) были проданы за границу за столь необходимую рейху валюту. Чтобы показать ненародный характер современного искусства, Й. Геббельс распорядился летом 1937 г. устроить в Мюнхене выставку «Выродившееся искусство», на которой представить полотна современных художников — модернистов, импрессионистов и абстракционистов. Но вместо того, чтобы, как замышлялось, отвратить публику от «развращающего декаданса» и привить немцам вкус к подлинно арийскому искусству, выставка вызвала такой интерес, что негодующий Геббельс приказал немедленно ее закрыть.

Модернизм был объявлен крайней степенью «культурного разложения» прежде всего потому, что на него никоим образом нельзя было возложить политическую миссию по воспитанию немецкого народа в духе официальной идеологии.

Для этого он был слишком своеобразен, далеко не всем понятен, поскольку не имел однозначной, четкой трактовки, которую единственно и признавал национал-социализм. Поэтому Гитлер и заявил, что «произведения искусства, которые невозможно понять и которые

требуют целого ряда пояснений, чтобы доказать свое право на существование и найти свой путь к неврастеникам, воспринимающим такую наглую и глупую чушь, отныне не будут находиться в открытом доступе».

Искусство воспевает рейх

Поскольку нацистская партия требовала, чтобы литература и искусство художественными средствами пропагандировали ее нравственные и эстетические идеалы, то полуофициально и был очерчен круг проблем, которыми следовало заниматься немецким мастерам культуры.

Так, писателям рекомендовалось уделять особое внимание прежде всего *фронтowym, патриотическим и расовым сюжетам*. Исходя из концепции «крови и почвы», литераторы старались наделить землю мифическими чертами, представить ее как хранилище вечных германских ценностей. Сельская жизнь воспринималась идиллией, поскольку крестьяне живут в соответствии с ритмом земли и всегда слышат ее зов. Такое обращение к доиндустриальным мифам и символам объяснялось стремлением отвлечь массы от действительных проблем, лишить отдельного человека его индивидуальности и превратить в крохотную частицу «народного сообщества».

Такие же задачи были поставлены и перед художниками. Самыми распространенными сюжетами стали *изображения рабочих, крестьян и солдат*. С одного полотна на другое кочевали усердные, мускулистые горняки или сталевары. В изображениях крестьян просматривались некая гармония души и тела, умиротворенность и покой, вызванные близостью к земле-кормилице.

В архитектуре и скульптуре однозначно доминировали *помпезная монументальность и лжеклассицизм*, которые лучше всего воплощали претензии тоталитарного государства на величие. Но даже официальная «Кельнская газета» писала, что представленные на Большой немецкой выставке в 1937 г. огромные деревянные скульптуры, сотворенные М. Хануш, «вызвали сочувствие большинства посетителей своими совершенно безумными размерами».

Возводившиеся в эти годы государственные и партийные здания напоминали феодальные замки. В таком стиле были выстроены высшая партийная школа в Хемизее, новая рейхсканцелярия в Берлине, Дом немецкого искусства в Мюнхене.

Толстые каменные стены, сравнительно небольшие окна с коваными решетками, огромные арочные проемы, ряды бесконечных колонн символизировали мощь и несгибаемую волю нацистской партии и государства.

Особым расположением палаты изобразительных искусств пользовались художники-декораторы, так как считалось, что своим искусством они «вносят большой вклад в приближение счастливой и культурной жизни». Очевидно, в виду имелось проектирование особых кроватей для молодоженов, что, пусть и косвенно, должно было способствовать повышению рождаемости, а значит и процветанию страны.

Важнейшей функцией официального искусства была пропаганда *культы фюрера*, которому приписывались все добродетели, какие только можно вообразить. Особенно велика была в этом роль прессы, кинематографа и поэзии. В необозримом море стихотворных восхвалений А. Гитлер одновременно и велик, ибо «указывает путь к звездам», и скромн, «как ты и я». Искусство убеждало, что образ фюрера навечно запечатлен в сердцах народа, который он ведет «к свободе и хлебу». Малоизвестный поэт Л. Игенау в 1933 г. писал:

Вождю Германии мы отдаем сердца!
Хайль Гитлер — наша песня о свободе,
Как ты велишь, в борьбе мы до конца,
С тобою рядом в радости и горе!
Алеет день и восстает свобода
С немецкой песней изо тьмы веков.
Бог отдал Гитлеру всю мощь души народа,
Дерзание юности и мудрость стариков!

(Пер. А. Патрушева)

Культ вождя выработал и *особый ритуал*. Во всех учреждениях и учебных заведениях обязательно должен был висеть портрет Гитлера, перед которым всегда стояли свежие цветы как символ неугасающей народной любви. Ритуалу был вынужден подчиняться и сам Гитлер. Как выходец из народа, он постоянно носил скромную форму рядового члена партии, лишь в торжественных случаях прикрепляя на нее полученный в годы Первой мировой войны Железный крест.

Но культ вождя нации имел и обратную сторону. Превращение народа в фанатичную толпу, обожающую фюрера, оборачивается тем, что и сам вождь начинает подчиняться ее инстинктам. Он сам начинает верить в то, что приписывает ему толпа, и сливается с нею в едином порыве слепого фанатизма.

Очень точно написал об этом Ф. Ницше: «Вождь должен иметь все качества толпы; тогда она тем менее будет стыдиться перед ним, и он будет тем более популярен».

Уход от действительности... в кино

Особым вниманием нацистских правителей пользовалось кино. В тот период этот вид искусства был не только самым популярным, но и оказывал на публику мощный гипнотический эффект. Всего за годы существования Третьего рейха на экран было выпущено 1097 художественных фильмов. И только каждый десятый фильм содержал откровенную политическую пропаганду. Остальные кинофильмы были развлекательными, историческими и приключенческими, но и в них скрыто давались мировоззренческие установки.

Поскольку к 1937 г. четыре крупнейшие кинокомпании — «УФА», «Терра», «Тобис» и «Бавария» — находились в руках государства, то Министерство пропаганды держало под контролем все кинопроизводство. Интересно, что в этой сфере Й. Геббельс проявлял заметную сдержанность. Он прекрасно знал, что для большинства людей кино является способом убежать от действительности, а потому его значение для воспитания определенных чувств и мыслей особенно велико. Знал Геббельс и то, что чересчур прямолинейная пропаганда с экрана способна вызвать противоположные эмоции и чувство протеста. Поэтому он требовал от пропагандистских фильмов высоких художественных достоинств, которые позволили бы проникнуть выраженным в них идеям в подсознание зрителей.

Показателен в этом смысле был фильм «Квекс из гитлерюгенда» (1933). Романтический подросток из рабочей семьи состоит в коммунистической молодежной организации, но мечтает о гитлерюгенде. И мечта его сбывается. Однако при раздаче нацистских листовок подросток погибает от ножа боевика из коммунистической группы. Превосходная операторская работа и хорошая музыка принесли ленте заслуженную популярность. В фильме «Фридрих Шиллер, триумф гения» (1940) молодой поэт борется против деспотичного герцога, отстаивая свободу художественного творчества. С одной стороны, это не укладывалось в цензурные рамки Третьего рейха. С другой стороны, образ литературного гения, боровшегося против реакционного правительства за свободу Германии,

вполне мог вызвать ассоциацию с политическим гением, бо- ровшимся против Веймарской республики.

Печально известен злобный антисемитский фильм «Веч- ный жид» (1940), дублированные копии которого нацисты по- казывали во всех завоеванных ими европейских странах. Фильм в подчеркнуто документальной манере изображал ев- реев существами, помешавшимися на деньгах. Копшмарные сцены ритуальных убийств животных должны были вызы- вать у арийских зрителей омерзение к «садизму» иудейской религии.

Специфической чертой многих фильмов военного време- ни («Я обвиняю», «Ритуал самопожертвования», «Кольберг» и др.) являлась *тема смерти*. Близившийся крах Третьего рейха заставил говорить о спасении души через искупитель- ную смерть и небесном благословении за нерушимость своей веры.

Пресса под контролем государства

В октябре 1933 г. имперский закон о прессе провозгласил журналистику общественной профессией. Следовательно, из- датели, редакторы и корреспонденты должны были иметь арийское происхождение, немецкое гражданство и не состо- ять в браке с лицами еврейской национальности. Закон пред- писывал не публиковать того, что каким-то образом может ввести читателя в заблуждение или повлечь за собой «ослабле- ние мощи немецкого рейха изнутри или извне, подрыв воли немецкого народа, обороны Германии, ее культуры и эконо- мики», а также не допускать публикаций, «оскорбляющих честь и достоинство Германии».

Имперская палата прессы жестко контролировала все немецкие периодические издания. Поскольку она обладала правом «регулировать конкуренцию», то президент палаты **М. Аман** не упускал случая расправиться с неугодными изда- ниями или независимыми газетами и журналами. Резонно по- лагая, что чем меньше их будет, тем лучше, к 1936 г. он за- крыл 80% всех немецких издательств, и если в 1932 г. в Гер- мании выходило 4703 газеты, то в 1944 г. — только 977. В апреле 1934 г. была закрыта ведущая немецкая либеральная газета «Фоссише цайтунг», издававшаяся в течение 230 лет. Расстались со своими прежними издателями и редакторами и две другие известные газеты — «Берлинер тагеблатт»

и «Франкфуртер цайтунг». Однако эти газеты продолжали выходить, поскольку Министерство иностранных дел, зная популярность этих изданий в мире, хотело сохранить их как «витрину» нацистской Германии.

Под контролем Министерства пропаганды находилась *Ассоциация германской прессы*, которая объединяла всех из- дателей и журналистов и в 1937 г. насчитывала более 15 тыс. членов и 18 региональных отделений. Для воспитания ново- го национал-социалистического поколения журналистов была создана *Государственная школа прессы*, выпускники кото- рой принимались на работу в первую очередь.

При Имперской палате прессы существовала и особая орга- низация по делам религиозных периодических изданий с от- делами евангелической и католической прессы. Они держали издание церковной литературы под строгим контролем, разре- шая обсуждать в них только чисто религиозные вопросы.

На учете в палате прессы находились также все продав- цы газет и библиотекари. Строгая регламентация прессы при- вела к ее удручающе му однообразию и падению тиражей.

Нацификация образования

Образованием и наукой руководил в Третьем рейхе быв- ший провинциальный учитель и фанатичный нацист, считав- ший школу «пристанищем интеллектуальной акробатики», **Б. Руст**. Политика в области образования определялась убеж- дением **А. Гитлера** в том, что «все осуществляемое государст- вом образование должно быть нацелено прежде всего на то, чтобы формировать здоровое тело, а не забивать головы уча- щихся знаниями».

Н а ц и ф и к а ц и я немецких учебных заведений шла стре- мительными темпами. Каждый работник сферы образования — от воспитательницы в детском саду до университетского про- фессора — был обязан состоять в *Лиге национал-социалисти- ческих учителей* и быть готовым «в любое время беззаветно защищать национал-социалистическое государство». Посколь- ку работники образования считались государственными служа- щими, обязанными приносить присягу «на верность и повино- вение Адольфу Гитлеру», то на них распространялось действие расового закона, запрещавшего допуск в ряды преподавателей евреев. Кандидат на должность преподавателя вначале обязан был пройти шестинедельные сборы в летних лагерях, где на-

цистские наставники изучали его взгляды, характер и наклонности, а затем представляли свое мнение в Министерство образования.

До 1933 г. немецкие школы находились в ведении местных властей, а университеты — властей земельных. Теперь они были переданы под непосредственное управление Руста, назначившего ректоров, деканов, руководителей Союза национал-социалистических студентов и Союза преподавателей университетов. Таким образом была ликвидирована традиционная автономия университетов, а те преподаватели, которые не смогли разглядеть в гитлеровской «Майн кампф» «педагогическую путеводную звезду», подлежали увольнению (к середине 1933 г. было уволено 16% профессоров и преподавателей в университетах и 11% в высших технических школах). Правда, происходило это большей частью по расовым, а не по политическим причинам. Страну были вынуждены покинуть такие выдающиеся ученые, как А. Эйнштейн, М. Борн, Д. Франк, Л. Сцилард, Э. Ледерер, К. Манхейм, Х. Кельзен и сотни других. Всего к 1938 г. в эмиграции оказались 2120 университетских преподавателей. Немецкая наука была обескровлена. Молодые карьеристы, размахивая

флажком со свастикой и цитируя фюрера, обвиняя уважаемых профессоров в недостаточной приверженности принципам национал-социализма, занимали их места.

Нацистский идеолог и философ А. Боймлер стал руководителем созданного специально для него Института политической педагогики при Берлинском университете. Ректором Франкфуртского университета был назначен «заслуженный нацист» педагог Э. Крик, а ректором Берлинского — специалист по расовой антропологии О. Фишер, который немедленно ввел в учебную программу 25 новых обязательных курсов по расоведению. Профессор ботаники Э. Леман выдвинул брошенный лозунг, под которым могли бы подписаться представители всех наук: «Биологию — на службу национал-социализму!» А всемирно известный физик Ф. Ленард заявил, будто «наука является расовой, как и любое другое творение человека, что обусловлено текущей в его жилах кровью».

Нацификация образования привела к тому, что к 1939 г. число студентов в университетах сократилось со 128 до 58 тыс. человек, а в технических вузах — с 20,5 до 9,5 тыс. человек. Катастрофически снизилось качество подготовки в школах и университетах. По сводкам службы безопасности, сообщавшей о реальном положении дел, около 40% студентов проваливались на выпускных экзаменах, а около 50% не умели делать лабораторные работы.

Эмигранты — Альберт Эйнштейн (слева) и Томас Манн (США, 1943 г.)

Крест и свастика

В программе 1920 г. нацистская партия заявила, что «выступает за позитивное христианство» и «свободу для всех религиозных верований» в той мере, в какой они «не угрожают национальным чувствам немецкой расы». Весной 1933 г., выступая в рейхстаге, А. Гитлер пообещал уважать права христианских церквей и укрепить «дружеские отношения со Святейшим престолом».

В июле 1933 г. нацистское правительство подписало с Ватиканом *конкордат*, который гарантировал свободу католической веры и право церкви самостоятельно «регулировать свои внутренние дела», не вмешиваясь при этом в политические процессы и воздерживаясь от проповедей политического содержания. От Германии конкордат подписал вице-канцлер Ф. Папен, от Ватикана — государственный секретарь Э. Пачелли, будущий Папа Пий XII. Соглашение, с одной стороны, защитило права католической церкви, с другой — способствовало укреплению престижа правительства Гитлера, в чем весьма нуждался новый рейхсканцлер.

Однако иллюзии католической церкви быстро развеялись. Через несколько дней после заключения конкордата фактически была распущена Лига католической молодежи (а к 1939 г. нацисты расправились и с остальными организациями). Немецкие католики оказывали отчаянное сопротивление. Епископат заявил, что будет осуждать национал-социалистическую доктрину до тех пор, пока она «проповедует культурно-политические воззрения, которые не согласуются с католическим учением». С одной стороны, церковь запрещала католикам вступать в национал-социалистическую партию. С другой стороны, Гитлер в 1937 г. объявил, что все члены партии обязаны выйти из католической церкви, которая превратилась во «врага немецкого народа».

Эти действия привели к появлению 14 марта 1937 г. папской энциклики «Со жгучей тревогой». В ней был выражен протест против преследования нацистами церкви и подчеркивалась принципиальная несовместимость христианских канон с учением, основными понятиями которого являются «раса, кровь, народ, государство». Гонения на католиков вызвали раздражение даже у Б. Муссолини, назвавшего их «беспольным идиотизмом».

Сложно складывались отношения нацизма и с *протестантской церковью*, издавна более тесно связанной с немецким государством. Большинство пасторов негативно относились к Веймарской республике, в частности и потому, что она опиралась на социалистов и католическую партию «Центр». Они достаточно открыто поддерживали нацистов и националистов. В 1932 г. радикально настроенные протестантские группы организовали «движение немецких христиан», получившее вскоре меткое прозвище «штурмовых отрядов Христа». Во главе движения встал военный капеллан

Л. Мюллер. «Немецкие христиане» активно пропагандировали нацистские идеи расового превосходства арийцев и пытались объединить всех протестантов в единую конгрегацию под лозунгом: «Один рейх — один народ — один фюрер — одна церковь».

Их противником выступала «*исповедальная церковь*» во главе с пастором М. Нимёллером, служившим в годы Первой мировой войны командиром подводной лодки. В мае 1934 г. на Барменском синоде сторонники «исповедальной церкви» резко выступили против распространения национал-социалистического мировоззрения и принципа фюрерства в церковных делах. Все это нашло отражение в принятой Синодом «Барменской декларации». Властями она была запрещена, за непокорными пасторами установили слежку, их сочинения конфисковывались.

Стремясь у н и ф и ц и р о в а т ь ц е р к о в ь, Гитлер в июле 1935 г. назначил министром по делам церкви нацистского юриста Х. Керрля и поручил ему объединить все протестантские группы. Вначале новому министру, слывшему человеком умеренных взглядов, удалось заручиться поддержкой консервативного духовенства и создать комитет церквей для работы общей платформы.

Но группа Нимёллера, хотя и сотрудничала с комитетом, продолжала настаивать на своем единственно законном праве представлять немецкую протестантскую церковь. В мае 1936 г. она подала рейхсканцлеру вежливый по тону, но радикальный по содержанию меморандум с протестом против антихристианской политики нацизма, с осуждением антисемитизма и с требованием, чтобы государство не вмешивалось в дела церкви. В ответ арестовали около 800 протестантских прусских пасторов (правда, через некоторое время их выпустили). В июле 1937 г. был арестован Нимёллер, который был освобожден из концлагеря лишь по окончании войны.

К лету 1938 г. сопротивление «исповедальной церкви» в основном было сломлено. Большинство пасторов были вынуждены дать личную клятву верности фюреру, что обязывало их выполнять приказы диктатора. Но в целом под репрессии чаще попадало католическое духовенство. Так, в 1944 г. в концлагере Дахау находились более 300 католических священников из Германии и Австрии и только 10 протестантских пасторов.

Разъясняя курс властей по отношению к церкви, Керрль заявлял, что его партия «стоит на платформе позитивного христианства, а позитивное христианство есть национал-социализм... Истинным олицетворением христианства является партия, а партия, и в первую очередь фюрер, призывает немецкий народ поддерживать истинное христианство».

В преследовании нацистами церковей была своя логика, ибо самая, казалось бы, невинная организация могла распространять взгляды, отличные от национал-социалистических. Этого, с точки зрения нацистов, нельзя было допустить, нельзя было мириться с тем, что священники будут по-своему влиять на духовное развитие народа. Это было не чем иным, как посягательством на идеологическую монополию партии. Как писал шеф партийной канцелярии М. Борман, «нельзя более никогда уступать церкви влияние на народ. Влияние это следует уничтожить полностью и навсегда. Лишь правительство рейха и по его указанию партия имеют право руководить народом».

Вряд ли враждебное отношение к церкви диктовалось атеизмом. Скорее, дело заключалось в стремлении заменить христианскую веру в е р о й в и д е и н а ц и о н а л - с о ц и а л и з м а, который не мог допустить, чтобы человек верил во что-то еще, помимо его собственных принципов. А поскольку искоренить веру человека как таковую невозможно, нацизм приобрел облик н о в о й р е л и г и и.

Глава 9

**ЕВРОПЕЙСКАЯ СТРАТЕГИЯ ГИТЛЕРА
(1933—1939)****Под маской миролюбия**

В первые годы после прихода к власти первостепенное значение для нацистов имели внутренние и экономические проблемы, а не внешняя политика. А. Гитлер резонно полагал, что вначале следует укрепить режим, консолидировать страну, а лишь затем приступить к проведению активного внешнеполитического курса, чтобы вернуть Германии ранг мировой державы. Тем не менее рейхсканцлер сразу же начал постепенно менять внешнюю политику своего правительства. Поскольку Германия была опутана сетью различных военных ограничений, то обширные планы перевооружения армии были связаны со значительным риском, так как не могли долгое время оставаться тайной. Было ясно, что Франция и ее восточноевропейские союзники воспримут воссоздание военных сил резко отрицательно. К тому же разгул политического террора в стране усиливал сомнения соседей в благоразумии действий нацистского режима.

В этих условиях удачным политическим ходом фюрера стало решение оставить на посту министра иностранных дел К. Нейрата, опытного дипломата старой школы. С 1927 г. он являлся послом в Лондоне и Риме, имел хорошие связи как раз с теми державами, которые без энтузиазма относились к стремлению Парижа установить свою гегемонию на европейском континенте.

Сам рейхсканцлер также предпочитал осторожность. 17 мая 1933 г. он выступил в рейхстаге с речью, которую немедленно окрестили «речью мира». Гитлер заявил, что новое правительство будет строго соблюдать все заключенные ранее договоры и соглашения, воздержится от нарушения версальских усло-

вий, надеясь изменить их с помощью мирных переговоров и поиска компромиссов. Позднее, обращаясь к высшим партийным бонзам, он подчеркнул, что Германия должна «искать соглашения со всеми, с кем можно договориться, поскольку у нее еще нет никакой иной возможности».

Яснее всего проявилось это в отношениях с СССР. В середине февраля 1933 г. Гитлер выразил готовность продолжить германо-советское сотрудничество во всех областях и предоставить Москве кредит в 140 млн марок. 4 апреля было продлено действие заключенного в 1926 г. Берлинского договора о дружбе и ненападении между Германией и Советским Союзом.

Более сложно складывались отношения с Польшей, поскольку здесь требовалось определенное изменение курса. Весной 1933 г. отношения между обеими странами значительно обострились из-за статуса города Данциг. Польская сторона начала концентрацию войск в этом районе и открыто угрожала превентивной войной против Германии. Но она не нашла поддержки ни в Париже, ни в Праге. Встревоженный обострением ситуации, Гитлер заявил о готовности урегулировать все проблемы мирным путем. Конфликт постепенно был улажен.

Но первостепенное внимание Берлин уделял отношениям с западными державами — гарантами Локарнских соглашений. По предложению Б. Муссолини 15 июля 1933 г. в Риме был подписан *Пакт согласия и сотрудничества* между Великобританией, Францией, Италией и Германией («Пакт четырех») о поддержке ими системы коллективной безопасности в Европе и отказе от применения силы. У немецкого руководства были большие сомнения в целесообразности этого документа, связывающего Германию руки. Но Гитлер настаивал на проведении сдержанной политики, тем более что Муссолини показал явную готовность к широкому сотрудничеству с рейхом, если тот откажется от мысли присоединить Австрию. И Гитлер немедленно ответил на это предложение согласием. Однако в статье 2 «Пакта четырех» (хотя этот договор так и не был ратифицирован) предусматривалась принципиальная возможность ревизии европейских границ, что очень беспокоило Варшаву и Прагу.

Продолжая требовать **равноправия** Германии в военном отношении, Гитлер одновременно в «речи мира» заявил, что согласен на полное и всеобщее разоружение при готовности к этому остальных великих держав и их союзников. Но фюрер прекрасно знал, что западные страны не пойдут на такой шаг, и оказался совершенно прав. Со своей

стороны, военный министр В. Бломберг открыто требовал добиваться прежде всего не общего разоружения, а обеспечения безопасности Германии. Поэтому осенью 1933 г. Гитлер перешел к более жесткому курсу. Поводом послужило предложение Великобритании установить жесткую систему контроля за вооружениями отдельных стран, что положило бы конец тайному перевооружению немецкой армии.

Гитлер незамедлительно интерпретировал это предложение как попытку увековечить неравноправное положение Германии и заявил, что согласиться на такой контроль невозможно. За этим последовали отъезд германской делегации с Женевской конференции по разоружению и объявление о выходе Германии из Лиги Наций, которую немецкий философ О. Шпенглер однажды презрительно назвал «толпой дачников, тунеядствующих на Женевском озере». Это было весьма рискованное решение, но фюрер рассчитывал на поддержку Италии и даже заранее известил дуче о своих действиях.

14 октября 1933 г. Германия официально заявила о желании выйти из Лиги Наций, а также о проведении 12 ноября одновременно с выборами в рейхстаг и плебисцита по этому вопросу. Объявляя об этом решении, Гитлер предложил французскому правительству провести прямые переговоры по спорным вопросам и заявил, что у Германии нет никаких территориальных интересов на Западе. Через несколько дней рейхсканцлер в интервью британской газете «Дейли мейл» выразил надежду на установление прочной дружбы «между двумя родственными нациями». Вместе с тем он подчеркнул, что Германия является европейским бастионом против «опасности распространения большевизма». Это были не пустые слова.

16 ноября Германия и Польша подписали коммюнике об обоюдном отказе от применения силы в отношениях друг с другом. После этого, вновь по инициативе Берлина, в большой спешке был подготовлен и 26 января 1934 г. подписан *германо-польский Пакт о ненападении*, который предусматривал возможность мирной ревизии границ в будущем. Польских лидеров толкнула на этот опрометчивый шаг вера в дружеские намерения Гитлера, которому был необходим внешнеполитический успех с целью нейтрализовать сопротивление прусского юнкерства и немецкого генералитета, настроенных резко антипольски. К тому же советско-германские отношения не испортились еще до такой степени, чтобы можно было исключить сближение двух стран на общей антипольской платформе. Это

и надеялся предотвратить варшавский диктатор Ю. Пилсудский, который после подписания «Пакта четырех» сомневался в готовности Франции оказать Польше военную помощь.

Таким образом, первый год пребывания у власти принес Гитлеру и его партии несомненные внешнеполитические успехи. Выход из Лиги Наций (95% немцев одобрили на плебисците этот шаг) освободил Германию от контроля за ее перевооружением и показал немецкому народу, что новый режим не зависит более от капризов западных держав и начинает проводить самостоятельную внешнюю политику. Впрочем, вскоре нацистскому диктатору пришлось столкнуться с большими осложнениями как внутри страны, так и на международной арене.

Венский путч

В начале 1933 г. правительство австрийского канцлера Э. Дольфуса лишилось парламентского большинства и в условиях жесточайшего экономического кризиса перешло к авторитарным методам правления. Поворот к диктатуре клерикально-фашистского типа был вызван и резкой активизацией австрийской национал-социалистической партии, требовавшей вхождения страны в состав Германии и развернувшей настоящий террор с целью дестабилизировать обстановку в стране.

19 июня 1933 г. Дольфус был вынужден запретить нацистскую партию и обратиться за поддержкой к Б. Муссолини, который рассматривал Австрию как сферу своих интересов, тем более что венский режим по своей сословно-корпоративной структуре весьма походил на итальянский фашизм. А. Гитлер еще делал словесные уступки, но из Берлина и Мюнхена австрийские нацисты получали не только идеологическую поддержку, но также в неограниченном количестве деньги и оружие. Лидер австрийских нацистов А. Фрауенфельд, обосновавшийся в Мюнхене, каждую ночь произносил по радио истерические речи с призывами к убийству австрийского канцлера.

В январе 1934 г. Дольфус заявил Берлину резкий протест, но получил ответ, что австрийский конфликт не подпадает под нормы международного права, а всего лишь является выражением «противоречия между австрийским правительством и историческим движением всего немецкого народа». Тогда канцлер обратился за поддержкой к западным держа-

вам, которые подтвердили необходимость сохранения независимости и целостности Альпийской республики. Через месяц были подписаны так называемые Римские протоколы, в которых Австрия, Италия и Венгрия договорились о тесном сотрудничестве. Это поставило Берлин в трудное положение. Но Гитлер не мог (или не хотел, что вернее) утихомирить венских нацистов. Положение в стране обострил и жестокий разгром февральского восстания австрийских рабочих и социалистов.

Вечером 25 июля 1934 г. 154 эсэсовца, переодетые в австрийскую военную форму, ворвались в федеральную канцелярию и тяжело ранили Дольфуса. Через несколько часов канцлер умер. Однако правительственные силы под энергичным руководством министра юстиции К. Шушнига к ночи полностью овладели ситуацией. Муссолини, который незадолго до этого в первый раз лично встречался с фюрером, счел инспирированный из Германии путч личным оскорблением и приказал выдвинуть войска на альпийский Бреннерский перевал, откуда открывался путь в Австрию.

Не желая обострять обстановку, Гитлер, узнавший о событиях в Вене на вагнеровском фестивале в Байрёйте (слушал оперу «Золото Рейна»), моментально предал своих австрийских приверженцев, арестовав их при переходе австро-германской границы. Германский посол в Вене К. Рит, скомпрометировавший себя беззастенчивым вмешательством во внутренние дела Австрии, был отозван. Его заменил Ф. Папен, всего за месяц до этого чудом избежавший расправы в «ночь длинных ножей».

Выигравшей стороной оказалась Франция, которая сблизилась с Италией и вместе с ней гарантировала нерушимость австрийских границ. Особую активность проявил при этом французский министр иностранных дел Л. Барту, убежденный сторонник дипломатического противодействия вызывающему курсу нацистской Германии. По его предложению в феврале 1934 г. был заключен Балканский пакт между Турцией, Румынией, Грецией и Югославией, усиливший политическое влияние Франции в этом регионе. Одновременно Барту попытался сделать союзниками Польшу и Чехословакию с возможным участием в этом альянсе и Советского Союза.

Во второй половине 1934 г. французским дипломатам удалось значительно улучшить отношения Парижа с Москвой. 18 сентября 1934 г. СССР вступил в Лигу Наций, а 2 мая 1935 г. был подписан франко-советский договор о взаимной

помощи. Вскоре такой же договор Советский Союз заключил с Чехословакией, но с оговоркой, что окажет ей помощь, если то же сделает и Франция. Договор был довольно условным, поскольку у СССР и Чехословакии не было общей границы. И не могла ли советская помощь Праге обернуться да-найским даром?

Франция также не могла оказать восточноевропейским союзникам значительную помощь, так как должна была сдерживать на Рейне натиск стремительно усиливавшейся армии Германии. К тому же обнаружились серьезные противоречия между экспансионистскими устремлениями фашистской Италии на Балканах и в Средиземноморье и заинтересованностью Франции в сохранении статус-кво в этом регионе.

Не только в Риме, но и в Лондоне франко-советское сближение было встречено неприкрытым раздражением. Да и в самой Франции далеко не все политические круги поддерживали внешнеполитический курс Барту. После убийства министра хорватскими усташами 9 октября 1934 г. новый глава французской дипломатии П. Лаваль, хотя и продолжал переговоры с Москвой, но делал все, чтобы изменить их направленность. Провал венского путча привел к политической изоляции Германии, но коалиции против нее так и не удалось создать. Слишком различными были интересы стран, окружавших рейх.

Возвращение Саара и создание вермахта

По условиям Версальского договора (1919) через пятнадцать лет в Сааре предполагалось провести плебисцит, на котором население должно было решить, вернется ли область в состав Германии, останется ли под управлением Лиги Наций, или станет частью Франции, с которой с 1920 г. была связана экономическим союзом. До прихода к власти нацистов никто не сомневался в том, что саарцы выскажутся за возвращение в Германию. Но после января 1933 г. предположительные итоги плебисцита уже не казались столь однозначными. Однако «голос крови» победил приверженность к демократии. На состоявшемся в январе 1935 г. плебисците 90,8% его участников высказались за возвращение в рейх. Итак, с 1 марта 1935 г. Саар вновь стал частью германского государства. Это была победа нацистской партии, восстановившей свой пострадавший от провала венского путча (1934) авторитет.

А. Гитлер немедленно использовал этот большой успех нацистской политики, чтобы обнародовать меры, принятия которых добивались военные. 9 марта он объявил о том, что уже давно перестало быть тайной: Германия располагает *собственными военно-воздушными силами*. А через неделю последовало официальное заявление о введении в стране *всеобщей воинской повинности* и комплектовании на этой основе полумиллионной армии из 36 дивизий (вместо прежних 21). Теперь германские вооруженные силы — рейхсвер — сменили и название: появился *вермахт*. В законе говорилось, что «вермахт является носителем оружия и школой солдатского воспитания немецкого народа».

К этому времени армия насчитывала уже 280 тыс. человек, но ее материальная оснащенность оставляла желать лучшего. Поэтому шеф войскового управления полковник Л. Бек заявил о настоятельной необходимости ускорения темпов перевооружения. Его поддерживал и рейхсканцлер, утверждавший, что немецкая гонка вооружений является всего лишь ответом на вооружение Франции и СССР.

Реакция стран Запада была различной. Первым, уже 18 марта 1935 г., заявил довольно вялый протест британский кабинет министров. Через два дня выступили французы, ре-

шительно осудившие грубое нарушение международных соглашений. Итальянская нота протеста имела столь вымученный характер, что каждому было ясно, что Б. Муссолини стремится лишь не отстать от Англии и Франции.

11 апреля 1935 г. представители трех западных держав на конференции в итальянском городе Стреза осудили действия Германии и вновь гарантировали независимость Австрии. Гитлер решил выяснить их позиции и 21 мая произнес в рейхстаге одну из наиболее сильных своих речей. Он осуждал войну как ужасное и бессмысленное деяние и уверял, что *Германия хочет только справедливого для всех мира*, что она искренне жаждет столь нужного ей покоя. Фюрер торжественно объявил, что Германский рейх признает нерушимость европейских границ, отказывается от всяких притязаний на Эльзас и Лотарингию и сразу вернется в Лигу Наций, когда та отменит позорный Версальский договор, унижающий немцев.

Выступление германского лидера произвело такое впечатление, что влиятельнейшая лондонская газета «Таймс» назвала его речь «мудрой, откровенной и всеобъемлющей» и с восторгом цитировала слова Гитлера: «Если кто-нибудь зажжет в Европе огонь войны, значит, он хочет хаоса. Мы тем не менее живем с твердой уверенностью в то, что наше время будет ознаменовано возрождением Запада, а не его упадком. Германия могла бы внести в это дело бессмертный вклад, она на это надеется и непоколебимо в это верит». В унисон с флагманом британской прессы лондонское правительство с готовностью приняло предложение Гитлера о начале переговоров по флоту.

Морское соглашение с Британией

Правительство Великобритании уже в марте 1935 г. проявляло очевидную готовность к заключению двустороннего соглашения с Германией. Его особенно беспокоила возможность создания немецкой военной авиации, способной нанести мощный удар по Британским островам. Поэтому еще в июле 1934 г. в Англии была принята собственная программа создания сильного воздушного флота. Германское правительство, желая уменьшить внешнеполитическую изоляцию своей страны, согласилось вести переговоры об ограничении военно-воздушных сил, но одновременно дало понять, что еще более оно заинтересовано в соглашении о морских вооружениях.

А. Гитлер был готов пойти на уступки, понимая, что для создания морского флота, равного по мощи британскому, потребуются годы, и хотел добиться если не союза с Англией, желательного для осуществления его планов восточной экспансии, то хотя бы ее дружественного нейтралитета. Таким образом, планы обеих сторон во многом совпадали, тем более что англичан не слишком беспокоило увеличение германской сухопутной армии.

Для ведения переговоров 25 марта 1935 г. в Берлин прибыли британский министр иностранных дел Д. Саймон и лорд-хранитель печати Э. Иден. Гитлер, умевший в случае необходимости очаровывать собеседников, избрал весьма хитроумную тактику. Он показал гостям карту колониальных владений европейских стран и заявил, что у Германии настолько мало «жизненного пространства», что такое положение совершенно нетерпимо. Этот шаг Гитлера можно было понять как предложение о союзе, поскольку он вновь многословно говорил о необходимости защиты Европы от варварского большевизма. Британцы вполне поняли ход мыслей рейхсканцлера, желавшего установить с Великобританией более тесные отношения, чем с Францией, и Саймон в ответ заявил, что его страна заинтересована в дружбе как с Берлином, так и с Парижем.

Во всяком случае, Гитлер подчеркнул, что «морское» соглашение является не только прелюдией к «воздушному», но и может определить направление будущей немецкой экспансии — на Восток или на заморские территории. При этом фюрер определенно сказал, что «Германия не имеет ни необходимости, ни желания, ни способности и средств, чтобы снова соперничать на море». В ходе продолжившихся в июне в Лондоне переговоров, которые с немецкой стороны вел **И. Риббентроп**, был быстро достигнут компромисс о том, что германский флот будет составлять 35% от британского, а по подводным лодкам даже 60% при возможности в исключительных обстоятельствах уравнивать количество субмарин.

По условиям соглашения Германии разрешалось построить 5 линкоров, 2 авианосца, 21 крейсер и 64 эсминца, что обеспечивало немецкие верфи работой на 10 лет. К началу войны они успели построить лишь 2 линкора, 11 крейсеров и 25 эсминцев и спустили на воду 57 подводных лодок. В проектировании новых линкоров у германских конструкторов было то преимущество, что они не были связаны условиями Вашингтонского

морского соглашения, ограничивавшими водоизмещение корабля 35 тыс. тонн. Немцы немедленно воспользовались этим и заложили два самых мощных в мире линкора — «Бисмарк» и «Тирпиц», водоизмещением в 45 тыс. тонн. Однако суперлинкор «Бисмарк» практически не успел принять участия в войне. 27 мая 1941 г. он был потоплен британским флотом, унеся с собой на дно холодной Атлантики около 2000 немецких моряков.

Новый британский министр иностранных дел С. Хор, защищаясь от обвинений в двуличной политике, в послании правительствам США, Франции, Италии и Японии настойчиво подчеркивал, что это соглашение с Германией положит конец неконтролируемой гонке морских вооружений и, если уж нельзя воспрепятствовать перевооружению Германии, обеспечит превосходство английского и французского флотов над немецким.

Гитлер же был весьма доволен тем, что удалось пробить первую брешь в Версальском договоре и добиться согласия одного из победителей в Первой мировой войне на восстановление военных сил рейха. Циничная и эгоистичная позиция Великобритании позволила впоследствии германскому флоту стать «хозяином Балтики» и поощрила Б. Муссолини, возмущенного «коварством Альбиона», напасть на древнее африканское королевство Абиссинию. Все эти события практически развалили созданный в Стресе единый фронт против нацистской Германии. Гитлеру же оставалось решить еще одну проблему — демилитаризованной Рейнской зоны.

Западный вал за Рейном

Планируя вступление немецких войск в демилитаризованную по Версальскому договору Рейнскую зону, А. Гитлер использовал в качестве предлога франко-советское соглашение о взаимопомощи (1935), утверждая, что оно внесло элемент дестабилизации в Локарнский договор и сняло с Германии обязанность соблюдать его условия. Уже в мае 1935 г. немецкое командование в обстановке строжайшей секретности начало разрабатывать план «Шулунг» — о повторной оккупации Рейнской зоны.

Но Гитлер выжидал до весны 1936 г. Когда же выяснилось, что войска Б. Муссолини столкнулись в Абиссинии

с ожесточенным сопротивлением населения, а принятые против агрессора международные санкции обнаружили полную беспомощность Лиги Наций, фюрер решил, что пришла пора действовать, заручившись предварительно согласием дуче на фактический разрыв локарнских договоренностей.

27 февраля 1936 г. французская палата депутатов ратифицировала договор с СССР. Воспользовавшись удобным предлогом, Гитлер публично заявил, что это означает смертный приговор Локарнскому соглашению, которым Германия более не связана. На рассвете 7 марта три немецких батальона перешли через Рейн в направлении Ахена, Трира и Саарбрюккена. Они имели строгое указание немедленно отступить, если натолкнутся на французское сопротивление. Но такового не последовало. Начальник французского генштаба генерал М. Гамелен заявил, что даже ограниченные военные действия повлекут за собой непредсказуемые последствия и предложил сконцентрировать на оборонительной линии Мажино 13 дивизий.

Если бы Франция проявила решимость, то история могла бы пойти по совершенно иному пути, так как отступление Германии на Рейне означало бы тяжелейший удар по престижу нацистской диктатуры. Положение спасла огромная выдержка Гитлера, категорически запретившего командованию, уже охваченному паникой, даже и думать об отзыве войск с Рейна. Но Париж колебался, а Лондон считал, что «Германия в конце концов просто вышла в свой собственный палисадник».

В то же время Гитлер для поддержки своей авантюры в который раз выступил с широковещательными мирными инициативами. 7 марта 1936 г. в речи перед рейхстагом он предложил Бельгии и Франции подписать пакт о ненападении сроком на 25 лет, заключить такие же соглашения с восточными соседями Германии, провести демилитаризацию франко-германской границы (что лишило бы Францию ее главной защиты — укрепленной линии Мажино) и, наконец, без всяких предварительных условий вернуться в Лигу Наций. В заключение Гитлер торжественно объявил, что Германия отказывается от любых территориальных претензий в Европе.

Когда Германия заняла Рейнскую зону и спешно принялась возводить на границе с Францией и Бельгией мощный Западный вал, австрийский канцлер К. Шушниг понял, что пришло

время для налаживания отношений с Берлином. Тем более что Гитлер заявил, будто «Германия не имеет намерений вмешиваться во внутренние дела Австрии или присоединять ее».

11 июля 1936 г. было подписано австро-германское соглашение. Германия еще раз подтвердила обещание не вмешиваться во внутренние дела Австрии, которая, со своей стороны, обязалась проводить внешнюю политику с учетом того, что она является «немецким государством».

Но суть договора содержалась в его секретных пунктах. Шушниг согласился тайно амнистировать осужденных участников венского путча и предоставить нацистам некоторые политически ответственные посты. К концу года из австрийских тюрем было освобождено более 1 8 тыс. нацистов, которые сразу развили такую бурную деятельность, что германский посол Ф. Папен попросил фюрера предписать австрийским нацистам «держаться тихо и ждать». Формально равноправное соглашение на деле стало первым шагом к аннексии — лишению Австрии независимости.

«Ось Берлин — Рим»

После занятия германскими войсками Рейнской зоны (1936) главной задачей внешней политики Германии стало расширение дипломатическими средствами свободы действий и поиск союзников. С точки зрения А. Гитлера, наилучшим союзником была Великобритания, поскольку она могла парализовать действия Франции и ее союзников. Назначенный в апреле 1936 г. послом в Лондон И. Риббентроп получил задание всеми силами добиваться заключения англо-германского союза. Впрочем, сам Гитлер не питал особых иллюзий о возможности разрыва союзнических отношений между Англией и Францией. Его внимание привлекли Италия и Япония, поскольку вместе с Германией эти морские державы могли бы установить блокаду Британии на Средиземном море, в Атлантическом и Тихом океанах.

К подобному выводу пришел и глава правительства Италии и руководитель фашистской партии Б. Муссолини. Абиссинская авантюра, хотя и закончилась победой, показала военную слабость Италии и ее неспособность самостоятельно утвердиться в Северной Африке и на Средиземном море. Но это казалось возможным в союзе с нацистской Германией, которая неизбежно должна была вступить в конфликт с западны-

ми державами. Как Гитлер, так и Муссолини рассматривали территориальную экспансию как «биологическую» необходимость для расцвета нации.

С лета 1936 г. началось итало-германское сближение. Символическим в этом смысле явилось назначение зятя дуче Г. Чиано, убежденного сторонника союза с Германией, министром иностранных дел. Сближение обеих стран резко ускорили два события: образование во Франции правительства Народного фронта во главе с социалистом Ж. Блюмом и вспыхнувшая 17 июля 1936 г. гражданская война в Испании.

Италия, стремясь усилить свое влияние в Западном Средиземноморье, сразу встала на сторону мятежного генерала Ф. Франко. Для Германии немаловажное значение имели испанская хромовая руда, необходимая для производства брони, а также богатые месторождения вольфрама. К тому же вмешательство в испанскую гражданскую войну давало отличную возможность опробовать в боевых условиях немецкую военную технику, особенно авиацию.

Но Гитлер мыслил иными категориями. Ему мерещилась ужасная картина окружения Германии еврейско-марксистскими силами, воплощенными в российском большевизме и правительствах Народного фронта в Испании и Франции. Однако поддержать Франко Гитлер намеревался только в союзе с дуче, поскольку их совместная акция прочно привязала бы Рим к Берлину.

23 октября 1936 г. Чиано встретился с Гитлером, который заявил о необходимости заключить прочный союз и попытаться привлечь к нему другие страны под лозунгом борьбы против большевизма. Стороны договорились о том, что итальянской сферой интересов является Средиземноморье, немецкой — Балтика и восток Европы. В миланской речи 1 ноября 1936 г. Муссолини впервые употребил выражение «ось Берлин — Рим».

Еще в конце октября, когда в Министерстве иностранных дел подписывался итало-германский договор, в нескольких минутах ходьбы от здания на Вильгельмштрассе Риббентроп и японский посол составляли документ о направленном «против подрывной

деятельности Коммунистического интернационала» японо-германском союзе. 25 ноября этот «антикоминтерновский пакт», к которому год спустя присоединилась Италия, был подписан. Но в дополнение к официальному тексту был составлен и секретный протокол, направленный против Советского Союза. Партнеры договорились провести в случае неспровоцированного нападения СССР на одного из них консультации для выработки мер «по защите общих интересов»: Значимость этого пакта практически была невелика. Германия продолжала свое традиционное военно-экономическое сотрудничество с Китаем. Сам Гитлер (как и Й. Геббельс и другие нацистские бонзы) пренебрежительно относился к азиатским народам и считал, что как Китай, так и Япония имеют значение только в качестве антисоветских сил, которые можно использовать в нужный момент.

Демонстрацией итало-германской дружбы стал первый визит Муссолини в Германию в сентябре 1937 г. Дуче, красовавшегося в сшитой специально для этого парадной униформе, принимали как героя-завоевателя Африки. Ему показывали военные парады, армейские маневры в Мекленбурге, гигантские военные заводы Рура. Ослепленный мощью Германии, Муссолини на митинге в Берлине назвал фюрера «одним из тех редких людей, на которых не проверяется история, но которые сами творят историю». Неудивительно, что итальянский диктатор утратил интерес к независимости Австрии и дал Гитлеру «разрешение», которого тот так ждал.

Аншлюс — присоединение Австрии

Вечером 5 ноября 1937 г. в рейхсканцелярию пришли за инструкциями фюрера пять высокопоставленных персон — военный министр и главнокомандующий В. Бломберг, главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник В. Фрич, глава военно-морских сил адмирал Э. Редер, главнокомандующий военно-воздушными силами генерал-полковник Г. Геринг, министр иностранных дел К. Нейрат. Вел протокол военный адъютант Гитлера полковник Ф. Хоссбах, записи которого и сохранили для истории подробности этого сверхсекретного совещания.

Рейхсканцлер говорил более трех часов, объяснив, что все сказанное им является плодом долгих размышлений. Поскольку Германия может решить свои жизненные проблемы

только силой, то, по его словам, остается ответить на два вопроса: «Когда?» и «Где?» А. Гитлер подробно рассмотрел четыре возможных варианта.

Первый — война Германии против «дышащих к ней ненавистью» Англии и Франции. В этом случае следует захватить Австрию и Чехословакию, чтобы «обезопасить себя от угрозы с фланга» и получить дополнительные продовольственные и людские резервы.

Второй — возможная война западных держав против Италии. Она позволила за спиной воюющих аннексировать без особого риска Австрию и Чехословакию.

Третий — крупный внутривосточный кризис во Франции, который деморализует ее армию, а тогда «настанет время действовать против чехов».

Наконец, четвертый — так как Англия и, возможно, Франция уже примирились с потерей Чехословакии, то примирятся и с тем, что однажды Германия «решит этот вопрос».

Итак, из рассмотрения всех вариантов следовало одно: нацистский диктатор объявил о своем окончательном решении *встать на тропу войны не позднее 1943 г.* Это решение ошеломило участников совещания. Не то чтобы они были противниками войны, но их волновали практические моменты. Нейрат, Фрич и даже верный Бломберг сомневались в готовности страны к большой войне, а поражение Германии означало бы катастрофу.

За эти «сомнения» 4 февраля 1938 г. все трое лишились своих постов. Место Нейрата занял услужливый И. Риббентроп. Новым главнокомандующим стал генерал В. Браухич, а верховное главнокомандование взял на себя сам фюрер, создав вместо военного министерства *Верховное командование вермахта* и назначив его шефом генерала В. Кейтеля (за свое пресмыкательство перед Гитлером получил прозвище Лакейтель). За этим последовала перетряска кадров в армии и дипломатическом корпусе. Суть происшедшего точно выразила официальная газета «Фелькишер беобахтер», вышедшая 5 февраля под огромным заголовком: «Концентрация всей полноты властей в руках фюрера!» Наконец Гитлер завершил нацистскую революцию и сосредоточил в своих руках всю власть — политическую, экономическую и военную.

Но и ни этот раз, в отличие от нетерпеливого Геринга, он предпочитал не форсировать решение «австрийской про-

блемы», а готовить для этого солидную базу. Однако дальнейшие события развернулись совсем не по сценарию Гитлера.

На рубеже 1937—1938 гг. Австрия находилась в тяжелой ситуации. Ни одна европейская страна не выражала желания встать на защиту ее независимости. Канцлеру К. Шушнигу не оставалось ничего другого, кроме как принять приглашение Гитлера приехать к нему в баварскую резиденцию Берхтесгаден. Встреча, состоявшаяся 12 февраля 1938 г., ошеломила главу австрийского правительства. Гитлер два часа обвинял Вену в предательстве общенемецких интересов и угрожал немедленно отдать войскам приказ войти в Австрию. После довольно мирного обеда Риббентроп вручил Шушнигу проект соглашения, добавив, что это окончательные требования фюрера, который даже не намерен их обсуждать.

Фактически это был ультиматум. От Шушнига требовали снять запрет на австрийскую нацистскую партию, назначить министром внутренних дел пронацистски настроенного адвоката А. Зейс-Инкварта с передачей в его ведение полиции и службы безопасности, а военным министром — другого нациста, директора Военно-исторического архива Э. Глайзе-Хорстенау. Предлагалось также отправить в отставку начальника генштаба фельдмаршала А. Янзу, ввести обмен офицерами обеих армий и подготовить включение Австрии в экономическую систему Германии. Выполнение этих условий превращало Австрию в сателлита нацистского рейха. В этот решающий момент австрийский канцлер не выдержал и согласился подписать документ, однако напомнил при этом, что по Конституции такое право имеет только президент В. Миклас.

Началась агония Австрии. В течение месяца в стране царил хаос. На улицах бушевали толпы нацистов, срывавших государственные флаги. Из банков спешно забирались вклады, а иностранные туристы штурмовали билетные кассы, торопясь покинуть страну. Канцлер решился на отчаянный шаг и назначил на 13 марта плебисцит о независимости Австрии. Пришедший в ярость Гитлер отдал распоряжение днем раньше оккупировать Австрию и послать в Вену требование отменить плебисцит. Шушниг капитулировал, но Берлин потребовал, чтобы он уступил свой высокий пост Зейс-Инкварту.

Утром 12 марта 1938 г. немецкие войска перешли австро-германскую границу. Они имели приказ не применять насилие, но беспощадно подавлять всякое сопротивление. Однако никакого сопротивления не было. Австрийская армия находилась в казармах, а на дорогах немецких солдат встречало ликующее население. Фюрер вначале намеревался создать конфедерацию двух немецких государств. Но когда в тот же день он прибыл в родной Линц, то был настолько воодушевлен восторженным приемом жителей, что приказал немедленно подготовить закон об *аншлюсе* (присоединении) Австрии. Разумеется, на референдуме 10 апреля за аншлюс высказалось более 99% населения Австрии и Германии.

Первая агрессия Гитлера закончилась его триумфом. На очереди была Чехословакия.

Мюнхенское соглашение

Через 11 дней после австрийского плебисцита, 21 апреля 1938 г., А. Гитлер вызвал к себе генерала В. Кейтеля, чтобы обсудить с ним операцию «Грюн» — план внезапного нападения на Чехословакию.

После Первой мировой войны чешско-германские отношения осложняла проблема Судетской области, которую населяло 3,25 млн немцев, требовавших если не воссоединения с исторической родиной, то большей автономии. После прихода к власти в Германии Гитлера в Судетской области образовалась пронацистская *Судето-немецкая партия* под руководством учителя физкультуры К. Генлейна, которой германское Министерство иностранных дел ежемесячно выделяло 15 тыс. марок. Члены этой партии так красочно живописали зверства, которые якобы чинят чехи над бедными немцами, что лидеры Англии и Франции стали оказывать нажим на президента Э. Бенеша, требуя от него максимальных уступок судетским немцам. Гитлер же был убежден, что удар по Чехословакии через неукрепленную границу с Австрией будет таким молниеносным, что ни Лондон, ни Париж не решатся на ее защиту.

Первый кризис разразился в мае, когда британская и чешская разведки получили данные о концентрации немецких войск в Саксонии. В Судетах начались вооруженные стычки, а правительство Бенеша объявило частичную мобилизацию. Располагая хорошей армией, страна не собиралась сдаваться без боя. Чехословакию поддержали западные державы и Советский Союз.

В таких условиях агрессия была невозможна, и Гитлер отступил, приказав сообщить чешскому послу, что Германия не имеет никаких намерений против его страны. Кризис был улажен, а фюреру преподали урок, от которого тот лишь укрепился в намерении расчитаться с Чехословакией. Он распорядился закончить все военные приготовления до 1 октября 1938 г.

Правительство Бенеша выполнило все требования лидеров судетских немцев, но как раз это не устраивало Гитлера. По его указанию Генлейн заявил о прекращении всяких переговоров, сославшись на спровоцированные им самим столкновения с полицией в Моравска-Острове. А 12 сентября на партийном съезде в Нюрнберге Гитлер громогласно потребовал «справедливого отношения» к судетским немцам и пригрозил добиться этого даже военными средствами. Речь рейхсканцлера спровоцировала настоящее восстание в Судетской области, подавленное после двухдневных ожесточенных столкновений.

В поисках выхода из трудного положения британский лидер Н. Чемберлен, поддержанный французским премьер-министром Э. Даладье, предложил Гитлеру немедленно встре-

титься в Берхтесгадене с целью найти мирное решение проблемы. В итоге переговоров Чемберлен заявил, что согласен с присоединением Судетской области к Германии, но должен проконсультроваться с руководством Франции и собственными министрами.

Пока Чемберлен уговаривал Даладье и своих министров согласиться на уступки Гитлеру, тот не терял времени. Был издан приказ о приведении пяти армий в боевую готовность. Под нажимом Берлина 21 сентября польское правительство потребовало проведения плебисцита в чешской области Тешин, где проживала большая польская колония. На следующий день с аналогичным требованием выступила Венгрия. В то же время «судетский добровольческий корпус» при поддержке частей СС захватил пограничные чешские города Аш и Хеб. Европа вновь оказалась на грани войны.

22 сентября Чемберлен второй раз встретился с Гитлером в Годесберге и сообщил ему о согласии передать Германии Судетскую область даже без проведения плебисцита. Британский лидер ожидал признательности Гитлера, но тот, получив желаемое, моментально потребовал большего — немедленного ввода немецких войск в Судеты. Так одним ударом был разрушен «карточный домик» мира, с великим трудом воздвигнутый Чемберленом за счет Чехословакии. Хотя Гитлеру, согласившемуся подождать до 1 октября (на этот день уже давно было запланировано нападение), удалось уговорить Чемберлена, на уступки не пошли ни Франция, ни Чехословакия, объявившие мобилизацию. Был отдан приказ и о приведении в боевую готовность британского флота.

Но Чемберлен всеми силами старался избежать войны. И он добился согласия Б. Муссолини стать посредником в созыве конференции для решения судетского вопроса. В полдень 28 сентября 1938 г., за два часа до окончания срока, обозначенного в предъявленном чехам германском ультиматуме, Гитлер получил срочное послание дуче, просившего повременить с мобилизацией. Фюрер с явным облегчением ответил, что принимает это предложение. После продолжительных телефонных переговоров с Гимом он распорядился пригласить руководителей Великобритании, Франции и Италии на встречу с ним в Мюнхене. Однако представителей СССР, одного из гарантов целостности Чехословакии, в столицу Баварии не пригласили, как и руководителей самой Чехословакии.

Переговоры четырех государственных лидеров проходили в обстановке подчеркнутой идиллии и фактически явились формальной передачей Гитлеру всего, чего он добивался.

Уже после войны выяснилось, что все компромиссные предложения, с которыми выступил игравший роль миротворца Муссолини, еще накануне были составлены в Берлине. На самом деле это был чуть подновленный *ультиматум*, чего не заметили британский и французский премьер-министры, добивавшиеся умиротворения любой ценой. Впрочем, с целью соблюсти приличия они предложили все же пригласить представителей Чехословакии, но Гитлер ответил категорическим отказом. Однако Чемберлену в конце концов удалось выторговать уступку — представители «жертвы» будут находиться «в соседней комнате». Там они и просидели восемь часов в томительном ожидании, пока советник британского премьера Г. Вильсон не ознакомил их с основным содержанием четырехстороннего соглашения.

В ночь на 30 сентября 1938 г. роковой документ поочередно подписали Гитлер, Чемберлен, Муссолини и Даладьё. Сохранилась фотография, на которой торжествующий И. Риббентроп повелительно торопит Даладьё расписаться — и закончить дело. Удовлетворенные своей миссией, лидеры Запада отбыли домой. Чемберлен, размахивая заявлением о решимости больше не воевать друг с другом, которое он подписал с хозяином Германии, заявил: «Друзья мои, я привез вам мир!» Увы, как оказалось, мир длился всего 11 месяцев. Лишь У. Черчилль, слова которого вызвали бурю протеста в британской палате общин, признал: «Мы потерпели полное и сокрушительное поражение».

Чехословакия потеряла одну из самых индустриальных своих областей, где находилось 66% запасов каменного и 80% бурого угля, производилось 72% электроэнергии и т. д. Лишившись самых мощных в Европе после линии Мажино укреплений, она оказалась беззащитной в военном отношении. Процветающая страна, остававшаяся последней демократией в Восточной Европе, была разорена за одну ночь. Правда, все участники *Мюнхенского соглашения* гарантировали ее новые границы, но только после согласования их с Польшей и Венгрией. А это оказалось делом очень трудным. Польша получила область Тешина и поддержала Венгрию в ее притязаниях на Словакию и Закарпатскую Украину. Однако у Гитлера были свои планы. И Венгрия, вызвавшая его недовольство тем, что не оказала Германии в дни кризиса решительной

поддержки, получила всего лишь небольшие территории в Словакии.

Гитлер остался недоволен Мюнхенским соглашением — фюрер стремился к захвату всей Чехословакии. Но в 1938 г. он не рискнул развязать большую войну, исход которой был совершенно неясен.

Мюнхенские переговоры стали еще одним триумфом нацистской Германии и позором для Франции, военное значение которой в Европе было сведено на нет. Окончательно судьба Чехословакии была решена через полгода, после инспирированного из Берлина провозглашения независимости Словакии. Утром 15 марта 1939 г. немецкие войска вошли на чешскую территорию, а вечером в Злату Прагу торжественно прибыл Гитлер и объявил о создании протектората Богемия и Моравия во главе с **К. Нейратом**.

Только тогда Чемберлен понял, как обманул его рейхсканцлер. То, что следующей жертвой Гитлера явится окруженная с запада, юга и северо-востока Польша, было ясно при первом взгляде на географическую карту.

С мая 1939 г. Германия начала полномасштабную подготовку к намеченному на конец лета вступлению в войну. Гитлер назначил дату нападения на Польшу — 26 августа. Но для этого, так как Польша получила гарантии Великобритании и Франции, ему было необходимо вначале договориться с **И. В. Сталиным**.

Пакт двух диктаторов

В мае 1939 г., встревоженные непредсказуемостью властей Германии, западные державы предложили Советскому Союзу заключить пакт о взаимной помощи. В начале июня в Москву был направлен специальный британский посланник У. Стрэнг с целью начать переговоры. Договор с СССР очень выручал Великобританию и Францию, поскольку только Советский Союз мог оказать прямую помощь соседям — Польше и Румынии. Запад рассчитывал, что в любом случае вермахт увязнет в бескрайних просторах России до того времени, пока Англия и Франция не подготовятся как следует к тяжелой войне.

И. В. Сталин знал о таком расчете и еще 10 марта 1939 г. в речи на партийном съезде исключил возможность для своей страны «таскать каштаны из огня» для других держав. Одновременно он дал понять Германии, что СССР заинтересован

в улучшении отношений между обеими странами. Поэтому на переговорах со Стрэнгом Москва потребовала, чтобы Красная армия получила право свободного прохода через Польшу и Румынию и введения своих войск в Прибалтику не только в случае прямого немецкого нападения на эти территории, но и в случае «косвенной агрессии» и фашизации этих государств.

Положение осложнялось тем, что СССР отличался от остальных европейских держав. На Западе опасались, что с помощью Красной армии в восточноевропейских странах вспыхнут социалистические революции, которых особенно боялись в Варшаве и Бухаресте. Поэтому Польша категорически отказалась разрешить советским войскам проход через ее территорию.

Сложилась парадоксальная ситуация: Великобритания должна была отдать СССР то, что она намеревалась защитить от Германии с помощью той же Москвы. Это парализовало дальнейшие переговоры. Создавалось впечатление, что Запад использует диалог с СССР только как средство давления на Берлин. В конце июля переговоры вообще зашли в тупик, поскольку стороны не смогли договориться о единой трактовке термина «косвенная агрессия». Кроме того, СССР настаивал на одновременном заключении политического и военного договоров, а страны Запада предлагали, чтобы обсуждение военного договора началось после подписания пакта о взаимопомощи.

А. Гитлер быстро понял, какие возможности откроются перед Германией, если она кардинально сменит направление своей восточной политики. Но при этом он понял и то, что в случае провала такой шаг приведет к катастрофе. Но тут из Москвы поступило обнадеживающее известие: 3 мая советский нарком иностранных дел М. М. Литвинов, выступавший за сближение с Западом, против германской опасности, был заменен верным соратником Сталина В. М. Молотовым. В Берлине расценили смещение Литвинова как готовность искать соглашения с рейхом. Вскоре Молотов заявил германскому послу в Москве Ф. Шу-

ленбургу, что СССР будет заинтересован в возобновлении прерванных зимой экономических переговоров только в том случае, если для них будет создана «необходимая политическая основа». Германский министр иностранных дел И. Риббентроп отреагировал на это сдержанно, опасаясь ухудшения отношений с Японией.

Но пауза длилась недолго. Сам фюрер дал указание поддерживать с русскими постоянные контакты. 28 июня 1939 г. Шуленбург сообщил Молотову, что немецкая сторона рассматривает Берлинский договор 1926 г. как все еще действующий. Через месяц появилось официальное заявление о возобновлении экономических переговоров. Когда в начале августа в Москву для ведения переговоров прибыли английская и французская военные миссии, германо-советский «флирт» был в полном разгаре.

Понимая, что время работает на нее, советская сторона тянула с переговорами, а в Берлине росла нервозность, ибо 26 августа 1939 г. должно было начаться наступление на Польшу. 14 августа Шуленбург получил указание предложить Москве широкое обсуждение всего комплекса взаимоотношений, в том числе и вопроса о разграничении сфер интересов обеих сторон, для чего в Москву готов прибыть сам Риббентроп. Советский нарком иностранных дел в принципе выразил согласие, но добавил, что СССР ожидает от Берлина готовности заключить пакт о ненападении, подписать большое экономическое соглашение, а также выступить посредником в советско-японском конфликте на монгольской реке Халхин-Гол.

В преддверии начала военных действий А. Гитлер был согласен на любые условия. В Москву послали сообщение о том, что Риббентроп в любое время готов прилететь в СССР, имея полномочия рейхсканцлера обсудить все германо-советские проблемы и «в случае необходимости подписать соответствующие договоры». 17 августа советское правительство ответило, что предлагает заключить, кроме пакта о ненападении и экономического соглашения, также *секретный протокол о разграничении сфер интересов*, и ожидает германского министра 26—27 августа. Но немцы очень торопились, и Гитлер отправил Сталину личное послание с просьбой принять Риббентропа не позднее 23 августа.

В этот день был подписан и в тот же день вступил в силу советско-германский *Пакт о ненападении* (что стало полной неожиданностью для мировой общественности), интересный

прежде всего своим дополнительным секретным протоколом (в течение полувека СССР отрицал его существование). В советскую зону интересов входили Финляндия, Эстония, Латвия и Бессарабия. По поводу Бессарабии немецкая сторона отметила в протоколе свою «полную политическую незаинтересованность» в странах Юго-Восточной Европы. Относительно Польши, судьба которой была уже предрешена, стороны определили границу своих зон по рекам Нарев, Висла и Сан, т. е. разделили Польшу приблизительно пополам.

Оба диктатора были убеждены, что перехитрили друг друга. Гитлеру Пакт давал возможность напасть на Польшу и вселял надежду, что Великобритания и Франция и на этот раз останутся в стороне и не решатся начать войну. После разгрома Польши фюрер намеревался повернуть войска на Запад, имея за спиной дружественную Россию. Он уверенно заявил командующим войсками, что «нет никаких оснований бояться блокады. Восток поставит нам зерно, скот, уголь, свинец, цинк».

Для Сталина же, озабоченного безопасностью страны и усматривавшего в политике западных держав лишь их стремление столкнуть между собой СССР и Германию, соглашение о ненападении означало возможность отодвинуть сроки начала войны, с целью лучше к ней подготовиться, и расширить зону своего влияния. Само же тайное разграничение сфер интересов только еще раз подтвердило старую как мир истину: сильные и большие державы всегда действуют в собственных интересах и договариваются между собой за счет слабых и малых соседей.

Какие бы иллюзии ни питал Гитлер, договоренность с СССР стала для него разрешением на войну. Когда он получил послание Н. Чемберлена о том, что заключение советско-германского пакта «ничего не изменит в обязанности Великобритании по отношению к Польше», а нападение на нее приведет к новой мировой войне, то ответил письмом, полным возмущения якобы зверствами поляков над немецким населением, которое он не может бросить на произвол судьбы.

Гитлер уже отдал приказ о начале Польской военной кампании ранним утром 26 августа, когда получил письмо Б. Муссолини, в котором тот сообщал, что Италия может вступить в войну не ранее 1942 г. Но дуче заверял, что начнет военные действия немедленно, если получит необходимое сырье и вооружение. Беглого взгляда на приложенный перечень

«необходимого» было достаточно, чтобы понять, что поставка всего перечисленного требует долгого времени.

Фюрер был настолько обескуражен «неготовностью» к войне Италии (в любом случае она могла бы оттянуть на себя значительную часть англо-французских сил), что отдал приказ остановить войска. В довершение всего В. Браухич доложил, что германская армия не готова к немедленному наступлению ни на Востоке, ни на Западе. Начало военных действий пришлось перенести на 1 сентября.

Ничто не могло поколебать решимость Гитлера развязать войну. Он прекрасно знал, что более благоприятного момента больше может и не представиться. Ни Данциг, ни «Польский коридор», отделявший Восточную Пруссию от рейха, ни Верхняя Силезия не были целью Гитлера. Его целью было полное уничтожение Польского государства, а затем установление немецкого господства на всем европейском континенте.

ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА (1939—1945)

Подготовка к большой войне

Выступая в рейхстаге 1 сентября 1939 г. А. Гитлер заявил, что Германия имеет самую лучшую и современную в мире армию, на вооружение которой ушла гигантская сумма в 90 млрд марок. Скорее всего это было преувеличением, но во всяком случае в 1939 г. немецкое военное производство в 3,5 раза превышало британское. Германская армия первого эшелона насчитывала 2758 млн человек, но флот не был столь большим и мощным, чтобы соперничать с английским. Только в авиации Германия имела неоспоримое преимущество.

Однако у Германии не было достаточных запасов сырья и валюты, а также резерва рабочей силы. Поэтому германское командование делало упор на молниеносную войну и будущую эксплуатацию захваченных территорий с целью получения оттуда сырья, продовольствия и рабочей силы. Это была весьма рискованная стратегическая концепция. Чем больше солдат служило в армии Третьего рейха, тем меньше рабочих оставалось стоять у станков. Чем моторизованнее становилась армия, тем острее ощущалась нехватка технических специалистов как в вермахте, так и в промышленности. Лихорадочное расширение вермахта повлекло за собой низкий по сравнению с кайзеровской армией уровень подготовки офицеров и солдат.

Население Германии б о я л о с ь в о й н ы. Оно приветствовало достигнутые без применения силы внешнеполитические успехи Гитлера. Постоянные заверения рейхсканцлера в миролюбии породили у многих немцев иллюзорные надежды на то, что нацистское правительство действительно стремится только к восстановлению погранной в Версале спр

ведливости. Но они не хотели рисковать уже реально достигнутым ради призрачного великого будущего. Однако всякое открытое сопротивление войне, начала которой в 1939 г. избежать не удалось, было невозможно. В результате массовой пропаганды об угрозе Германии со стороны мировой буржуазии и большевиков среди населения воцарилось чувство страха. Немцы не приветствовали новую войну криками «ура!», как в августе 1914 г., но отнеслись к ней л о я л ь н о и послушно последовали за Гитлером. Они повели себя так, как этого и желал нацистский диктатор.

Проблема *продовольственного снабжения* представляла для Германии определенную сложность. Уровень жизни немцев был ниже, чем у их противников. В 1927—1937 гг. в рабочих семьях потребление мяса сократилось на 18%, жиров — на 37%, белого хлеба — на 44%. Помня печальный опыт Первой мировой войны, нацистские лидеры всеми средствами стремились избежать голода. К началу войны Германии удалось создать запасы зерна в 6,5 млн тонн. С самого начала войны было введено рационирование основных продуктов и товаров. Разумеется, лучше всего снабжался вермахт, но и для гражданского населения устанавливались сравнительно высокие нормы потребления, приблизительно равные британским.

Из-за нехватки товаров правительству, чтобы не допустить инфляции, приходилось *снижать покупательный уровень населения*. Решающее значение в этом имело соотношение заработной платы, доходов и налогов. Согласно принятому постановлению о военном хозяйстве, снимались все доплаты за сверхурочные часы, ночные смены и работу в выходные дни, практически отменялись отпуска, вводились десятичасовой рабочий день и трудовая повинность.

Жесткие меры правительства сразу вызвали критику. Против них выступили некоторые гауляйтеры, руководитель Германского трудового фронта Р. Лей, заместитель фюрера по партии Р. Гесс. Недовольство проявили также промышленники и руководители военно-экономических управлений, опасавшиеся падения производительности труда. Гесс и Лей считали политической глупостью в критический момент поставить на карту с трудом завоеванное за двадцать лет «доверие рабочих к фюреру и партии». Когда недовольных поддержал и Г. Геринг, самые жесткие меры были постепенно отменены и к лету 1940 г. практически восстановлены довоенные условия и нормы.

Столь быстрая реакция показывает, что руководство национал-социалистической партии тщательно следило за настроениями народа и стремилось не допустить никакого нарастания недовольства. Например, солдатским женам и матерям выплачивали пособие; хотя с экономической точки зрения это было неразумно, поскольку позволяло многим женщинам сидеть дома, но зато поддерживало дух армии.

Налоговую политику с самого начала проводили более осторожно. Был введен дополнительный военный сбор в размере 5% подоходного налога. Годовой доход до 2400 марок (его имело 60% налогоплательщиков) сбором не облагался. Чтобы не допустить несправедливости, всем трудящимся гарантировался минимум годового дохода в 2400 марок. Повысились акцизы на пиво, табак, водку и шампанское, т. е. на те товары, которые не относились к «жизненно важным». В итоге доходы государства от налогов и пошлин возросли с 18,2 млрд марок в 1938/39 финансовом году до 27,6 млрд марок в 1940/41 году. Вместе с другими поступлениями они обеспечили финансирование войны более чем на 50%. Остальную часть составили банковские кредиты, так как из-за нехватки товаров люди несли свободные деньги в банки и сберкассы.

Огромное значение для ведения войны имела *мобилизация рабочей силы*, резерва которой в Германии не было уже с 1937 г. Рост вермахта, насчитывавшего к сентябрю 1939 г. 4,5 млн военнослужащих, привел к тому, что только летом этого года промышленность потеряла 2,5 млн рабочих, в том числе и в военных отраслях производства. Возможностей компенсировать эти потери было немного: привлечь на производство женщин, использовать людей из закрываемых предприятий, не работающих на войну, а также иностранную рабочую силу. В 1933—1939 гг. на производстве работали 14,6 млн женщин; однако оставалось еще около 6 млн незанятых, но трудоспособных женщин, из которых, как считало Министерство труда, 2,6 млн человек можно было бы привлечь к работе.

Другим источником пополнения штатов промышленных предприятий стали закрывающиеся мелкие предприятия и ремесленные мастерские. С 1936 по 1939 г. прекратили работу 180 тыс. мастерских. Особенно резко уменьшилось число портных, сапожников, столяров, парикмахеров, пекарей и мясников. В торговле весной 1940 г. высвободилось 425 тыс.

человек. В целом к апрелю 1940 г. в военные отрасли промышленности было переведено 743 тыс. рабочих-мужчин. В то же время все чаще на предприятиях использовали иностранных рабочих и военнопленных. Если до войны в Третьем рейхе работало около 400 тыс. иностранцев, то к маю 1941 г. их было уже 1,75 млн человек, из которых 1,32 млн составляли военнопленные. Трудились они главным образом в сельском хозяйстве и на военных заводах.

К началу войны было *ужесточено уголовное законодательство* и расширены полномочия полиции и гестапо. Как говорилось в меморандуме Министерства юстиции, «задачей органов юстиции в годы войны является выявление и изоляция подстрекательских и преступно настроенных элементов, которые в критическое время могли бы попытаться нанести фронту удар ножом в спину». Преступлениями считались «подрыв оборонной мощи», «экономический саботаж», «вредительство народу». За них, как и за слушание иностранных радиопередач, следовало строго наказывать, вплоть до применения смертной казни.

Четвертый раздел Польши

Вторая мировая война началась с нацистской провокации. Вечером 31 августа 1939 г. отряд эсэсовцев, переодетых в польскую военную форму, под командованием штурмбанн-фюрера А. Науёкса захватил в пограничном немецком городе Гляйвиц местную радиостанцию и передал в эфир подстрекательское сообщение о начале войны, полное злобных анти-немецких выпадов. На рассвете 1 сентября немецкие войска перешли польскую границу с трех сторон — из Восточной Пруссии, Померании и района Бреслау.

В войну вступило 55 немецких дивизий, 2500 танков и бронемашин, около 2000 самолетов. Что могла противопоставить этому натиску Польша? 30 дивизий первой линии обороны, 300 танков и 420 самолетов, практически полностью уничтоженных на своих аэродромах, с которых они так и не успели взлететь.

Польская армия оказывала отчаянное и безнадежное сопротивление, но была просто подавлена бронированной мощью вермахта. Символичным в этом отношении стало сражение под Кутно, где на реке Бзура польская кавалерийская бригада с пиками наперевес атаковала немецкие танки и полностью погибла. 6 сентября пал Краков. 8 сентября первые

немецкие танки подошли к Варшаве, но были остановлены из-за отставшей пехоты. 12 сентября части вермахта приблизились к Львову. Огромные клещи, в которые попала отважно сражавшаяся польская армия, сомкнулись 13 сентября. Через четыре дня польское правительство, ранее выехавшее в город Люблин, бежало в Румынию.

Англия и Франция объявили Германии войну 3 сентября. Но на Западном фронте, где 35 немецких дивизий, состоявших в основном из резервистов, и 65 французских кадровых дивизий удерживали свои укрепленные линии Зигфрида и Мажино, никаких военных действий, по сути, не велось. Со своей стороны, А. Гитлер, чтобы закончить Польскую военную кампанию до начала предполагаемого наступления союзников на Западе, торопил Москву со вступлением в войну. И. В. Сталин колебался, но неожиданный переход немецких частей через согласованную демаркационную линию, заставлял действовать.

17 сентября 1939 г. советское правительство объявило, что Польского государства больше не существует и СССР должен взять под свою защиту белорусское и украинское население в Восточной Польше. Советские войска перешли границу и, почти не встречая сопротивления, начали продвигаться по территории Польши. А польскому послу в Москве сообщили, что СССР будет строго придерживаться нейтралитета в польско-германском конфликте. В советско-германском коммюнике, составленном Сталиным, цинично утверждалось, что общей целью обеих держав является «восстановление мира и порядка в Польше, которые были подорваны развалом Польского государства, и оказание помощи польскому народу в установлении новых условий для его политической жизни». 25 сентября Сталин предложил Германии территорию от Буга до Варшавы в обмен на Литву. Так вся Польша оказалась под властью Гитлера.

28 сентября в Москве с участием германского министра иностранных дел И. Риббентропа был заключен новый *советско-германский Договор о дружбе и границе*. Он вновь сопровождался секретным протоколом, по которому Литва переходила в зону советских интересов, а Варшавское и Люблинское воеводства подчинялись Германии. Одновременно была опубликована совместная Декларация мира, в которой говорилось, что исчезли все причины для войны в Европе, а ответственность за ее продолжение будут нести Великобритания и Франция.

Полигон в генерал-губернаторстве

То, что осталось от Польши после того, как победители получили свои доли, стало именоваться *Польским генерал-губернаторством*. Его главой был назначен безжалостный Х. Франк, сразу заявивший, что «поляки будут рабами Германского рейха».

Генерал-губернаторство было превращено в полигон, на котором нацисты опробовали свои методы будущего управления всеми захваченными восточными территориями. Поскольку Польша должна была стать только источником дармовой рабочей силы, то изначально планировалось поголовное истребление всех, кто мог бы возглавить национальное сопротивление.

В октябре 1939 г. фюрер назначил Г. Гимmlера «рейхскомиссаром по утверждению германской расы». В его задачу входило германизировать предназначенные для этого территории, предварительно «очищенные» от чужеродных элементов.

Гимmlер немедленно отдал распоряжение переселить 550 тыс. евреев, проживавших на присоединенных к рейху территориях, а также часть поляков на земли генерал-губернаторства к востоку от Вислы. На их место предполагалось поселить около полумиллиона чистокровных немцев и фольксдойче (лиц немецкого происхождения из Польши и стран Прибалтики).

Однако одной переселенческой политикой нельзя было решить проблему *германизации восточных территорий*. Поскольку новых поселенцев и издавна живших на западных польских землях немцев не могло быть более 1,2 млн человек, то они все равно оставались бы меньшинством по отношению к оставшимся 8,5 млн поляков. Поэтому было принято решение начать процесс *онемечивания местного населения*, которое поделили на три категории, различающиеся правами, социальным статусом и уровнем жизни.

К высшей категории *имперских граждан* относились 1,724 млн немцев и фольксдойче. Они являлись полноправными гражданами.

Приблизительно такую же по численности группу составляли *граждане государства*, имевшие более ограниченные права. Они не могли быть чиновниками и должны были получать особое разрешение на заключение брака. Поскольку граждан государства сперва надо было приобщить к «немец-

кой жизни и культуре», то они находились под постоянным контролем полиции. Испытательный срок устанавливался в десять лет, но мог быть сокращен за особые заслуги, например за проявленное мужество на фронте.

Третья группа состояла всего из 83 тыс. человек. Они проходили испытательный срок для включения во вторую категорию. К 1944 г. имперскими гражданами было признано 3,485 млн человек. Остальные 6 млн жителей генерал-губернаторства считались *подзащитными поляками*, т. е. людьми «второго сорта».

Захваченная Польша подверглась жестокому ограблению. В 1942—1943 гг. из нее было вывезено 630 тыс. тонн зерна, 520 тыс. тонн картофеля, 28,6 тыс. тонн сахара, 55 тыс. тонн мяса и 7,5 тыс. тонн жиров. При этом за «эксплуатацию» страны отвечали несколько германских ведомств, что вело к постоянным трениям между ними. Кроме военно-экономического управления вермахта и администрации Франка, этим занимался и уполномоченный Г. Геринга — руководитель четырехлетнего экономического плана.

Огромное значение имела Польша как *источник рабочей силы*. Франк получил задание в течение 1940 г. отправить в рейх, в основном в сельское хозяйство, 1 млн польских рабочих. Вербовка была добровольной, но расчет делался на преднамеренное ухудшение условий жизни в Польше, чтобы заставить людей уезжать в Германию. Однако добровольно завербовалась только 81,4 тыс. человек, а потому нацистское руководство начало насильственно угонять поляков в Германию (к 1945 г. в рейхе находилось около 1 млн поляков). Кроме того, Германия уже использовала труд 480 тыс. военнопленных.

Блицкриг на Запад

После разгрома *Польши* А. Гитлер в очередной раз предложил западным державам признать новую ситуацию и сесть за стол переговоров. Еще 27 сентября 1939 г. он сообщил командованию вермахта о предстоящем в ближайшее время наступлении на Западе, а 9 октября, не дожидаясь ответа из Лондона и Парижа, приказал армии готовиться к удару по Франции. Вначале фюрер намеревался начать наступление 12 ноября. Но фельдмаршал В. Браухич, ссылаясь на плохие погодные условия и необходимость ремонта техники, убедил его в необ-

ходимости отложить наступление. В течение зимы Гитлер 14 раз переносил сроки начала наступления, но не хотел отказываться от решения разгромить западных противников.

Французы и англичане не сумели воспользоваться этой передышкой. Напротив, когда вспыхнула Советско-финляндская война (1939—1940), в Лондоне и Париже стали разрабатывать план посылки экспедиционного корпуса через Скандинавию в Финляндию. Этот план предусматривал захват норвежского порта Нарвик, через который Германия вывозила шведскую железную руду. Но в марте 1940 г. финны запросили перемирия и проблема помощи Финляндии (которой она и не просила) была снята.

Адмирал Э. Редер уже с осени 1939 г. убеждал Гитлера в необходимости оккупировать Норвегию, пока там не высадились англичане. Фюрер вначале противился, считая это распылением сил. Но затем и он пришел к выводу, что с севера может возникнуть серьезная опасность для правого фланга немецких войск. Утром 9 апреля 1940 г. немецкие части перешли границу *Дании* и высадили морской десант в Копенгагене, жители которого, идя на работу, с изумлением обнаружили на собственных улицах солдат в иностранной форме.

В отличие от маленькой и беззащитной *Дании*, *Норвегия* оказала немцам сопротивление, но во второй половине дня 9 апреля ее основные города и порты были захвачены германскими морскими десантниками. Однако путь на столицу стра-

Линкор «Дойчланд» («Лютцов») был сильно поврежден во время вторжения в Норвегию

ны Осло им преградил гарнизон старинной крепости Оскарсборг. Ее орудия потопили тяжелый крейсер «Блюхер», унесший на дно фиорда 1600 человек, в том числе весь состав будущей оккупационной администрации. Норвежская столица была занята на следующий день небольшим воздушным десантом. Ярый сторонник нацизма, норвежский майор В. Квислинг (его имя стало синонимом предателя) был назначен новым премьер-министром, хотя фактическая власть принадлежала немецкому рейхскомиссару Й. Тербовену, молодому, энергичному и крайне беспощадному человеку.

Операция «Везерюбунг» закончилась блестящим успехом, но немецкий флот понес значительные потери. Кроме «Блюхера», были потоплены еще два легких крейсера и 17 более мелких судов, многие корабли получили серьезные повреждения. В итоге у Германии в полной готовности осталось всего три крейсера.

10 мая 1940 г. (в тот день, когда новым британским премьер-министром стал У. Черчилль) немецкие армии, нарушив нейтралитет Бельгии и Нидерландов, начали западный блицкриг, оказавшийся еще более эффективным, чем Польская военная кампания. Главный удар наносился через считавшиеся труднопроходимыми лесистые Арденны. Впервые идею прохода через горы высказал начальник штаба группы армий «А» генерал Э. Манштейн. Гитлеру весьма импонировали дерзкие и нестандартные решения. Успех плана «Гельб» означал бы, что англо-французские войска, когда они устремятся к бельгийской границе, окажутся в западне. В этом случае уже не было необходимости в оккупации *Нидерландов*, но на ней настояло военно-воздушное командование, которому были нужны голландские аэродромы.

В численном отношении силы сторон были равны (136 немецких дивизий против 135 союзных), но германский план был

Эрих Манштейн (слева) и Адольф Гитлер

продуман превосходно. Хорошо скоординированные действия воздушных десантов и танковых колонн, варварская бомбардировка центра города Роттердам привели к капитуляции Нидерландов через пять дней после начала немецкого наступления.

Через две недели прекратила сопротивление *Бельгия*. Английский экспедиционный корпус был отброшен к морю и прижат к побережью близ города Дюнкерк. Ему грозил полный разгром, но вечером 24 мая пришел неожиданный приказ остановить танковые колонны. Скорее всего такой быстрый и неожиданный успех армии вызвал у Гитлера, не имевшего военного образования, чувство беспокойства. Он не мог поверить, что война фактически уже выиграна. Поэтому, стремясь сохранить танковые силы для дальнейших операций во Франции и поверив заверениям Г. Геринга, что его асы полностью уничтожат находящегося в котле противника, фюрер и отдал этот приказ. Но свою роль, вероятно, сыграли и политические расчеты. Гитлер все еще надеялся на мир с Великобританией и не хотел унижать ее достоинство бойней. Когда же немецкое наступление возобновилось, то 850 английских судов — от крейсеров до парусных шлюпок — безостановочно вывозили солдат с континента. Всего удалось эвакуировать 338 тыс. человек, хотя сами британцы считали, что спасется не более 50 тыс. военных. Британская армия потеряла все тяжелое вооружение, но спасены были войска, уже испытанные в сражениях.

После падения Дюнкерка немецкие танки устремились в глубь *Франции*, прорвали фронт на Сомме и начали широкое наступление от Рейна до Абвиля. Французы, потерявшие лучшие соединения и бронетанковые силы в Бельгии, могли противопоставить 143 окрыленным успехом немецким дивизиям только 65 соединений, да и то не лучших. Хотя отдельные части сражались с большим мужеством, но силы были слишком неравны. 14 июня немецкие войска без боя вошли в Париж и водрузили на Эйфелевой башне флаг со свастикой. Бежавшее в Бордо новое французское правительство, во главе которого стоял герой Первой мировой войны маршал А. Петен, 17 июня запросило перемирия. Гитлер ответил, что сначала должен посоветоваться с Б. Муссолини, так как 10 июня Италия вступила в войну. Но даже и теперь, при германской поддержке, более чем 30 итальянским дивизиям не удавалось справиться с шестью оборонявшимися французскими дивизи-

зиями, тылам которых к тому же уже угрожали спускавшиеся по долине Роны немецкие танки.

Вечером 24 июня 1940 г. в Компьенском лесу под Парижем, в том самом вагоне, в котором 11 ноября 1918 г. германские представители подписали перемирие, произошло как бы повторение этого исторического события. Только положение сторон изменилось.

По условиям перемирия неоккупированная южная часть Франции с центром в курортном городке Виши оставалась под номинальной властью французского правительства. Франция, по существу, оказалась разделенной пополам, что затрудняло формирование французского правительства в изгнании, которое могло бы руководить борьбой. Так Франция превратилась в вассала Германии, а Гитлер исполнил вековые мечты многих немецких поколений. Оставалось уничтожить британскую «опоясанную морем скалу».

Но высадка на *Британские острова* была сопряжена с огромными трудностями и риском. На мир с У. Черчиллем рассчитывать не приходилось, а повернуть на Восток, имея за спиной непокоренную Британию, было крайне опасно. Может быть, впервые Гитлер не знал, что следует предпринять.

Немецкое командование также считало переправу через Ла-Манш слишком трудной задачей. Адмирал Редер предлагал перерезать все линии снабжения Британских островов, захватив Гибралтар, Мальту и Суэц и установив полную блокаду в Северной Атлантике. Геринг хвастливо заверял, что его авиация способна поставить Англию на колени (чему, однако, противоречили расчеты, произведенные в 1939 г. в его собственном министерстве).

«*Битва за Англию*», или операция «Орел», началась 15 августа 1940 г. с крупнейшего воздушного сражения. По различным данным, немцы потеряли в этот день до 75 самолетов, англичане — 34. Впрочем, обе стороны всегда преувеличивали потери противника, но преуменьшали собственные. Воздушные налеты на Британские острова продолжались до мая 1941 г. 14 ноября 1940 г. был практически уничтожен город Ковентри, а Й. Геббельс по радио угрожал, что будут «ковентрированы» и другие индустриальные центры страны. Но неудавшаяся в конечном счете попытка покорить Великобританию с воздуха привела к свертыванию уже в октябре запланированного вторжения, а затем и к отмене операции «Морской лев».

Для Гитлера на первый план все более выдвигалась иная задача — завоевание России, чтобы, как заявил он своему окружению, выбить из рук Британии «континентальную шпагу» и принудить ее к заключению мира. Тем более что в марте 1941 г. Конгресс США законом о ленд-лизе предоставил своему президенту Ф. Рузвельту неограниченные полномочия оказывать поставками оружия, продовольствия и стратегических материалов помощь тем странам, которые сражаются против диктаторских режимов. Было ясно, что США полностью поддерживают Великобританию.

Но прежде чем обратиться на Восток, Гитлеру пришлось заняться балканской проблемой. В конце октября 1940 г. итальянские войска вторглись в *Грецию*. Неподготовленное наступление быстро захлебнулось. Небольшая и плохо вооруженная греческая армия не только отразила агрессию, но и отбросила итальянцев назад, в Албанию. Муссолини затеял греческую авантюру во многом потому, что к осени 1940 г. Гитлеру удалось установить тесное сотрудничество со стоявшим в Бухаресте у власти генералом И. Антонеску. Хотя *Румыния* входила в сферу интересов Италии, ее нефтяные месторождения имели для Германии такое значение, что немцы были вынуждены действовать за спиной союзника. Муссолини усмотрел в этом намерение рейха ущемить его интересы и решил вознаградить себя захватом Греции, также не предупредив Гитлера о начале операции. Его действия вызвали негодование фюрера.

Гитлер верно предполагал, что в Балканских странах поднимется волна солидарности с Грецией, а Англия получит прекрасный повод создать там себе опорную базу. Опасения Гитлера сразу подтвердились. Британцы заминировали греческие проливы и устроили военную базу на острове Крит. 4 марта 1941 г. в Греции высадились английские войска. Германия попыталась уладить итало-греческий конфликт, но одновременно готовила удар по Греции из *Болгарии*, только что присоединившейся к державам «оси Берлин — Рим».

Большое значение для Германии имела также *Югославия*, вначале державшаяся в стороне от конфликта. Но она претендовала на греческие Салоники, и Берлин был готов оказать поддержку, если Югославия заключит с Германией и Италией пакт о ненападении. Договор подписали 25 марта 1941 г., а через два дня в Белграде офицеры прозападной ориентации во главе с генералом Д. Симовичем совершили переворот. Они обратились за поддержкой к СССР, и 4 апреля между

двумя странами был заключен пакт о ненападении. Но спасти Югославию это уже не могло.

6 апреля 1941 г. началось итало-германское вторжение в Грецию и Югославию. Хотя Белград был объявлен открытым городом, немецкая авиация подвергла его сокрушительной бомбардировке, а через неукрепленную югославо-венгерскую границу в страну ворвались танковые колонны вермахта. 17 апреля югославская армия капитулировала, и победители — Германия, Италия, Венгрия и Болгария — поделили территорию страны. Формально независимой стала Хорватия, следовавшая в фарватере Третьего рейха. А в Сербии, которую Гитлер особенно ненавидел, считая ее «виновницей» Первой мировой войны, сразу же развернулось партизанское движение, которое так и не удалось подавить до самого конца войны.

Стратегическое положение Греции было лучше. В нее можно было вторгнуться только с севера через труднопроходимые горы. К тому же там находился 65-тысячный британский экспедиционный корпус, успевший изрядно потрепать итальянские войска в Северной Африке, а на море господствовал английский флот. Но греческая армия не имела ни танков, ни самолетов и уже понесла значительные потери в боях с итальянцами.

Решающее значение имело то обстоятельство, что вермахт теперь мог начать наступление с захваченной территории Южной Югославии и обойти греческую укрепленную линию Метаксаса, окружив ее защитников, капитулировавших после падения 9 апреля порта Салоники. Британскому корпусу, который прикрывали греческие войска, удалось эвакуироваться на Крит. Попытка немцев высадиться на остров с моря оказалась неудачной, и на Крит был выброшен мощный воздушный десант. Оккупировав греческий остров, Германия не стала развивать свой успех в Восточном Средиземноморье. Ее армии предстояло главное дело — *удар по России*.

Поход на Восток

Когда 31 июля 1940 г. А. Гитлер впервые обсуждал со своими генералами характер войны против СССР, он четко заявил, что ее целью должно быть «уничтожение жизненной силы России». В марте 1941 г. фюрер уточнил, что война на Востоке — это не обычный военный поход, а «борьба двух мировоззрений», когда недостаточно разгромить армию противника, а необходимо уничтожить элиту вражеской страны.

Поход на Восток начался без объявления войны на рассвете 22 июня 1941 г. В нем участвовало около 3 млн солдат. Армия насчитывала 153 дивизии, в том числе 19 танковых и 15 моторизованных. Союзники — Румыния, Финляндия, Венгрия и Словакия — выставили 600 тыс. человек. Позднее к ним присоединились три итальянские дивизии и испанская «Голубая дивизия». Германская армия имела 3648 танков и самоходных орудий, 2510 самолетов и 7146 орудий.

В момент нападения в западных советских военных округах находилось 2,9 млн солдат, 12,6 тыс. танков и самоходных орудий, 5,74 тыс. самолетов, 32,5 тыс. орудий и минометов. Но значительная часть советской военной техники была устаревших типов.

Нападение застало советское командование врасплох, поскольку И. В. Сталин не верил, что Германия решится напасть, имея в тылу непокоренную Англию. Красная армия находилась в стадии реорганизации после горького опыта войны с Финляндией. В недавно присоединенных Прибалтике, Бессарабии, областях Западной Украины и Белоруссии еще не было построено значительных укреплений. Но у советской стороны имелись и крупные преимущества: после мобилизации она могла выставить на фронт 9 млн солдат и обеспечить быстрый рост военной промышленности. Только за первую

половину 1941 г. было выпущено 1800 танков, 3950 самолетов, 15 600 орудий и минометов.

Первые часы войны принесли вермахту огромный успех. Прямо на аэродромах было уничтожено 2000 советских самолетов. За первую неделю войны в плен попало около полумиллиона красноармейцев. К исходу второй военной недели группа армий «Север» захватила Ригу и двинулась на Ленинград. Группа армий «Центр» взяла Минск и приближалась к Смоленску. Дивизии группы армий «Юг» неотвратно шли на Киев. Первоначальный успех настолько укрепил уверенность командования и самого Гитлера в близкой победе, что немецкая военная промышленность переключилась на производство вооружений для флота, чтобы подготовиться к грядущей войне с англо-американцами.

Однако *поздней осенью немецкое наступление на Востоке захлебнулось.* В начале декабря под Москвой, которую уже можно было рассмотреть в бинокль, последовал мощный *контрудар советских войск.* Уставший от пятимесячных непрерывных боев, замерзающий без теплого обмундирования вермахт перешел к обороне по всему Восточному фронту. Немецкий стратегический план «Барбаросса» провалился.

11 декабря 1941 г., через несколько дней после внезапного нападения японцев на Пёрл-Харбор — главную военно-морскую базу США на Гавайских островах, Гитлер *объявил США войну.* В этом не было никакой необходимости, но таким ша-

гом фюрер надеялся прочнее привязать к себе Японию и не позволить ей заключить перемирие с американцами. Тем более что в первой половине 1942 г. у немцев возросли надежды на близкую победу. Германские войска в Украине, казалось, неудержимо шли вперед, а японцы тем временем взяли Сингапур. Летом 1942 г. вермахт достиг предгорий Кавказа и берегов Волги, а безостановочно гнавший англичан Африканский корпус фельдмаршала Э. Роммеля приближался к египетской Александрии, угрожая оккупировать зону Суэцкого канала. В Атлантическом океане сотни

Адольф Гитлер (слева)
и Эрвин Роммель

британских и американских судов шли ко дну, пораженные торпедами немецких подводных лодок. В эти дни Третий рейх достиг вершины своего могущества.

Но в октябре 1942 г. британские войска под командованием генерала Б. Монтгомери остановили наступление корпуса Роммеля и стали теснить немцев на запад. А затем разразилась *катастрофа на Волге.* 19—20 ноября севернее и южнее Сталинграда началось советское контрнаступление. Нанеся первый удар по слабым румынским дивизиям, советские войска окружили 6-ю армию генерала Ф. Паулюса, одну из лучших в вермахте. Выполняя бессмысленный приказ Гитлера, солдаты Паулюса сражались до февраля 1943 г., а затем остатки армии сдались в плен. Красная армия освободила Ростов-на-Дону, Курск и Харьков. В мае в Тунисе капитулировал корпус Роммеля. 10 июля союзники высадились в *Италии,* а через две недели в стране произошел переворот и власть Муссолини пала. Одновременно на Восточном фронте провалилась последняя попытка Германии взять стратегическую инициативу в свои руки. В грандиозных *танковых сражениях под Курском* 5—13 июля 1943 г. были уничтожены отборные немецкие части.

К этому времени в небе над Германией уже господствовали союзники. За неделю непрерывных налетов (25 июля — 3 августа) англо-американская авиация практически полностью

Руины Сталинграда

разрушила Гамбург с его портом и верфями. Под бомбами погибли 40 тыс. жителей, 1 млн человек в панике бежали из пылающего города.

6 июня 1944 г. союзные войска высадились в Нормандии. 30 июля их танковые соединения прорвали немецкий фронт и устремились к *Парижу*. 25 августа столица Франции была освобождена.

Начатое 22 июня 1944 г. генеральное наступление Красной армии привело к освобождению всей территории Белоруссии и выходу советских войск к границам *Восточной Пруссии*. Война возвращалась туда, откуда она началась. Разгромив 50 дивизий, Красная армия освободила и польские земли восточнее Вислы.

23 августа из войны вышла *Румыния*, новое правительство которой объявило Германии войну. Осенью за ней последовали *Финляндия* и *Болгария*. В октябре диктатор *Венгрии* М. Хорти попытался заключить с СССР перемирие. Но части СС заняли центр Будапешта и арестовали последнего союзника Гитлера, решившего выйти из войны. Новым премьером Венгрии стал лидер фашистской партии «Скрещенные стрелы» Ф. Салаши, и страна продолжила уже бессмысленное сопротивление советским войскам.

Последнюю попытку переломить ход войны Германия предприняла в декабре 1944 г., нанеся в Арденнах неожиданный контрудар силами трех армий. Первый этап наступления был поразительно успешным: немцы прорвали фронт на протяжении 100 километров и продвинулись вперед на 110 километров. Это поставило англо-американцев в такое тяжелое положение, что У. Черчилль 6 января 1945 г. попросил Сталина о скорейшем наступлении на Берлин. Германское командование было вынуждено перебросить на Восток главную ударную силу с арденнского фронта — 6-ю танковую армию СС. В этих боях Германия израсходовала последние резервы, а Красная армия в самом конце января вышла к Одеру и оказалась в 60 километрах от *Берлина*.

«Новый порядок» в Европе

Система, созданная нацистами в захваченных ими странах, получила название «*новый порядок*». Это была управляемая Германией Европа, ресурсы которой ставились на службу рейху и народы которой были поработены «арийской расой гос-

под». «Нежелательные элементы», прежде всего евреи и славяне, подлежали уничтожению или выселению из европейских стран.

Оккупированная Европа подверглась сплошному разграблению. Порабощенные государства выплатили Германии в виде контрибуции 104 млрд марок. Только из Франции за годы оккупации было вывезено 75% урожая риса, 74% выплавленной стали, 80% добытой нефти.

Гораздо труднее было «хозяйствовать» оккупантам на разоренных войной советских территориях. Но и оттуда в 1943 г. в Германию было вывезено 9 млн тонн зерна, 3 млн тонн картофеля, 662 тыс. тонн мяса, 12 млн свиней, 13 млн овец. Общая стоимость награбленного в России, по подсчетам самих немцев, составила 4 млрд марок. Понятно, почему население Германии вплоть до 1945 г. не испытывало таких материальных лишений, как в годы Первой мировой войны.

Когда Германия уже захватила почти весь европейский континент, еще не было определено, как будет устроена нацистская империя. Ясно было только то, что центром должен стать сам Германский рейх, куда непосредственно включались Австрия, Богемия и Моравия, Эльзас-Лотарингия, Люксембург, населенная фламандцами часть Бельгии, «возвращенные» польские земли вместе с Силезией. Из протектората Богемия и Моравия половину чехов предполагалось выселить на Урал, а другую половину признать годной для онемечивания. Норвегия, Дания, Нидерланды и населенная валлонами часть Бельгии должны были

«раствориться» в новом Германском рейхе, причем оставалось неясным, станут ли они имперскими областями (гау) или сохранят остатки государственной независимости. Францию, к населению которой Гитлер питал большое недоверие, предполагалось превратить в колонию Германии. К будущей империи должны были быть присоединены также Швеция и Швейцария, поскольку они «не имели права» на независимое существование. Балканы фюрера особо не интересовали, но в его будущую империю должен был войти Крым (под названием Готенланд), заселенный выходцами из Южного Тироля. Картину новой великой империи дополняли союзники и сателлиты Третьего рейха, находившиеся от него в разной степени зависимости, начиная от Италии с ее собственной империей и заканчивая марионеточными государствами Словакия и Хорватия.

Жизнь людей в оккупированной Западной Европе была тяжелой. Но она не шла ни в какое сравнение с тем, что выпало на долю жителей Польши, Югославии, Советского Союза. На Востоке действовал генеральный план «Ост», возникший, вероятно, на рубеже 1941—1942 гг. Это был план *колонизации Восточной Европы*, где проживало 45 млн человек. Примерно 30 млн человек, объявленных «нежелательными по расовым показателям» (85% — из Польши, 75% — из Белоруссии, 64% — из Западной Украины) подлежали переселению в Западную Сибирь. Проект предполагалось реализовать в течение 25—30 лет. Территория будущих немецких поселе-

Советских людей угоняют в Германию

ний должна была занять 700 тыс. квадратных километров (в то время как в 1938 г. вся площадь рейха составляла 583 тыс. квадратных километров). Главными направлениями колонизации считались северное: Восточная Пруссия — Прибалтика и южное: Краков — Львов — Причерноморье.

Немецкое Сопротивление

История движения Сопротивления в Германии — это история обреченных на крах попыток положить конец нацистскому безумию, *спасти родину от полной катастрофы*. В отличие от оккупированных стран в Германии участники движения Сопротивления оказались по другую сторону баррикад от большинства населения страны. Тот, кто пытался сопротивляться популярнейшему в массах диктатору, оказывался как бы вне нации. Участники немецкого Сопротивления, при всем разнообразии его социального состава и форм борьбы, доказали, что даже в условиях варварской жестокости можно сохранить человеческое достоинство.

Самыми решительными противниками нацистского режима с самого начала являлись члены запрещенных рабочих партий и организаций. Именно поэтому их постоянно преследовали. Рабочие организации Сопротивления оставались разобщенными, так как в условиях системы всеобъемлющего контроля, слежки и доносов создать единую разветвленную подпольную сеть практически было невозможно.

Коммунистическая партия Германии (КПГ) и после своего запрета пыталась сохранить централизованную структуру. В этот период тактика коммунистов проистекала из уверенности в то, что недолговечная нацистская диктатура сменится властью компартии. Такая позиция была изменена только в 1935 г. на VII конгрессе Коминтерна, но к этому времени уже не было почти никакой связи между эмигрировавшим руководством КПГ и нелегальными группами внутри рейха, которые действовали на свой страх и риск.

Встреча членов нелегального молодежного объединения «Бюнднише югенд» (1941 г.)

Горькой неожиданностью для немецких коммунистов явилось заключение советско-германского пакта, после чего 500 эмигрантов были выданы Германии. После сталинских лагерей им довелось испытать и ужас нацистских концлагерей. Лишь со второй половины 1941 г. деятельность коммунистического Сопротивления заметно оживилась. Активно действовали группа В. Кнёхеля в Руре, Г. Шумана в Лейпциге, А. Зефкова в Берлине. Но к 1944 г. почти все эти организации были разгромлены гестапо, а большинство подпольщиков казнено.

Руководство Социал-демократической партии Германии (СДПГ) слишком долго питало иллюзии, что и при нацистах сможет сохранить партию, проводя сдержанную и осторожную политику лояльной оппозиции. Эта фатальная ошибка привела фактически к расколу партии. В Праге была создана новая организация, которая 18 июня 1933 г., т. е. еще до запрета СДПГ, призвала немецких рабочих на борьбу против нацизма и за «преобразование капиталистической экономики в социалистическую». Загнанные в подполье, социал-демократы быстро поняли, что сохранение массовой организации приведет к ее разгрому. Поэтому они избрали выжидательную тактику с целью сохранить людей для будущего возрождения Германии после краха нацистского режима. Но были и активные *социал-демократические группы* Сопротивления (в них принимали участие и коммунисты), насчитывавшие в 1935 г. около 1000 членов: «Социалистический фронт» в Ганновере, «Красная штурмовая группа» в Берлине и др. Однако все они к 1944 г. были разгромлены гестапо.

Позднее всего возникло движение Сопротивления *в консервативно-аристократических кругах и офицерском корпусе*. Оппозиционно настроенные видные чиновники и военные сплотились вокруг бывшего лейпцигского обер-бургомистра К. Гёрделера, дипломата У. Хасселя и бывшего командующего сухопутными войсками Л. Бека (еще в 1938 г. в случае войны с Чехословакией он готовил военный переворот). К этой

группе примыкали и *участники христианско-социального кружка «Крейзау»* во главе с представителями старых аристократических родов Х. Мольтке и П. Вартенбургом. Так как они в основном ориентировались на традиции бисмарковского государства, а не Веймарской республики, то для западных держав были не очень подходящими партнерами. Но, отказав оппозиционерам-консерваторам в поддержке, союзники совершили ошибку, ибо это была единственная в Германии группа, которая могла бы совершить переворот. К тому же в тех конкретных условиях решающее значение имела не политическая программа оппозиции, а ее готовность выступить против режима, если не по политическим, то по моральным соображениям.

20 июля 1944 г. в восточнопрусской ставке Гитлера «Вольфшпанце» взорвалась бомба, подложенная полковником К. Штауффенбергом. Однако покушение на Гитлера не удалось, фюрер отделался легкими ранениями. Заговорщики не сумели захватить ключевые позиции в аппарате власти, прежде чем в Берлин пришло известие о том, что Гитлер остался жив. Переворот провалился, а расправа над его участниками имела крайне жестокий характер. Были казнены не только 158 заговорщиков, но и многие их родственники, ничего не ведавшие о заговоре. В свое время прусские консерваторы помогли Гитлеру достичь власти. А теперь выходцы из Пруссии возглавили борьбу против него и попытались исправить роковую ошибку, сделанную в 1933 г. их предшественниками.

В Германии существовали и *молодежные группы* Сопротивления, наиболее известной из которых являлась «Белая роза» в Мюнхене и Гамбурге. Возмущение ее участников преступлениями режима переросло в политическое сопротивление. В начале 1943 г. при распространении листовок были схвачены мюнхенские студенты Х. и С. Шолль. Группа была раскрыта, и позднее все ее участники были казнены.

В условиях тоталитарной диктатуры немецкое Сопротивление *Софи Шолль*

не имело шансов на успех. Но оно показало, что даже в самое мрачное время немецкой истории была и другая Германия.

Тотальная война

18 февраля 1943 г. Й. Геббельс выступил с большой речью, в которой попытался подогреть фанатизм немцев с целью преодолеть упадок духа населения после катастрофы вермахта на Волге. Именно тогда прозвучал его полуистерический призыв к *тотальной войне*, встреченный бурной овацией собравшихся.

Но и в следующем году положение не улучшилось. С востока фронт неумолимо приближался к границам рейха, росли людские потери вермахта. Усилились бомбардировки немецких городов, в которых было полностью разрушено около 1,2 млн квартир. В большинстве городов не работали водоснабжение и канализация, постоянно прерывалась подача газа и электричества. К маю 1944 г. в восточные и южные районы страны было эвакуировано 15 млн жителей, причем

работавшие были оставлены на старых местах, а члены их семей — эвакуированы. С 1944 г. значительно возрос приток в рейх этнических немцев из восточноевропейских стран, число беженцев приближалось к 1 млн человек. Среди населения рос страх перед приходом вражеских армий.

Тотальная война потребовала и *тотальной мобилизации*, которая началась с назначения Геббельса генеральным уполномоченным по тотальной войне. С 25 июля 1944 г. он получил неограниченное право привлекать людей и средства для вермахта и нужд военной промышленности. Энергично приступив к делу, Геббельс немедленно закрыл все театры, кабаре, варьете, большинство цирков, музыкальные и художественные учебные заведения, многие издательства. Из 2200 кинотеатров осталось только 630. В любом городе, кроме Берлина и Мюнхена, разрешалось издавать лишь одну газету. Резко сокращается аппарат органов управления. К ноябрю 1944 г. на военные предприятия и на фронт было направлено 33 тыс. бывших чиновников. Закрылось множество магазинов, мастерских, мелких предприятий. Кафе, рестораны, пивные сократили часы работы. Женщины пришли не толь-

На развалинах (Берлин, май 1945 г.)

Берлин после бомбежек (1945 г.)

ко в военную промышленность, но и в ряды вермахта. Более 300 тыс. молодых женщин заняли рабочие места в военно-медицинских и штабных учреждениях, в войсках связи и противовоздушной обороны, в прожекторных частях авиации.

Но людей по-прежнему не хватало. С сентября по октябрь 1944 г. вермахт в общей сложности потерял 1189 тыс. человек, а прибыло на фронт всего 289 тыс. мобилизованных. Актом отчаяния стало формирование *фольксштурма* (народного ополчения), в который призывались все способные носить оружие мужчины в возрасте от 16 до 60 лет. В восточных областях все мужское население, от подростков до стариков, по 12—16 часов в день работало на строительстве Восточного вала.

Экономика рейха начала трещать по всем швам, особенно после потери Силезии. К началу 1945 г. на производивших горючее заводах «Лейна» в результате вражеских бомбардировок оказалось разрушено 1000 из 1300 сооружений — и на многих участках фронта танки и самолеты застыли в ожидании топлива. Повсюду были сильно повреждены железнодорожные пути и станции. Но, имея значительные запасы сырья и полуфабрикатов, Германии еще удавалось сохранять выпуск вооружений на высоком уровне.

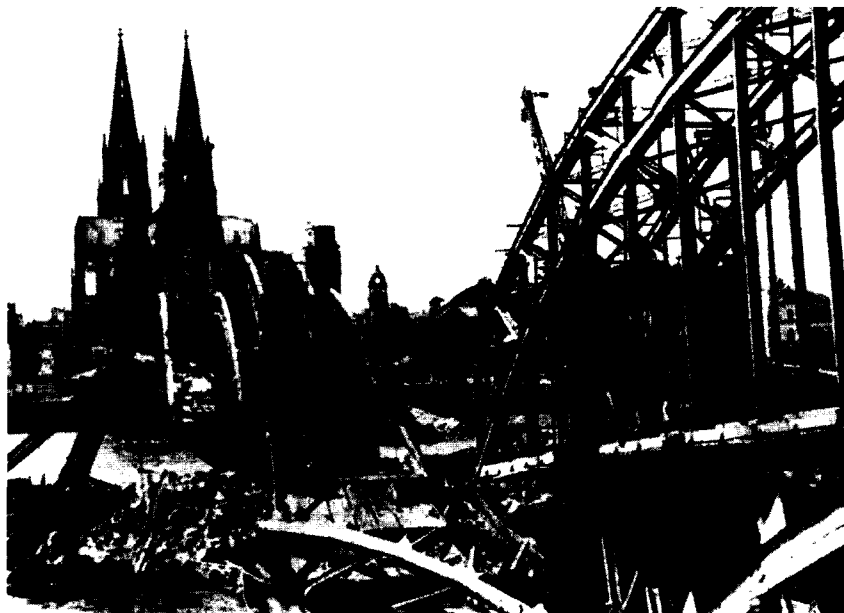
К весне 1945 г. впервые с начала войны стало не хватать продовольствия, и в марте нормы выдачи продуктов по карточкам были значительно снижены. На черном рынке цены на продовольствие подскочили в сотни раз. Уже в начале весны 1945 г. служба безопасности докладывала, что «недоверие к руководству растет лавинообразно».

Немецкие женщины на службе в вермахте

Конец Третьего рейха

Фюрер продолжал войну, невзирая на то, что она может привести к полному уничтожению Германии. По его безумной логике, если немецкий народ оказался не в состоянии одержать победу, то он является настолько слабым, что заслуживает гибели. В то время как ракеты «Фау-1» и «Фау-2» все еще обрушивались на английские и бельгийские города, в то время как Красная армия громила обескровленные немецкие дивизии и стояла уже на Одере, А. Гитлер и его окружение, усиливая репрессии, начали войну против собственного народа под лозунгом: «Мы оставим американцам, англичанам и русским только пустыню».

19 марта 1945 г. Гитлер издал приказ «Нерон», предписывающий до основания «разрушить все военные объекты, вывести из строя системы транспорта, связи и бытового обслуживания, а также уничтожить все материальные ценности на территории рейха». Это был смертный приговор немецкому народу. Однако министру вооружений, рационалисту и технократу А. Шпееру, хотя и с трудом, но удалось отгово-

Собор возвышается над руинами (Кельн, 1945 г.)

рить ряд гауляйтеров, городских бургомистров и некоторых генералов вермахта от выполнения этого приказа.

Повсюду свирепствовали военно-полевые суды со специальными командами, немедленно приводившими в исполнение смертные приговоры, в тюрьмах спешно производились массовые расстрелы, на дорогах лежали тысячи трупов узников концлагерей.

Нацистские бонзы пытались спасти собственную жизнь. В апреле Г. Гиммлер начал тайные переговоры с союзниками, выражая готовность немедленно капитулировать на Западном фронте и продолжить сопротивление на Восточном. Когда об этом стало известно фюреру, он приказал найти и арестовать «верного Генриха», исключенного из партии и лишеного всех постов. Еще раньше подобная участь постигла и бежавшего из Берлина Г. Геринга.

Гитлера, который укрылся в бункере под зданием рейхсканцелярии, уже не интересовала судьба Германии и ее народа. Он требовал от подчиненных одного — сражаться до последнего патрона. 28 апреля фюрер приказал открыть шлюзы, отделявшие тоннели берлинского метро от канала Ландвер, чтобы не дать пройти по ним советским солдатам. В неожиданном хлынувшем в тоннели потоке воды погибли тысячи раненых, детей, женщин и стариков, укрывавшихся там от бомб и снарядов.

Театрально-зловещим был последний поступок Гитлера, заключившего ночью 29 апреля брак со своей любимой женщиной Евой Браун. Через 36 часов новобрачные покончили

с собой. Вслед за фюрером ушел из жизни Й. Геббельс, вместе с женой и шестью маленькими детьми. Конец Третьего рейха напоминал сцену из вагнеровской оперы «Гибель богов» — апокалипсис свершался в грохоте взрывов и огненном зареве пожарниц.

2 мая 1945 г. капитулировал ожесточенно сражавшийся берлинский гарнизон. 7 мая в американской главной штабквартире во французском Реймсе была принята о б щ а я к а п и т у л я ц и я Г е р м а н и и. В ночь с 8 на 9 мая, по желанию И. В. Сталина, в берлинском районе Карлсхорст состоялась повторная процедура подписания акта о полной и безоговорочной капитуляции Германии. Вторая мировая война, унесшая жизни по меньшей мере 70 млн людей, окончилась.

Генерал-фельдмаршал Вильгельм Кейтель (справа) подписывает акт о капитуляции Германии (Берлин, 8 мая 1945 г.)

ХОЛОКОСТ¹ (1933—1945)

Апрельские и Нюрнбергские законы

Уже на следующий день после успешных для нацистов выборов в рейхстаг, 6 марта 1933 г., сначала в Берлине, а затем в Бреслау, Хемнице, Гёрлице и других восточногерманских городах начались преследования евреев. Штурмовики грабили магазины, врываются в юридические конторы и врачебные кабинеты. И это не были только уличные бесчинства. Союз национал-социалистических немецких юристов во главе с Х. Франком потребовал удалить евреев из системы правосудия. Вслед за этим в Баварии, Гессене и Вюртемберге были уволены все судьи, а затем и государственные врачи — евреи. В Мюнхене врачам-евреям было разрешено лечить только своих соплеменников.

Этот первый антисемитский натиск был в основном вызван тем, что рядовые члены национал-социалистической партии требовали улучшения своего положения за счет более зажиточного, по их мнению, еврейского населения и выполнения антисемитских пунктов партийной программы 1920 г. Поскольку обычными штурмовиками являлись большей частью безработные молодые крепкие парни из семей мелкой буржуазии, то они боялись понижения своего социального статуса и считали евреев виновниками своих жизненных неудач. Теперь они ожидали от рейхсканцлера только сигнала, чтобы силой взять то, в чем им отказывала до сих пор судьба.

Но для А. Гитлера этот разгул антисемитизма среди членов партии оказался совершенно некстати. Облик нового режима с его повседневным террором и без того выглядел, осо-

¹ От греч. *holocaust* — всежжение, обращение в прах.

бенно для заграницы, не слишком привлекательно. Антисемитские выходки могли вызвать недоверие промышленников и финансистов к нацистскому правительству. Поэтому встревоженный Гитлер попытался воздействовать на местных руководителей штурмовых отрядов и партийных организаций. 12 марта 1933 г. он обратился к штурмовикам с призывом прекратить все акции с целью «дать всему народу и хозяйству чувство полной безопасности». Обращение фюрера не подействовало. И через две недели Гитлер дает указание министру внутренних дел подготовить ряд законов, направленных на установление контроля за антисемитскими акциями.

Кроме того, руководство партии распорядилось провести 1—3 апреля 1933 г. общенациональный бойкот «еврейских магазинов, товаров, врачей и адвокатов». Для его организации был создан комитет под руководством гауляйтера Франконии антисемита Ю. Штрейхера. В комитет вошли ведущие функционеры партии, не занимавшие, однако, постов в государстве (таким образом, государство оставалось в стороне от бойкота). Практически не поддержанные населением акции свелись к тому, что посты из штурмовиков и эсэсовцев не пропускали клиентов в бойкотируемые магазины, адвокатские конторы и врачебные кабинеты.

В начале апреля 1933 г. антисемитизм получил правовую основу — были приняты так называемые *Апрельские законы*. Согласно закону от 7 апреля о профессиональном чиновничестве все чиновники отныне должны были иметь чисто арийское происхождение (так называемый арийский параграф). По закону от 11 апреля евреям запрещалось занимать посты судей, прокуроров и адвокатов, а по закону от 22 апреля лечение у врачей «неарийского происхождения» больше не оплачивалось больничными кассами. Закон от 25 апреля устанавливал

Штурмовики наблюдают за соблюдением бойкота магазинов, принадлежащих евреям

пятипроцентную «еврейскую квоту» учеников и студентов, причем по всей Германии эта квота не должна была превышать 1,5%.

«Арийский параграф» во всех Апрельских законах имел исключения, вызванные вмешательством президента Германии **П. Гинденбурга**, к которому обратился Центральный союз евреев Германии. 4 апреля в письме к рейхсканцлеру президент выразил недовольство тем, что антисемитские меры затрагивают фронтовиков: «Если они были достойны сражаться и проливать кровь за Германию, то должны быть достойны служить отечеству в своих профессиях». Ответ Гитлера был сформулирован необычайно искусно. Он соглашался с Гинденбургом по существу дела, но оправдывал свою политику ссылкой на прусскую государственную службу, которая достигла совершенства не в последнюю очередь потому, что к ней не допускались евреи. Их сверхпредставительство в отдельных профессиях ведет к тому, что многие образованные «арийские» специалисты, в том числе и фронтовики, не могут найти себе работу. Но протест президента все же возымел действие. На своих местах остались 60% адвокатов и 50% судей и прокуроров, а также 75% врачей, признанных ветеранами войны.

Впрочем, многие формулировки законов, сделанные наспех, требовали постоянной доработки. Так, первое уточнение к закону о чиновничестве последовало уже через четыре дня после его принятия и толковало понятие «неарийское происхождение»: «Неарийцем является тот, кто происходит от неарийских, в особенности от еврейских, родителей или бабушек и дедушек. Достаточно, чтобы кто-нибудь из них являлся неарийцем. Особенно следует принимать это во внимание в том случае, если кто-либо из них исповедует иудейскую религию».

Кандидаты в чиновники должны были предъявлять доказательства арийского происхождения своих родственников — до дедушек и бабушек включительно. Крестьяне, владеющие наследственными дворами, должны были доказывать чистоту своей родословной с 1800 г., а все желающие поступить на службу в СС — с 1750 г.

Апрельские законы не затрагивали сферу экономики, но и здесь позиции евреев неуклонно ослаблялись. За «апрельскими запретами» последовали аналогичные ограничения для налоговых советников, стоматологов, фармацевтов, журналистов и т. д. С июля 1935 г. евреям было отказано в праве служить

в армии, что рассматривалось всеми, в том числе и самими евреями, как оскорбление чести и достоинства человека.

В начале сентября 1935 г. в Нюрнберге проходил седьмой съезд Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Кульминацией этого помпезного зрелища стало заседание приглашенного туда состава рейхстага. Депутаты рейхстага утвердили новый имперский флаг со свастикой и законы об имперском гражданстве и браке. Эти печально известные *Нюрнбергские законы* были приняты при ставшем уже привычным единодушном одобрении.

В речи на съезде Гитлер подчеркивал, что новые законы ставят отношения между арийцами и неарийцами на правовую основу. А это должно исключить возникновение спонтанных антисемитских эксцессов.

Подготовка к принятию Нюрнбергских законов велась исподволь. Так, с мая 1935 г. военнослужащим запрещалось вступать в брак с неарийками, иначе следовало разжалование. Тогда же министр **Я. Шахт** обратился к Гитлеру с предложением принять особые постановления в отношении евреев, чтобы положить конец неконтролируемым антисемитским выходкам, которые влекли за собой экономический бойкот Германии со стороны западных государств.

Закон «О гражданстве и браке» вводил различия между имперскими гражданами и подданными государства. К *имперским гражданам* относились чистокровные немцы или люди родственной крови, доказавшие «желание и готовность верно служить немецкому народу и рейху». Они и только они обладали полными правами. *Подданные государства* лишь находились «под защитой Германского рейха». Евреи же рассматривались как люди «чуждой крови» (а это распространялось уже и на бывших фронтовиков). Закон был сформулирован очень кратко, но было ясно, что еврей не может быть признан имперским гражданином. Примечательной чертой закона был сознательный отказ от принципа равенства, поскольку он базировался «на естественном неравенстве и разнообразии людей».

Закон «О защите немецкой крови и чести» запрещал браки и «внебрачные отношения» между арийцами и евреями. Немкам моложе 45 лет не разрешалось служить в качестве обслуживающего персонала в еврейских семьях. Нарушение этого закона квалифицировалось как «осквернение крови» и наказывалось сначала только тюремным заключением,

а позднее — каторжными работами или превентивным арестом и отправкой в концлагерь. Число осужденных за «осквернение крови» неуклонно росло, и к 1940 г. было «наказано» уже 1911 человек.

«Хрустальная ночь»

Нацистская политика в отношении евреев, определявшаяся множеством отдельных указов, распоряжений, законов, вела в конечном счете к невозможности нормального проживания евреев в Германии. Но до 1937 г. нацисты, заинтересованные в скорейшем подъеме экономики, не затрагивали эту сферу антисемитскими эксцессами. Хотя уже с 1933 г. евреи были удалены из наблюдательных советов многих крупных фирм, их принуждали к продаже своих предприятий (нередко по бросовым ценам). Экономика стала разделяться на «арийскую» и «еврейскую», причем началась ее постепенная «ариизация». Этому способствовали структурные изменения самого хозяйства, которое все больше оказывалось во власти многочисленных государственно-бюрократических инстанций, распределявших валюту, сырье, заказы, рабочую силу и энергию. Понятно, что предприниматели из евреев не могли рассчитывать на благосклонность властей.

Если в начале 1933 г. в Германии евреям принадлежало около 100 тыс. предприятий, то к концу 1938 г. 60% из них или перестали существовать, или были проданы новым, «арийским» хозяевам. К этому времени из рейха эмигрировала треть евреев (около 150 тыс. человек). Процесс «ариизации» экономики коснулся и занятости населения. В 1938 г. 60 тыс. евреев не имели работы, в то время как среди немцев безработицы практически не было.

Катастрофическим было положение евреев, занятых в мелкой торговле. Из 50 тыс. их магазинов к лету 1938 г. осталось 9000, причем 3637 находились в Берлине, где проживала самая крупная еврейская община.

Солидные фирмы и банки с прочными заграничными связями имели больше возможностей для выживания. Их ликвидация грозила общим ухудшением экономического положения, а их «онемечивание» требовало значительных средств. Кроме того, возможные покупатели нередко предпочитали выжидать, пока в условиях дискриминации и притеснений хозяев-евреев цены на эти предприятия и фирмы упадут.

С осени 1937 г. явно усилилась тенденция к вытеснению евреев из экономики. У А. Гитлера появилась идея создать «еврейский гарантийный союз», т. е. ввести принцип коллективной ответственности еврейских банкиров и предпринимателей, и обложить евреев особыми налогами. Но от принятия такого закона фюрера отговорил Г. Геринг, опасавшийся, что такая мера нанесет ущерб сырьевой и валютной безопасности страны. Но позже Гитлер вернулся к этой идее. По его убеждению, Германия не сможет достаточно подготовиться к планируемой большой войне, пока важные экономические посты будут занимать евреи. Не случайно он заявил, что «еврейский вопрос» является «мировым вопросом, который так или иначе придется решать».

Вытеснение евреев из сферы экономики резко усилилось после присоединения Австрии. Если в начале 1938 г. было «ариизировано» 120 предприятий, то затем процесс значительно ускорился: 60 предприятий — в июле, 75 — в августе, 235 — в сентябре и т. д. Геринг настаивал на том, что «ариизацию» промышленности следует целиком передать в руки государства.

7 ноября 1938 г. в Париже 17-летний польский юноша Г. Гриншпан смертельно ранил третьего секретаря немецкого посольства Э. Рата, по иронии судьбы не одобрявшего антисемитскую политику и находившегося под наблюдением гестапо. Покушение стало желанным поводом для крупнейшего со времен средневековья погрома, получившего название «хрустальная ночь» из-за миллионов осколков витринного стекла, усеявших улицы немецких городов. В ночь с 9 на 10 ноября по всей Германии одновременно запылали многие синагоги, дома и магазины евреев. Руководившие якобы стихийными выступлениями возмущенных убийством Рата немцев Р. Гейдрих и шеф гестапо Г. Мюллер приказали своим подчиненным вмешиваться только в том случае, если возникнет опасность жизни и имуществу немцев, и не препятствовать антисемитским демонстрациям. Предписывалось арестовать столько евреев, сколько их поместится в местных тюрьмах, а затем обеспечить быструю отправку арестованных в ближайший концлагерь.

В итоге страшного погрома было полностью или частично сожжено 186 синагог, разгромлено и разграблено 7500 магазинов, ущерб только от одних разбитых магазинных витрин составил 5—6 млн марок. Несколько сот человек получили

различные ранения. Точно неизвестно, сколько евреев погибло в ту ночь (по донесениям полиции — 36 человек, по другим свидетельствам — более 100). Но в концлагеря было отправлено около 3 0 тыс. евреев.

Страшным цинизмом было то, что евреям предложили самим платить за отобранную у них собственность: государство конфисковало выплаченные им страховыми компаниями суммы. К тому же на евреев, «спровоцировавших народ на беспорядки», был наложен штраф в 1 млрд марок.

«Хрустальная ночь» стала переломной в том смысле, что если прежние антисемитские погромы устраивали бандиты в нацистских коричневых рубашках, то теперь само государство вступило на страшный и преступный путь, возврата с которого уже не было.

На совещании у Геринга, когда было принято решение отобрать у евреев всю собственность, Гейдрих заявил, что теперь «нашей основной задачей остается вышибить их из Германии вообще».

Исход — решение «еврейского вопроса»

По статистическим данным, с 30 января 1933 г. по 1 сентября 1939 г. Германию покинуло около 240 тыс. евреев иудейского вероисповедания. Число тех эмигрантов, кто не принадлежал к этой вере, но по Нюрнбергским законам считался евреем, — неизвестно. К концу октября 1941 г., когда выезд евреев был полностью запрещен, в Германии оставались еще около 163 тыс. евреев. К этому времени 155 тыс. немецких, австрийских и чешских евреев сумели эмигрировать в США, 70 тыс. — в Палестину, 130 тыс. — в другие страны, 100 тыс. — в те государства, которые вскоре были захвачены нацистской Германией.

Изгнанием евреев занималось созданное в начале 1939 г. в Берлине *Имперское ведомство по еврейскому переселению*. Его возглавил сначала Р. Гейдрих, а позднее непосредственной работой ведомства руководил оберштурмбаннфюрер СС А. Эйхман (после войны он сумел скрыться, но был найден в Аргентине израильскими спецслужбами и в 1962 г. казнен в Иерусалиме).

Чтобы заставить евреев «добровольно» покидать Германию, в 1939 г. было создано *Имперское объединение евреев в Германии*, в которое должны были в обязательном порядке входить

все евреи независимо от их вероисповедания. Объединение находилось под полным контролем СС. А поскольку СС не была государственной организацией, то не была и связана никакими государственными постановлениями и могла действовать исключительно по усмотрению своего шефа Г. Гиммлера.

В сентябре 1939 г. нацистский аппарат террора и преследований был реорганизован. Новое *Главное имперское управление безопасности* объединило под одной крышей криминальную полицию, тайную государственную полицию (гестапо) и службу безопасности (СД). Это дало возможность вывести из сферы компетенции Министерства внутренних дел всю антисемитскую политику и радикализовать ее проведение.

После захвата Польши проблему евреев нацисты решают иначе. В Польше проживали 3,5 млн евреев, больше, чем в любой другой европейской стране, за исключением СССР. С самого начала было ясно, что здесь «еврейский вопрос» невозможно решить с помощью прежней тактики переселения. Но теперь его надо было решать в условиях войны. И вопрос решали в три этапа.

На первом этапе — в период от нападения на Польшу до капитуляции Франции — для переселения евреев использовалась территория восточного генерал-губернаторства. Террор

зондеркоманд СС, следовавших за частями вермахта, заставил 60 тыс. польских евреев в страхе бежать к восточной границе. Нередко их насильно выслали за демаркационную линию с СССР. К июню 1941 г. около 300 тыс. евреев покинули занятые немцами территории. С точки зрения нацистских чиновников, это было наиболее рационально, поскольку не приходилось тратить даже на транспорт. В это же время все чаще стали прибегать к депортации евреев (хотя против этого протестовал губернатор Х. Франк). Депортированные размещались в особых *гетто*, разбросанных по всей территории Польши.

На втором этапе — в период от капитуляции Франции до лета 1941 г. — готовилось массовое переселение евреев за пределы Европы. В это время Эйхман разработал план перемещения 4 млн евреев на остров Мадагаскар, который побежденная Франция уступила рейху. Идея понравилась фюреру, но особенно доволен был Франк, оценивший высылку «неарийцев» на далекий остров как наилучший способ очистить от евреев все генерал-губернаторство. Для подготовки переселения началось укрупнение гетто. Так, в Варшавское гетто на площади в 3,36 квадратных километра собрали 445 тыс. человек. Огромная скученность, скудное питание и эпидемии привели к тому, что за короткий срок там умерло около 20% евреев, а в Лодзинском гетто погибло 25% его обитателей.

От мадагаскарского проекта отказались, так как перевезти туда миллионы людей в условиях войны с Британией было невозможно. Но поскольку содержать массу людей в нечеловеческих условиях было тоже невозможно, в эсэсовском руководстве стала циркулировать идея умерщвления евреев прежде,

чем они начнут погибать от голода. Поразительно, но геноцид целого народа прикрывался рассуждениями о «гуманной смерти». Правда, оставалась еще одна территория, куда можно было выселить европейских евреев, — Россия.

Третий этап решения проблемы евреев был связан с завоеванием Советского Союза. Поскольку войну предполагалось победно завершить через три месяца, то

можно было пока не заниматься решением «еврейского вопроса». Но война на Востоке затягивалась, а ожидаемая легкая и быстрая победа превращалась в мираж. С тем большим ожесточением действовали каратели, уничтожившие к началу 1942 г. около полумиллиона евреев.

Ванзейская конференция

Выступая в рейхстаге в январе 1939 г., А. Гитлер заявил, что «если международному финансовому еврейству внутри и за пределами Европы удастся еще раз ввергнуть народы в мировую войну, то ее результатом будет не большевизация земного шара... а уничтожение еврейской расы в Европе». Так было публично объявлено о намечавшемся *холокосте* — тотальном истреблении евреев, стирании этой расы с лица Земли.

В июле 1941 г. по указанию фюрера Р. Гейдриху было поручено подготовить план «окончательного решения еврейского вопроса». В январе 1942 г. Гейдрих изложил свой план на конференции статс-секретарей тех министерств и ведомств, которые так или иначе должны были участвовать в этой акции. Сопровождение проходило на вилле, расположенной на берегу берлинского озера Ванзее, а потому получило название *Ванзейская конференция*. Протокол вел «главный эксперт» СС по «еврейскому вопросу» А. Эйхман.

На конференции не определялись методы уничтожения миллионов людей, не говорилось там и об уже применяемом газе «циклон-Б» (все эти «технические проблемы» должны были решать непосредственные исполнители акции). Участникам конференции предлагалось скоординировать действия различных министерств и высших имперских ведомств при осуществлении «окончательного решения еврейского вопроса» в европейском масштабе. Таким образом нацистская государственная бюрократия подключилась к массовому геноциду, который до этого был задачей органов гестапо, Главного управления безопасности и вермахта.

В конференции участвовали представители Восточного министерства, Министерства внутренних дел, Министерства юстиции, Министерства иностранных дел, администрации четырехлетнего плана перестройки экономики, правительства генерал-губернаторства, партийной канцелярии и рейхсканцелярии. Никто из участников не только не возражал

против чудовищного плана, но многие вносили предложения по его усовершенствованию. Гейдрих, выразивший в начале заседания надежду на лояльное сотрудничество всех ведомств, мог быть доволен. Ванзейская конференция создала организационно-технические предпосылки для самого массового в истории спланированного уничтожения людей.

Лагеря смерти

В систему нацистских концлагерей входило 22 крупных лагеря и 165 рабочих лагерей. К концу войны в них находились более 700 тыс. заключенных (немцев среди них было 5—10%). Всего же через эту страшную «машину смерти» прошли 7,2 млн человек, из которых в живых остались около 500 тыс. человек. Особое место в системе концлагерей занимали лагеря уничтожения людей, расположенные на территории Польши: Хелмно, Бельзек, Собибор, Треблинка, Майданек и Освенцим (Аушвиц-Биркенау).

Осенью 1941 г. для ликвидации людей, которых до этого просто расстреливали, была применена новая «технология».

По инициативе гауляйтера Вартегау А. Грейзера, стремившегося полностью очистить свой район от евреев, в лагере Хелмно близ Лодзи впервые была сооружена *газовая камера*. Грейзер получил от Г. Гимmlера разрешение подвергнуть 100 тыс. заключенных «особому обращению», что на жаргоне нацистских палачей означало уничтожение людей.

В концлагере Бельзек было уже шесть газовых камер, замаскированных под душевые, с потолка которых вместо воды струился смертоносный газ, удушающий человека за 25—30 минут. В день через камеры можно было пропустить до 5000 человек. Там погибали евреи из Галиции, дистриктов Краков и Люблин, а также из са-

Печи крематория
в концлагере Майданек

мого рейха. Опыт Бельзека перенимали палачи из двух других лагерей смерти — Собибора и Треблинки. К лету 1942 г. эти лагеря уже не справлялись с прибывающим потоком обреченных людей и были расширены.

Майданек первоначально был трудовым лагерем (осенью 1941 г. от голода и болезней в нем умерли 5000 советских военнопленных), но летом 1942 г. и там установили две газовые камеры, в которых было уничтожено 360 тыс. человек.

Самым крупным лагерем, настоящей «фабрикой смерти» являлся *Освенцим*, созданный летом 1940 г. на глухом пустыре в Силезии. Место имело то преимущество, что поблизости находился крупный железнодорожный узел. В огромный лагерь свозили людей из 23 стран Европы. Наличие многочисленной бесплатной рабочей силы заинтересовало немецких промышленников. Концерн «ИГ Фарбениндустри» построил близ Освенцима завод по производству синтетического каучука. Затем рядом появились заводы Г. Круппа и концерна «Рейхсверке Герман Геринг».

Коменданту Освенцима штурмбаннфюреру Р. Гёссу первому пришла в голову мысль использовать применяемый в армии дезинфицирующий газ «циклон-В» для умерщвления людей. Осенью 1941 г. были проведены «опыты» на 900 советских военнопленных. К этому времени в лагере содержались сотни тысяч узников, которых охраняли 3000 эсэсовцев. С весны 1942 г. туда день и ночь тянулись эшелоны смерти со всех уголков Европы, день и ночь дымили трубы гигантских крематориев.

Примерно четверть прибывающих узников временно оставляли в живых для использования на различных лагерных работах. Мир концентрационного лагеря имел своеобразную иерархическую структуру. Надзиратели (или капо), которых обычно назначали из немецких заключен-

Заключенные концлагеря Заксенхаузен
на каторжных работах

ных, переведенных сюда из довоенных лагерей Третьего рейха, во всем подражали эсэсовцам.

Никто из узников, прибывавших в Освенцим, не подозревал, что ждет его впереди. Газовые камеры выглядели как обычные здания, окруженные газонами и цветочными клумбами. Люди направлялись на смерть под мелодии из венских оперетт, которые наигрывал оркестр, также состоявший из заключенных — симпатичных девушек, одетых в белые кофточки и синие юбки.

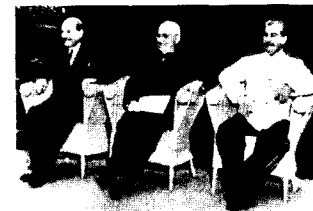
«Конвейер смерти» действовал бесперебойно. Так, в июле 1944 г. всего за один день в лагере были умерщвлены 46 тыс. человек. Всего в Освенциме нашли свою смерть более 3 млн узников. При этом надо учитывать, что тысячи и тысячи женщин, детей, стариков, больных, которые после прибытия сразу направлялись в газовые камеры, не заносились в регистрационные списки.

Невозможно точно назвать и общее количество жертв холокоста. В материалах Нюрнбергского процесса над главными немецкими военными преступниками говорится о 6 млн человек, большинство из которых было из Польши и с оккупированной территории Советского Союза.

Преступление остается преступлением независимо от количества жертв. Для страданий, издевательств, пыток и смерти нет количественных оценок. Невозможно утверждать, что одно массовое убийство более ужасно, чем другое. Но холокост делают единственным в своем роде преступлением не садизм палачей, а то, что впервые в истории человечества людей обрекали на смерть только потому, что сам факт рождения от определенных родителей был объявлен преступлением, которое каралось смертью. Такого не было нигде и никогда. Мотивации всех известных в истории случаев геноцида проистекали из конкретных конфликтов. Мотивацией холокоста явился абсолютно вымышленный «всемирный еврейский заговор». Это был глобальный геноцид, основанный исключительно на идеологии.

Часть ВТОРАЯ

ДВА ГОСУДАРСТВА — ОДНА НАЦИЯ

Глава 12

ПУТЬ К РАСКОЛУ (1945—1949)

Нулевой час

Вторая мировая война (1939—1945) закончилась крахом нацистского Третьего рейха и его безоговорочной капитуляцией. Это было одновременно и освобождение самого немецкого народа от диктатуры (хотя многие немцы считали тогда совершенно иначе). Были разрушены не только структуры власти и государства, но и хозяйство страны — транспорт, мосты, коммуникации. Большинство немецких городов лежало в руинах. В Кельне было разрушено 75% домов, в Дортмунде, Дуйсбурге и Касселе — 60%, в Гамбурге — 55% домов. В результате двух бомбардировок 14 и 15 февраля 1945 г. был стерт с лица земли почти весь Дрезден, где погибли около 35 тыс. человек. Люди, ютившиеся в бараках, подвалах и развалинах, голодали. Это приводило как к вспышкам эпидемий, так и к всплеску преступности, поскольку в обстановке хаоса и стремления выжить любым путем практически исчезла граница между дозволенным и недозволенным.

Хозяйственная разруха дополнялась хаосом в политике и умонастроениях жителей Германии. Миллионы немцев находились

*Центр Дрездена после бомбардировки
13 февраля 1945 г.*

в глубоком *психологическом шоке*. Внутренняя пустота, апатия, озлобленное отношение к любой власти, страх перед неизвестным будущим охватили большинство населения.

По разбитым немецким дорогам в двух направлениях тянулись бесконечные потоки людей. На свою родину возвращались 7 млн иностранных рабочих, угнанных в Германию. И теперь злобу за свои унижения они зачастую вымещали на немецком населении. С востока Германии брели беженцы, напуганные приходом Красной армии. В родные города возвращались их жители, эвакуированные от бомбежек.

В разрушенной стране процветал черный рынок. Обнищавшее население перешло к давно забытому примитивному натуральному обмену. Главной валютой стали американские сигареты, которые продавали чаще всего по 6 марок за штуку (при средней ежемесячной заработной плате в 200 марок). Стихийно и быстро установился курс различных товаров. Полкило мяса стоило 15 сигарет, три пары дамских чулок обменивались на литр растительного масла, за центнер картофеля можно было получить прекрасный персидский ковер, а за килограмм кофе в зернах надо было заплатить 1500 марок.

Новая послевоенная ситуация привела к заметному *изменению традиционных отношений в семье*. После капитуляции вермахта в плену оказались около 8 млн немецких военнослужащих. В отсутствие мужчин жены и подростки без отцов дети привыкли полагаться на собственные силы. Показателем из-

менения семейных отношений стало резкое увеличение количества разводов. Но это была только одна из проблем. Другой проблемой стал уход многих людей, уставших от тирании власти и общественно-политических потрясений, в тихий мир семьи.

Еще одной чертой времени можно назвать *возрастание роли церкви*, которая после горького опыта выживания в условиях нацистской диктатуры старалась сблизиться с обществом. Во многом сгладилась и бывшая конфронтация лютеранской и католической церковью. Они заняли единый «христианский фронт» в борьбе против марксизма и выступали за создание межконфессиональной политической партии на основе христианско-социальных учений.

Оккупационная политика держав-победителей

После капитуляции Третьего рейха верховную власть в Германии приняли на себя главнокомандующие войсками держав-победителей. Еще на конференциях 1943 г. в Тегеране и 1945 г. в Ялте «большая тройка» — **И. В. Сталин**, **Ф. Рузвельт** и **У. Черчилль** — договорились, что Германия будет разделена на *оккупационные зоны*. В Ялте, по предложению Черчилля, на которого оказывал давление французский лидер, генерал **Ш. де Голль**, было решено удовлетворить притязания Парижа на собственную оккупационную зону, выделенную из англо-американской.

В каждой из оккупационных зон действия военной администрации имели свои особенности. *Американская* политика была довольно противоречива. С одной стороны, в США полагали, что немцев следует сурово наказать, с другой — оптимистично надеялись на быструю демократизацию Германии. Поэтому американцы отказались от разработанного в годы войны плана министра финансов Г. Моргентау, предусматривающего полную деиндустриализацию Германии, т. е. превращение ее в аграрную страну. Самые активные сторонники демократических преобразований, американцы раньше всех предоставили немецким политическим органам автономные права.

Англичане придерживались мнения Черчилля, что в войне надо проявлять решительность, при победе — великодушие, после нее — добрую волю. Их оккупационная политика пыталась сочетать твердость с мягкостью. Никаких решительных изменений в своей зоне Англия не проводила.

Франция в своей оккупационной зоне действовала довольно самовластно, не обращая внимания на позицию других дер-

жав. Она по традиции придерживалась плана укрепления и расширения своего влияния на Рейне и сразу включила промышленность Саара в свою экономическую систему. Не приглашенная на Потсдамскую конференцию (1945), Франция в отместку отказалась признать ее решения и не поддержала совместную политику держав-победительниц.

Больше всех пострадавший от нацизма *Советский Союз* стремился возместить свои потери и не допустить возрождения мощной независимой Германии. В Москве рассматривали свою зону прежде всего как источник репараций и настаивали на равноправном участии в эксплуатации развитой промышленности Рура.

Для совместного управления Германией в июне 1945 г. в Берлине был создан действующий по принципу единогласия союзный *Контрольный совет*. В него вошли четыре командующих союзными армиями, одновременно ставшие военными губернаторами своих зон. Но не были созданы центральные немецкие административные органы, которые должны были бы помогать работе Совета. Этому воспротивилась Франция, предлагавшая создать на месте некогда могущественного рейха союз отдельных государств.

Союзный Контрольный совет занимался прежде всего отменой нацистских законов и восстановлением нормальных условий жизни населения. Директивы Совета проводили в жизнь военные губернаторы. С самого начала работу Совета затруднял различный подход СССР и западных держав к вопросу об экономическом единстве Германии.

Потсдамская конференция

С 17 июля по 2 августа 1945 г. в Потсдаме, под Берлином, проходила последняя встреча лидеров стран антигитлеровской коалиции — **И. В. Сталина**, **Г. Трумэна** и **У. Черчилля**, которого уже в ходе работы конференции сменил победивший на парламентских выборах глава лейбористов **К. Эттли**.

Для СССР главной целью было обеспечение своей безопасности и контроля за политикой и развитием промышленности Германии. Сталин сразу поставил западных партнеров перед свершившимся фактом, уступив просоветскому польскому правительству прежние восточные немецкие земли до рек Одер и Нейсе. После ожесточенных споров западные державы согласились с тем, что до подписания мирного договора с Гер-

манией эти земли де-факто будут находиться под польским управлением. Одновременно они согласились с уже проводившимся выселением немцев из земель восточнее Одера, из самой Польши, из Венгрии и Чехословакии.

Москва настаивала на получении половины репараций (на Ялтинской конференции их сумма была определена в 20 млрд американских долларов), которые должны были состоять из оборудования демонтированных предприятий, поставок произведенной продукции и использования немецкой рабочей силы.

На конференции обнаружилось расхождение между СССР и западными странами по многим вопросам. Но все были едины в том, что «должны быть искоренены немецкий милитаризм и нацизм», чтобы Германия «больше никогда не могла стать угрозой для своих соседей и сохранения мира». Для этого была утверждена программа, предусматривающая демилитаризацию, денацификацию, демократизацию и децентрализацию (так называемые «4Д»). Было признано необходимым ликвидировать военную промышленность, запретить все военизированные объединения, распустить нацистскую партию, удалить национал-социалистов из органов управления и со всех общественных постов, наказать военных преступников, восстановить

местное самоуправление, демократизировать систему образования и судебную систему, разрешить деятельность всех демократических партий. Потсдамские решения предусматривали сохранение хозяйственного единства Германии, но практически достичь этого было невозможно, потому что каждая держава получала репарации из своей зоны. Только СССР должен был вывезти дополнительно 40% демонтированного в западных зонах промышленного оборудования.

Денацификация

В разных оккупационных зонах процесс денацификации, т. е. удаления из немецкой общественно-политической жизни активных национал-социалистов, проходил по-разному. Наиболее основательно к проведению денацификации подошли американцы. В британской и американской зонах все взрослые жители Германии (всего 25 млн человек) должны были заполнить огромную анкету — ответить на 131 вопрос. Комиссии по денацификации состояли из самих немцев. Наказание человека зависело от степени его виновности, установленной комиссией. Это могла быть отправка в рабочие лагеря на срок до десяти лет, увольнение с ответственных постов, запрещение занимать некоторые должности, лишение пенсии, выплата денежного штрафа. При этом заваленные ворохом анкет комиссии рассматривали в первую очередь простые и легкие случаи, оставляя решение сложных на будущее. В результате создалась парадоксальная ситуация. Были наказаны мелкие нацисты, а более крупные, с прошлой деятельностью которых приходилось разбираться основательно, благополучно дождались марта 1948 г., когда денацификация была прекращена.

В советской зоне к денацификации подошли со всей серьезностью. К 1947 г. с государственной службы было уволено свыше полумиллиона бывших членов национал-социалистической партии, причем на освободившиеся места (особенно в полиции и юстиции) назначали обычно коммунистов. Для осужденных было организовано десять спецлагерей, в которых находилось 150 тыс. заключенных. Самой радикальной чистке подверглись органы юстиции. По судебной реформе 1946 г. подавляющее большинство судей и прокуроров были заменены народными судьями, которые, как правило, не имели юридической подготовки.

Во многом непродуманная процедура денацификации и ошибки при ее проведении привели к тому, что слишком много немцев имели повод считать, что с ними поступили несправедливо.

Нюрнбергский процесс

Вопрос о наказании главных немецких военных преступников обсуждался на Ялтинской конференции союзников (1945) как один из важнейших. Сразу после окончания военных действий американские особые группы с «черными списками» на руках приступили к розыску преступников, выявлению свидетелей и сбору доказательств, которые через несколько месяцев составили 18 объемистых томов.

Международный трибунал приступил к работе 20 ноября 1945 г. К суду были привлечены 22 человека, но бесследно исчезнувшего **М. Бормана** (скорее всего он погиб при попытке бежать из Берлина) судили заочно, а **Р. Лей** повесился в камере еще до начала процесса. Основные виновники развязывания войны — **А. Гитлер**, **Й. Геббельс** и **Г. Гиммлер** — избежали земного суда, добровольно уйдя в мир иной. А на скамье в числе подсудимых находились: сильно похудевший **Г. Ге-**

Нюрнберг-46. На скамье подсудимых (слева направо): 1-й ряд — Геринг, Гесс, Риббентроп, Кейтель, Кальтенбруннер, Розенберг, Франк, Фрик, Штрейхер, Функ, Шахт; 2-й ряд — Дёниц, Редер, Ширах, Заукель, Йодль, Папен, Зейс-Инкварт, Шпеер, Нейрат, Фриче

ринг; изнуренный и симулирующий потерю памяти Р. Гесс; сгорбившийся и утративший былое высокомерие И. Риббентроп; продолжавший верить в «благородные» цели национал-социализма А. Розенберг; главный «работорговец» Третьего рейха Ф. Заукель; злобный антисемит Ю. Штрейхер; руководитель гитлерюгенда Б. Ширах; протектор Богемии и Моравии В. Фрик; имперский министр экономики В. Функ; кровавый преемник убитого чехами в мае 1942 г. Р. Гейдриха Э. Кальтенбруннер; австрийский предатель А. Зейс-Инкварт; утративший прежний аристократизм К. Нейрат; нацистский палач Польши Х. Франк; запятнавшие офицерскую честь высокопоставленные руководители Верховного командования вермахта В. Кейтель и А. Йодль; гросс-адмиралы К. Дёниц (назначенный фюрером своим преемником) и Э. Редер; честно признавший преступный характер нацизма и свою личную ответственность А. Шпеер; постаревший Ф. Папен; перекочевавший на скамью подсудимых из концлагеря, в котором он оказался из-за причастности к заговору 20 июля, Я. Шахт. И там же находился радиокомментатор Х. Фриче, настолько мелкий функционер, что никто из подсудимых не мог понять, почему он оказался среди них.

Трибунал, вопреки протесту советской стороны, оправдал Фриче, Шахта и Папена. Функ, Редер и Гесс были приговорены

к пожизненному заключению, которое отбыл только Гесс, загадочно покончивший с собой в 1987 г. Ширах и Шпеер были осуждены на 20 лет, Нейрат — на 15, Дёниц — на 10 лет. Остальных приговорили к смерти и казнили в нюрнбергской тюрьме 16 октября 1946 г.

(Геринг избежал виселицы, проглотив за два часа до казни капсулу с цианистым калием). Нюрнбергский суд объявил преступными организациями нацистскую партию, СД и гестапо, но не посчитал таковыми СА, имперское правительство, Верховное командование вермахта и генеральный штаб.

После завершения процесса над главными военными преступ-

никами американцы провели в Нюрнберге еще 12 процессов против нацистских юристов и генералов, охранников концлагерей, промышленников и врачей, ставивших на людях чудовищные медицинские эксперименты.

Возрождение партий

К 1946 г. в Германии вновь оживилась политическая жизнь, правда, вначале только на местном уровне. Неожиданно для западных держав 10 июня 1945 г. образованная накануне советская военная администрация в Германии (СВАГ) разрешила создание политических партий. Одной из причин такой поспешности было стремление СССР взять под свой контроль создаваемые в немецкой столице и претендующие на общегерманское представительство партии до намеченного на июль вступления в Берлин частей западных союзников. Первой, уже 11 июня, узаконила свой статус *Коммунистическая партия Германии* (КПГ) во главе с В. Ульбрихтом (лидеры партии прилетели из Москвы еще 20 апреля). 15 июня руководство *Социал-демократической партии Германии* (СДПГ)

выступило в Берлине с призывом к объединению обеих рабочих партий в целях «морального исправления политических ошибок прошлого». В Ганновере еще до окончания войны под руководством прошедшего десять лет в нацистских концлагерях К. Шумахера была воссоздана местная организация СДПГ. Настаивая на том, что руководство КПГ явилось косвенным соучастником прихода нацистов к власти, Шумахер категорически отказался от объединения с коммунистами.

На базе бывших либеральных партий периода Веймарской республики в Бадене и Вюртемберге, а затем во всех западных зонах образовалась единая *Свободная демократическая партия* (СвДП). Председателем этой официально оформленной 11 декабря 1948 г.

Befehl Nr. 2
des Obersten Chefs der Sowjetischen Militärischen Administration

Am 10. Juni 1946.

Am 9. Mai dieses Jahres wurde die Stadt Berlin von den Sowjettruppen besetzt. Die Mitarbeiter des Rates verhandelten, befristeten und abgab die einzige unabhängige Organisation im Bereich der langfristigen politischen Arbeit. Am 8. Juni wurde im Namen der Regierung die Union der demokratischen Bürgerpartei, der Volksrechtspartei von Ost- und Westberlin und der Volkspartei der Arbeiter, die die Verwirklichung der Forderungen der Arbeiter der Arbeiterpartei auf dem ganzen Gebiet der Stadt Berlin durch die Befreiung der Stadt von den Nazis und die Befreiung der Stadt von der Besatzung der Sowjetischen Militärverwaltung beabsichtigt, die Sowjetische Militärische Administration gebildet und unter der Führung der Sowjetischen Militärischen Administration in der Stadt Berlin in der Stadt Berlin gegründet und seine Arbeit aufgenommen.

Die Sowjetische Militärische Administration hat die Aufgabe, die Arbeit der Sowjetischen Militärischen Administration zu unterstützen und zu unterstützen.

1. Auf dem Territorium der Sowjetischen Militärischen Administration in der Stadt Berlin und Umgebung sind alle politischen Parteien zu organisieren, die sich die völlige Befreiung der Stadt Berlin von den Nazis und die Befreiung der Stadt Berlin von der Besatzung der Sowjetischen Militärischen Administration zum Ziel setzen.

2. Der vollständigen Befreiung der Sowjetischen Militärischen Administration in der Stadt Berlin und Umgebung ist die Arbeit der Sowjetischen Militärischen Administration zu unterstützen und zu unterstützen. Das Sowjetische Militärische Organisations- und Verwaltungsamt ist der Arbeit zu unterstützen, die Sowjetische Militärische Administration zu unterstützen und zu unterstützen.

3. Alle in den Parteien 1 und 2 genannten politischen Parteien sind zu unterstützen und zu unterstützen. Die Sowjetische Militärische Administration ist zu unterstützen und zu unterstützen. Die Sowjetische Militärische Administration ist zu unterstützen und zu unterstützen.

4. Es wird befohlen, daß für die ganze Zeit der Sowjetischen Militärischen Administration in der Stadt Berlin und Umgebung die Arbeit der Sowjetischen Militärischen Administration zu unterstützen und zu unterstützen. Die Sowjetische Militärische Administration ist zu unterstützen und zu unterstützen.

5. Auf Grund der vorstehenden sind alle Sowjetischen Mitarbeiter der Sowjetischen Militärischen Administration, die in der Sowjetischen Militärischen Administration in der Stadt Berlin und Umgebung die Arbeit der Sowjetischen Militärischen Administration zu unterstützen und zu unterstützen.

Der Oberste Chef der Sowjetischen Militärischen Administration
Marschall der Sowjetunion G. K. Shukow
Der Stellvertreter der Sowjetischen Militärischen Administration
Generalmajor W. W. Kurawow

№ 1000/46

Приказ советской военной администрации о разрешении деятельности политических партий

на съезде в Геппенгейме партии был избран **Т. Хейс** — будущий первый президент ФРГ.

Партией совершенно нового типа явился межконфессиональный *Христианско-демократический союз* (ХДС). Во главе региональной организации ХДС советской зоны стоял **Я. Кайзер**, программа построения «христианского социализма» которого нашла отклик и у руководителей других отделений партии. Западные региональные организации христианских демократов в декабре 1945 г. на съезде в Бад-Годесберге объединились в единый Христианско-демократический союз, к которому в качестве самостоятельной партии примкнул созданный в октябре в Баварии *Христианско-социальный союз* (ХСС), более консервативный и федералистский, чем ХДС. Базой ХДС стала рейнско-вестфальская организация во главе с **К. Аденауэром**. Этот бывший обер-бургомистр Кельна был опытным и хитрым политиком, обладал сильной волей и трезвым рассудком. В принятой 3 февраля 1947 г. Аленской программе содержались серьезные антикапиталистические требования. Эта программа, отличавшаяся социально-реформистской направленностью, через год была преобразована в частнокапиталистическую концепцию «социального рыночного хозяйства».

Курт Шумахер

В Москве быстро убедились, что ряды КПП растут гораздо медленнее, чем ряды СДПГ и буржуазно-демократических партий. Поэтому уже с октября компартия стала активно стремиться к объединению с социал-демократами. Руководители СДПГ во главе с **О. Гротеволем** оказались под массивным давлением руководства советской зоны. Многие противники объединения партий были арестованы. Предварительное голосование социал-демократов по этому вопросу состоялось лишь в западных секторах Берлина и показало, что 82% социал-демократов не хотят объединяться с коммунистами в единую партию.

Но руководство СДПГ не выдержало давления советской военной администрации, и съезд партии, на который были избраны «надежные» социал-демократы, проголосовал за создание единой рабочей партии. 21—22 апреля 1946 г. на объединительном съезде было провозглашено создание *Социалистической единой партии Германии* (СЕПГ), сопредседателями которой стали **В. Пик** и **О. Гротеволь**. С середины 1948 г. СЕПГ превратилась в «партию нового типа», построенную по советскому образцу. Руководство партии отказалось от первоначального тезиса об особом немецком пути строительства социализма, а с 1949 г. объявило беспощадную борьбу «социал-демократизму».

Судьбы военнопленных, переселенцев и беженцев

Капитуляция вермахта поставила перед победителями труднейшую проблему размещения и содержания 8 млн пленных немецких солдат. 70% из них находилось в лагерях западных зон, 30% — в советском плену. В первые послевоенные недели в лагерях не было никаких элементарных удобств. Не хватало ни питания, ни медикаментов, пленные жили в землянках, порой спали на голой земле. К тому же они считались не военнопленными, имеющими минимальные права, а «разоруженными вражескими силами», на которых не рас-

Беженцы вселяются в барак

пространялись условия Женевской конвенции. Многие страны требовали использовать труд пленных для восстановления своего разрушенного войной хозяйства. 765 тыс. немецких солдат были отправлены во Францию, 64 тыс. — в Бельгию, 12 тыс. — в Нидерланды и Люксембург. Советский Союз (на его территории было 3000 лагерей) передал 75 тыс. пленных Польше и 25 тыс. — Чехословакии. Многие пленные умирали; всего не вернулись домой 700 тыс. пленных, в том числе 543 тыс. человек — из советских лагерей.

Освобождение пленных солдат вермахта велось постепенно. США освободили «своих» пленных к июню 1946 г., но они были задержаны в Англии и Франции как рабочая сила. Союзники договорились об освобождении всех немецких пленных к декабрю 1948 г., но в Советском Союзе десятки тысяч солдат, обвиненных в военных преступлениях (частично справедливо, частично безосновательно), были приговорены к 25 годам принудительных работ и освобождению не подлежали. Последние пленные возвратились домой к лету 1956 г.

Предусмотренное Потсдамскими соглашениями *переселение немецкого населения* из Польши, Венгрии и Чехословакии шло полным ходом, но это был стихийный процесс. Ненависть людей, пострадавших под властью нацистов, выплеснулась в погромы и принудительное выселение «местных» немцев, которых под конвоем выдворяли за границу. Из Чехословакии выселение немцев закончилось в основном в 1946 г., с польских и советских территорий — в 1948 г. Это был беспрецедентный в истории исход 12 млн человек, в основном женщин, стариков и детей. Не менее 2 млн беженцев умерли от голода, холода и болезней.

А в самой Германии и для коренных жителей не хватало ни жилья, ни питания. Между тем только в Мекленбург прибыли более 900 тыс. беженцев (что составляло 43,3% его населения), почти 2 млн немцев приняла Бавария, чуть меньше — Нижняя Саксония. Население германских земель радости от

Восстановительные работы ведут в основном женщины

притока переселенцев не испытывало. Большинство беженцев первоначально поселились в сельских районах английской и американской зон, где для них не было никакой работы, поэтому миграция населения внутри Германии продолжалась вплоть до 1965 г.

От Потсдама к Бонну через Бизонию

Формально во всех четырех оккупационных зонах были созданы единые политические структуры. В западных зонах на выборах 1946—1947 гг. в земельные ландтаги блок ХДС—ХСС получил 36,7% голосов, СДПГ — 35%, либералы — 9,3% и КППГ — 9,4% голосов избирателей. В советской зоне картина была несколько иной: СЕПГ получила 47,5% голосов, ХДС — 24,5% и Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ) — 24,6% голосов. Но парализация союзного Контрольного совета привела к тому, что развитие германских земель в западных и восточной зонах пошло разными путями.

Потсдамские решения руководство каждой из зон трактовало по-своему. В советской оккупационной зоне началось решительное *изменение прежней общественной структуры*. В сентябре 1945 г. там провели земельную реформу, по которой все владения площадью более 100 гектаров были безвозмездно экспроприированы и поделены между малоземельными или безземельными крестьянами. В октябре конфисковали имущество рейха, Пруссии, нацистской партии и ее видных членов, а затем приступили к передаче крупных промышленных предприятий в «народную собственность».

Западные державы, иначе подходившие к проблеме частной собственности, отменили решения местных ландтагов об огосударствлении основных секторов промышленности. Острая нехватка топлива и необычайно суровая зима 1946/47 г. привели к *резкому обострению экономической ситуации*. Для ее оздоровления США предложили экономически объединить все зоны под общим

На разборке развалин

хозяйственным управлением. Сначала Франция, а потом СССР отказались от этого предложения, но англичане после некоторых колебаний согласились. Американский госсекретарь Д. Бирнс, выступая 6 сентября 1946 г. в Штутгарте, в частности, заявил, что сильная немецкая экономика является предпосылкой экономического возрождения Европы, и впервые упомянул о возможности создания отдельного западногерманского государства.

1 января 1947 г. была создана объединенная *англо-американская Бизония*. Ее высшим органом явился Экономический совет, в который вошли 104 представителя немецких ландтагов. В этом Совете было представлено по два делегата от каждого из восьми земельных правительств. Было создано также шесть управлений, директоров которых избирал Экономический совет.

В хозяйственном отношении британская и американская зоны прекрасно дополняли друг друга. У британцев был индустриальный Рур, у американцев — развитая перерабатывающая промышленность. Франция присоединилась к Бизонии только 8 апреля 1949 г.

Судьбу Германии определяли США и СССР, отношения между которыми приняли характер «холодной войны». В Москве американский план экономического единства Германии рассматривали как происки «американского экономического империализма». В Вашингтоне советское требование участия в контроле над Руром считали стремлением взять под свой контроль всю Германию. При этом **И. В. Сталин** хотел создания не социалистической, а буржуазно-демократической, дружественной и нейтральной единой Германии. Но **Г. Трумэн** предлагал лишь альтернативное решение судьбы страны: либо уступить всю Германию, либо сохранить под своим влиянием ее западную часть.

Со своей стороны, немецкие политики стремились воспрепятствовать назревавшему расколу страны. 6 июня 1947 г. в Мюнхене собрались главы германских земель. Они решили сыграть коллективную роль «опекунов немецкого народа», пока не будет создан какой-либо общегерманский орган. С самого начала было неясно, приедут ли руководители земель советской зоны. Когда же поздно вечером 5 июня они появились, то повестка дня заседания была уже определена. Однако после того, как предложение приехавших обсудить также проблему создания единого немецкого государства было

отклонено, поскольку предполагалось решать только экономические вопросы, главы восточных земель покинули Мюнхен.

Крах этой единственной попытки помешать расколу Германии с помощью общегерманской конференции показал, что процессы развития в отдельных зонах, определяемые их оккупационными властями, идут в противоположных направлениях. В ноябре 1947 г. провалилась и Лондонская конференция министров иностранных дел четырех держав по германскому вопросу. Ее единственным результатом стало согласие Франции на создание отдельного западногерманского государства.

Денежная реформа

Американское правительство опасалось, что хозяйственная разруха послевоенной Европы, нужда и лишения толкнут ее население в объятия коммунизма. 5 июня 1947 г. госсекретарь США **Д. Маршалл** выступил с *программой широкой экономической помощи странам Европы*. Чтобы спасти их «от экономического, социального и политического краха», предлагалось предоставить им промышленное сырье, продовольствие, а также значительные кредиты. Советский Союз, а вслед за ним и находившиеся под его контролем страны резко отвергли этот план, усмотрев в нем стремление «американского империализма закабалить Европу». Западные зоны, а затем и образовавшаяся Федеративная Республика Германия к 1952 г. получили в общей сложности приблизительно 1,7 млрд американских долларов на восстановление хозяйства и на 500 млн долларов продовольствия. Эти средства дали возможность создать *инвестиционные фонды*, которые помогли немцам развить собственную экономическую активность.

Предварительным и обязательным условием получения помощи являлось оздоровление немецкой денежной системы. Марка к этому времени фактически перестала выполнять роль платежного средства. Витрины и прилавки магазинов были пустыми, товары и продукты распределялись по талонам, а на черном рынке шел бойкий натуральный обмен.

20 июня 1948 г. население западных зон было приятно удивлено: витрины магазинов ломались от изобилия уже полузабытых товаров, а в кармане каждого немца оказалось по 40 новых немецких марок, полученных взамен 40 обесцененных и изъятых из оборота рейхсмарок. Тайна внезапного

изобилия объяснялась далеким от христианского сострадания поведением фабрикантов и торговцев, прятавших на складах огромное количество сырья, готовых изделий и продуктов. С появлением реальных денег все это теперь было выставлено на продажу.

Хозяева получали по 60 новых марок на каждого своего служащего. Заработная плата, пенсии, пособия, процентные ставки сохраняли свои номинальные размеры. Капиталы, вложенные в материальные ценности, не пострадали. Но реформа болезненно ударила по мелким вкладчикам, сбережения которых обменивались по курсу 65 новых западных марок за 1000 рейхсмарок. Реформа подорвала черныи рынок, поскольку меновая торговля потеряла всякий смысл, а деньги вновь приобрели ценность.

На следующий день директор бизонального Экономического совета профессор Л. Эрхард на свой страх и риск объявил по радио об отмене административного распределения товаров и контроля за ценами. Когда возмущенный таким самоуправством американский военный губернатор Л. Клей потребовал от Эрхарда объяснений, как он осмелился изменить распоряжение союзников, то директор ответил, что он «не изменял распоряжений, а отменил их».

Вместе с денежной реформой начала свое победное шествие концепция «социального рыночного хозяйства» (это понятие в 1949 г. ввел немецкий экономист А. Мюллер-Армак), рьяным сторонником которой был Эрхард. Концепция базировалась на принципах поощрения частной собственности, свободной и честной конкуренции, рыночного ценообразования, независимого контроля за монополиями, централизованного надзора за финансами, предоставления широких социальных гарантий.

Проведение денежной реформы и начало экономических преобразований показали: раздел Германии стал не только политической, но и экономической реальностью.

В знак протеста против решений только что прошедшей в Лондоне конференции шести западных стран о создании западногерманского государства глава советской военной администрации маршал В. Д. Соколовский 20 марта 1948 г. демонстративно покинул заседание союзного Контрольного совета.

23 июня в советской зоне были введены отпечатанные на московской фабрике Гознака восточные немецкие марки,

предназначенные и для Западного Берлина. Когда же союзники объявили о введении в своих зонах Берлина западной марки, Москва ответила блокадой Берлина.

Блокада Берлина

24 июня 1948 г. все железные и автомобильные дороги, а затем и водные пути между Берлином и западными оккупационными зонами были перекрыты. Прекратив подачу электроэнергии и подвоз продуктов в западную часть города, советское руководство надеялось вынудить западные державы покинуть свои сектора столицы Германии. В результате жители западных районов Берлина остались бы без какой-либо помощи.

Но сознательно идя на резкое обострение ситуации, обе стороны не хотели крупного вооруженного конфликта. Поэтому американский военный губернатор Л. Клей предложил осуществить немыслимое, на первый взгляд, снабжение огромного города с помощью «воздушного моста». Однако замысел удалось блестяще реализовать. За 11 месяцев блокады самолеты совершили 195 тыс. рейсов и доставили в Западный Берлин 1,5 млн тонн продовольствия, угля, стройматериалов и

«Воздушный мост» в Западный Берлин

других товаров. Каждые 2—3 минуты на трех западноберлинских аэродромах приземлялись транспортные самолеты, следовавшие по одному из трех воздушных коридоров шириной в 30 километров.

Попытки обеих конфликтующих сторон найти компромиссное решение успехом не увенчались. Причина заключалась в том, что советское руководство неверно оценивало намерения западных держав. Оно рассчитывало, что блокада Берлина заставит бывших союзников отказаться от идеи создания западногерманского государства, а наступление зимы нарушит воздушное сообщение. Между тем британский министр иностранных дел Э. Бевин заявил, что для Запада «сдача Берлина означала бы потерю Западной Европы», а население западных секторов немецкой столицы исключительно стойко сопротивлялось грубому нажиму.

Успешное функционирование воздушного моста и зимой означало, что блокада не достигла своих целей. Фактически она ускорила процесс подготовки к созданию отдельного западногерманского государства. В феврале 1949 г. в Нью-Йорке по инициативе американской стороны начались переговоры об урегулировании берлинского вопроса. Их итогом стало соглашение об отмене всех ограничений по связи, транспорту и торговле и снятию блокады (она закончилась 12 мая).

Во время блокады завершился и раскол в администрации немецкой столицы. Прежний свободно избранный берлинский магистрат во главе с социал-демократом Э. Рейтером, изгнанный коммунистами из городской Красной ратуши, переехал в западную часть города. В Восточном Берлине советская администрация учредила собственный магистрат под руководством Ф. Эберта-младшего — сына первого веймарского президента.

Берлинская блокада на время отвлекла внимание общественности от того, что Германия стремительно приближалась к своему окончательному расколу.

На карте мира две Германии

Рекомендации Лондонской конференции (в ней, кроме трех западных оккупационных держав, участвовали и страны Бенилюкса), легли в основу «Франкфуртских документов», которые 1 июля 1948 г. военные губернаторы вручили премь-

ер-министрам западногерманских земель. Немецким политикам было предложено не позднее 1 сентября созвать Учредительное национальное собрание. Кроме того, был оглашен *Оккупационный статут*, который должен был регулировать отношения между будущим немецким правительством и оккупационными державами.

Обсуждая в Кобленце эти документы, премьеры германских земель сомневались, следует ли им самим способствовать расколу страны. Решающим на совещании стало темпераментное выступление западноберлинского бургомистра Э. Рейтера. Он призвал западных коллег отважиться на создание своего демократического государства, поскольку только это сохранит надежду на присоединение к нему в будущем и Восточной зоны. Это сепаратное государство рассматривалось как временное образование. Поэтому по предложению гамбургского бургомистра М. Брауэра было решено обсуждать и принимать Парламентским советом, 65 членом которого избирались ландтагами, не Конституцию, а Основной закон.

Чтобы еще более подчеркнуть временный характер нового государства, премьеры земель отвергли рекомендацию «Франкфуртских документов» утвердить Конституцию на всенародном референдуме. По их мнению, ее должны были ратифицировать земельные парламенты. Западные державы были немного разочарованы отсутствием у немецких политиков должного энтузиазма, но согласились с их предложениями, заметив, что следует принять, пусть и временную, но полноценную Конституцию, как бы она ни называлась.

Работавшая в августе в южнобаварском городке Херренхимзее конституционная комиссия выработала проект Основного закона и представила его *Парламентскому совету*. Он собрался 1 сентября 1948 г. в зале боннского Зоологического музея. Совет состоял из представителей всех ландтагов и всех партий. В стороне скромно сидели пять делегатов от Берлина, имевших право только совещательного голоса. Председателем единодушно избрали К. Аденауэра. Предполагалось, что 72-летний Аденауэр, которого в Социал-демократической партии Германии (СДПГ) называли «старой перечницей», будет мирно подремывать в председательском кресле и не мешать работе собрания. Однако в этом все очень ошиблись. Пока в комитете велись конфиденциальные дискуссии, Аденауэр постоянно встречался с военными губернаторами и журналистами.

В результате его стали воспринимать как главного представителя еще не родившегося государства.

После долгих дебатов, шедших в основном вокруг разграничения полномочий между землями и центром, особенно в том, что касалось финансов, 8 мая 1949 г. *Основной закон* был принят большинством голосов. Ландтаги быстро его ратифицировали. Бавария отвергла Основной закон как чересчур централистский, но обязалась уважать и соблюдать его положения. После утверждения Основного закона военными губернаторами он был обнародован Парламентским советом и 24 мая 1949 г. вступил в силу. Так родилась парламентарно-демократическая Федеративная Республика Германия (а не Германии, как нередко пишут в отечественной литературе с целью подчеркнуть немецкую двугосударственность послевоенного периода).

Аналогичный процесс шел и в советской зоне. 6 декабря 1947 г. в Берлине собрался *Немецкий народный конгресс*. В нем участвовали делегаты от всех политических партий и массовых организаций советской оккупационной зоны Германии. Они потребовали подготовки мирного договора и создания общегерманского правительства «из представителей всех демократических партий».

Конгресс избрал *Немецкий народный совет* в составе 400 членов, из которых 100 человек были из западных зон. Большинство в Совете составляли коммунисты. Конституционный комитет Совета под руководством О. Гротеволья выработал проект Конституции Германской Демократической Республики, включающей всю страну. Третий Народный конгресс, делегаты которого были избраны населением в мае 1949 г. по единому списку, гарантировавшему Социал-демократической единой партии Германии (СЕПГ) контроль за деятельностью Конгресса, принял Конституцию ГДР и избрал второй *Народный совет*. 7 октября Народный совет конс-

титировался как временная *Народная Палата* ГДР и поручил Гротеволью сформировать правительство.

Раскол Германии, ставший неизбежным из-за противоположности намерений западных держав и СССР, совершился. Обе стороны представляли себе единую Германию только в виде страны с их собственной, западной или советской, социально-политической системой. Что же касается ведущих западногерманских политиков, то у них, собственно, и не было выбора. Если они стремились обезопасить себя и народ от сталинизма и коммунизма и одновременно получить хотя бы минимум суверенитета, то им оставалась только одна возможность — сделать это под эгидой западных держав, а значит — и строить государство по их общественному типу.

ВРЕМЯ КОНРАДА АДЕНАУЭРА (1949—1961)

Политическая система ФРГ

Основной закон ФРГ, состоявший из преамбулы, 11 разделов и переходных и заключительных положений, базировался на принципах республиканского и демократического устройства государства и провозглашал его федеративный, правовой и социальный характер. На первое место в нем были поставлены классические права и свободы граждан, гарантированные государством.

Главой государства является *федеральный президент*, избираемый на пять лет специально собираемым для этого *Федеральным собранием*. Учитывая горький опыт Веймарской республики, президенту отводятся представительские функции и роль посредника и третейского судьи, стоящего над политической борьбой отдельных партий.

Органом представительной и законодательной власти выступает *бундестаг*, избираемый сроком на четыре года всеобщим голосованием. Бундестаг выбирает *федерального канцлера* абсолютным большинством голосов, а канцлер по своему усмотрению формирует *кабинет министров*. Он является его единственным членом, подотчетным парламенту. Эта ответственность проявляется в том, что бундестаг может вынести канцлеру конструктивный вотум недоверия, т. е. не просто свергнуть правительство, но обязательно выдвинуть канц-

лера, опирающегося на большинство депутатов и имеющего альтернативную программу. Это обеспечивает устойчивость кабинетов министров.

В политическую систему входят также бундесрат и Федеральный конституционный суд. *Бундесрат* представляет и защищает интересы отдельных земель, координирует их политику. Решения созданного в сентябре 1951 г. *Федерального конституционного суда* обязательны для всех других государственных органов, включая бундестаг. Суд следит за соблюдением законов, дает толкование новым законам, принимает решения по конституционным жалобам и наблюдает за деятельностью политических партий, имея право запретить их за противозаконную деятельность.

Выборы в первый бундестаг ФРГ прошли 14 августа 1949 г. Победу на них одержал блок ХДС—ХСС, получивший 31,0% голосов избирателей (139 мест). Его главный соперник Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) набрала 29,2% голосов (131 мандат).

Избирательная борьба шла вокруг экономического курса. Социал-демократы резко критиковали концепцию рыночного хозяйства Л. Эрхарда как объявленную сверху классовую борьбу и выступали за плановую экономику и социализацию основных отраслей тяжелой промышленности. Выступая на предвыборном собрании Христианско-демократического союза (ХДС) в Гейдельберге, К. Аденауэр заявил, что речь идет о том, кем будет управляться Германия — христианами или социалистами, которые не смогут противостоять наступлению коммунизма. К тому же антиклерикальные выпады лидера партии К. Шумахера отталкивали от СДПГ рабочих-католиков, а их голоса были решающими для исхода выборов, особенно в земле Северный Рейн—Вестфалия.

После выборов Аденауэр договорился с либералами и Немецкой партией о создании коалиции. Пойти на союз с СДПГ он не захотел, поскольку избиратели отдали явное предпочтение с о ц и а л ь н о - р ы н о ч н о м у, а не плановому хозяйству. 12 сентября

Теодор Хейс

лидер Свободной демократической партии (СвДП) Т. Хейс был избран Федеральным президентом ФРГ и предложил на пост Федерального канцлера ФРГ кандидатуру Аденауэра. При выборах Аденауэр получил в бундестаге 202 голоса из 402 и прошел с минимальным большинством, которое составил его собственный голос.

Для западных держав пришло время уступить власть новому кабинету министров и ввести в действие *Оккупационный статут*, сохранявший контроль союзников за политикой ФРГ на мировой арене (в первом кабинете министров не было даже поста министра иностранных дел), а также по главным экономическим вопросам (демонтаж оборудования, репарации, контроль над промышленностью Рура).

Канцлер Аденауэр стремился добиться большей самостоятельности для ФРГ. Символическим в этом отношении стала сама передачи текста Оккупационного статута. Верховные комиссары принимали канцлера и некоторых его министров в своей резиденции в Петербурге. Чтобы подчеркнуть дистанцию, их отделял от немцев красный ковер. Прекрасно зная, что он не должен наступать на ковер, Аденауэр тем не менее непринужденно встал на него и зачитал приветственное слово.

В общем замешательстве текст самого Статута канцлеру вручить забыли и второпях сунули его помощнику уже в гардеробе. Своим бесцеремонным поступком Аденауэр сразу дал понять, что ФРГ считает себя равноправным партнером стран Запада.

«Экономическое чудо»

50-е годы XX в. вошли в историю ФРГ как период «экономического чуда», «отцом» которого считали Л. Эрхарда. Он стал своеобразным «локомотивом» для Христианско-демократического союза (ХДС) — партии, проводившей избирательную кампанию под девизом: «Благосостояние — для всех».

К концу 1949 г. промышленное производство Западной Германии достигло уровня 1936 г., а через год увеличилось еще на треть. По Петербургским соглашениям 22 ноября 1949 г. были прекращены работы по демонтажу на 700 предприятиях; ФРГ получила разрешение на управление промышленностью Рура, а также на строительство океанского торгового флота. Ей был открыт доступ в *Европейское сообщество*. С 1 марта 1950 г. была окончательно отменена система распределения продуктов.

Но многие проблемы еще не были решены. Число безработных к концу 1949 г. увеличилось вдвое и в 1950 г. достигло 11% от всех лиц наемного труда. Низкой оставалась заработная плата. Так, служащие получали не более 400 марок в месяц. Во многом положение спасала умеренная политика профсоюзов, не требовавших резкого увеличения заработной платы, выросшей тем не менее к середине 50-х годов на 119%.

Вполне возможно, что «рыночный эксперимент» Эрхарда мог закончиться провалом, если бы не начавшаяся в 1950 г. война в Корее. Она вызвала поток заказов на станки и оборудование для тяжелой промышленности, потребности которой не в состоянии была удовлетворить работавшая на войну американская индустрия. Но

это могла сделать ФРГ с ее высокими производственными мощностями и огромным резервом дешевой квалифицированной рабочей силы, значительную часть которой составляли беженцы. В 1950 г. производство выросло на 20%. К осени 1951 г. стабилизировались цены, вдвое увеличился экспорт, был достигнут позитивный торговый баланс. После тяжелых лет войны и разрухи население охватила жажда потребительства и «волна обжорства».

Все стремились внести свою лепту в экономический подъем, но не все получали за это равное вознаграждение. Если в 50-е годы заработная плата удвоилась, то доходы самостоятельных хозяйств утроились. Растущему уровню жизни немцев не слишком отвечало ее качество. Жажда потребления превалировала над духовными интересами. «Американский образ жизни», над которым немало иронизировали в голодные годы, теперь победно шествовал по Западной Германии. За 15 послевоенных лет ФРГ совершила головокружительный рывок от «общества голода» к «обществу пресыщения» — поразительное достижение людей этой страны, в которой, по экономическим расчетам 1945 г., разборку 400 млн кубометров городских развалин удастся закончить лишь к 1978 г.

Социальная реформа

Катастрофические последствия войны заставляли уделять первостепенное внимание социальному аспекту рыночного хозяйства. В разрушенной стране, полной переселенцев, самого неотложного решения требовала жилищная проблема. В 50-е годы в среднем ежегодно строилось около 500 тыс. квартир, 70% которых составляло муниципальное жилье. С 1954 г. постепенно снимается контроль за ценами на уголь, газ и воду. Однако коммунальные власти решительно выступали против вхождения в рынок и требовали государственного финансирования этого сектора.

Особое внимание уделялось инвалидам войны, беженцам и людям, потерявшим в войну кров. В 1952 г. был принят специальный закон «О возмещении ущерба». К 1981 г. общие затраты на эти цели превысили 104 млрд марок.

К 1955 г. социальные расходы составляли 42% государственного бюджета. Каждая пятая семья получала социальные выплаты, поскольку более миллиона семей находились ниже официального порога бедности, определенного в 130 марок

в месяц. Это показывало, что социальная система ФРГ требовала реформирования, и одержавший победу на вторых парламентских выборах 1953 г. К. Аденауэр объявил о подготовке реформы.

При разработке *социальной реформы* выявились две концепции. Социал-демократическая партия Германии (СДПГ) и Объединение немецких профсоюзов (ОНП) выступали за введение единой системы страхования для всех профессиональных групп. Экономические союзы предпринимателей настаивали на сохранении раздельного страхования в отдельных группах лиц наемного труда. Вплоть до 1955 г. никакого конкретного проекта реформы так и не появилось, и возникла опасность, что реформа не состоится. Со своей стороны, канцлер в преддверии новых выборов (1957) торопил с проведением реформы, хотя было очевидно, что до выборов ничего сделать уже не удастся.

Поэтому было принято решение ограничиться *пенсионной реформой*, требовавшей безотлагательного решения. Ее суть состояла в так называемом договоре поколений, когда все работающие вносили часть своей номинальной заработной платы в пенсионный фонд. Из этих платежей, среднего ежегодного заработка и взносов предпринимателей рассчитывался затем размер пенсии, названной динамичной, поскольку она зависела от величины заработка и стажа работы. Новая пенсионная система начала действовать весной 1957 г. Для рабочих пенсия увеличилась в среднем на 65%, для служащих — на 72%.

Реформа существенно способствовала победе партийного блока ХДС—ХСС на выборах в бундестаг в 1957 г. Консерваторы, получив 50,2% голосов избирателей и 270 мест в парламенте, впервые добились абсолютного большинства и далеко опередили СДПГ с ее 169 мандатами. Была сформирована коалиция консерваторов и Немецкой партии, которая просуществовала до 1960 г., когда сошла с политической сцены.

Путь на Запад

Ревностный сторонник западной ориентации ФРГ, канцлер К. Аденауэр поддерживал лозунг идеолога южногерманского либерализма первой половины XIX в. К. Роттека: «Лучше свобода без единства, чем единство без свободы». Аденауэр признал установленное Петербургскими соглашениями меж-

дународное управление промышленностью Рура, рассматривая это как основу будущей западноевропейской интеграции. Такой шаг вызвал резкие нападки оппозиционной Социал-демократической партии Германии (СДПГ), лидер которой К. Шумахер назвал Аденауэра канцлером «не немцев, а союзников». Своими нападками на оккупационные власти и категорическими требованиями предоставить Германии самостоятельность Шумахер, этот «надменный и слишком социалистический немец», вызвал сильное негодование Запада.

В 1950 г. Аденауэр принял разработанный французским министром иностранных дел Р. Шуманом план создания *Европейского объединения угля и стали*. Канцлер был убежден в том, что союз изменит не только экономические связи на европейском континенте, но и «весь образ мышления и политического чутья европейцев».

Вторым столпом нового европейского порядка он считал *Европейское оборонительное сообщество* (ЕОС), фактическим инициатором создания которого был британский премьер-министр У. Черчилль, призвавший к созданию «европейской армии» под общим командованием. Помимо прочего, этот план был продиктован стремлением Запада держать под контролем будущую западногерманскую армию, которая должна действовать в рамках межнациональной военной организации.

Однако в августе 1954 г. Национальное Собрание Франции отказалось ратифицировать договор о создании ЕОС, считая, что такой план ущемляет национальные интересы страны. Для германского канцлера это стало чувствительным ударом. Но в дело вмешались американцы. Война в Корее привела их к убеждению, что без немецкой армии невозможно защитить Западную Европу от экспансии коммунизма. США усилили нажим на Францию. 26 мая 1952 г. был подписан *Германский (или Боннский) договор*, отменивший Оккупационный статут и предоставивший ФРГ государственный суверенитет.

Пытаясь предотвратить создание союза ФРГ со странами Запада, СССР весной 1952 г. выступил с так называемой *нотой Сталина*. В ней предлагалось создание единого и нейтрального германского государства путем проведения свободных выборов под наблюдением четырех держав. Западные страны расценили советское предложение как уловку, чтобы

помешать вхождению ФРГ в их военно-политическую структуру.

Правительство ФРГ и канцлер Аденауэр были убеждены в том, что объединение с Западом для ФРГ гораздо важнее, чем создание слабой единой Германии, нейтральный статус которой сделает ее беззащитной перед возможным вторжением с востока. К тому же у Аденауэра не было выбора. Даже если бы он согласился с советским предложением, западные державы не дали бы реализовать этот план. Впрочем, были основания рассматривать ноту Кремля как тактический ход и стремление в последний момент воспрепятствовать интеграции ФРГ в систему западноевропейской безопасности, а затем — действовать по обстоятельствам.

5 мая 1955 г. вступили в силу Парижские соглашения, важнейшим из которых была договоренность о вступлении ФРГ в Организацию Североатлантического договора (НАТО). Хотя Франция высказывала опасения по этому поводу, Вашингтон настоял на принятии Западной Германией в НАТО, считая что это позволит держать политику ФРГ под контролем. Трагический опыт Версальского договора как раз показал, какой роковой ошибкой стало отлучение Германии от западного сообщества.

Однако суверенитет ФРГ был неполным. Иностранные войска оставались на ее территории, а страна была лишена права обладать рядом видов стратегического оружия, включая ядерное.

В свое время, в 1946 г., Черчилль ратовал за создание Соединенных Штатов Европы, которые должны были опираться на партнерство Франции и Германии. В тот период такой план казался невыполнимым. Но времена менялись. Вслед за Европейским объединением угля и стали его участники в марте 1957 г. создали *Европейское экономическое сообщество (ЕЭС)* и *Европейское сообщество по атомной энергии (Евroatом)*. Сближение стран Европы нашло символическое выражение в том, что после заклю-

Визит канцлера ФРГ в Москву осенью 1955 г. (слева направо: Н. А. Булганин, К. Аденауэр, Н. С. Хрущев)

чения франко-германского договора о дружбе и сотрудничестве 22 января 1963 г. германский канцлер К. Аденауэр и французский президент Ш. де Голль на полях Шампани принимали совместный парад воинских частей своих стран.

В ответ на Парижские соглашения СССР и его союзники, включая ГДР, создали свое военно-политическое объединение — *Варшавский договор*. В июле 1955 г. на Женевской конференции четырех держав британский лидер Э. Иден предложил восстановить объединенную Германию после проведения всеобщих свободных выборов. Но председатель Совета министров СССР Н. А. Булганин ответил, что после вступления ФРГ в НАТО не может быть и речи о «механическом объединении» двух германских государств, и предложил строить отношения на признании этого факта. У населения обеих частей Германии это вызвало чувство глубокого разочарования.

Большие надежды возлагались на визит Аденауэра в Москву в сентябре того же года. Советский Союз предложил установить между обеими странами дипломатические отношения. Хотя в то время ФРГ претендовала на единичное представительство всех немцев и не поддерживала дипломатические отношения со странами, признающими ГДР, канцлер, учитывая настроения своих соотечественников, на предложение Кремля ответил согласием. Взамен он потребовал освобождения еще оставшихся в СССР 10 тыс. немецких военнопленных. Когда к лету 1956 г. последние из уже потерявших надежду на свободу бывших германских солдат возвратились на родину, это значительно укрепило авторитет Аденауэра.

Берлинский кризис

Во второй половине 50-х годов руководство ГДР настойчиво уговаривало советского лидера Н. С. Хрущева поднять перед западными державами вопрос относительно статуса Западного Берлина. Этот город неоднократно оказывался в центре мировой политики.

27 ноября 1958 г. появилась советская нота с предложением в течение полугода пересмотреть все прежние соглашения четырех держав относительно статуса немецкой столицы и превратить Берлин в «самостоятельную политическую единицу» со статусом демилитаризованного вольного города. Следом Кремль направляет вторую ноту, в которой

предлагает заключить мирный договор с обоими немецкими государствами, запрещающий им обладать ядерным оружием.

Одновременно полиция ГДР начала задерживать западные транспортные средства на их пути в Берлин. Первоначальная реакция Великобритании и США, утративших после запуска первого спутника Земли с помощью советской ракеты-носителя свою военную неуязвимость и военное превосходство, была сдержанно осторожной. Они выражали готовность к переговорам, но очень неопределенно. В этой ситуации К. Аденауэр обратился за поддержкой к Ш. де Голлю, который разрабатывал план превращения Франции в самостоятельную ядерную державу и нуждался для этого в экономической помощи ФРГ. Формирование своеобразной «оси Бонн — Париж» определило характер внешней политики ФРГ в 1953—1958 гг.

В противовес советским нотам, грозившим новой берлинской блокадой, в ФРГ были разработаны два плана, не исключавшие возможности признания ГДР в ответ на угрозу Москвы заключить с ней сепаратный мирный договор.

Первый план был составлен Х. Глобке — статс-секретарем ведомства федерального канцлера. Решительно отклоняя демилитаризацию ФРГ, для Берлина такую возможность Глобке не исключал. После переходного периода во всей Германии должны были состояться свободные выборы единого парламента. Все это могло бы рассматриваться в качестве первого шага к объединению.

Второй план, выдвинутый Социал-демократической партией Германии (СДПГ), предусматривал создание в Центральной Европе зоны, свободной от ядерного оружия, и постепенного оформления конфедерации двух германских государств.

Но Аденауэр опасался, что западные державы, проигнорировав интересы Бонна, могут за-

ключить сделку с СССР, склонив Хрущева к переговорам. В мае 1959 г. советская сторона дала согласие на созыв конференции министров иностранных дел, а это означало, что Советский Союз может отказаться от своего жесткого ультиматума. Состоявшаяся вскоре в Женеве конференция четырех держав, на которой в качестве наблюдателей присутствовали и две немецкие делегации, закончилась фактическим признанием существования двух немецких государств.

Социал-демократы в оппозиции

После кончины в 1952 г. лидера Социал-демократической партии Германии (СДПГ) К. Шумахера, заслугой которого многие историки считают спасение западной части страны от тоталитарного коммунизма, в СДПГ стало расти влияние более прагматичных политиков нового поколения. Уже на съезде в сентябре 1952 г. партия смягчила свою социально-экономическую программу, признав не только возможность, но и желательность настоящей конкуренции «во всех подходящих для этого секторах экономики» и поощрения «мелкой и средней частной собственности». Фактически это означало отказ от прежнего курса «непримиримой оппозиции».

Изменить политические и экономические ориентиры партию заставило крупное поражение на выборах 1957 г. На съезде в Штутгарте в 1958 г. было значительно обновлено руководство СДПГ. Ее лидерами стали В. Брандт, Г. Шмидт, Г. Венер и др. Поскольку партия стремилась оказывать большее влияние на социально-экономический курс правительства, то от ее руководителей требовались значительная гибкость и готовность к компромиссам. Поэтому в СДПГ развернулась дискуссия о *новой партийной программе* (прежняя была утверждена в Гейдельберге в 1925 г.), способной привлечь к себе самые широкие слои населения.

Новая программа была принята в ноябре 1959 г. на чрезвычайном съезде в Бад-Годесберге. С трибуны бундестага Венер выразил принципиальное согласие социал-демократов с внешней политикой правительства К. Аденауэра.

В Годесбергской программе социал-демократы отказались от основных положений марксизма, утвердив принципы *свободы, справедливости и солидарности* как новые цели партии. Вместо построения социализма и замены рыночных

отношений плановой экономикой в качестве основной была провозглашена иная политическая задача — *установление общественного контроля за экономической деятельностью*. Решающим для позитивного отношения германской общественности к программе стал ее отказ от социализма.

Немецкая социал-демократия преодолела давнее противоречие между революционно-марксистскими целями и социал-реформистской практикой. СДПГ отказывалась от своего негативного отношения к церкви и признавала необходимость защиты своего отечества. Такой подход привлекал на сторону партии, в которой значительную часть составляли представители образованных слоев общества, широкие круги населения, а тем самым СДПГ утрачивала свой классовый характер. Из партии рабочих она становилась *партией народа*. Принятие новой программы имело еще одно важное значение — СДПГ стала партией, способной на достижение компромиссов и создание коалиций с другими политическими силами.

Проблемы авторитарного канцлерства

Победа К. Аденауэра на выборах 1957 г. стала высшей точкой его политической карьеры. Произошло это в момент, когда были выполнены задачи восстановления и надо было ставить иные цели. Но канцлер, все внимание которого занимали внешнеполитические проблемы, не предлагал никаких новых внутренних ориентиров. В руководстве Христианско-демократического союза (ХДС) понимали, что, хотя длительное пребывание Аденауэра у власти создавало ощущение стабильности и преемственности, 80-летнему канцлеру пора было уступить место более молодому политику.

Возник своего рода парадокс. Все больше политиков-консерваторов стали проявлять недовольство авторитарным стилем правления канцлера, его ядовитыми нападка на оппонентов, безразличием к сомнительному политическому прошлому многих своих сотрудников (в частности, статс-секретарь Х. Глобке был известен как автор антисемитских комментариев к пресловутым Нюрнбергским законам 1935 г.).

Правление Аденауэра приучило немцев к демократии. Этому способствовал запрет экстремистских партий. Так, в 1952 г. была прекращена деятельность неонацистской Социалистической имперской партии, а в 1956 г. — Комму-

нистической партии Германии (КПГ), хотя в этом не было особой необходимости, поскольку партия уже со вторых выборов в бундестаг не набирала более 3% голосов избирателей и не могла попасть в парламент из-за введенного пятипроцентного барьера. Но КПГ открыто призывала к «революционному свержению режима Аденауэра», а это было прямым нарушением Конституции, запрещавшей призывы к насильственному изменению государственного строя.

В 1959 г. Аденауэр начал подбирать себе преемника, но столько раз менял свои решения, что это стало вызывать раздражение у членов ХДС. Да и жесткая внешняя политика германского канцлера после Суэцкого и Венгерского кризисов 1956 г. обнаружила свою бесперспективность. В поисках претендента на пост канцлера Аденауэр отверг кандидатуру популярного Л. Эрхарда и даже пытался всячески опорочить его в глазах ведущих партийных функционеров. Правда, Аденауэр не без оснований сомневался в том, что превосходный экономист окажется столь же умелым политиком.

В преддверии выборов 1961 г. новый лидер либеральной Свободной демократической партии (СвДП) Э. Менде выдвинул условие участия его партии в коалиции: с ХДС, но без Аденауэра. В ситуации, когда ни одна из ведущих партий не могла получить абсолютного большинства голосов избирателей, роль СвДП как партнера по коалиции становилась особенно весомой, и либералы могли выдвигать свои условия. Эту ситуацию немцы охарактеризовали очень образно. В самом авторитетном общественно-политическом журнале ФРГ «Шпигель» появилась карикатура. На ней между двумя клетками, в которых сидят два грустных льва, символизирующих блок ХДС—ХСС и Социал-демократическую партию Германии (СДПГ), бойко приплясывает шустрая обезьянка с надписью «СвДП» на животе и, размахивая ключами, приговаривает: «Кому захочу, тому и открою».

На выборах 1961 г. партийный блок ХДС—ХСС получил 45,4% голосов избирателей, СДПГ — 36,2%, СвДП — 12,8% голосов. Сохранению авторитета Аденауэра помешало возведение в разгар избирательной кампании (13 ав-

Конрад Аденауэр у Бранденбургских ворот (Берлин, 1961 г.)

густа) Берлинской стены. В отличие от кандидата СДПГ **В. Брандта**, сразу же отправившегося в Западный Берлин, чтобы подбодрить и воодушевить его жителей, бургомистром которых он являлся, канцлер туда не поехал. Но теперь пришло время выполнять коалиционное соглашение с либералами, по которому Аденауэр пообещал уйти в отставку в середине срока, чтобы дать своему преемнику время для подготовки к выборам 1965 г.

Но политическая карьера Аденауэра завершилась раньше. В ночь с 26 на 27 октября 1962 г. полиция заняла редакцию гамбургского журнала «Шпигель», написавшего в статье о маневрах НАТО про плохую боевую подготовку частей бундесвера, что якобы являлось государственным секретом. Канцлер по этому поводу заявил, что в стране «бездна государственной измены» и взял под защиту министра обороны **Ф. Штрауса**, бывшего одновременно и лидером партии Христианско-социальный союз (ХСС). Хотя замешанный в этой неблагоприятной акции министр обороны был вынужден все-таки уйти в отставку, общественное доверие к государственной власти оказалось подорванным. По всей стране прошли многочисленные стихийные демонстрации с протестом против подавления свободы прессы. Следствием явился правительственный кризис, улаженный только после возвращения в правительство министров-либералов.

Аденауэр покинул свой пост 15 октября 1963 г. С его уходом завершилась послевоенная эпоха истории ФРГ.

Глава 14

«ЛУЧШЕЕ ГОСУДАРСТВО В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИИ» (1961—1989)

От Конрада Аденауэра — к Людвигу Эрхарду

Разразившийся в октябре 1962 г. Карибский кризис, поставивший мир на грань термоядерной катастрофы, завершился компромиссом, который означал постепенный переход от «холодной войны» к политике разрядки. Руководство ФРГ это застигло врасплох, поскольку по всей внутригерманской границе напряженность сохранялась. Краеугольным камнем германской политики **К. Аденауэра** была его уверенность в том, что военно-экономическое превосходство Западной Германии в итоге приведет к воссоединению страны мирным путем. Но теперь казалось, что никто на Западе не интересуется больше германскими проблемами. Если бы ФРГ захотела придерживаться прежнего курса конфронтации, то рисковала оказаться в изоляции.

Перемены произошли и во внешней политике Бонна. В 1963—1964 гг. в Польше, Румынии, Венгрии и Болгарии появились торговые миссии ФРГ, хотя это и не означало установления дипломатических отношений. По мнению министра иностранных дел ФРГ **Г. Шредера**, улучшение отношений с восточноевропейскими странами должно было послужить средством давления на ГДР. Но эти расчеты не оправдались.

Внешняя политика не являлась сильной стороной деятельности канцлера **Л. Эрхарда**. Его популярность (на выборах 1965 г. он получил даже больше голосов избирателей, чем Аденауэр на предыдущих выборах) определялась *успехами экономического развития страны*. Объем промышленного производства ФРГ увеличился на 5,5%, а безработица сократилась до 0,7%. Но в то же время на 3,1% возросла и стоимость жизни.

Во время своего канцлерства Эрхард выдвинул недооцененную в то время концепцию «сформированного общества», основанного «на сотрудничестве всех групп и интересов». Канцлер утверждал, что в Германии должно быть сформировано общество, в котором главным является «благополучие для всех». Такое общество может базироваться только на добровольном осознанном сотрудничестве, поэтому в его основе лежат *демократические принципы*.

Однако с середины 60-х годов темпы экономического роста снизились. В общем, в этом не было ничего удивительного: никакой бурный подъем не может продолжаться бесконечно. Но это был первый ощутимый спад производства в истории ФРГ, поэтому он воспринимался особенно болезненно. В 1967 г. не было прироста производства, а безработица достигла скандального для того времени уровня — около полумиллиона человек (т. е. 2,1% занятых). К тому же конкуренция со сравнительно дешевой нефтью вызвала первый серьезный кризис в угольной промышленности. В довершение всего на выборах в ландтаг Гессена победила праворадикальная *Национал-демократическая партия*. Она получила 7,9% голосов избирателей этой немецкой земли, всегда считавшейся «розовой».

Встревоженная общественность заговорила о крахе второй (считая первой Веймарскую республику) немецкой демократии. Впрочем, у западногерманских неонацистов были уже совершенно новые исторические условия и не было лидера, подобного А. Гитлеру.

В условиях кризиса обострились разногласия по поводу бюджета на 1967 г., составленного с дефицитом в 4 млрд марок. В конце октября министры от Свободной демократической партии (СвДП) вышли из правительства. Ведущие либеральные политики стали искать пути для заключения коалиции с социал-демократами. А еще раньше, в июле 1966 г., Христианско-демократический союз (ХДС) проиграл выборы в самой населенной западногерманской земле Северный Рейн—Вестфалия. 10 ноября фракция партийного блока ХДС—ХСС в бундестаге назвала кандидатом в канцлеры премьера земли Баден-Вюртемберг К. Кизингера, с которым уже наладили контакты и социал-демократы. Эрхард был вынужден подать в отставку.

«Большая коалиция»

Возможность создания коалиции *демохристиан и социал-демократов* существовала уже в ноябре 1962 г., во время скандала с журналом «Шпигель». Тогда этому категорически воспротивился К. Аденауэр. Но спустя четыре года «большая коалиция» стала реальностью. 1 декабря 1966 г. бундестаг избрал федеральным канцлером католика К. Кизингера, единственного в истории ФРГ главу правительства, который в прошлом являлся членом Национал-социалистической рабочей партии Германии (НСДАП). Но это не доказывало его нацистских убеждений. Будучи с 1940 г. руководителем отдела радиопропаганды в Министерстве иностранных дел, он был обязан состоять в правящей партии, за что после капитуляции рейха и провел 18 месяцев в лагере.

В правительство «большой коалиции» вошли 10 министров от блока ХДС—ХСС и 9 министров от СДПГ. Пост вице-канцлера и министра иностранных дел занял В. Брандт. Между министрами от разных партий, естественно, возникли разногласия, но Кизингер умел примирять стороны. К тому же содружество министров экономики К. Шиллера и финансов Ф. Штрауса (эту пару прозвали «толстый и тонкий») оказалось необычайно работоспособным. Оппозиция, имев-

шая в бундестаге всего 50 мест, не могла противостоять воле 446 депутатов, представлявших правительственное большинство.

Главной задачей коалиции являлось преодоление экономического спада, бюджетного дефицита и ликвидация безработицы. Ее экономическую стратегию выразил министр экономики: «Конкуренция — насколько возможно, планирование — насколько необходимо». Он же изложил и концепцию «глобального регулирования» экономики государством, которая базировалась на концепции британского экономиста Д. Кейнса, предлагавшего использовать для оживления экономики прежде всего ф и н а н с о в ы е р ы ч а г и.

Принятый 8 июня 1967 г. закон о стабилизации экономики базировался на трех принципах: стабильность цен, высокий уровень занятости и уравновешенный платежный баланс. Чтобы осуществить эти меры без особых проблем, была проведена «концертированная [т. е. согласованная] акция», в ходе которой представители государства, профсоюзов и предпринимателей договаривались о размере заработной платы. Речь шла о достижении «социальной симметрии» (еще одно словесное изобретение министра Шиллера). Фактически же профсоюзы должны были соблюдать сдержанность в требованиях с целью повысить прибыли предпринимателей, а значит, стимулировать повышение их инвестиционной активности.

Антикризисные меры правительства проявились в том, что наиболее пострадавшие отрасли — металлургия, строительство, электротехническая промышленность — получили *государственные субсидии*. Были приняты также программы *развития образования и науки*. На оживление экономики из бюджета было выделено 12,5 млрд марок. С 1968 г. начался хозяйственный подъем, а безработица снизилась до 1,5%.

Во внешней политике особых сдвигов не произошло. Правда, канцлер начал отвечать на послания главы правительства ГДР (его предшественники их игнорировали), и были установлены дипломатические отношения с Румынией и Югославией.

Кизингер уделял большое внимание *развитию культуры*, стремясь сделать небольшие города маленькими центрами культуры.

«Большая коалиция» смогла сформировать правительство только на переходный период. Уже во время подготовки к выборам 1969 г. потенциал сотрудничества обеих правящих партий практически оказался исчерпанным. 5 мая 1969 г. Феде-

ральным президентом ФРГ был избран социал-демократ, министр юстиции Г. Хайнеман. За него проголосовали и либералы, показавшие тем самым готовность к сотрудничеству с социал-демократами. В ФРГ стала складываться новая политическая ситуация.

Проблема чрезвычайного законодательства

В Основном законе ФРГ не было специальных положений на случай возникновения в стране чрезвычайной ситуации, поскольку после веймарского урока существовали обоснованные опасения, что государство может злоупотребить своей властью. Но после отмены Оккупационного статута, предоставившего в случае необходимости чрезвычайные полномочия западным союзникам, возникла необходимость принятия собственного германского закона, чтобы в любом случае сохранить дееспособность демократической системы, а значит, иметь возможность отменять некоторые конституционные права. Против этого резко выступили многие интеллектуалы, профсоюзы, но прежде всего — студенты и школьники. Для многих из них стало шоком принятие в мае 1968 г. закона «О чрезвычайном положении». В условиях, когда в бундестаге не было значительной оппозиции, протест получил форму *внепарламентской оппозиции*.

Все началось со *студенческих протестов* против «профессорских университетов» под лозунгом: «Под мантиями — тысячелетняя затхлость». Постепенно протесты приняли всеобщий характер — против всякой диктатуры. Во время уличных беспорядков в Берлине 2 июня 1967 г. от пули полицейского случайно погиб студент Б. Онезорг. Это вызвало волну студенческих беспорядков во всех университетских городах ФРГ. 11 апреля 1968 г. в Западном Берлине молодой рабочий несколькими выстрелами тяжело ранил студенческого лидера Р. Дучке. Вооруженные бутылками с зажигательной смесью и камнями студенты попытались разгромить издательство А. Шпрингера. В результате два человека погибли, более 400 получили ранения. 11 мая 30-тысячная толпа блокировала здание бундестага. Демонстранты требовали сломать «заскорузлые структуры» и сокрушить либеральную демократию как «повседневный фашизм».

Но демонстрациями протест и ограничился. Рабочие, понимая, что, поддержав оппозицию, могут многое потерять, отнеслись к студенческим волнениям как к выходкам избало-

ванных и аморальных юнцов. Внепарламентская оппозиция раздробилась на мелкие группы, часть из которых примкнула затем к альтернативным движениям, часть — к террористическому подполью. Но итогом ее выступлений стало общее изменение политического климата ФРГ.

Социал-либеральная коалиция

В 1968 г. либеральную Свободную демократическую партию (СвДП) возглавил новый лидер — **В. Шеель**. Под его руководством партия полевела и приобрела более социальный и прогрессивный имидж, а ее консервативное крыло стало менее активным.

На выборах в бундестаг 1969 г. блок ХДС—ХСС получил 46,1% голосов избирателей (242 места), партия СДПГ — 42,7% (224 места). 21 октября **В. Брандт** был избран Федеральным канцлером ФРГ, **В. Шеель** стал вице-канцлером и министром иностранных дел. Впервые с 1930 г. во главе кабинета министров оказался социал-демократ.

Новая коалиция пришла к власти под лозунгом: «Отважиться на расширение демократии». Новые формы участия граждан в общественно-политической жизни, обновление законодательства и государственных институтов должны были повысить доверие к демократии, особенно у критически настроенной молодежи. А это значило — необходимы реформы во всех сферах жизни общества.

Был принят новый закон о предприятиях, расширивший права трудящихся. На всех фирмах, где работало более пяти человек, появились производственные советы. В составе совета всегда был представитель от молодых рабочих. С 1 июля 1976 г. на тех 500 предприятиях, на которых было занято более 2000 человек, производственный совет, создаваемый на паритетной основе, мог участвовать в принятии решений любого рода; при спорной ситуации председатель совета имел два голоса.

Вилли Брандт

В 1970 г. был принят закон «О перераспределении собственности», по которому отчисляемая в фонд накопления инвестиционная заработная плата увеличивалась вдвое — до 624 марок. Рабочие получали именные сертификаты на постепенно растущую сумму отложенной зарплаты, блокированную на срок не менее пяти лет. За короткое время инвестиционные фонды охватили 16 млн трудящихся.

Самым большим социальным проектом стала реформа всеобщего образования. Были введены стипендии и бесплатное посещение занятий в вузах. В результате к 1979 г. число студентов из рабочих семей выросло вдвое и составило 14%.

Но если многие образовательные программы так и остались нереализованными, причиной этого было не только противодействие земель, которые по традиции встречали в штыки любую «реформу сверху» и ревниво оберегали свои прерогативы в определении системы образования. Против реформ активно выступали консерваторы. К тому же выяснилось, что демократизация образования из-за молодежной безработицы, переполненных аудиторий и избытка высококвалифицированных специалистов, с одной стороны, устраняла социальную несправедливость, а с другой — провоцировала новые социальные конфликты.

Восточная политика ФРГ

В первом заявлении правительства социал-либеральной коалиции, хотя и не говорилось ничего о международно-правовом признании ГДР, но упоминалось о «двух германских государствах». Вряд ли можно было яснее продемонстрировать отход от аденауэровской «политики силы». Кроме того, если существуют два немецких государства, то это еще не значит, что они являются заграницей друг для друга. Канцлер **В. Брандт** подчеркнул, что стоит испробовать все средства, чтобы два германских государства, вместо того чтобы жить «друг около друга», попробовали жить «друг с другом».

Осторожные шаги к сближению немецких государств были сделаны еще во время «большой коалиции», теперь процесс был продолжен. К этому времени стало ясно, что можно не признавать границу по Одеру—Нейсе, но она стала реальностью, которую вряд ли удастся изменить, тем более в обстановке международной разрядки. Тем не менее со стороны руководителей ФРГ это был мужественный шаг. Но

он мог получить признание только в случае, если и другая сторона признает реальности, сложившиеся в Центральной Европе. Имелась в виду тесная связь ФРГ с Западным Берлином. Но любое западногерманское мероприятие на территории бывшей общегерманской столицы немедленно вызывало протесты ГДР и усиление мелочных придирок на трассах между ФРГ и Берлином. Не был урегулирован и порядок поездок частных лиц.

В начале 1970 г., когда начались советско-западногерманские переговоры о заключении договора о добрососедских отношениях, выявились различные подходы к проблеме послевоенных границ государств. Москва стремилась окончательно закрепить сложившееся положение, Бонн пытался оставить возможность их будущего изменения, разумеется, мирным путем. После сложных и подчас грозивших провалом переговоров 12 августа 1970 г. В. Брандт и В. Шеель подписали в Москве *Договор о сотрудничестве и отказе от применения силы*. Через 15 лет после трудной московской миссии К. Аденауэра вновь в центре внимания коммунистического мира оказался германский канцлер. Но на этот раз речь шла не только о п р и м и р е н и и, но и о с о т р у д н и ч е с т в е, в том числе и в экономической сфере, особенно интересующей немецких промышленников. Отказываясь от насильственного пересмотра границ, ФРГ тем не менее не исключала принципиальную возможность их мирного изменения, как и существование *единой немецкой нации*, которая «свободным волеизъявлением восстановит свое единство».

7 декабря 1970 г. аналогичный договор был подписан в Варшаве. В нем также говорилось о «неприкосновенности» (но не об «окончателности») границы по Одру—Нейсе и об отказе от территориальных претензий. В Варшаве переговоры проходили труднее, чем в Москве. В частности, только в 1975 г., после предоставления Польше кредита в 1 млрд марок, удалось договориться о переселении желающих покинуть польские земли этнических немцев¹.

Завершением процесса заключения «восточных договоров» явилось подписание 11 декабря 1973 г. договора с Чехослова-

¹ Во время заключения договора с Польшей произошло символическое событие: В. Брандт, который не имел ничего общего с нацизмом, опустился на колени перед памятником погибшим повстанцам Варшавского гетто.

кией. Прага требовала признать Мюнхенское соглашение (1938) «недействительным с самого начала». Западногерманская сторона указывала, что такая формулировка вызовет поток материальных исков в немецкие суды и что соглашение было подписано также западными державами, которые, следовательно, должны участвовать и в его аннулировании. Пражский договор был подписан только после отказа Чехословакии от возмещения материального ущерба от потери Судетов.

3 сентября 1971 г. четыре державы подписали *соглашение по Берлину*. СССР впервые признал особые отношения Западного Берлина с ФРГ, поскольку в противном случае бундестаг, скорее всего, отказался бы от ратификации всех «восточных договоров».

В октябре 1971 г. Федеральному канцлеру ФРГ Брандту была присуждена Нобелевская премия мира.

Параллельно с подготовкой «восточных договоров» начались переговоры между ФРГ и ГДР. В мае 1970 г. канцлер В. Брандт и глава правительства ГДР В. Штоф дважды встречались в Эрфурте и Касселе для обсуждения вопросов нормализации отношений. Если эрфуртцы, опрокидывая полицейские заслоны, горячо приветствовали федерального канцлера, то в Касселе правые экстремисты, размахивая оскорбительными плакатами, попытались сорвать встречу.

В целом обе встречи не принесли значительных результатов. Но изложенные Брандтом в Касселе 20 условий постепенной нормализации отношений легли в основу подписанного 21 декабря 1972 г. договора «*Об основах отношений между ГДР и ФРГ*». В нем был признан факт существования двух германских государств, отношения между которыми должны строиться на основе равноправия и отказа от применения силы. Было достигнуто также соглашение об обмене постоянными представительствами в Бонне и Восточном Берлине, хотя ГДР вначале настаивала на обмене посольствами. Правительство ФРГ прило-

жило к договору письмо о *необходимости сохранения единства немецкой нации и ее права на свободное самоопределение*.

Бавария подала на участвовавших в переговорах жалобу, считая договор неконституционным. Но Федеральный конституционный суд в Карлсруэ отклонил ее, не усмотрев в договоре никаких нарушений Конституции ФРГ. Суд указал также на то, что до заключения мирного договора ответственность за Германию как единое целое лежит на четырех державах.

Оппозиция консерваторов

После двадцати лет пребывания у власти партийный блок ХДС—ХСС оказался совершенно не готов к роли оппозиции. Надежды консерваторов на скорое падение правительства связывались с новым председателем партии Христианско-демократический союз (ХДС). Им стал **Р. Барцель**, которому можно было поручить самую деликатную миссию. Христианские демократы рассчитывали на перебежчиков из правого крыла Свободной демократической партии (СвДП), способных нарушить незначительное (в 12 голосов) правительственное большинство.

Но смещение В. Брандта с поста Федерального канцлера ФРГ могло бы выглядеть законной процедурой только при соответствующем настроении общественности. Такую возможность предоставили «восточные договоры». Разумеется, оппозиция не возражала ни против их заключения, ни против политики разрядки. Но она считала, что если бы переговоры вело правительство блока ХДС—ХСС, то оно добилось бы гораздо большего и не согласилось бы с фактическим узакониванием восточных границ. Часть консервативных политиков была настроена более решительно и рассматривала закрепление статус-кво как капитуляцию перед коммунистическим блоком, с которым вообще недопустимо вступать в переговоры.

Осенью 1970 г. начался процесс массового выхода депутатов бундестага из правящих партий. В начале 1972 г. у правительства Брандта—Шееля осталось большинство всего в четыре голоса. В апреле партия ХДС одержала полную победу на выборах в ландтаг земли Баден-Вюртемберг, а через несколько дней правительственное большинство сократилось до двух голосов. Барцель тут же сообщил, что заручился

поддержкой нескольких свободных демократов и смело может рассчитывать на кресло канцлера. После этого фракция блока ХДС—ХСС вынесла вотум недоверия правительству. Барцель уже готовился принимать поздравления, когда официальные результаты показали, что для победы ему не хватило двух голосов. Следовательно, по крайней мере, два депутата из фракции ХДС высказались против председателя своей партии. Позднее Ю. Штейнер, бывший депутат от партии ХДС, признался, что получил от одного из функционеров Социал-демократической партии Германии (СДПГ) 50 тыс. марок за свой голос против Барцеля. Самое пикантное во всей этой до конца не выясненной истории состояло в том, что передавший взятку сотрудник был агентом органов госбезопасности ГДР, снабдивших его деньгами для подкупа с целью спасти Брандта и ратифицировать «восточные договоры». Но бундестаг оказался недееспособным, и на 19 ноября 1972 г. были назначены внеочередные выборы.

Предвыборная кампания носила ожесточенный характер. Правительству помогло опубликование текста договора с ГДР, который многие расценили как первый шаг к объединению. В результате СДПГ добилась наилучшего результата, получив 45,8% голосов избирателей (230 мест). Блок ХДС—ХСС получил 44,9% голосов избирателей (225 мест) и вновь оказался в оппозиции. На посту лидера партии ХДС в июне 1973 г. Барцель сменил 43-летний премьер земли Рейнланд-Пфальц Г. Коль.

Но **В. Брандт** после блестящей победы своей партии чувствовал себя усталым и постепенно терял контроль над кабинетом министров. В апреле 1974 г. один из его ближайших сотрудников был разоблачен как агент службы госбезопасности ГДР, а оппозиция потребовала самого тщательного расследования. Брандт взял ответственность за себя и 6 мая подал президенту прошение об отставке. 16 мая Федеральным канцлером ФРГ был избран опытный экономист, интеллигентный и прагматичный человек **Г. Шмидт**, не терпевший никакой «идеологической болтовни».

Нефтяной кризис

В конце 1973 г. в ФРГ опустели автобаны, выключилось отопление в квартирах, погасла реклама. Все напоминало злоедей 1929 г. Это стало следствием нефтяного кризиса, в одночасье парализовавшего жизнь в западных странах. В октябре 1973 г. арабские экспортеры нефти впервые применили нефтяную блокаду как политическое оружие в арабо-израильской войне.

Возросшая в три раза цена на нефть повлекла за собой и общее подорожание, и снижение производства. Инфляция достигла 7%, безработица превысила 5%. Требуемая денег политика реформ заметно подорвала германский бюджет. Естественно, это влекло за собой рост государственного долга, увеличившегося с 45 млрд марок в 1969 г. до 300 млрд марок в 1982 г. Угрожающе усилился разрыв между государственным долгом и ростом производства.

Несмотря на кризис, профсоюзы потребовали повышения заработной платы на 11% и добились своего, что стало личным поражением канцлера **В. Брандта**.

Пришедший ему на смену **Г. Шмидт**, жесткий стиль руководства которого вызывал недовольство многих людей, понимал, что обнародованные в 1969 г. реформаторские программы являются «социальной утопией», так как их финансирование пре-

вышает возможности государства. А в 1972 г. он навлек на себя бурю критики, заявив, что 5% инфляции лучше, чем 5% безработицы. В правительственном заявлении Шмидт объявил о коррекции курса кабинета министров прежде всего в области непомерных социальных расходов. Благодаря этому в бюджете 1976 г. удалось сэкономить 13 млрд марок, а в бюджете 1977 г. — уже 33 млрд марок. Но расплачиваться за эту экономию приходилось, в основном, трудящимся.

В июле 1974 г. Федеральным президентом ФРГ был избран **В. Шеель**. Его преемником в партии и в Министерстве иностранных дел стал **Х.-Д. Геншер**.

Волна терроризма

История терроризма в ФРГ берет свое начало в апреле 1968 г., когда ночью в центре Франкфурта-на-Майне запылали два огромных универмага. Поджигатели, среди которых было двое студентов, выражали этим свой протест против «потребительского террора» и войны во Вьетнаме.

Возникшая на базе студенческого движения группа террористов стала называть себя «*Фракция Красной армии*» (РАФ)¹. Находясь в подполье, она сумела создать широкую сеть опорных точек. Первое время террористы действовали под социально-революционными лозунгами, затем выступали за освобождение осужденных членов организации. В конце концов их террор превратился в насилие ради насилия. Нападения на банки дали рафовцам значительные средства, а фальшивые документы они добывали налетами на паспортные учреждения.

В 1972 г. полиция арестовала главных лидеров РАФ. Но и в тюрьме они не прекращали борьбы против общества, призывая к новым актам террора и объявляя голодовки. После того как один из заключенных умер, на следующий день, 10 ноября 1974 г., в Берлине был убит президент судебной палаты **Г. Дренкман**. В феврале 1975 г. террористы захватили в заложники председателя берлинского отделения партии христианских демократов **П. Лоренца** и потребовали освободить и отправить в Южный Йемен пятерых своих товарищей. Кризисный штаб во главе с **Г. Шмидтом** с целью спасти заложнику жизнь считал возможным удовлетворить требование

¹ От нем. *RAF* — Rote Armee Fraktion.

террористов. Но правительство ФРГ решило, не превращая страну в полицейское государство, не допускать больше унижения республики.

Волна терроризма нарастала. В апреле 1977 г. в Карлсруэ был застрелен генеральный прокурор З. Бубак. В июле убили президента Дрезденского банка Ю. Понто. В сентябре террористы похитили президента Союза промышленников Х. Шлейера и потребовали освобождения 11 заключенных. На этот раз правительство решило потянуть время. 13 октября палестинские террористы угнали в сомалийский город Могадишо немецкий самолет с почти сотней пассажиров и потребовали немедленного освобождения 11 немецких и 2 турецких террористов. Через пять дней спецгруппа пограничной службы ФРГ штурмом захватила самолет и освободила всех заложников. Через несколько часов в штуртгартской тюрьме застрелились трое лидеров РАФ (осталось неизвестным, каким образом в их камерах оказалось оружие). На следующий день в Эльзасе было найдено тело убитого заложника Шлейера.

Многочисленные аресты не смогли полностью устранить угрозу терроризма. И в 1986 г. РАФ совершила новый ряд убийств — погибли несколько крупных чиновников, промышленников, финансистов.

После объединения Германии на судебных процессах полностью подтвердилось давнее подозрение, что террористы получали помощь спецслужб ГДР. В 1990 г. многие из членов РАФ были арестованы и приговорены к различным срокам заключения.

Развал коалиции

Шок от нефтяного кризиса, случившегося в 1973 г., прошел довольно быстро. Но появились проблемы, связанные с опасными последствиями экономического роста. Возникли многочисленные *экологические движения*, на базе которых в 1980 г. сформировалась *партия «зеленых»*. Спустя три года ее представители уже заседали в бундестаге. Свою партию «зеленые» строили на принципах «базовой демократии», т. е. автономности и самоуправления местных организаций. Часть партии выступила за сотрудничество с Социал-демократической партией Германии (СДПГ), другая была принципиально против любых коалиций.

После нефтяного кризиса правительство Г. Шмидта стало уделять первостепенное внимание *развитию высоких технологий*. В то же время выяснилось, что постоянная безработица приобрела структурный характер. Совершенствование производства, когда люди заменялись автоматами и роботами, приводило к исчезновению многих профессий. Так, в полиграфии внедрение фотонабора практически ликвидировало профессию наборщика металлического набора.

Рост государственного долга и увеличивающаяся безработица обострили социальные проблемы. С 1970 по 1981 г. национальный доход возрос с 533 до 1188 млрд марок, а социальные расходы — с 174 до 484 млрд марок, что превышало темпы роста дохода. К тому же число нуждающихся в социальной помощи (в 1974 г. их насчитывалось 5,7 млн человек) постоянно росло. Социально-экономические проблемы осложняли отношения между партнерами по коалиции. Либералы как партия среднего класса требовали «больше свободы и меньше государственного вмешательства».

Выборы 1980 г. сохранили коалицию во многом потому, что Свободная демократическая партия (СвДП) не решилась пойти на союз с блоком ХДС—ХСС, опасаясь, что весьма неоднозначная личность их кандидата Ф. Штрауса отпугнет многих избирателей и партия может вообще не попасть в бундестаг. Шмидт выглядел гораздо надежнее, но его правительственное заявление от 24 ноября содержало достаточно расплывчатые формулировки. В августе 1981 г. Х.-Д. Геншер в письме к руководству своей партии и местным партийным функционерам высказался за ориентацию на принципы рыночной экономики и за сокращение социальных расходов, на что СДПГ не могла согласиться. В то же время многие социал-демократы выступали в том духе, что если из-за противодействия либералов невозможен поворот к более левому курсу, то не лучше ли уйти в оппозицию. На мюнхенском съезде СДПГ весной 1982 г. выдвигались во многом нереальные требования. Предлагая проведение широ-

Франц Йозеф Штраус

ких программ занятости, сокращение льгот предпринимателям, увеличение государственных инвестиций, делегаты не указывали источники их финансирования. А источников этих и не было. Таким образом, канцлер был лишен свободы маневра. Как глава правительства Шмидт не совершал крупных ошибок, но и не принимал судьбоносных решений.

К осени 1982 г. положение в коалиции обострилось. В сентябре гессенская организация СвДП открыто высказалась за коалицию с Христианско-демократическим союзом (ХДС). Еще до этого министр экономики О. Ламбсдорф потребовал резкого сокращения в бюджете на 1983 г. всех социальных статей. Фактически это был ультиматум, и федеральный канцлер правильно расценил программу Ламбсдорфа как намерение разорвать коалицию. Он предложил министру представить ему пояснение в письменном виде. Получив через семь дней это «свидетельство о разводе», канцлер наметил на 17 сентября свое выступление в бундестаге с речью, возлагающей ответственность за развал коалиции на либералов. Но еще раньше четыре министра от либеральной партии заявили о своей отставке.

1 октября 1982 г. бундестаг вынес Шмидту вотум недоверия и большинством голосов (52%) избрал Г. Коля Федеральным канцлером ФРГ.

Канцлерство Гельмута Коля

С самого начала своей деятельности на посту федерального канцлера Г. Колю пришлось столкнуться со своенравным Ф. Штраусом, который когда-то заявил, что «этот политический увалень никогда не будет канцлером, ибо абсолютно неспособен занимать этот пост». Когда же это произошло, то Штраус снова поднял вопрос о превращении Христианско-социального союза (ХСС) в четвертую федеральную партию. Но Коля пригрозил, что совершит во главе колонны членов Христианско-демократического союза (ХДС) «поход на Мюнхен» — и Штраус отступил.

Не обладая ни внешним лоском, ни элегантными манерами, Коля, этот почти двухметровый «провинциальный рейнландец», быстро показал себя настоящим профессионалом в политике. Внеочередные выборы в бундестаг 6 марта 1983 г. принесли партии ХДС значительный успех. Вместе с партией ХСС они получили 48,8% голосов избирателей (244 места).

Колю благоприятствовало то, что он пришел к власти в период оживления мировой экономической конъюнктуры. Ему удалось замедлить рост государственной задолженности, стабилизировать цены, снизить налоги. Если в 1982 г. превышение доходов над расходами составляло 12,4 млрд марок, то в 1988 г. — уже 82,5 млрд марок. Резко вырос экспорт из ФРГ: с 427,7 млрд марок в 1982 г. до 567,8 млрд марок в 1988 г. Увеличились социальные расходы: с 525 млрд марок в 1982 г. до 660 млрд марок в бюджете 1988 г. Если в 1982 г. безработному платили пособие не более 12 месяцев, то в 1988 г. он мог его получать в течение 32 месяцев. Но в 80-е годы безработица оставалась для ФРГ острой проблемой. Однако во второй половине 80-х годов рост производительности труда привел к росту средней заработной платы и соответственно к увеличению потребительского спроса. В прессе заговорили о создании «общества двух третей», т. е. такого общества, в котором две трети населения преуспевают, а одна — влачит жалкое существование.

80-е годы XX в. в политическом отношении характеризовались крупными скандалами, заставившими говорить о кризисе партийной демократии.

В 1984 г. разразился скандал, связанный с подкупом промышленным концерном Ф. Флика высокопоставленных лиц с целью освобождения от значительной части налогов. В результате свои посты покинули лидер парламентской фракции ХДС Р. Барцель и министр экономики О. Ламбсдорф. Это вновь оживило давнюю дискуссию о влиянии узких экономических интересов отдельных концернов на принятие политических решений, а также на допустимость финансирования политических партий из касс крупных монополий.

Наиболее крупный политический скандал произошел в 1987 г. Премьер-министр земли Шлезвиг-Гольштейн У. Баршель поручил своему пресс-атташе собрать сведения о частной жизни видного политика из социал-демократов Б. Энгхольма. Вначале Баршель

У Ханса-Дитриха Геншера
хорошее настроение

отвергал все обвинения, давая даже честное слово в своей искренности. Но когда выдвинутые против него обвинения подтвердились, он подал в отставку. Это случилось 2 октября, а 11 октября репортер журнала «Штерн» обнаружил тело Барцеля в номере женевской гостиницы. Обстоятельства его смерти, до сих пор остающиеся неясными, породили массу слухов.

В отличие от бурного предыдущего десятилетия 80-е годы явились для ФРГ своеобразной передышкой. Во внешней политике Коль старался не отдавать предпочтения ни Западу, ни Востоку, но при нем ФРГ стала более приспосабливаться к своему основному партнеру — С Ш А. Что касается взаимоотношений Западной Германии с другими странами, канцлер стремился сохранить достигнутые результаты, но постоянно подчеркивал, что «немцы никогда не смиряются с разделом их родины». Преемственность курса внешней политики олицетворял Х.-Д. Геншер, оставшийся при Коле на посту министра иностранных дел.

Опросы общественного мнения, проведенные в начале 1989 г., показывали, что в ФРГ возможна смена власти, поскольку социал-демократы все чаще говорили о создании коалиции с «зелеными», которые на выборах 1987 г. получили практически столько же голосов, что и либералы, занимающие традиционное третье место. Но бурные события второй половины 1989 г. отодвинули эту проблему на второй план.

ВРЕМЕННОЕ ГОСУДАРСТВО НА ВОСТОКЕ ГЕРМАНИИ (1949—1989)

Создание ГДР

В 1994 г. эссенский историк В. Лот выдвинул на основе новых источников интересную, но не совсем убедительную и встретившую шквал критики концепцию, по которой к созданию сепаратного социалистического государства на немецкой земле стремился совсем не Советский Союз, а руководство Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) во главе с В. Ульбрихтом (книга Лота так и называется — «Нелюбимое дитя Сталина. Почему Москва не желала ГДР»). Но в конечном счете не столь уж и важно, кто был истинным инициатором создания Германской Демократической Республики (ГДР). Главное в том, что такое государство возникло и просуществовало полвека. После его краха, разумеется, встал вопрос: не был ли этот крах запрограммирован изначально? Пока СССР нуждался в ГДР как «форпосте социализма на Западе», надежды на ее кончину оставались иллюзорными, хотя к краху вели республику структурные дефекты системы. ГДР оставалась частью Германии. Но западные германские регионы были более демократические и процветающие, чем восточные. Приняв советскую систему, ГДР оказалась в сложном положении, когда деспотизм политиче-

ского господства противоречил более современному уровню социально-экономического развития.

При создании ГДР ее первый и единственный президент **В. Пик** утверждал, что правительство Восточного Берлина «имеет право говорить от имени всего немецкого народа». Но с самого начала стало ясно, что без проведения свободных выборов оно не имеет мандата даже от населения восточной части Германии.

Основание ГДР было результатом многих событий мировой истории. Окончилась Вторая мировая война, распалась антигитлеровская коалиция, и каждая из сторон стремилась включить занятую ею часть Германии в сферу своего влияния и поддерживала тех немецких политиков, которые действовали в соответствии с этими целями.

Первая Конституция ГДР была в принципе конституцией парламентарно-демократического государства. Его высшим органом являлся парламент — *Народная Палата*, все фракции которой должны были участвовать в правительстве.

Весной 1950 г. правительство СССР наполовину снизило репарации из ГДР и распределило объемы поставок продукции на 15 лет. К концу 1950 г. было получено репараций на сумму 3658 млн долларов, т. е. чуть более половины установленного объема.

Первой внешнеполитической акцией ГДР стало признание в июле 1950 г. границы по Одеру—Нейсе. Западные державы и ФРГ протестовали против этого, но безуспешно. 29 сентября 1950 г. ГДР стала членом *Совета экономической взаимопомощи* (СЭВ).

Одновременно руководство ГДР проявило активность в решении германского вопроса. Председатель правительства ГДР **О. Гротеволь** предложил канцлеру ФРГ **К. Аденауэру** создать на паритетных началах *Общегерманский конституционный совет*, который должен был ее подготовить к

образованию общегерманского правительства. Канцлер ответил отказом.

В экономическом отношении ГДР вступила на путь планового хозяйства. Первый пятилетний план (1951—1955) ставил задачу увеличить объем промышленного производства на 90%. Первостепенное внимание уделялось развитию энергетики, машиностроения, тяжелой и химической промышленности. В выполнении плана должны были участвовать и сохранившиеся частные предприятия. Развитию легкой промышленности и производству товаров народного потребления уделялось гораздо меньше внимания. В целом план был выполнен, причем производительность труда возросла на 55%.

На третьем съезде СЕПГ летом 1950 г. было провозглашено создание «партии нового типа» по образцу советской компартии. При обмене членских билетов из партии исключили около 100 тыс. человек, в том числе старых коммунистов, во время войны находившихся в эмиграции в западных странах.

Первые выборы в Народную Палату ГДР 15 октября 1950 г. проводились по единому списку кандидатов. Поскольку многие кандидаты от массовых общественных организаций являлись членами СЕПГ, то партия получила в парламенте абсолютное большинство мест.

Хотя в своем первом правительственном заявлении Гротеволь опроверг слухи о готовившейся коллективизации сельского хозяйства, создание организации «Объединенная крестьянская взаимопомощь» фактически уже было шагом к этому.

В первые годы существования ГДР в политике ее руководства наблюдалась определенная двойственность. Оно стремилось к созданию социалистического государства, но одновременно и хотело заручиться для этого поддержкой населения, настроенного в основном антисоциалистически. Оно стремилось создать собственное государство, интегрированное в коммунистическую систему, но одновременно и восстановить единство Германии.

Летом 1952 г. Вторая партийная конференция СЕПГ провозгласила курс на строительство социалистического общества и объявила о создании *сельскохозяйственных кооперативов*. Были ликвидированы исторически сложившиеся административно-территориальные объединения — немецкие земли. Вместо Саксонии, Тюрингии, Бранденбурга, Мекленбурга

и Саксонии-Анхальт было образовано 14 округов, подчиненных центральной власти и лишенных всякой автономии. 8 мая 1952 г., через семь лет после капитуляции фашистского рейха, правительство ГДР объявило о создании собственных вооруженных сил в виде *народной полиции* на казарменном положении.

От забастовок — к восстанию

После кончины И. В. Сталина (март 1953 г.) в ГДР ходили упорные слухи, что доктринерское и сталинистское руководство страны во главе с В. Ульбрихтом будет смещено, если, согласно пожеланиям Москвы, не проявит большой гибкости. Но, стремясь форсировать строительство социализма, правительство ГДР в конце мая объявляет о повышении норм выработки в промышленности и строительстве на 10% при сохранении прежней заработной платы. Одновременно ухудшается снабжение населения самыми необходимыми товарами.

Еще 15 апреля 1953 г. советское руководство предостерегло лидеров ГДР от проведения чрезмерно жесткой политики. 3 июня оно повторило свое предупреждение, но было уже поздно. Правда, 9 июня Социалистическая единая партия Герма-

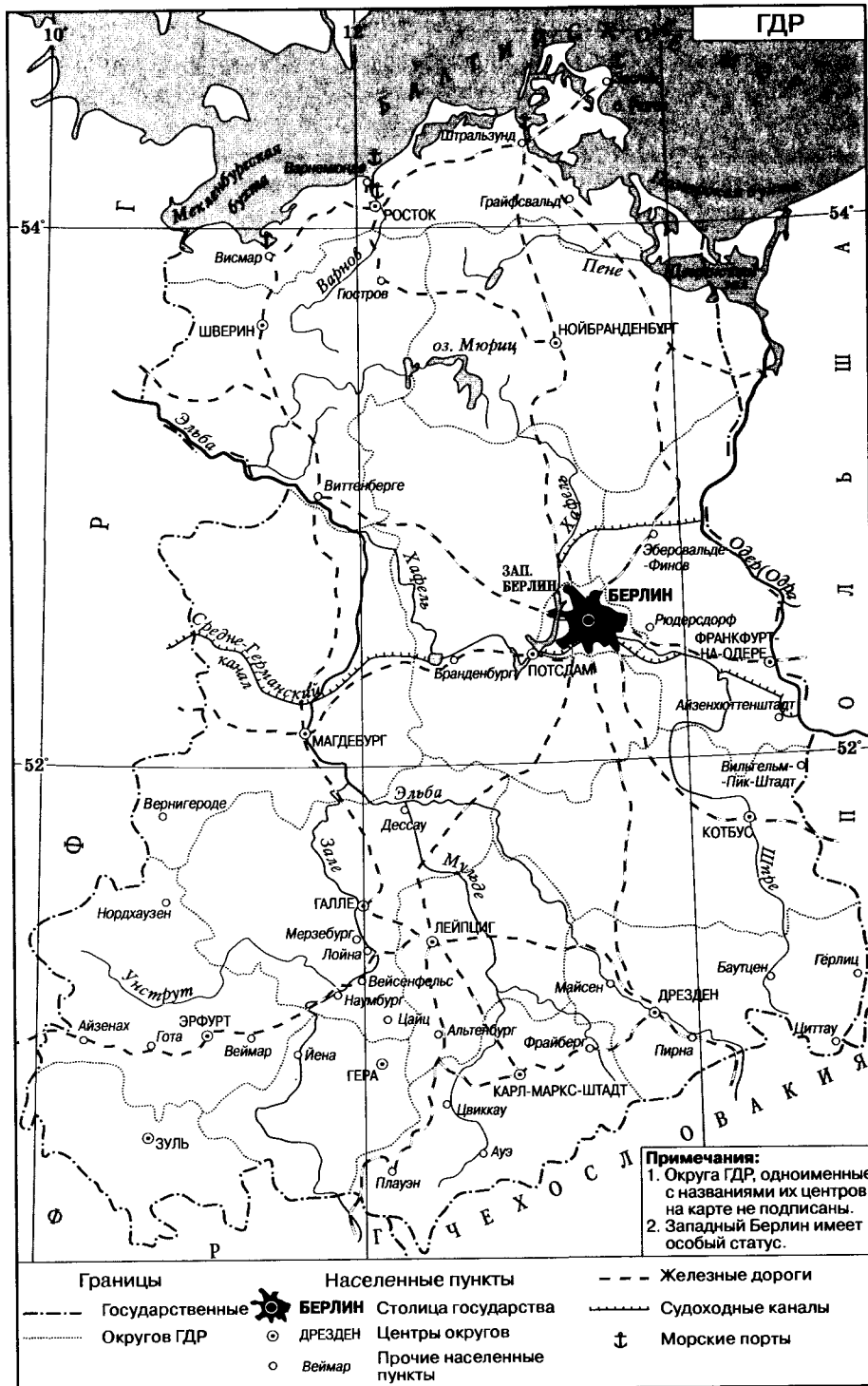
нии (СЕПГ) провозгласила «новый курс», что предусматривало отмену повышения цен, улучшение снабжения и т. п. Руководство ГДР пообещало провести некоторую либерализацию режима: прекратить преследование евангелической церкви, молодежные организации которой прежде были объявлены «врагами социалистического строительства»; вернуть беженцам, которые вернутся в ГДР, их собственность; приостановить коллективизацию сельского хозяйства; освободить политических заключенных. Однако никто не верил этим обещаниям, тем более что повышение норм выработки так и не было отменено, хотя именно это было легче всего сделать.

16 июня 1953 г. началась забастовка строительных рабочих, возводивших дома на самой престижной восточнوبرлинской улице — Сталин-аллее. На следующий день забастовали рабочие в 350 населенных пунктах ГДР. Сначала трудящиеся выдвигали только *социально-экономические требования*, которые очень быстро дополнились *политическими*. Народ требовал отставки правительства, смещения Ульбрихта, проведения свободных выборов, разрешения на деятельность в ГДР западногерманских политических партий, снятия контроля на зональной границе, ликвидации Министерства госбезопасности (Штази)¹.

Застигнутое врасплох, руководство СЕПГ потеряло контроль над ситуацией. Забастовки, в которых участвовали уже более 500 тыс. человек, переросли в настоящее *народное восстание*. В Йене, Биттерфельде, Лейпциге, Магдебурге, Герлице штурмом были захвачены здания партийных комитетов и органов госбезопасности, из тюрем освобождены заключенные. Поскольку подразделения народной полиции или отказывались разгонять демонстрации, или сами принимали в них участие, то оставалось надеяться только на вмешательство советских войск. Утром 17 июня 1953 г. в Восточный Берлин начали входить советские танки, которые, впрочем, свою силу чаще демонстрировали, чем применяли. К вечеру беспорядки в городе прекратились.

По разным подсчетам, в событиях 17 июня погибли или были потом приговорены к смертной казни до 300 человек, более 1600 участников волнений получили различные сроки тюремного заключения.

¹ От нем. *Staatssicherheitsdienst* — служба государственной безопасности.

Позднее многие советские и восточногерманские официальные лица неоднократно говорили о том, что забастовки и демонстрации 16–17 июня 1953 г. в ГДР были организованы западноберлинскими провокаторами. Но в докладах работников советского Министерства внутренних дел, находившихся в то время в Берлине, об этом нет ни слова.

Восстание 17 июня наглядно показало партийному руководству значение хорошего материального снабжения населения для устойчивости режима. Уже 21 июня были отменены повышенные нормы выработки. Но всему миру стало ясно, что в тот момент власть коммунистов в ГДР удержалась только с помощью советских танков.

Воспрянувшее духом руководство республики занялось поиском виновных и нашло их. Помимо западных «подстрекателей», виновными были объявлены партийные функционеры самого различного ранга. По стране прокатилась волна *партийных чисток*. Свои посты потеряли треть членов Центрального комитета СЕПГ и до 60% первых секретарей партии в округах и районах.

Значительную помощь ГДР в стабилизации режима оказал Советский Союз, увеличивший свои поставки и предоставивший большой кредит. С января 1954 г. было прекращено получение репараций (к концу 1950 г. оставалось выплатить еще 3171 млн долларов), а ГДР безвозмездно передали 33 советских акционерных общества, находившихся на ее территории.

Оппозиция руководству ГДР

Задолго до июньских событий 1953 г. в руководящей Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) возникла оппозиция ее главе В. Ульбрихту и его методам руководства страной. После восстания министр юстиции М. Фехнер, протестовавший против жестоких репрессий, был смещен с поста и арестован.

Когда после XX съезда КПСС (1956) в Советском Союзе начался процесс десталинизации, активизировалась критика прежде всего бюрократической экономической политики, показавшей свою неэффективность. Руководство СЕПГ, оставаясь на прежних позициях, энергично обрушилось на эти «ревизионистские течения». Репрессиям подверглись многие ученые — обществоведы, философы, экономисты: В. Харих, Э. Блох, Р. Хавеман, Ф. Беренс, А. Бенари и др. Группа Хариха требо-

вала обновления партии и пропагандировала «особый немецкий путь к социализму», а Хавеман выступал за «*демократический социализм*». Экономисты Беренс и Бенари настаивали на предоставлении предприятиям большей самостоятельности (по югославскому образцу). Из политбюро ЦК СЕПГ были удалены и лишены затем всех партийных должностей К. Ширдеван и Э. Вольвебер, выступавшие за подлинную *десталинизацию партии*.

Осенью 1957 г. органы госбезопасности представили в ЦК СЕПГ досье на семь «враждебных партии и государству группировок» в вузах ГДР. Сообщалось, что их участники вели дискуссии «антигосударственного характера», выступали за *свободу творчества* и слушали «враждебные радиопередачи для получения подрывной информации». 87 студентов, преподавателей и журналистов были арестованы.

Еще в ноябре 1956 г. под влиянием венгерских событий политбюро ЦК СЕПГ приняло решение о «мерах для подавления контрреволюционных акций». В операции предусматривалось три этапа. На первом этапе действовали полиция, работники госбезопасности и члены боевых групп. На втором этапе в дело вступали части только что созданной *Национальной народной армии*. На третьем этапе «по просьбе правительства ГДР» на помощь приходили советские войска. Для оперативного руководства создавалась комиссия в составе первого секретаря ЦК партии, главы правительства и силовых министров. Только в ее компетенции было разрешить применить оружие для подавления беспорядков.

Операция «Китайская стена»

Неоновые огни Западного Берлина завораживали население ГДР, бегство из Восточной Германии приняло характер массового исхода. В 1953 г. страну покинули более 130 тыс. человек. В 50-е годы выезд из ГДР еще не составлял особого труда. Надо было только приехать в Берлин, купить билет на городскую электричку и выйти на любой западноберлинской станции, откуда можно было затем перебраться в ФРГ. До 1961 г. таким путем проследовали 2686 тыс. человек, более половины которых составляла молодежь до 25 лет. Но особенно плохо для ГДР было то, что ее покидали квалифицированные специалисты — врачи, инженеры, ученые, деятели культуры. Так, в течение одного 1958 г. на Западе оказался юриди-

ческий факультет Лейпцигского университета почти в полном составе.

Глава Восточной Германии В. Ульбрихт пришел к выводу, что остановить этот процесс можно только закрытием границы между восточной и западной частями Большого Берлина. Но в марте 1961 г. на совещании руководителей стран Варшавского договора он не получил согласия на проведение операции «Китайская стена». По мнению советского лидера Н. С. Хрущева, это была «слишком крутая мера». Ульбрихт добился разрешения на разделение Берлина стеной только на следующем «варшавском» совещании — в августе.

Однако еще 15 июня 1961 г., отвечая на вопрос западногерманской журналистки о слухах про закрытие границы, Ульбрихт заявил, что ему ничего неизвестно о намерении построить в городе стену вдоль границы, а появление в Восточном Берлине большого количества строительных рабочих вызвано расширением программы возведения жилья. Население ГДР правильно истолковало слова главы государства. Если в июне на Запад бежали 19 198 человек, то в июле — уже 30 415, а в первой половине августа — 47 433 человека.

В ночь на 13 августа 1961 г. солдаты и полиция ГДР начали протягивать заграждения из колючей проволоки и выставлять блокпосты на границе с территорией Западного Берлина. В течение следующей недели из бетонных плит была

воздвигнута стена с вышками, на которых стояли часовые, получившие приказ стрелять в каждого, кто попытается перебраться через стену. *Берлинская стена* стала уродливым и зримым воплощением «железного занавеса». За годы ее существования погибли 77 человек, стремившихся попасть в западную часть города. Летом 1962 г. газеты всех западных стран поместили жуткую фотографию, свидетельствующую о смерти «на стене» 18-летнего юноши. При попытке бежать в Западный Берлин он был тяжело ранен и несколько часов висел на колючей проволоке на глазах у пограничников ГДР, безразлично наблюдавших за истекавшим кровью человеком, пока они не получили приказ снять тело юноши.

Но Берлинская стена стала и символом банкротства коммунистической системы, когда людей приходилось удерживать в ней силой. В то же время была внесена ясность в проблему Берлина, окончательно разделенного на две части. Стена остановила бегство населения, грозившее полным крахом рабоче-крестьянского немецкого государства. Разочарование и уныние, охватившие восточных немцев, постепенно сменились *конформизмом* и стремлением приспособиться к жизни в сложившихся условиях.

Новая экономическая политика

Результатом полного разделения Германии на два государства после возведения Берлинской стены стала определенная стабильная общественная система ГДР. Руководство страны попыталось привлечь население на свою сторону повышением его материального благосостояния. Основная ставка была сделана на *молодежь*, не знавшую, в отличие от родителей, иной жизни. Целый ряд законов о молодежи гарантировал ей различные льготы в получении образования, профессии, жилья, организации досуга. В результате все больше молодых людей начинали идентифицировать себя со своим социалистическим государством.

В июне 1963 г. руководство ГДР приняло «*Новую экономическую систему планирования и руководства народным хозяйством*». Она предоставляла предприятиям больше самостоятельности, вводила принцип материальной заинтересованности работников в повышении производительности труда. В сущности, в развитие экономики вводились элементы конкуренции и получения прибыли. Такие азбучные истины хозяйствования преподносились как революционные новации.

Новая экономическая политика, несомненно, дала положительные результаты, которые, впрочем, можно объяснить и прекращением утечки кадров из страны. ГДР стала примером для других стран Восточной Европы и вторым индустриальным государством в СЭВ. Но вскоре и Москва захотела принять участие в этом успехе. По долговременному экономическому и торговому соглашению между двумя странами ГДР получала из СССР сырье и поставляла в Союз товары народного потребления, которые были бы совсем не лишними для ее собственного населения. К декабрю 1965 г. требования советской стороны так возросли, что ГДР оказалась не в состоянии осуществлять необходимые поставки. Дело кончилось трагедией: председатель Госплана ГДР покончил с собой, испугавшись обвинений в саботаже.

Понимая важность поддержки власти интеллигенцией, правительство всячески поощряло ее деятельность, оплачиваемую относительно высоко. Ближайшей целью партии объявлялось *преодоление оторванности культуры от жизни*. В апреле 1959 г. был провозглашен лозунг: «Берись за перо, рабочий, национальная социалистическая культура нуждается в тебе!» А через пять лет, по существу, правилом стало, чтобы писатель

или художник некоторое время работал на том предприятии, которое он намеревался отобразить.

В феврале 1967 г. появился закон о гражданстве ГДР, а в апреле 1968 г. на всенародный референдум была вынесена новая, социалистическая Конституция ГДР. Как тогда было принято, ее одобрило абсолютное большинство (94,49%) участников референдума.

Социалистическая Конституция юридически закрепляла руководящую роль Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). В отличие от первой Конституции в ней отсутствовали некоторые важные положения (запрет цензуры; право на сопротивление, забастовки, эмиграцию; право свободного выбора профессии; право на частную собственность на землю и др.), но был расширен перечень социальных прав на труд, отдых, получение образования и жилья. Новая Конституция не допускала существования политической оппозиции, а задачей продолжавших существовать в ГДР мелких политических партий объявлялось содействие строительству социализма. После смерти первого Президента ГДР В. Пика в 1960 г. пост президента был упразднен, а его функции перешли к Государственному Совету, указы и решения которого вступали в силу сразу после их опубликования.

В Конституции 1968 г. ГДР определялась как «социалистическое государство немецкой нации», что означало сохранение перспективы объединения Германии на социалистической основе.

Смена политических эпох

Весной 1971 г. в ГДР произошла смена эпох: на посту руководителя Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) ортодоксального коммуниста В. Ульбрихта сменил более прагматичный Э. Хонеккер. Новый лидер провозгласил «единство экономической и социальной политики», что должно было означать поворот к нуждам и чаяниям простых людей. И вскоре была принята большая программа строительства и ремонта жилья (к 1988 г. было построено или отремонтировано 3 млн квартир).

В первой половине 70-х годов после повышения минимального размера пенсии и заработной платы реальные доходы населения ГДР увеличились на треть. Хотя по сравнению с ФРГ средний доход на душу населения в ГДР оставался низким, широкая сеть дошкольных учреждений, бесплатное и качественное медицинское обслуживание, дотируемые государством низкие цены на продукты питания, символический размер квартплаты позволяли говорить о том, что реально восточные немцы получают не одну, а две заработные платы.

После заключения договора об основах отношений с ФРГ руководство ГДР взяло курс на отмежевание от западных территорий. В 1974 г. в Конституцию было введено новое понятие «социалистическая немецкая нация», что должно было подчеркнуть ее коренное отличие от «капиталистической нации ФРГ».

С целью преодолеть нехватку ряда товаров, с 1973 г. гражданам ГДР было разрешено покупать западные товары в специальных магазинах, торгующих за валюту. В результате западная немецкая марка стала в ГДР второй валютой, а тот, кто ее имел, обладал и высоким социальным престижем. Не оставалось в стороне от процесса коммерциализации и руководство страны. Западногерманской стороне разрешалось выкупать заключенных из тюрем ГДР (на дипломатическом языке это именовалось «особыми усилиями в гуманитарной области»). Таким образом в 1971—1986 гг. на Запад было отпу-

щено 2676 заключенных, за которых правительство ФРГ заплатило около 3 млрд марок.

С середины 70-х годов экономическая ситуация в Восточной Германии значительно ухудшилась. Резко выросшие после нефтяных кризисов мировые цены на сырье, нефть и металлы поставили не имевшую значительных валютных резервов ГДР в трудное положение. Быстро рос государственный долг, поскольку активная социальная политика, от которой правительство не могло отказаться, требовала все увеличивавшихся субвенций. Когда в октябре 1979 г. прибывший на 30-летний юбилей ГДР советский руководитель **Л. И. Брежнев** узнал, что республика задолжала Западу 30 млрд немецких марок, то очень серьезно предупредил Хонеккера о том, что он своей политикой приведет ГДР к банкротству. Так и произошло.

Банкротство ГДР

К началу 80-х годов в ГДР был достигнут пик экстенсивного экономического развития. Этому способствовало создание «комбинатов», которые иногда объединяли целые отрасли промышленности. Но и такая экстенсивная экономика позволила сохранить сравнительную устойчивость хозяйства только в течение трех-четырех лет. В 1985 г. экономика ГДР вступила в предкризисное состояние. Быстро старело оборудование, средняя степень износа которого составляла 55%. Если в 1981—1985 гг. 1000 марок инвестиций давали ежегодный прирост национального дохода 202 марки, то в 1986—1989 гг. — только 150 марок. А задолженность Западу в 1989 г. достигла 21,6 млрд долларов.

Падал уровень жизни населения, хотя до 40% стоимости продуктов и товаров составляли государственные дотации. Страна начала жить не по средствам: потребляемый национальный доход превышал производимый. Но руководство республики упрямо придерживалось прежнего курса и *крайне негативно воспринимало начавшуюся в СССР перестройку*. Это отношение афористично выразил главный идеолог Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) К. Хагер: «Если сосед переклеивает обои, то это не означает, что нам надо делать то же самое».

В 1987 г. в ГДР запретили распространение советского журнала «Спутник», а также советских кинофильмов, затрагивающих острые проблемы современности. В 1988 г. пре-

кратили приглашать советских специалистов для чтения лекций восточногерманским учащимся. На следующий год студентов ГДР перестали направлять на учебу в советские гуманитарные вузы.

Такая политика вызывала все большее недовольство населения. В январе 1988 г. в Берлине рядом с официальной ежегодной демонстрацией в память К. Либкнехта и Р. Люксембург была организована и контрдемонстрация. Ее лозунгом стали слова «красной Розы»: «Свобода — это всегда свобода инакомыслия». Власти расценили это выступление как неслыханную провокацию и отреагировали необычайно резко. Около 120 демонстрантов арестовали и приговорили к годичному тюремному заключению, 54 человека были высланы из страны.

На пленуме ЦК СЕПГ в декабре того же года провозгласили старый тезис «об усилении классово-борьбы». Руководство ГДР прекрасно понимало, что из «социалистического храма» нельзя вынуть ни одного камня, иначе рухнет все здание. А поскольку социализм невозможно реформировать, то и не следует затевать никаких реформ. При этом необходимо было учитывать и специфичный характер республики. Если Венгрия или Польша имели возможность продолжать свое существование независимо от политического строя в государст-

ве, то искусственно созданная в годы «холодной войны» ГДР после краха коммунизма была приговорена.

7 мая 1989 г. в ГДР прошли коммунальные выборы. По официальным данным, за кандидатов проголосовали 98,89% избирателей. Но на этот раз за выборами наблюдали общественные контролеры от оппозиционных сил. По их подсчетам, на некоторых участках до 20% избирателей голосовали «против». В органы власти посыпались многочисленные жалобы на фальсификацию итогов выборов, но они были бесцеремонно отклонены. Возмущение населения обманом было так велико, что политическая атмосфера начала стремительно накаляться.

НЕ РАЗДЕЛЕННАЯ ЭЛЬБОЙ КУЛЬТУРА

Возрождение немецкой литературы

Параллельно с «экономическим чудом» в ФРГ происходил и духовный ренессанс, нашедший отражение в быстром возрождении литературы. Характерные черты «новой» немецкой литературы — повышенное внимание к социально-политическим проблемам и прямота суждений по самым актуальным вопросам.

В ГДР характер литературы определяли политические условия, в которых приходилось работать писателям. Под сковающим идеологическим надзором даже Б. Брехт не создал ничего значительного после переселения в советскую оккупационную зону.

Начало возрождения немецкой литературы можно отнести к 1947 г., когда двое бывших военнопленных Х. Рихтер и А. Андерш создали «Группу 47», объединившую таких известных литераторов, как Г. Грасс, З. Ленц, Х.-М. Энциенсбергер и др. Они были преисполнены решимости освободить творчество от всякого принуждения. Для художника была важна только внутренняя потребность помочь обществу в решении его проблем. В своих произведениях члены «Группы 47» раскрывали истинный смысл того, что происходило в Германии 30-х годов XX в. Так, в романе

Зигфрид Ленц

«Галера» **Б. Вернер** описывал варварское разрушение Дрездена англо-американской авиацией, те ужасы, что сопровождали крах нацистской утопии. Блестящий стилист **Г. Грасс** в трилогии «Жестяной барабан», «Кошка и мышь» и «Собачьи годы», беспощадно срывая с нацизма маску таинственной мифологии, показал всю преступность фашистского режима.

Девиз нового поколения писателей сформулировал драматург и участник немецкого Сопротивления **Г. Вайзенборн**:

«Время безмолвия, шепота и секретов — в прошлом. Мы можем говорить. Мы должны говорить». Лауреат Нобелевской премии **Г. Бёлль** в романах «Бильярд в половине десятого» и «Глазами клоуна» показал, как в условиях «экономического чуда» среди руководителей нового демократического государства оказываются бывшие нацисты. В романе «Групповой портрет с дамой» он критикует католическую церковь с ее ханжеской моралью. Когда правая пресса заклемила Бёлля как духовного отца и пособника терроризма, он ответил на это великолепной новеллой «Поруганная честь Катарины Блюм».

В 70-е годы в литературе ФРГ произошел поворот к описанию *личной жизни человека*, его внутреннего мира.

Помимо описания социальных проблем, литераторов стали привлекать иные темы. Сформировалась *«женская» литература*, представленная произведениями **К. Штрук** и **Б. Швайгер**. Огромными тиражами выходят

Гюнтер Грасс

Генрих Бёлль

имеющие большую популярность остросюжетные *детективно-шпионские романы* **Й. Зиммеля**, **Х. Конзалика** и др.

Писателей ГДР ориентировали на «социалистический реализм» советского образца, хотя **Л. Фейхтвангер** продолжал писать исторические романы, опубликовав превосходные произведения «Гойя» (1952) и «Мудрость чудака» (1952). Было создано множество *«производственных» произведений* — о заводах и фабриках, сельских кооперативах. Они отличались примитивными сюжетами и художественной невыразительностью. Люди «добрые», прежде всего партийные функционеры, вступали в борьбу с людьми «злыми», «затаившимися агентами Запада». Конечно, победитель был известен заранее. Этим проблемам посвятила свои романы «Решение» (1959) и «Доверие» (1968) старейшина восточногерманской литературы **А. Зегерс**.

В 60-е годы XX в., когда многие авторы все еще верили в возможность улучшения социалистической системы, появился ряд критических произведений. Большой общественный резонанс получили романы «Лжец Якоб» **Ю. Беккера**, «Актовый зал» **Г. Канта**. Скрытое неприятие режима выражено в книгах **К. Вольф**, сделавшей своим девизом «субъективную аутентичность». Открытого критика системы, поэта и певца **В. Бирмана** сначала лишили права на публичные выступления, а затем и гражданства. В 70-е годы страну были вынуждены покинуть многие известные литераторы: **Г. Кунерт**, **С. Кирш**, **Р. Кунце**.

Опера **Б. Брехта** «Осуждение Лукулла» подвергалась резкой критике в партийной прессе. Автора обвиняли в пессимизме, неуважении к немецкой народной культуре. К чести Брехта, он ни разу не поступился своими творческими принципами, хотя и вынужден был публично декларировать преданность режиму (например, после подавления восстания 17 июня 1953 г.).

Падение Берлинской стены за одну ночь изменило картину мира многих писателей. Немецкая литература вступила в новую стадию своего развития, когда предстояло осмыслить порой весьма противо-

Вольф Бирман

речивое недавнее прошлое. Особенно это касается писателей из бывшей ГДР. Все они были каким-то образом причастны к политике своего государства. Безразлично, являлись ли они жертвами, «попутчиками» или приверженцами этого строя.

Традиции и новаторство в живописи

После 1945 г. связь немецкой живописи с мировым искусством была восстановлена удивительно быстро. Еще были живы и творили объявленные нацистами «дегенератами» и «вырожденцами» **О. Кокошка** и **М. Бекман**, вернувшие, казалось бы, канувший в историю модернизм.

В 1947 г. в баварском Аугсбурге была открыта художественная выставка «*Экстремизм в живописи*». Она не пользовалась большой популярностью у публики, непривычной к абстрактному искусству.

О новом этапе в развитии немецкого искусства в начале 60-х годов возвестила группа «*Зеро*» из Дюссельдорфа. Она ориентировалась на искусство *оп-арта*, уходившего своими корнями в знаменитый Баухауз веймарского периода. Представители этой группы **О. Пине**, **Х. Мак**, **Г. Уеккер** обратились к феноменам природы: свету, движению, пространству (отсюда и название: оптическое искусство).

Искусство *оп-арта* с его основной идеей представить банальную реальность как искусство не получило в Германии широкого распространения. Зато окрепло направление «неформалов», использующих новые и необычные материалы. Так, **А. Кифер** создает огромные произведения из свинца (например, самолет в натуральную величину). Для своих творений в качестве декоративных материалов он использует пыль, пепел, цветочные лепестки, корни деревьев. Картины представителя оккультного направления **З. Польке** постоянно изменяют свой цвет с помощью введенных в краски химикатов.

К концу XX в. широкое распространение получают *голографические картины*, создаваемые с помощью компьютера.

Очередные задачи архитектуры

После 1945 г. прежде всего было необходимо восстановить разрушенные немецкие города и построить для миллионов людей недорогое жилье, а потому собственно архитектура отходила на второй план. На окраинах городов возводились крупные жилые массивы из однообразных панельных домов преимущественно унылого серого цвета. Долго сказывались и последствия разрушительной войны. Даже во второй половине 70-х годов в историческом центре Дрездена можно было увидеть многочисленные руины. Вокруг больших городов возникали безликие города-спутники, монотонные и неуютные. Но в 70-е годы политический и социальный приоритет получила тенденция *сохранения и реставрации старинного архи-*

тектурного фонда. Так, в Дрездене была превосходно отреставрирована знаменитая Земпер-опера.

В современной Германии можно увидеть все больше образцов *современной новаторской архитектуры*, восходящей к традициям Баухауза. Настоящим шедевром является построенное в стиле постмодерна здание Новой государственной галереи в Штутгарте. К сооружениям, получившим всемирное признание, можно отнести знаменитое трехплоскостное высотное здание в Дюссельдорфе (Тиссенхауз) или гигантский цилиндр автомобильного концерна БМВ в Мюнхене. Великолепно смотрятся зрительские ряды в Берлинской филармонии, напоминающие террасы виноградников. Новое здание городской библиотеки Мюнстера представляет собой сдвоенное сложное сооружение, одна часть которого похожа на парусный корабль.

В 80-е годы во Франкфурте-на-Майне появился большой музейный комплекс, объединяющий Германский музей архитектуры, Музей кино, Музей художественных ремесел, Музей древнейшей и древней истории, Еврейский музей, Германский музей почты.

Уже в течение ряда лет центром градостроительных новаций является *Рурская область* с ее парками науки в Гельзенкирхене и Хертене, экологическими и инновационными центрами в Хамме и Херне. В гигантскую строительную площадку превратился объединенный *Берлин*, где на берегу Шпре выстроен квартал современных зданий ведомства федерального канцлера, бундестага и различных министерств.

Новое здание музея в Мёнхенгладбахе

Музыкальная жизнь Германии

Любовь к музыке является неотъемлемой чертой немецкого национального характера. При этом музыкальный мир Германии всегда отличала склонность к экспериментам. В стране существует более 120 музыкальных театров

и 140 профессиональных оркестров. Особо необходимо отметить оркестры Берлина, Мюнхена и Бамберга, а также Дрезденскую государственную капеллу. Всемирную известность заслужили немецкие певцы **Д. Фишер-Дискау** и **Р. Колло**, **Х. Беренс** и **В. Майер**. Международный статус имеют *бетховенский фестиваль* в Бонне и *вагнеровский* в Байрёйте.

Самой любимой оперой у немецкой публики является «Волшебная флейта» В. Моцарта, а опереттой — «Летучая мышь» И. Штрауса. В последние годы с ними успешно соперничают *мюзиклы*. Уже много лет в Гамбурге с неизменным аншлагом идут знаменитые «Кошки» Э. Узббера.

Современный немецкий балет представляют новаторские спектакли **П. Бауш** в вуппертальском Театре танца и прима-балерины **М. Хайди** в Штутгартском государственном балете.

В последние годы немецкие композиторы все чаще создают музыку к масштабным музыкальным представлениям, использующим различные технические эффекты. Отойдя от привычной гармонии, **А. Райман** написал необычную музыку из 30 и более тонов к поставленной в Мюнхене шекспировской трагедии «Король Лир».

Немецкую музыку 80-х годов представляет «новая немецкая волна» в джазе, рок- и поп-музыке. Неистовая панк-леди **Н. Хаген** и **У. Линденберг** с его «Паникоркестром» собирают огромные аудитории.

К концу 90-х годов XX в. в Германии насчитывалось более 1000 государственных музыкальных школ, около 40 тыс. хоров, 25 тыс. любительских оркестров и бесчисленное количество музыкальных ансамблей. Каждый четвертый немец поет в хоре или играет на каком-нибудь музыкальном инструменте.

Мизансцена из балета «1980» в постановке Пины Бауш

Театр, кино, телевидение — творческая конкуренция

Театральную жизнь в Германии определяют около 160 государственных и около 200 частных театров. Для немецкого *драматического театра* характерен синтез представления музыкального и драматического. Наибольшей популярностью

по традиции пользуются такие спектакли, как «Фауст» И. Гёте, «Ромео и Джульетта» У. Шекспира, «Трехгрошовая опера» Б. Брехта, «Вестсайдская история» Л. Бернштейна. Пьесам современных драматургов трудно соперничать с ними. Но такие пьесы **Р. Хоххута**, как «Юристы» и «Заместитель», привлекли к себе всеобщее внимание и вызвали ожесточенные дискуссии. Спектакль по пьесе **А. П. Чехова** «Три сестры», поставленный **П. Штайном**, прошел в Москве с большим успехом.

Для знаменитого в 20-е годы XX в. немецкого кинематографа в конце века настали не лучшие времена. Немецкое кино вынуждено конкурировать с потоком кинопродукции Голливуда, телефильмами и сериалами. Расцвет кино Германии приходился на 50-е годы, когда кино пользовалось неизменной любовью зрителей.

В 60—70-е годы больших успехов добился «молодой немецкий фильм», режиссеры которого сделали своим девизом слова: «Папино кино кончилось». Панорама жизни немецкого общества представлена в фильмах **Р. Фассбиндера** «Эффи Брист», «Замужество Марии Браун», «Берлин, Александерплац», «Тоска Вероники Фосс». Ленты этого выдающегося режиссера, сделавшие звездой мирового класса актрису **Х. Шигуллу**, строились на трех элементах: драматургия, актеры, предметная среда. В картинах Фассбиндера предметы, окружающие героя, всегда выступали персонифицированным носителем переживаний человека. Обыгрывание декораций, цветовых плоскостей помогало передать переживания героев, придать фильму характер ритуального действия. Фассбиндер

Рольф Хоххут

Райнер Вернер Фассбиндер
на съемках

является единственным немецким режиссером послевоенного времени, фильмы которого вошли в золотой фонд мировой кинематографии.

Фильм другого выдающегося немецкого режиссера **В. Вендерса** «Небо над Берлином» (1988) получил премию престижного Каннского кинофестиваля за лучшую режиссуру.

Для творческой манеры знаменитого кинорежиссера **Ф. Шлөндорфа** характерны тонкий дар стилизации и виртуозное умение связывать в неразрывное целое историю и современность. Его экранизация бестселлера **Г. Грасса** «Жестяной барабан» получила «Золотую пальмовую ветвь» в Канне и «Оскара» в США как лучший иностранный фильм 1980 г. А фильм «Поруганная честь Катарини Блюм» (экранизация повести **Г. Бёлля**) стал самым кассовым фильмом середины 70-х годов. На протяжении многих лет Шлөндорф защищает высокие художественные традиции и культурное наследие европейского кино от вторжения обезличенной продукции голливудской «фабрики грез», рассчитанной на восприятие усредненного массового зрителя.

Ханна Шигулла в роли Марии
в фильме «Замужество Марии
Браун» (1978 г.)

В 90-е годы XX в. в картине «Сталинград» **Й. Фильсмайер** показал жестокие реалии войны. Проблемам объединения «двух Германий» посвящены фильмы **К. Шлингезифа** «Цепная пила» и «Террор 2000».

Молодые немецкие кинорежиссеры пробуют себя в труднейшем жанре комедии. Наибольшей известности добилась **Д. Дерри** с ее игриво-шуточными фильмами «Мужчины», «Я и он», «Никто меня не любит».

Но кинематограф по-прежнему испытывает сильнейшую конкуренцию со стороны телевидения.

«И ОБРУШИЛАСЬ СТЕНА ДО СВОЕГО ОСНОВАНИЯ...» (1989—1990)

Падение ГДР

Московские реформаторы все больше рассматривали тесно связанный с СССР блок восточноевропейских стран как тяжелую политическую и экономическую обузу. Предоставляя им свободу, **М. С. Горбачев** надеялся, что эти страны последуют по его реформаторским стопам. Но, кроме Венгрии и Польши, перемен нигде не происходило.

Далее других по пути преобразований продвинулась Венгрия. Уже в феврале 1989 г. там была отменена монополия на власть правящей партии. В мае начался демонтаж заграждений на границе с Австрией с целью показать Западу открытость страны. Венгрия была излюбленным курортом для жителей ГДР. Тысячи восточных немцев отдыхали там, когда открыли границу с Австрией... и посольство ФРГ захлестнул поток беженцев из ГДР. Их были вынуждены направлять в специальные лагеря. К началу осени 1989 г. там находилось уже 6500 человек.

В этих условиях венгерское правительство решилось на смелый шаг: оно аннулировало соглашение 1969 г. с ГДР, обязывающее ее высылать назад беженцев, и с 11 сентября разрешило всем свободный выезд в Австрию. К концу месяца в ФРГ прибыли уже 25 тыс. восточных немцев, которые безо всяких проволочек получили гражданство Федеративной Республики Германии.

В посольства ФРГ в Праге и Варшаве также обратилось много

Путь на Запад открыт!

граждан ГДР. 30 сентября, по настоянию Москвы, руководители ГДР «сдались»: 6000 восточных немцев получили право в специальных поездах проехать через территорию ГДР на Запад. Но в западногерманские посольства постоянно прибывали все новые группы беженцев. 4 октября их также отправили специальным поездом. В этот же день правительство ГДР отменило безвизовые поездки в Чехословакию, чтобы предотвратить дальнейшее бегство своих граждан.

В Восточной Германии царил лихорадочное возбуждение, люди внезапно утратили чувство страха. 19 сентября оппозиционная группа интеллектуалов «Новый форум» подала в Министерство внутренних дел заявку о регистрации своей организации, а получив высокомерный отказ, потребовала юридической экспертизы его правомерности.

Центром оппозиционного движения стал Лейпциг. Каждый понедельник там проходили многотысячные *демонстрации с требованием свободы мнений и выезда*. Хотя полиция и сотрудники органов госбезопасности разгоняли демонстрации и арестовывали их участников, количество протестующих постоянно росло. Если 25 сентября на улицы Лейпцига вышли 5 тыс. человек, то через неделю — уже 20 тыс. человек. Причем если 25 сентября демонстранты скандировали: «Мы хотим выехать!», то через неделю желание толпы изменилось и она утверждала: «Мы остаемся здесь!» Это означало требование изменений в самой ГДР. Появились новые оппозиционные группы — «Демократический прорыв» и «Демократию немедленно!». Осмелели и прежде послушные руководители марионеточных партий, требуя реформ по советскому образцу. Даже многие партийные функционеры стали говорить о необходимости перемен.

В такой обстановке осенью 1989 г. ГДР встречала свою роковую годовщину. Прибывший на юбилей советский лидер Горбачев после традиционного парада и демонстрации, участники которой вместо дежурных здравниц громко кричали: «Горби, помоги нам!», попытался еще раз убедить **Э. Хонеккера** и членов политбюро СЕПГ приступить к реформам и предупредил, что жизнь наказывает опоздавших.

Вечером 7 октября 1989 г. в Берлине, Лейпциге, Потсдаме, Дрездене, Магдебурге и других немецких городах начались *стихийные демонстрации*, жестоко разогнанные полицией. Близилась агония коммунистического режима.

Дворцовый переворот в политбюро

Полицейская акция 7 октября 1989 г. вызвала взрыв возмущения во многих странах. Когда через два дня в Лейпциге состоялась демонстрация, в которой участвовали более 70 тыс. человек, то стоявшая наготове полиция вмешиваться не стала. До настоящего времени неизвестно, кто отменил приказ о разгоне демонстрации, проходившей под лозунгом: «Мы — народ!»

Наконец о необходимости перемен заговорили и в политбюро Социалистической единой партии Германии (СЕПГ). Однако 10 октября на заседании политбюро Э. Хонеккер вновь категорически отказался от проведения реформ. Его противники, которых возглавляли отвечавший за оборону и безопасность Э. Кренц и берлинский окружной секретарь партии Г. Шабовски, добились только того, что политбюро впервые выступило с *самокритичным заявлением о допущенных ошибках* (впрочем, это признание затерялось в ворохе оптимистических фраз). Хонеккер проголосовал вместе со всеми, но упорно продолжал твердить о происках классового врага и западногерманского империализма. А Кренц и Шабовски целеустремленно готовили его свержение. На следующем заседании, 17 октября, глава правительства В. Штоф внес предложение освободить Хонеккера и некоторых его ближайших сподвижников от их обязанностей. И никто из членов политбюро не вступился за поверженного вождя.

На следующий день ЦК СЕПГ удовлетворил просьбу Хонеккера об отставке «по состоянию здоровья» и избрал на все его посты Кренца, немедленно получившего в народе прозвище Кренцпринц. Новое руководство продержалось у власти всего семь недель.

Путь на Запад свободен!

Новый руководитель страны Э. Кренц и его окружение не имели никакого авторитета в стране и не смогли овладеть ситуацией. Они санкционировали лишь то, что уже нельзя было остановить. Не имея никакой программы выхода из кризиса, генеральный секретарь Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) Кренц мог только произносить расплывчатые речи о политике «преемственности и обновления» и необходимости большей открытости страны. В то же время он продолжал настаивать на сохранении монополии СЕПГ на власть.

Народ выразил свое несогласие с этим очень активно. 23 октября состоялись 300-тысячная демонстрация в Лейпциге, а 4 ноября — грандиозная манифестация в Берлине, в которой приняли участие уже около 1 млн человек. Демонстранты требовали отставки Кренца и проведения свободных выборов.

Сразу после своего избрания на высший партийный пост Кренц потребовал тщательного анализа экономической ситуации в стране. Результат был удручающим: ГДР стояла на пороге финансового банкротства. С 1970 г. долг по западным кредитам возрос в 25 раз и не было средств на текущие платежи и проценты. Рост задолженности можно было приостановить только значительным снижением уровня жизни населения. Такие шокирующие факты огласить не решились. Даже оппозиция считала положение дел лучшим, чем оно было на самом деле.

На пленуме ЦК СЕПГ, который проходил 8—10 ноября 1989 г., 11 сторонников Хонеккера были исключены из политбюро. К руководству партией были привлечены новые люди. Секретаря дрезденского окружка СЕПГ Х. Модрова, слывшего вольнодумцем и реформатором, рекомендовали на пост главы правительства. Пленум принял также решение о назначении свободных выборов, введении коммунального самоуправления, предоставлении некоторой свободы прессе и о начале широкой экономической реформы.

Но истинная сенсация произошла вечером 9 ноября. По телевидению транслировалась пресс-конференция Г. Шабовски, который долго рассуждал о достижениях и социальных завоеваниях социализма. Когда начались ответы на вопросы, один из журналистов спросил, скоро ли граждане ГДР получат право свободно путешествовать. Почему Шабовски дал столь неосторожный ответ, остается загадкой, но секретарь берлинского окружка СЕПГ ответил так: «Они могут ехать, когда хотят, и никто не станет их задерживать».

Через несколько часов у Берлинской стены стали собираться люди. Толпа росла на глазах и стала напирать на пограничные

Стена перестала быть границей

переходы. В какой-то момент масса людей прорвала один из переходов и хлынула в западную часть города, где тоже собрались десятки тысяч людей. Пограничники решили, что получен приказ открыть границу и стали освобождать проходы на контрольно-пропускных пунктах. Произошло невероятное: зловещая *Берлинская стена пала*.

Для немцев это была волшебная ночь. Лились слезы радости, повсюду хлопали пробки от шампанского. Начался великий переход немцев с Востока на Запад. За три дня было выдано 4,3 млн виз для поездок в ФРГ. На пограничных переходах автомобили выстроились в километровые очереди. Чтобы увеличить число пропускных пунктов, в Берлинской стене спешно пробивали новые проходы. Стало ясно, что фактически объединение ФРГ и ГДР уже совершилось и пути назад нет.

«За» и «против» объединения

После открытия внутригерманской границы демонстрации в ГДР стали проходить под лозунгом: «Мы — один народ!» — и это был призыв к скорейшему объединению. Десятки тысяч людей возвращались из поездок в ФРГ убежденными, что нужна не реформа ГДР, а ее ликвидация. События разворачивались стремительно. 1 декабря 1989 г. из Конституции ГДР исчезла статья о руководящей роли Со-

циалистической единой партии Германии (СЕПГ), а 7 декабря начал работу «круглый стол» правительства и оппозиционных движений с целью выработать основы будущего государственного устройства ГДР.

Еще 8 ноября, выступая в бундестаге, канцлер Г. Коля пообещал ГДР обширную экономическую помощь, если до этого «будет проведена принципиальная реформа политических и экономических отношений». Первостепенными пунктами этой реформы являлись отказ СЕПГ от монополии на власть, разрешение деятельности независимых партий и проведение свободных выборов.

Но 28 ноября неожиданно и для боннских партий, и для мировой общественности Коля изложил перед бундестагом разработанный в его ведомстве план из десяти пунктов по «преодолению раскола Германии и Европы». Основная идея плана состояла в создании сначала конфедерации двух германских государств, а затем и их федерации. Канцлер ничего не говорил о сроках объединения, но создавалось впечатление, что речь идет о сравнительно долгом процессе.

Вместе с тем Коля ясно дал понять, что *процесс объединения двух немецких государств непременно должен увязываться с общеевропейским процессом объединения*. Это уточнение канцлера было сделано для того, чтобы успокоить общественное мнение европейских стран, в которых стали поговаривать о призраке «четвертого рейха». Оппозиция в бундестаге в принципе одобрила план Коля, но выразила недовольство единоличной инициативой канцлера. Коля также критиковали за то, что он совсем не упомянул о гарантиях установления западной польской границы. А депутат от «зеленых» заявила, что она испытывает страх перед объединением и что «нет ни малейшего разумного основания, которое говорило бы в пользу объединения».

Руководство ГДР тоже весьма сдержанно отнеслось к плану Коля. Новый министр-президент Х. Модров представил Народной Палате свое «правительство мира и социализма» и пообещал провести решительные реформы политической системы, экономики, образования и управления. Модров заявил, что оба немецких государства должны проводить политику «добраго соседства и сосуществования для создания договорного сообщества».

Понимая озабоченность всех стран стремительными изменениями в отношениях между двумя германскими государст-

вами, Коль и Модров 19 декабря 1989 г. впервые провели в Дрездене официальную встречу. Несмотря на усилившиеся тенденции к немедленному объединению, они высказались за создание в начале следующего года договорного сообщества двух государств.

Однако к 13 февраля 1990 г., когда Модров с 17 министрами его второго «правительства национальной ответственности» прибыл с ответным визитом в Бонн, политическая ситуация в корне изменилась. Выборы в ГДР были перенесены с 6 мая на 18 марта, и правительству Модрова, по общему мнению, оставалось работать всего четыре недели. Просьба Модрова о немедленном кредите в 18 млрд марок была отклонена. Но было решено создать комиссию, которая займется подготовкой к образованию *валютно-экономического союза*. Таким образом, в Бонне уже не рассматривали правительство Модрова как равноценного партнера, а ожидали создания первого демократически избранного правительства ГДР.

Между тем у руководителей других стран было немало опасений по поводу скорого германского объединения. Естественно, что больше всех беспокоилась Москва. **М. С. Горбачев** не раз заверял Э. Кренца и Х. Модрова, что СССР твердо стоит на стороне ГДР, видя в ней важного гаранта мира и стабильности в Европе. Советский Союз демонстративно напомнил о своих правах победителя и добился того, что впервые за 18 лет послы четырех держав собрались на конференцию в берлинском здании Контрольного совета. Впрочем, Горбачев повторял также, что будущее Европы в конечном счете «решит история» (однако, как выяснилось позднее, в советском Министерстве иностранных дел еще в 1987 г. обсуждали вопрос, надолго ли сохранится раскол Германии).

Однозначно позитивно оценивало возможное объединение ГДР и ФРГ американское правительство. Президент США **Дж. Буш-старший** уже в октябре 1989 г. заявил, что не разделяет опасений некоторых европейских стран по поводу объединения Германии. Немного позднее американское правительство официально высказалось за право немецкого народа на самоопределение и воссоединение. Но оно выдвинуло два условия: объединенная Германия должна оставаться членом НАТО и признать линию по Одеру—Нейсе как окончательную германо-польскую границу.

Франция и Великобритания весьма прохладно отнеслись к возможному объединению западных и восточных немцев.

Они опасались гегемонии Германии в Европе. Президент Франции **Ф. Миттеран** не оспаривал право немцев на самоопределение, но считал эту проблему «неактуальной». Вскоре после падения Берлинской стены он обсуждал новую ситуацию с Горбачевым, а в конце года посетил ГДР.

Еще решительнее был настроен британский премьер-министр. В конце февраля 1990 г. «железная леди» **М. Тэтчер** заявила, что объединение Германии может произойти только с согласия всех 35 стран, подписавших в 1975 г. Хельсинкское соглашение. А через месяц она пригласила нескольких именитых британских историков, чтобы получить консультацию по поводу возможных опасностей, которые могут исходить от объединенной Германии.

В начале 1990 г. в Москве наконец осознали, что ход событий уже не изменить. Когда 30 января глава ГДР Модров посетил Горбачева, то услышал от него, что «никто и никогда принципиально не ставил под сомнение объединение немцев», но все участники процесса должны «действовать с полной ответственностью».

Вернувшись в Берлин, Модров объявил, что принимает план Коля, поскольку «объединение обоих германских государств уже стоит на повестке дня». Однако он заметил, что объединенная Германия должна быть нейтральной страной. Когда же Г. Коль и министр иностранных дел **Х.-Д. Геншер** 10 февраля прибыли в Москву, то советский лидер заявил им, что сроки и путь объединения — это *дело только самих немцев*. Хотя вопрос о военном статусе Германии оставался все еще открытым, всем было ясно, что путь к объединению свободен.

Мартовские многопартийные выборы

Весной 1990 г. нестихающие демонстрации в ГДР проходили под разными лозунгами, в частности и под таким: «Придет немецкая марка — мы останемся, не придет марка — мы пойдем к ней!» Немецкая марка уже давно была в ГДР валютой первого класса, а марку ГДР презрительно называли «алюминиевым чипом». Под знаком *валютного объединения* в основном и велась предвыборная борьба. Всего за несколько недель под сильным западногерманским влиянием сформировалась совершенно новая партийная система. Поскольку Социал-демократической партии Германии (СДПГ) после ее объ-

единения с коммунистами в ГДР не существовало, то теперь ей пришлось начать с организационных мероприятий. Четыре блоковые партии — Христианско-демократический союз (ХДС), Либерально-демократическая партия, Национально-демократическая партия Германии и Демократическая крестьянская партия Германии — освободились от своего скомпрометированного поддержкой Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) руководства и установили тесные связи с западногерманскими партиями ХДС и Свободной демократической партией (СвДП). Появилась братская партия и у баварской партии ХСС — консервативный Немецкий социальный союз (НСС). ХДС, НСС и движение «Демократический прорыв» образовали избирательный блок «Альянс за Германию». Либеральные группы создали «Союз свободных демократов». Еще несколько движений объединились в «Союз-90». Особняком стояла резко уменьшившая свой состав СЕПГ, которая получила теперь новое название — *Партия демократического социализма* (ПДС). Всего в избирательную кампанию вступило 24 партии, движения и объединения.

Важнейшей темой обсуждений участников избирательной кампании были сроки и темпы объединения. Против объединения теперь выступали только мелкие левые группы. ПДС выдвигала лозунг постепенного объединения в соответствии с объединением Европы. «Альянс за Германию» настаивал на скорейшем объединении, а точнее — на вхождении ГДР в Федеративную Республику на базе статьи 23 Основного закона ФРГ, для чего не нужно было изменять Конституцию. СДПГ склонялась к объединению по статье 146, что означало создание новой общегерманской Конституции, но не исключала и более короткого пути к объединению.

В экономической программе объединения все партии поддерживали идею социального рыночного хозяйства, но с различными акцентами. «Альянс за Германию» требовал немедленного введения немецкой марки, СДПГ высказывала некоторые опасения, различные гражданские движения отстаивали сохранение социальных гарантий, прежде всего права на труд, а ПДС выступала за «народную собственность».

По расчетам специалистов, наилучшие шансы на победу имела СДПГ, поскольку Саксония и Тюрингия всегда были «красными бастионами», а рабочие составляли большинство избирателей. Тем неожиданнее стала триумфальная победа

на выборах «Альянса за Германию», получившего 48,1% голосов избирателей (причем только одна входящая в него партия ХДС набрала 40,8%). СДПГ получила лишь 21,9%.

Причины такого результата выборов понять не трудно: избиратели проголосовали за *немедленное объединение страны без всяких условий*. Символом этой политики являлся канцлер Г. Коль, который олицетворял собой надежность и уверенность. Конечно, его обещания за короткий срок превратить бывшую ГДР в «процветающую землю» были излишне оптимистичными (в частности, канцлер обещал не допустить повышения налогов). Но лидер СДПГ О. Лафонтен высказывал такой пессимизм, что избиратели стали побаиваться его мрачных прогнозов. А третье место на выборах ПДС (16,4% голосов) объясняется не только большим количеством среди избирателей бывших партийных функционеров, но и тем, что в ГДР было немало людей, которым неплохо жилось при прежнем режиме. Теперь они не видели в туманном будущем никаких радужных перспектив.

Новая *Народная Палата* начала работу 5 апреля 1990 г. Ее президентом была избрана женщина — врач С. Бергман-Поль (ХДС). Парламент внес два изменения в Конституцию: из преамбулы было убрано определение, что республика «является социалистическим государством рабочих и крестьян», и был упразднен Государственный Совет. Главой государства теперь являлся *президент*, как и в первые годы существования ГДР.

Тотчас после выборов начались сложные переговоры между партиями о формировании правительства. СДПГ вначале отказывалась войти в кабинет министров. Наконец было образовано правительство из представителей «Альянса за Германию», либералов и социал-демократов. Его главой стал лидер партии ХДС юрист Л. де Мезьер, бывший заместитель Х. Модрова. Он определил основной целью работы правительства скорейшее *объединение страны*.

В ходе церемонии приведения кабинета министров к присяге произошел казус. Де Мезьер категорически отказался присягать на еще действующей социалистической Конституции, за что подвергся нападкам со стороны ПДС, объявившей себя опорой правового государства. После ожесточенных споров был найден компромисс: правительство присягает «на праве и законах ГДР».

Единый народ, единая страна

Стремление к объединению исходило прежде всего от восточных немцев, которые и определяли его темпы. Но когда были выбраны конкретные формы объединения, инициатива перешла к западногерманской стороне. Сидя за столом переговоров, министр внутренних дел ФРГ В. Шойбле очень откровенно охарактеризовал позицию своей страны и ее правительства: «Дорогие мои, речь идет о вхождении ГДР в Федеративную Республику, а не наоборот. Мы все делаем для вас, и вы будете сердечно приняты... Но это не объединение двух равных государств».

На повестке дня стоял прежде всего вопрос о создании валютного союза, хотя западногерманской бундесбанк относился к такому союзу весьма скептически, предпочитая провести сначала постепенное экономическое слияние двух систем экономики. Но решающими оказались политические соображения федерального правительства и громкие требования населения ГДР немедленно ввести немецкую марку.

В начале апреля 1990 г. бундесбанк предложил проводить обмен по курсу 2:1 и пересчитать в таком же соответствии заработную плату и пенсии. Только сберегательные вклады в сумме до 2000 марок должны были обмениваться в соотношении 1:1. Это означало сокращение в два раза и без того невысоких доходов граждан ГДР. Чисто экономически предложение банка ФРГ было весьма разумным. Возможен был даже и еще более жесткий обменный курс. Но политически это было нецелесообразно. В итоге приняли следующее решение: заработную плату, пенсию, квартплату, сбережения в сумме до 2000, 4000 и 6000 марок (в зависимости от возраста вкладчика) пересчитывать по курсу 1:1, все остальные сбережения — по курсу 2:1. Договор был подписан 18 мая и с 1 июля 1990 г. вступил в силу.

Население восторженно приняло «твердую марку». Перед обменными пунктами выстраивались огромные очереди, люди с удовлетворением рассматривали новенькие западные купюры.

Население восторженно приняло «твердую марку». Перед обменными пунктами выстраивались огромные очереди, люди с удовлетворением рассматривали новенькие западные купюры.

Подписание договора о создании валютного, экономического и социального союза между ФРГ и ГДР

У многих складывалось впечатление, что с введением немецкой марки жизнь изменится к лучшему. О возможных негативных последствиях тогда никто не думал, хотя раздавались и предостерегающие голоса о жестокости «шоковой терапии» и сложностях перехода к рыночной экономике.

Затем начались переговоры о заключении *объединительного договора*. С западной стороны их вел министр В. Шойбле, с восточной — статс-секретарь Г. Краузе. По условиям договора предполагалось вхождение пяти земель на территории ГДР в Федеративную Республику. Шойбле считал, что правовые вопросы следует решить немедленно, а остальные могут пока оставаться под юрисдикцией права ГДР. Но он оказался бессилен перед чиновничьей бюрократией, которая требовала немедленно и полностью ввести единое право ФРГ на всей территории Германии. В итоге в подробнейшем договоре (он составил 244 страницы издания большого формата) были распи-

Визит Федерального канцлера ФРГ в Москву. Г. Коль (слева) и М. С. Горбачев с супругами

саны тысячи деталей. Так, в договоре был даже пункт о том, что в вопросах содержания попугаев и волнистых попугайчиков учреждениям в бывшей ГДР до конца 1992 г. разрешаются некоторые отклонения от общих правил содержания птиц. Немецкая бюрократия еще раз доказала, что является лучшей в мире.

Земли ФРГ принимали самое активное участие в подготовке договора, при этом каждая стремилась выделить как можно меньше средств на финансирование процесса объединения и основную часть расходов переложить на соседей. Четыре земли — Северный Рейн—Вестфалия, Бавария, Баден-Вюртемберг и Нижняя Саксония — тут же получили еще по одному месту в бундесрате.

В ГДР непосредственной подготовкой к вхождению в ФРГ стало восстановление пяти ликвидированных ранее земель: Бранденбурга, Мекленбурга—Передней Померании, Саксонии, Саксонии-Анхальт и Тюрингии. Последние «объединительные» мероприятия проходили в лихорадочной суете. Правительство покинули либералы и социал-демократы. После жарких споров Народная Палата большинством голосов определила датой объединения 3 октября. Договор был подписан 31 августа и через три недели ратифицирован.

Объединение Германии было не только внутринемецким, но и международным событием, вызвавшим у других стран определенную озабоченность. На политическом языке оно обозначалось краткой формулой «два + четыре». На первый план выступили два компонента — западная граница Польши и военный статус единой Германии. Правительство Г. Коля считало, что вопрос о границе могут решать только общегерманские органы — правительство и парламент.

Польша с недоверием относилась к единой Германии. Поскольку многие немецкие политики очень туманно определяли польско-германскую границу, польская сторона требовала, чтобы этот вопрос был закрыт еще до воссоединения республик. Но был найден компромисс. Бундестаг и Народная Палата приняли одинаковые заявления об «окончателности» границы по Одере—Нейсе, а сам договор с Польшей предполагалось заключить сразу после объединения. Большая заслуга в достижении взаимопонимания с соседними государствами принадлежала министру иностранных дел Х.-Д. Геншеру. Он неутомимо убеждал соседей, что единая Германия охватит ФРГ, ГДР и весь Берлин, «не меньше, но и не больше».

Будущее международное положение Германии стало предметом бесчисленных дипломатических переговоров, в ходе которых было, наконец, найдено приемлемое для всех решение. СССР предложил даже, чтобы права четырех союзных держав в отношении Германии действовали еще пять лет после ее объединения. Но на июльском съезде КПСС (1990) консерваторы потерпели поражение, после чего укрепились позиции М. С. Горбачева. В середине июля Коль в сопровождении многочисленной делегации посетил Советский Союз. В ходе обсуждений немецких проблем Горбачев наконец согласился, что единая Германия получит не только полный суверенитет, но и право вступать в любые союзы. (До этого советская позиция фактически противоречила первому принципу Заключительного акта Хельсинкского соглашения, по которому любая страна могла вступать в любые союзы.) Кроме того, совершенно неуместным было требование СССР соблюдать Потсдамские соглашения, поскольку прекращение действия прав держав-победительниц в отношении Германии практически аннулировало и Потсдамские договоренности.

На этой основе 12 сентября 1990 г. в Москве министры иностранных дел четырех победивших держав, ФРГ и ГДР подписали договор об окончательном урегулировании германского вопроса, который, по сути, *подвел черту под Второй мировой войной*. Действие всех прав союзных держав прекращалось, существующие границы признавались окончательными, Германии предписывалось в течение трех-четырёх лет сократить вооруженные силы до 370 тыс. человек, а СССР обязывался вывести с территории Германии свои войска к концу 1994 г., причем Германия выделяла на это (в частности, на строительство в России жилья для военнослужащих) 12 млрд марок.

Огромной заслугой канцлера Коля было то, что объединение Германии произошло мирным путем и с согласия всех соседей. Это признавала даже оппозиция. Коль правильно оценил ситуацию и использовал благоприятный момент.

В полночь со 2 на 3 октября 1990 г. в Берлине перед зданием рейхстага взвился черно-красно-золотой флаг. В небо взлетали ракеты и воздушные шары, гремел салют — немцы праздновали воссоединение своей родины. Отныне 3 октября стало праздником — Днем германского единства. Националистических амбиций на этом празднике не было. Сразу после торжеств началась подготовка к первым общегерманским парламентским выборам.

НОВАЯ СТРАНА В НОВОМ МИРЕ (1990—2000)

Первые общегерманские выборы

Сначала, 14 октября 1990 г., состоялись выборы в ландтаги пяти «новых» восточных земель (правда, некоторые из них имели куда более давнюю историю, чем отдельные «старые» земли). В четырех землях победила партия Христианско-демократический союз (ХДС), а в Бранденбурге сильнейшей оказалась Социал-демократическая партия Германии (СДПГ). Во всех правительственных и земельных учреждениях с самого начала заметное место заняли политики и чиновники «с Запада». Но среди премьер-министров только один представлял западную часть — глава Саксонии К. Биденкопф, бывший в 70-е годы генеральным секретарем ХДС. Затем на высших земельных постах появились еще два «западных» политика — Б. Фогель в Тюрингии и В. Мюнх в Саксонии-Анхальт.

Первой среди восточных земель приняла свою Конституцию Саксония (в мае 1992 г.), последней — Тюрингия (в октябре 1993 г.). Конституции «новых» земель отличали две особенности: в них содержались статьи о проведении народных референдумов и плебисцитов, а также о *социальных обязательствах государства* — обеспечении права граждан на труд, жилище и образование. Данные дополнения объяснялись трудной экономической ситуацией, сложившейся в этих землях, и стремлением сохранить социальные гарантии, существовавшие в бывшей ГДР.

Первые общегерманские выборы в бундестаг состоялись 2 декабря 1990 г.

Воссоединенная Германия превратилась в третье после Испании и Франции по территории и первое по численности населения западноевропейское государство. При обсуждении про-

блемы столицы государства в бундестаге многие депутаты подчеркивали, что Бонн стал символом новой демократической и миролюбивой Германии и получил высокий авторитет в мире. С Берлином же связаны многие мрачные страницы немецкой истории. В итоге многочасовых дебатов вечером 20 июня 1991 г. большинство депутатов высказались за *Берлин*. Переезд президента, правительства и бундестага в Берлин завершился только летом 1999 г., но шесть министерств остались в Бонне.

К моменту первых общенациональных выборов большинство партий уже имело свои общегерманские структуры. Объединение «двух Германий» было чисто политическим актом. Теперь же встал вопрос о хозяйственной интеграции обеих частей страны. Поэтому именно экономические вопросы стали основными в предвыборной кампании.

Партии правящей коалиции — ХДС—ХСС и СвДП — праздновали объединение как свой успех и заверяли, что мощная экономика старой ФРГ преобразует хозяйство и новых земель. Но это не отвечало настроениям «западных» избирателей. 80% их приветствовали объединение, но не желали идти для этого на личные жертвы. Сотни тысяч переселенцев из-за Эльбы казались почтенным бундесбюргерам страшной угрозой их благополучию, хотя бы уже потому, что соглашались работать за меньшую зарплату. Видя такие настроения, лидер СДПГ О. Лафонтен, взяв на себя роль Кассандры, предвещал крах экономики в землях бывшей ГДР и возникновение массовой безработицы. И в этом он оказался совершенно прав, но из его речей у населения восточногерманских областей складывалось впечатление, что оно является обузой для западных немцев.

Партийный блок ХДС—ХСС в своей программе сделал упор на создание жизнеспособных рыночных структур в Восточной Германии и необходимость социальных гарантий для ее населения. В обстановке еще царившей «объединительной» эйфории он получил на общегерманских выборах 43,8% голосов избирателей. СДПГ, которой многие прочили победу, потерпела поражение: ее поддержали лишь 33,5% избирателей. Воссоединение явно усилило позиции либеральной Свободной демократической партии (СвДП), которой отдали голоса 11% избирателей. Но это скорее объяснялось популярностью ее лидера Х.-Д. Геншера. Неожиданностью стало то, что в бундестаг не попала партия «зеленых». Но зато в него вошли представители двух партий, действующих только на территории бывшей ГДР, где голоса подсчитывались отдельно и вре-

менно не был установлен пятипроцентный барьер, — «Союза-90» и Партии демократического социализма (ПДС).

Канцлер намеревался быстро сформировать кабинет министров. Однако только 18 января 1991 г. новое правительство (в нем были представлены всего три политика из восточных земель, и лишь один из них получил важный портфель министра транспорта и связи) было приведено к присяге.

Экономическая интеграция

Развитие ситуации после первых общегерманских выборов показало, что процесс выравнивания условий жизни на востоке и западе Германии становился все более трудным и медленным, а главное — дорогостоящим. В 1990 г. производство на территории бывшей ГДР упало наполовину, а число безработных увеличилось втрое и достигло 642 тыс. человек. С целью смягчить положение для трудящихся из восточных земель был снижен возраст выхода на пенсию — 55 лет. С 1990 г., а особенно после крупной забастовки металлистов Бранденбурга и Саксонии весной 1993 г., заработная плата была увеличена вдвое. Возросли и пенсии: пенсия мужчины составила уже 90%, а женщины (учитывая, что большинство из них в ГДР работали) — 130% уровня «западной» пенсии.

Однако все эти меры не привели к выравниванию уровня жизни. Негативную роль сыграла и *дезорентация восточногерманского населения*. Оно потеряло прежний минимум социальных гарантий государства, дотиравшего цены на продукты, оплату коммунальных услуг, детских садов, а также предоставлявшего бесплатное медицинское обслуживание. Столкнувшись с жесткими законами рыночных отношений, многие растерялись. Весной 1991 г. на курсах по переобучению пустовало 80% мест, хотя было очевидно, что множество предприятий в восточных землях либо будут закрыты, либо резко сократят число сотрудников.

Медленнее, чем ожидалось, шла *приватизация в промышленности*. Весной 1991 г. из 8000 прежних народных предприятий было приватизировано лишь 260 головных производств и около 400 их филиалов. В глубоком кризисе уже давно находилось сельское хозяйство. В 1990 г. из-за невозможности продать молочную продукцию в восточных землях было забито 400 тыс. коров. Население предпочитало покупать продукты западного производства, хотя по качеству они далеко не всегда были лучше «восточных».

Возникновение всех этих проблем многие политики и экономисты предсказывали еще летом 1990 г. Но только после воссоединения выяснилось, что экономика ГДР находилась в еще более тяжелом положении, чем предполагалось ранее. Многие предприятия имели такое изношенное и устаревшее оборудование, что не было смысла пытаться их модернизировать. Около трети площади прежней ГДР находилось в критическом экологическом состоянии. Это касалось прежде всего района урановых рудников в Тюрингии и огромной промышленной агломерации между городами Дессау, Галле, Магдебург и Биттерфельд, которую образно называли «центром европейской экологической катастрофы».

А население восточных земель, которое ждало от объединения *немедленного улучшения своего благосостояния*, стало выражать все больше недовольства многочисленными проблемами и жесткой политикой правительства. К таким трудностям оно не было готово ни морально, ни психологически, ибо ломка устоявшихся структур и самого образа жизни — крайне болезненный процесс.

Но все же *перестройка восточногерманской экономики медленно совершалась*. В 1991 г. на осуществление социальных, экономических и экологических программ только государством, не считая капиталовложений частных фирм, было

выделено более 150 млрд марок. Из них 58 млрд марок направлялось на создание инфраструктуры и новых фирм, 95 млрд — в социальную сферу. Доля западных инвестиций составила 47% восточногерманского валового национального продукта. На востоке Германии возникло свыше полумиллиона новых предприятий. В феврале 1991 г. в Айзенахе, на заводе, где выпускали автомобиль «Вартбург», началась сборка автомобилей марки «опель». В Дрездене в 1994 г. знаменитый концерн «Сименс» приступил к строительству завода полупроводников. К середине 90-х годов восточногерманские земли превратились в *самый динамично развивающийся экономический регион Европы*.

По программе «Региональное развитие экономики» с общим объемом инвестиций в 14,5 млрд марок к 1992 г. в бывшей ГДР появилось 112 тыс. новых рабочих мест. Развернулась *реконструкция жилого фонда*, около четверти которого к 1993 г. было модернизировано, на что ежегодно требовалось 150 млрд марок. Но быстро росла и квартплата, достигая иногда размеров средней пенсии. Осенью 1991 г., когда она увеличилась сразу в пять раз, более 3 млн восточных немцев были вынуждены обратиться за жилищными субсидиями.

Произошли сдвиги и в сельском хозяйстве. В 1995 г. насчитывалось более 21 тыс. аграрных предприятий, только 12 тыс. из которых были частными. Но многие крестьяне не смогли выдержать конкуренцию и оказались вне сферы занятости. В Мекленбурге из 189 тыс. крестьян 160 тыс. к 1992 г. оставили свои хозяйства. В целом к 1994 г. количество занятых в сельском хозяйстве сократилось с 850 тыс. до 250 тыс. человек. Наполовину уменьшилась и площадь сельскохозяйственных угодий.

Опекунское ведомство наводит порядок

В переустройстве восточногерманской экономики ключевое положение занимало созданное сразу после объединения республик *Опекунское ведомство*. Перед ним стояла грандиозная задача провести к 1995 г. *п р и в а т и з а ц и ю*, *с а н а ц и ю* или *л и к в и д а ц и ю* всего народного имущества прежней ГДР. Речь шла о 8500 предприятий, на которых было занято более 4 млн работников.

К середине 1993 г. ведомству удалось продать около 2500 мелких и средних предприятий, которые в основном вы-

купались их менеджерами или коллективами работников. Так, в Саксонии было проведено 630 сделок такого рода. В восточных землях начал быстро расти *самостоятельный средний бизнес*.

Приблизительно 3700 предприятий было ликвидировано. 850 предприятий купили иностранные фирмы. Всего Опекуновское ведомство продало 14,5 тыс. предприятий, т. е. больше принятых под свое управление. Объяснялось это тем, что многие крупные предприятия перед продажей было выгоднее разделить на ряд средних и мелких.

Руководство ведомства предполагало, что продажа государственного имущества ГДР принесет в казну солидную прибыль. Однако это оказалось полной иллюзией. Для того чтобы предприятие можно было продать, его надо привести в порядок. И вот на это Опекуновское ведомство израсходовало фантастическую сумму в 343 млрд марок. Огромные средства ушли на выплату выходного пособия сотням тысяч рабочих и служащих, досрочно отправленных на пенсию. Многие предприятия продавались по символической цене в 1—3 марки, если новый владелец гарантировал его дальнейшее существование и сохранение всех рабочих мест.

В итоге, после окончания в декабре 1994 г. работы Опекуновского ведомства, убытки составили около 275 млрд марок. Деятельность ведомства не получила одобрения. Огромные долги и 3 млн ликвидированных рабочих мест стали тяжелым бременем для федерального бюджета. Это затруднило сохранение всех видов социальных выплат на прежнем высоком уровне.

Реконструкция восточногерманской экономики непосредственно затронула и население западных земель. Суть проблемы выразил Федеральный президент ФРГ в речи при подписании объединительного договора: «Объединиться — это значит научиться делиться». А многие как раз этого и не хотели. К 1995 г. в западных землях доля налогов и различных сборов в валовом национальном продукте впервые составила более 50%, а государственный долг увеличился вдвое и достиг астрономической величины в 2 трлн марок. К 1996 г. воссоединение страны обошлось налогоплательщикам в 1 трлн марок в виде трансферов на Восток. И даже эта гигантская сумма инвестиций не обеспечила наступление обещанной эры процветания в восточных землях, как и достижение политической цели — *создание единого немецкого общества*.

«Осси» и «весси»

Фактически в 1992 г. Германия оказалась дальше от внутреннего единства, чем в год объединения. В 1990 г. 66% населения бывшей ГДР чувствовали себя больше немцами, чем жителями ГДР. Через два года уже только 45% населения восточных земель считали себя прежде всего немцами. При этом около половины жителей бывшей ГДР находили, что общее положение за это время ухудшилось, но только 13% оценивали свое собственное положение как плохое.

Социально-психологическая интеграция оказалась труднее экономической, что, впрочем, неудивительно. За четыре десятилетия раздельного существования в двух германских государствах у немцев сформировались разные, а порой даже противоположные по менталитету и по ценностной ориентации типы личности. В обиходе появились такие новые понятия, как «осси» («восточники») и «весси» («западники»).

Между западными и восточными немцами сложились далеко не безоблачные отношения. Западные немцы были склонны смотреть на восточных свысока, как на людей малоинициативных и вечно недовольных. Восточные же считали западных самодовольными, высокомерными и забюрократизированными. В «новых», а отчасти и в «старых» землях распространилось мнение, что в 1990 г. произошла колонизация ГДР Западной Германией. Заговорили даже об аншлюсе. Но такая оценка событий совершенно неверна, хотя бы потому, что к объединению страны стремилось в первую очередь население ГДР.

В мае 1999 г. участники берлинской научной конференции «Исторический форум — разделенное прошлое, общая история» много говорили о том, что и спустя десять лет после падения Берлинской стены «запад Германии посматривает на восток с оттенком отчуждения и пренебрежения».

Испытываемое восточными немцами чувство унижения и затаенной обиды, естественно, требовало выхода. Именно этим объясняются вспышки насилия, которые произошли в «новых» федеральных землях в 1991—1992 гг. Не

Немцы смеются: День германского единства (на плакате: «Иностранцы, вон!»)

видя перед собой никаких радужных перспектив и воспитанная в марксистском духе нетерпимости, молодежь стала нападать на иностранных рабочих, громить их жилища. При этом значительная часть населения отнеслась к таким эксцессам с молчаливым одобрением. Началось все в саксонском Хойерсверде, продолжилось в Ростоке, а затем волна насилия быстро перекинулась на запад, где в Мельне под Любеком и в Золингене в огне поджогов погибли несколько турецких женщин и детей. И только тогда преступные выходки молодежи всколыхнули всю страну. Во многих городах прошли мощные демонстрации в знак солидарности с иностранными согражданами.

Но правый радикализм в Германии существует и время от времени заставляет о себе говорить. В марте 1996 г. праворадикальная Республиканская партия, насчитывающая около 16 тыс. членов, на земельных выборах в Баден-Вюртемберге получила 9,1% голосов и провела в ландтаг 14 депутатов. В апреле 1998 г. на выборах в Саксонии-Анхальт 12,9% избирателей проголосовали за правоэкстремистский Германский народный союз, насчитывающий до 20 тыс. членов. В следующем году в Бранденбурге эта партия преодолела пятипроцентный барьер и получила в ландтаге пять мест.

Кризис социального государства

С начала 90-х годов усложнились политические, экономические и финансовые условия сохранения и дальнейшего развития Германии как *образцового социального государства*. Финансирование экономической реконструкции восточных земель привело к сокращению социальных статей бюджета. К тому же прогрессирует процесс старения нации, когда на 100 человек населения стало приходиться 20 пенсионеров. Все это неизбежно вызывает негативные последствия. Поскольку пенсионные взносы уже не покрывают требуемых расходов, доля которых в 90-е годы превысила треть валового национального продукта, то государство стало жить в долг.

В связи с этим развернулась дискуссия о «переустройстве социального государства». Предприниматели настаивают на том, что сложившуюся систему социального обеспечения (ранее признанную образцовой) уже невозможно финансировать, а потому социальные выплаты необходимо снизить до приемлемого уровня. В целом разделяя такие оценки, правительство пыталось ввести некоторые социальные ограничения. Но против решительно выступили профсоюзы и, разумеется, оппозиционные партии. Они вполне логично заявили, что сокращение социальных расходов приведет к росту социальной напряженности и политической нестабильности в стране.

Для ведущей в немецкой экономике *автомобильной промышленности* особенно трудным стал 1993 г., когда производство снизилось на четверть. Крупнейший в отрасли концерн «Фольксваген» оказался перед необходимостью сократить 30 тыс. рабочих мест. Представлявший интересы рабочих профсоюз предложил вместо этого сократить рабочую неделю до четырех дней и ввести гибкий график работы. После трудных переговоров, на которых самым спорным стало требование дирекции уменьшить соответственно рабочему времени и заработную плату на 20%, удалось добиться компромисса. С января 1994 г. сокращалась рабочая неделя, снижалась заработная плата, но увольнения отменялись. Однако аналогичные соглашения в других секторах экономики достигались редко, хотя обоюдные уступки позволяли бы поддерживать относительно высокий уровень занятости в целом по стране.

Год «супервыборов»

В 1994 г. проходили выборы депутатов Европарламента, бундестага и ландтагов восьми земель. Кроме того, избирался и Федеральный президент ФРГ. В мае им стал кандидат от партийного блока ХДС—ХСС Р. Херцог, бывший до этого президентом Конституционного суда.

К этому времени ситуация для канцлера Г. Коля не являлась благоприятной. Эйфория по поводу объединения сменилась раздражением. В «новых» землях росло недовольство безработицей и тяжелым материальным положением, в «старых» землях негодовали по поводу намерения правительства ввести с 1 января 1995 г. дополнительную «надбавку солидарности» в размере 7,5% к налогу на заработную плату, подоходному налогу и налогу на доходы юридических лиц. В Бранденбурге, Саксонии и Саксонии-Анхальт в земельных выборах не участвовало 45% избирателей. А из пришедших на избирательные участки в этих землях 10—12% проголосовали за Партию демократического социализма (ПДС). Такая ситуация означала, что более половины восточных немцев выразили отрицательное отношение к власти. В то же время западные немцы винили правительство Коля в том, что из-за его политики восточно-германское население живет за их счет.

Положение действительно было сложным. Безработица охватила 3,7 млн человек и продолжала расти. На уже состоявшихся в пяти землях выборах партнер блока ХДС—ХСС по коалиции Свободная демократическая партия (СвДП) нигде не смогла набрать 5% голосов и ее представители не попали в ландтаги. Опросы общественного мнения показывали, что по популярности социал-демократический кандидат в канцлеры, премьер земли Рейнланд-Пфальц Р. Шарпинг значительно опережал Коля.

Но к лету 1994 г. рейтинг федерального канцлера и его партии начал быстро повышаться. В итоге на состоявшихся 16 октября выборах партийная коалиция ХДС—ХСС и СвДП всего на 0,3% опередила оппозиционные им партии — СДПГ, «Союз-90», «зеленых» и ПДС. В бундестаге правительственное большинство составило всего 10 депутатов.

Трудную победу консервативно-либеральной коалиции аналитики записали прежде всего в актив канцлера Коля. Его популярность возросла и в связи с тем, что 31 августа 1994 г. немецкую землю покинуло последнее соединение Российской

армии. Но выборы отчетливо высветили и трудную для канцлера проблему. По существу, союзница демохристиан СвДП потерпела поражение, получив 6,9% голосов избирателей и потеряв в бундестаге 32 места. Партия прошла в бундестаг лишь потому, что за либералов из коалиционных соображений проголосовало много сторонников блока ХДС—ХСС. Сам же христианский блок получил поддержку только 41,5% избирателей, что было наихудшим результатом за все выборы с 1949 г. Вместо СвДП третьей политической силой постепенно становились «зеленые», которые на этих выборах на 0,4% опередили свободных демократов и прошли в парламент.

«Красно-зеленая коалиция»

После того как социал-демократы проиграли выборы 1994 г., в Социал-демократической партии Германии (СДПГ) начались дебаты о необходимости выработки новых идей и об избрании нового лидера. В такой ситуации на съезде в Мангейме осенью 1995 г. без предварительного согласования с руководством и в нарушение партийной субординации саарский премьер О. Лафонтен произнес блестящую речь и неожиданно выдвинул самого себя на пост председателя партии. И получил большинство голосов.

Но Лафонтен был слишком левым для большинства партийных функционеров. Вскоре у него появился серьезный соперник — глава правительства Нижней Саксонии Г. Шрёдер, заключивший в своей земле союз с «зелеными». В 1997 г. опросы населения показали, что у него больше шансов победить Г. Коля на следующих выборах, чем у Лафонтена. В этой ситуации решающими для Шрёдера становились очередные выборы в ландтаг Нижней Саксонии. И они принесли крупный успех социал-демократам (47,9% голосов). Партия Христианско-демократический союз (ХДС) «отстала» на целых 12%, а Свободная демократическая партия (СвДП) вообще не попала

Оскар Лафонтен

в ландтаг. Стало ясно, что если кто и сможет на выборах одолеть Коля, так это Шрёдер.

Впрочем, позиции Коля ухудшились. Нарастали *экономические трудности*, выросли налоги и цены, безработных было уже более 4 млн человек. Пресса писала, что «черный великан», который находился у власти 15 лет (дольше любого германского канцлера, кроме О. Бисмарка), исчерпал все свои возможности и просто устал, как и его партия, от бремени власти. Коля не без основания упрекали и за то, что Германия, с его согласия, вкладывает чересчур много средств в ненадежную и непредсказуемую экономику России. В такой ситуации дефолт в России 17 августа 1998 г. стал козырем для критиков и соперников Коля. Но надо отметить при этом, что еще начиная с 1983 г. доля голосов, подаваемых за блок ХДС—ХСС, медленно, но неуклонно снижалась на каждых выборах.

Забегая вперед, следует сказать, что после ухода с поста канцлера положение Коля оказалось достаточно сложным. Против него и руководства ХДС было начато расследование в связи с незаконным финансированием партии. В феврале 2000 г. преемник Коля на посту председателя партии В. Шойбле ушел с должности именно в связи с данным обстоятельством (но был выдвинут кандидатом на выборах канцлера 2002 г.). Новым лидером партии ХДС стала уроженка Тюрингии, физик по профессии А. Меркель, занимавшая в правительстве Коля пост министра по делам женщин и молодежи, а затем министра по охране окружающей среды.

27 сентября 1998 г. состоялись выборы, на которых впервые за 16 лет победили социал-демократы, получившие 40,9% голосов избирателей и 298 мест в бундестаге. Блок ХДС—ХСС поддержали 35,1% избирателей (245 мест), «зеленых» — 6,7% (47 мест), СвДП — 6,2% (44 места). Оставаясь партией восточных земель, за счет голосов их населения в парламент попала и Партия демократического социализма (ПДС), получив 35 мест.

У Шрёдера была возможность заключить коалицию с любой партией. Он предпочел «зеленых», в блоке с которыми с 1990 г. с успехом управлял Нижней Саксонией. Лидер «зеленых» Й. Фишер стал министром иностранных дел и вице-канцлером. Его партия получила также посты министров здравоохранения и по охране окружающей среды. К этому времени партия «зеленых», из которой ушла группа ради-

кальных экологов, в значительной мере перешла на центристские позиции.

Нового канцлера принято считать прагматичным политиком, который ориентируется на «новую середину». Под этим понимается такое общество, в котором большинство его членов по своему образу жизни, характеру труда, привычкам и т. п. придерживается либерально-демократических взглядов. Такая ориентация правительства имеет под собой вполне объективную основу, так как в немецком обществе рубежа XX—XXI вв. чиновники и служащие составляют более 54%, рабочие — 34,8%, а самостоятельные хозяйства — лишь 10% населения.

К концу XX в. социальная структура в Германии значительно изменилась. Если в 1970 г. в сельском и лесном хозяйстве, рыболовстве, т. е. в первичном секторе экономики, было занято 8,5% населения, то в 1997 г. — всего 3%. Это означает, что в экономической структуре страны первичный сектор оказался в положении маргинала.

Число занятых в добывающей и перерабатывающей промышленности, т. е. во вторичном секторе экономики, еще в 1970 г. составляло 49%, но затем стало неуклонно снижаться и в 1997 г. составило только 34,3% населения. Зато все большее значение приобретают торговля, транспорт, сфера услуг и информации, маркетинг. Если в 1970 г. число занятых в этом третичном секторе экономики составляло 43%, то в 1997 г. — уже 63% и продолжает расти.

В соответствии с этими процессами правительство Шрёдера заявило о поощрении развития средних и мелких предприятий, так как именно они обеспечивают жителям Германии 80% рабочих мест. При этом если на крупных предприятиях каждое новое рабочее место обходится в 250 тыс. марок, то на мелких и средних — только в 6500 марок.

Германия — член мирового сообщества

После объединения Германии в Европе сложилась новая геополитическая ситуация. В центре континента возник 82-миллионный *экономический и политический гигант*. Резко возросла роль Германии как стратегического партнера США по блоку НАТО. Она стала одним из главных инициаторов расширения НАТО на восток, так как это равнозначно *расширению зоны германского влияния*.

Опираясь на свою экономическую мощь как третьей и индустриальной державы мира, Германия стала «локомотивом и ядром интеграции Европы». Правительство Г. Шрёдера отводит ей в этом процессе и ведущую политическую роль. В своем первом правительственном заявлении канцлер заявил, что «речь идет о самосознании повзрослевшей нации, которая не должна ощущать неполноценность по отношению к другим нациям, которая не отказывается от своей ответственности, смотря при этом вперед. Наши соседи также знают, что они могут доверять нам тем больше, чем больше мы, немцы, верим в собственные силы».

С 1990 г. ФРГ была полностью поглощена процессом объединения нации. Но вспыхнувшая на следующий год война в Персидском заливе заставила новую Германию скорее, чем этого можно было ожидать, определить свою позицию в мире. От прямого участия в войне, несмотря на предложение США, Германия отказалась, но выделила на ее финансирование 17 млрд марок. В связи с войной канцлер Г. Коль заявил о том, что ФРГ не может больше занимать отстраненную позицию, а должна взять на себя свою *долю ответственности за поддержание международной стабильности*. Но для этого ей необходимо стать постоянным членом Совета Безопасности ООН.

В настоящее время Германия является третьим после США и Японии государством-донором ООН (ее доля составляет около 10%). Она третий раз подряд избирается *непостоянным членом Совета Безопасности*. Но для того чтобы Германия могла стать постоянным членом этой организации, необходима структурная реорганизация ООН, что является делом близкого будущего. (В октябре 2003 г. президент Франции Ж. Ширак с трибуны ООН заявил о необходимости

Десять лет германского единства.
Президент Йоханнес Рау (слева)
приветствует канцлера
Герхарда Шрёдера

ти сделать постоянными членами Совета Безопасности ФРГ и Японию.)

В начале 90-х годов XX в. в Германии проходила широкая дискуссия относительно участия частей бундесвера в военных операциях за пределами региона НАТО, в частности в Сомали и Боснии. Деликатность этого вопроса не требует пояснений. Хотя после окончания Второй мировой войны миновало более полувека, но германский нацизм оставил в истории столь глубокий след, что появление на Балканах немецких солдат могло бы вызвать тяжелые исторические реминисценции. Споры продолжались до тех пор, пока в июле 1994 г. Федеральный конституционный суд не вынес решение о том, что направление подразделений бундесвера за пределы региона НАТО не противоречит Конституции и требует только согласия простого большинства бундестага.

Когда в мае 1998 г., еще до своей победы на выборах, Шрёдер был с визитом в США, он заверил президента Б. Клинтона, что в случае прихода к власти Социал-демократической партии Германии (СДПГ) внешнеполитический курс Германии останется прежним, а ее интересы и ценности — общими с американскими. Но в дальнейшем расхождения во взглядах руководителей двух стран начали нарастать.

Приоритетными стратегическими целями стали для Германии сохранение и развитие *германо-французской дружбы, германо-американского партнерства и германо-российской кооперации*, поскольку, как подчеркнул канцлер Шрёдер, «без России не может быть общеевропейской стабильности». В то же время правительство Шрёдера отказалось от прежнего курса простого оказания финансовой помощи России (поскольку выделяемые кредиты бесследно исчезали), а перешло к предоставлению кредитов на конкретные проекты при немецком контроле за расходованием средств (что, впрочем, не является полной гарантией их правильного использования).

Канцлер Шрёдер постоянно подчеркивает важность для Германии *национальных интересов*. Если Коль на Первом международном конгрессе партнерских инициатив в Вольфсбурге заявил: «Мы, немцы, поставим на карту свое будущее, если ограничимся национально-государственными интересами», то Шрёдер сразу после выборов сказал журналистам, что занял пост канцлера, «чтобы представлять интересы Германии». Такой же позиции Шрёдер придерживается и в отношении экономического объединения Европы. Он неустан-

но подчеркивает, что «ушло то время, когда Европа процветала за счет Германии», которая готова быть «мотором» Европейского союза (ЕС), но отказывается «оплачивать чью-то нерадивость».

Хотя усиление ФРГ по-прежнему вызывает опасения даже у некоторых ее нынешних союзников, объективно Германия обладает достаточным потенциалом, чтобы в рамках ЕС держать под своим контролем западноевропейский регион.

* * *

На рубеже XX—XXI вв. перед Германией встал ряд сложных проблем. С одной стороны, происходит болезненное, но необходимое *сокращение непомерных социальных и государственных расходов* (социальная политика обходится ей в 1 трлн марок ежегодно), на которые страна уже не имеет достаточных средств. С другой стороны, экономическая ситуация относительно устойчива. В 90-е годы прирост валового национального продукта составлял 2—2,3% в год, а по прогнозам на первые годы XXI в. будет составлять примерно 2,5%. Однако, учитывая, что безработными постоянно являются около 10% населения, такой рост, по мнению экономистов, не является достаточным для поддержания социальной сферы на прежнем высоком уровне.

Острой остается и *проблема иностранцев*, которых в Германии более 7 млн человек, в том числе более 2 млн турок. В 90-е годы в страну ежегодно прибывало до 400 тыс. переселенцев и беженцев. Таким образом, Германия с ее слишком либеральным законодательством принимает больше людей, чем все остальные государства Европейского союза. Отношение к иностранцам особенно ухудшилось после того, как весной 1999 г. по многим немецким городам прокатилась волна

беспорядков, устроенных курдами в знак протеста против ареста в Турции их лидера, и столкновений между курдами и турками. Неудивительно поэтому, что до 17% немецкой молодежи в возрасте 15—25 лет с симпатией относятся к праворадикальным идеям и организациям. В 2000 г. в Германии произошло более тысячи нападений на иностранцев,

Демонстрация неонацистов в Байрёйте

а в 2001 г. было зарегистрировано уже около 14 тыс. праворадикальных эксцессов разного рода.

В то же время без притока иностранцев в страну обострится проблема старения немецкого общества, в котором коэффициент рождаемости один из самых низких в Европе: около 10 детей на 1000 жителей в год. При сохранении такой тенденции к середине XXI в. один работающий должен будет кормить трех-четыре пенсионеров.

Увеличивается *социальное неравенство*. В начале XXI в. 10% населения имеют в своих руках около половины собственности, а 50% населения располагают лишь 5% собственности. На 1,5 млн миллионеров приходится 3 млн живущих за счет «пособий по бедности». Социальная помощь позволяет поддерживать в принципе достаточно высокий жизненный уровень, а потому проблема тут не столько материальная, сколько психологическая.

На выборах в бундестаг 22 сентября 2002 г. «красно-зеленая коалиция» победила вторично и завоевала 305 мест в парламенте. Блок ХДС—ХСС во главе с **В. Шойбле** набрал 38,5% голосов избирателей (294 места). Дальнейший курс развития определил канцлер **Г. Шрёдер**: «Мужественно и решительно мы и дальше пойдем по пути консолидации и модернизации».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

После объединения Германии прошло более десяти лет. Для немецких политических и научных кругов одной из наиболее важных и актуальных задач остается *определение новой роли и места Германии на мировой арене* исходя из ее реального политического и экономического веса. За блестящим фасадом Европейского союза (ЕС) все отчетливее начинают вырисовываться новые франко-германские противоречия. Причиной их являются опасения Парижа, что при неизбежном расширении ЕС на восток Франция будет оттеснена на периферию и потеряет часть своего нынешнего влияния. Германия же, по мнению французов, укрепит свои позиции и окажется в самом большом выигрыше.

Объективно расширение ЕС ведет к ослаблению внутренних связей между его членами и к возможности появления в организации отдельных группировок. И считаться с данными обстоятельствами необходимо. Понятно в связи с этим, что в Берлине растет искушение в полной мере *использовать геополитическое положение Германии*.

Скорее всего, Германия будет проводить свою внешнюю политику достаточно эгоцентрично, с учетом прежде всего национальных интересов, что не раз и подчеркивал канцлер Г. Шрёдер. Такая достаточно жесткая и прагматичная политика является совершенно логичной и наиболее рациональной. Хотя возможен и вариант, когда Германия не захочет нести бремя супердержавы. Не случайно в 2003 г. она отказалась поддержать англо-американское вторжение в Ирак, хотя это резко ухудшило ее отношения с США.

Во внутренней жизни Германии в основном закончился период адаптации восточных немцев к западным стандартам и условиям. Но экономические различия между восточными и западными землями все еще остаются значительными, так же как и различия духовно-ценностные. В связи с этим вновь необычайно актуальным для немцев становится имеющий

давнюю историю вопрос национальной идентичности.

В XIX—XX вв. проблема национальной идентичности являлась особенно сложной для немцев. Еще в 1886 г. Ф. Ницше иронично писал, что «немцы являются по натуре более непостижимыми, более широкими, более противоречивыми, менее известными, труднее поддающимися оценке, более поражающими, даже более ужасными, нежели другие народы в своих собственных глазах, — они ускользают от определения и уже одним этим приводят в отчаяние французов. Характеристичен для немцев тот факт, что их вечно занимает вопрос: что такое немецкое?»

Причина этой непостижимости лежит, безусловно, в драматичных изломах немецкой истории. Германия, эта «опоздавшая нация», сформировалась в единое национальное государство, стала индустриальным обществом, республикой позже, чем многие другие европейские нации. Но стремление добиться аналогичных успехов в XIX—XX вв. дало немцам заряд *колоссальной энергии*, как творческой, так и разрушительной.

Германия неустанно боролась за равноправное положение и в Европе, и в мире. Это являлось константой немецкой внешней политики от кайзеровской империи до нынешней ФРГ. Но было и одно исключение — период нацизма, когда германские фашисты стремились покорить вначале Европу, а затем и весь мир. Последствия хорошо известны.

Поиски национальной идентичности легко можно свести к поискам характера, вечной и «объективной сущности» народа. Но такой образ мышления проистекает не из трезвого рассмотрения истории, а из легенд, золотых или черных, господствовавших в Германии на протяжении двух последних веков.

Золотая легенда XIX — первой половины XX в. проводила непрерывную преемственную линию от Арминия, Карла Великого и Мартина Лютера до Фридриха Великого и Отто Бисмарка и противопоставляла Германию остальной Европе как воплощение истинных ценностей мира.

Черная легенда XX в., возникшая в годы нацистской диктатуры среди ее противников, наоборот, видела в немецкой истории прямую дорогу в пропасть. По этой легенде Германия еще в начале Нового времени сбилась с общего пути западно-европейского развития. Ксенофобия одержала верх над космо-

политизмом, покорность властям — над стремлением к свободе, авторитарное государство — над демократией. Это был «особый немецкий путь», который вел от Мартина Лютера через политическую романтику к Адольфу Гитлеру как своеобразному финишу этого пути.

Но такие легенды не допускают настоящего анализа немецкой истории, ни ее позитивного потенциала, ни ее негативных реалий. Впрочем, каждое государство идет своим путем. Правда, немцы нередко напоминают миру о том, что они наконец-то стали «нормальными», с излишней настойчивостью.

Объединенная Германия выдержала экзамен на демократическое национальное государство и теперь может не доказывать ни себе, ни другим, что она усвоила уроки XX в.

Рекомендуемая литература

- Аденауэр К.* Воспоминания: В 2 т. М., 1966—1968.
- Биск И. Я.* История повседневной жизни населения в Веймарской республике. Иваново, 1990.
- Брандт В.* Воспоминания. М., 1991.
- Буллок А.* Гитлер и Сталин. Жизнь и власть: Сравнительное жизнеописание: В 2 т. Смоленск, 1998.
- Бюлов Б.* Воспоминания. М.—Л., 1935.
- Ватлин А. Ю.* Германия в XX веке. М., 2002.
- Галкин А. А.* Германский фашизм. М., 1989.
- Данн О.* Нации и национализм в Германии. 1770—1990. М., 2004.
- Деларю Ж.* История гестапо. Смоленск, 1993.
- Дзелепи Э.* Конрад Аденауэр: Легенда и действительность. М., 1960.
- Драбкин Я. С.* Становление Веймарской республики. М., 1978.
- Дьяков Ю. Л., Бушуева Т. С.* Фашистский меч ковался в СССР: Красная армия и рейхсвер. Тайное сотрудничество (1922—1933). М., 1992.
- Зарицкий Б. Е.* Людвиг Эрхард. Секреты «экономического чуда». М., 1997.
- Зарицкий Б. Е.* Экономика Германии. М., 2003.
- Зонтхаймер К.* Федеративная Республика Германия сегодня: Основные черты политической системы. М., 1996.
- Истягин Л. Г.* Политический портрет Г. Коля. М., 1995.
- Кёлер Дж.* Секреты Штази: История знаменитой спецслужбы ГДР. Смоленск, 2000.
- Краузе-Бургер С.* Гельмут Шмидт. Каким он видится вблизи. М., 1981.
- Крейг Г.* Немцы. М., 1999.
- Кузьмин И. Н.* Крушение ГДР: История. Последствия. М., 1996.
- Лакер У.* Россия и Германия. Наставники Гитлера. Вашингтон, 1991.
- Людвиг Э.* Последний Гогенцоллерн. Вильгельм II. М., 1991.
- Мазер Г.* Адольф Гитлер: Легенда, миф, реальность. Ростов-на-Дону, 1998.
- Мазер Г.* Гельмут Коль: Биография. М., 1993.
- Мертес М.* Немецкие вопросы — европейские ответы. М., 2001.
- Объединенная Германия в Европе и мире.* М., 1994.
- Оггер Г.* Магнаты: Начало биографии. М., 1985.

- Павлов Н. В. Германия на пути в третье тысячелетие. М., 2001.
 Патрушев А. И. Германская история. М., 2003.
 Пленков О. Ю. Мифы нации против мифов демократии. Немецкая политическая традиция и нацизм. СПб., 1997.
 Раушер В. Гинденбург. Фельдмаршал и президент. М., 2003.
 Раушинг Г. Говорит Гитлер. Зверь из бездны. М., 1993.
 Рормозер Г. Кризис либерализма. М., 1996.
 Семиряга М. И. Как мы управляли Германией. М., 1995.
 Такман Б. Августовские пушки. М., 1972.
 Толанд Дж. Адольф Гитлер: В 2 т. М., 1993.
 Уильямс Ч. Аденауэр, отец новой Германии. М., 2002.
 Фалин В. М. Без скидок на обстоятельства: Политические воспоминания. М., 1999.
 Федоров В. П. ФРГ в 80-е годы: Очерки общественных нравов. М., 1988.
 Ференбах О. Крах и возрождение Германии. Взгляд на европейскую историю XX века. М., 2001.
 Фест И. Гитлер: Биография: В 3 т. Пермь, 1993.
 Френкин А. А. Западногерманские консерваторы. Кто они? М., 1990.
 Хальгартен Г. Империализм до 1914 года: Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961.
 Хаффнер С. Революция в Германии. М., 1983.
 Шельген Г. Страх перед силой. Немцы и их внешняя политика. М., 1994.
 Ширер У. Взлет и падение Третьего рейха: В 2 т. М., 1991.
 Шмидт Г. На благо Германии. Пути выхода из кризиса. М., 1995.
 Шпеер А. Воспоминания. Смоленск, 1997.
 Штраус Ф. Й. Воспоминания. М., 1991.
 Эрхард Л. Благополучие для всех. М., 1991.
 Benz W. Geschichte des Dritten Reiches. München, 2000.
 Fülbert G. Berlin — Bonn — Berlin. Deutsche Geschichte seit 1945. Köln, 1999.
 Görtemaker M. Geschichte der Bundesrepublik Deutschland. Von der Gründung bis zur Gegenwart. München, 1999.
 Loth W. Stalins ungeliebtes Kind. Warum Moskau die DDR nicht wollte. München, 1996.
 Studt Ch. (Hg.) Die Deutschen im 20. Jahrhundert. München, 1999.
 Weber H. Die DDR 1945—1990. München, 2000.
 Winkler H. A. Der lange Weg nach Westen, 2 Bde. München, 2000.
 Winkler H. A. Weimar 1918—1933. Die Geschichte der ersten deutschen Demokratie. München, 1993.

Приложение

Краткая хронология истории Германии XX в.

1871, 18 января	провозглашение Германской империи
1888, 15 июня	вступление на престол кайзера Вильгельма II
1890, 20 марта	отставка О. Бисмарка
1891	создание Пангерманского союза
1898	создание Флотского союза
1898—1900	первые «флотские программы»
1900, 1 января	введение Гражданского кодекса
1900—1909	канцлерство Б. Бюлова
1905, 31 марта	первый Марокканский кризис
1908, 28 октября	интервью кайзера газете «Дейли телеграф»
1909—1917	канцлерство Т. Бетман-Гольвега
1911, 1 июля	прыжок «Пантеры» в Агадир. Второй Марокканский кризис
1912, 12 января	по итогам выборов сильнейшей в рейхстаге становится фракция социал-демократов
1914, 28 июня	сараевское убийство эрцгерцога Франца Фердинанда
23 июля	предъявление Австрией ультиматума Сербии
1—3 августа	объявление Германией войны России и Франции
23—31 августа	битва при Танненберге
6—9 сентября	битва на Марне
1915, 7 мая	потопление «Лузитании» немецкой подводной лодкой
23 мая	вступление Италии в Первую мировую войну

1916, 21 февраля — конец декабря 29 августа	«Верденская мясорубка» назначение третьего Верховного командования (П. Гинденбург и Э. Людендорф)
5 декабря	принятие закона «О вспомогательной службе отечеству»
1917, 1 февраля	объявление неограниченной подводной войны
6 апреля	вступление США в Первую мировую войну
19 июля	принятие рейхстагом «мирной резолюции»
7 ноября	Октябрьская революция в Петрограде
1918, 8 января	«14 пунктов» Президента США В. Вильсона
3 марта	заключение Брестского мира с Россией
21 марта	начало немецкого наступления на Западном фронте
8 августа	Амьенский прорыв союзниками германского фронта
3—4 октября	назначение рейхсканцлером Макса Баденского. Предложение перемирия со стороны Германии
26 октября	объявление парламентских реформ. Отставка Э. Людендорфа
8—11 ноября	заключение Компьенского перемирия
9 ноября	отречение Вильгельма II. Начало германской революции. Создание социал-демократического правительства — Совета Народных Уполномоченных (СНУ)
16—20 декабря	общегерманский съезд Советов в Берлине
29 декабря	выход «независимцев» из СНУ
1919, 1 января	создание Коммунистической партии Германии (КПГ)
5—12 января	восстание рабочих в Берлине
15 января	убийство К. Либкнехта и Р. Люксембург
18 января	начало работы мирной конференции в Версале
19 января	выборы в Национальное Собрание
6 февраля	открытие учредительного Национального Собрания в Веймаре
11 февраля	избрание президентом Ф. Эберта
13 февраля — 20 июня	коалиционное правительство Ф. Шейдемана
апрель	Мюнхенская Советская республика
21 июня	создание правительства Г. Бауэра

28 июня	подписание Версальского договора
11 августа	принятие Веймарской конституции
1920, 13—16 марта	капповский путч
март	коммунистические восстания в Средней Германии и в Рурской области
27 марта	создание правительства Г. Мюллера
6 июня	первые выборы в рейхстаг. Поражение веймарской коалиции
25 июня	создание правительства К. Ференбаха
1921, 27 апреля	определение суммы репараций с Германии
10 мая	создание правительства Й. Вирта
26 августа	убийство бывшего министра финансов М. Эрцбергера
1922, 16 апреля	заключение Рапалльского договора
24 июня	убийство В. Ратенау
22 ноября	создание правительства В. Куно
1923, 11 января	франко-бельгийская оккупация Рурской области
13 августа	создание правительства Г. Штреземана
23—25 октября	коммунистическое восстание в Гамбурге
8—9 ноября	«пивной путч» нацистов в Мюнхене
15 ноября	введение рентной марки
30 ноября	создание правительства В. Маркса
1924, 29 августа	утверждение рейхстагом плана Ч. Дауэса
1925, 15 января	создание правительства Г. Лютера
28 февраля	кончина президента Ф. Эберта
26 апреля	избрание президентом П. Гинденбурга
1 декабря	подписание Локарнских соглашений
1926, 24 апреля	заключение Берлинского договора между Германией и СССР
16 мая	создание второго кабинета министров В. Маркса
8 сентября	вступление Германии в Лигу Наций
1927, 16 июля	введение страхования по безработице
1928, 28 июня	создание нового кабинета министров Г. Мюллера
1929, 21 августа	принятие плана О. Янга (ратифицирован рейхстагом 12 марта 1930 г.)
25 октября	«черная пятница», начало мирового экономического кризиса

1930, 29 марта	создание правительства Г. Брюнинга
14 сентября	выборы в рейхстаг, триумф нацистской партии
1931, 11 октября	создание правого «Гарцбургского фронта»
1932, 10 апреля	вторичное избрание президентом П. Гинденбурга
13 апреля	запрещение СА и СС (до 16 июня)
1 июня	создание правительства Ф. Папена
20 июля	государственный переворот в Пруссии
3 декабря	создание правительства К. Шлейхера
1933, 30 января	назначение рейхсканцлером А. Гитлера
27 февраля	поджог здания рейхстага
28 февраля	принятие Декрета о защите народа и государства
5 марта	выборы в рейхстаг
5—9 марта	ликвидация автономии германских земель
20 марта	создание первого концлагеря в Дахау
23 марта	принятие закона «О чрезвычайных полномочиях правительства»
1 апреля	общенациональный антиеврейский бойкот
1 мая	прекращение приема в НСДАП
2 мая	ропуск профессиональных союзов
10 мая	публичное сожжение «неарийских» книг
22 июня	запрет Социал-демократической партии Германии (СДПГ)
июнь—июль	самороспуск буржуазных политических партий
20 июля	конкордат с Ватиканом
14 октября	выход Германии из Лиги Наций
1934, 20 января	принятие закона «О регулировании национального труда»
26 января	заключение германо-польского договора о ненападении
30 июня	«ночь длинных ножей». Конец СА как политической силы
2 августа	кончина П. Гинденбурга. Слияние постов президента и рейхсканцлера
1935, 13 января	Саарский плебисцит
16 марта	введение всеобщей воинской повинности
18 июня	заключение англо-германского морского соглашения
15 сентября	принятие Нюрнбергских законов (расовых)

1936, 7 марта	ввод войск в демилитаризованную Рейнскую зону
1 августа	открытие Олимпийских игр в Берлине
9 сентября	принятие четырехлетнего плана экономического развития
1 ноября	создание «оси Берлин — Рим»
25 ноября	заключение антикоминтерновского пакта с Японией
1 декабря	провозглашение гитлерюгенда государственной молодежной организацией
1937, 15 июня	основание государственного концерна «Рейхсверке Герман Геринг»
5 ноября	в протоколе Ф. Хоссбаха зафиксирована военно-политическая программа А. Гитлера
1938, 4 февраля	смещение В. Бломберга и В. Фрича
13 марта	аншлюс Австрии
июнь—август	разрушение синагог
29—30 сентября	Мюнхенская конференция
28 октября	депортация 170 тыс. евреев в Польшу
9—10 ноября	«хрустальная ночь», еврейский погром. Законодательное исключение евреев из экономики и общественной деятельности
1939, 16 марта	создание протектората Богемии и Моравии
23 марта	аннексия Мемеля (Клайпеды)
31 марта	предоставление англо-французских гарантий Польше
1 мая	снятие ограничений на прием в НСДАП
22 мая	заключение «Стального пакта» между Германией и Италией
23 августа	заключение советско-германского пакта о ненападении и разделе сфер интересов в Восточной Европе
1 сентября	начало Второй мировой войны
17 сентября	вторжение Красной армии в Польшу
28 сентября	заключение советско-германского договора о дружбе
12—17 ноября	начало депортации евреев из Австрии и Чехословакии в Польшу
1940, 11 февраля	заключение германо-советского экономического соглашения
9 апреля	оккупация Дании и вторжение в Норвегию

	10 мая	вторжение во Францию, Бельгию, Нидерланды
	22 июня	капитуляция Франции
1941,	6 апреля	вторжение в Югославию и Грецию
	22 июня	нападение на СССР
	2 октября —	Московская битва. Провал операции «Тайфун» и плана восточного блицкрига
	5 декабря	начало массовой депортации евреев в гетто на территории Польши
	14 октября	объявление Германией войны США
	11 декабря	
1942,	20 января	Ванзейская конференция. «Окончательное решение» еврейского вопроса
	17 марта	начало акции «Рейнхард» — массового и систематического уничтожения евреев в лагерях смерти
	26 апреля	предоставление А. Гитлеру чрезвычайных судебных полномочий
	июль	начало немецкого наступления на Волге (под Сталинградом)
	5 октября	приказ Г. Гиммлера о депортации всех европейских евреев в концлагерь Аушвиц (Освенцим)
	23 октября	начало британского контрнаступления в Северной Африке
	22 ноября	окружение 6-й немецкой армии под Сталинградом
1943,	18 февраля	призыв Й. Геббельса к «тотальной войне»
	13 апреля	находка в Катыни массовых захоронений польских офицеров, расстрелянных НКВД в 1940 г.
	19 апреля	восстание в Варшавском гетто
	13 мая	капитуляция немецких войск в Тунисе
	5—13 июля	Курская битва. Провал немецкой операции «Цитадель»
	10 июля	высадка англо-американских войск на Сицилии
	25 июля	отстранение от власти и арест Б. Муссолини
	28 ноября —	Тегеранская конференция руководителей стран антигитлеровской коалиции
	7 декабря	
1944,	19 марта	немецкая оккупация Венгрии
	6 июня	высадка войск союзников в Нормандии (операция «Оверлорд»)

	12 июня	начало обстрела Англии ракетами «Фау-1»
	20 июля	покушение на А. Гитлера в Восточной Пруссии
	1 августа	начало восстания Армии Крайовой в Варшаве
	25 августа	освобождение Парижа
	25 сентября	создание фольксштурма
	16 декабря	начало немецкого наступления в Арденнах
1945,	12 января	начало генерального наступления Красной армии на Восточном фронте
	4—11 февраля	Ялтинская конференция руководителей трех держав антигитлеровской коалиции
	7 марта	переправа американских армий через Рейн
	19 марта	приказ А. Гитлера о тактике «выжженной земли» и уничтожении всех промышленных объектов в Германии
	13 апреля	вступление Красной армии в Вену
	16 апреля	начало битвы за Берлин
	25 апреля	встреча американских и советских войск на Эльбе
	28 апреля	казнь Б. Муссолини итальянскими партизанами
	30 апреля	самоубийство А. Гитлера в бункере рейхсканцелярии
	2 мая	падение Берлина
	7—9 мая	подписание капитуляции Германии в ставке США в Реймсе (Франция) и в советской ставке в Карлсхорсте (Берлин)
	23 мая	арест правительства К. Дёница во Фленсбурге
	5 июня	принятие Берлинской декларации. Переход власти в Германии к оккупационной администрации
	10 июня	разрешение политических партий в советской зоне
	17 июля —	Потсдамская конференция
	2 августа	
	30 августа	создание союзного Контрольного совета
	3—11 сентября	земельная реформа в советской зоне оккупации
	20 ноября	открытие Нюрнбергского процесса
1946,	21—22 апреля	объединение КПП и СДПП в Социалистическую единую партию Германии (СЕПГ)

	2 декабря	подписание англо-американского соглашения о создании Бизонии
1947,	3 февраля	принятие Аленской программы Христианско-демократического союза (ХДС)
	15 февраля	ликвидация Пруссии
	5 июня	объявление плана Д. Маршалла
	25 июня	создание бizonaльного Экономического совета
1948,	20 марта	выход СССР из союзного Контрольного совета
	20 июня	объявление денежной реформы в западных зонах
	24 июня	начало блокады Берлина
	1 сентября	конституирование Парламентского совета в Бонне
1949,	8 апреля	создание Тризонии
	8 мая	принятие Основного закона Федеративной Республики Германии (ФРГ)
	14 августа	выборы в первый немецкий бундестаг
	12 сентября	избрание Т. Хейса Федеральным президентом ФРГ
	15 сентября	избрание К. Аденауэра Федеральным канцлером ФРГ
	7 октября	создание Германской Демократической Республики (ГДР)
	22 ноября	заключение Петерсбергских соглашений
1950,	1 мая	отмена карточной системы распределения в ФРГ
	29 сентября	принятие ГДР в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ)
1951,	18 апреля	создание Европейского объединения угля и стали
	12 декабря	отмена особого статуса Рура
1952,	10 марта	советская нота об объединении Германии и заключении мирного договора
	26 мая	подписание Германского договора
	27 мая	введение в ГДР закрытой зоны на границе с ФРГ
	9—12 июля	вторая партконференция СЕПГ. Провозглашение курса на строительство социализма в ГДР
	23 июля	ликвидация земель в ГДР

	23 октября	запрет в ФРГ неонацистской Социалистической имперской партии
1953,	9 июня	переход к «новому экономическому курсу» в ГДР
	17 июня	народное восстание в ГДР
1954,	23 октября	подписание Парижских соглашений о вступлении ФРГ в НАТО
1955,	5 мая	отмена Оккупационного статута Германии
	9 июня	вступление ФРГ в НАТО
	9—13 сентября	визит К. Аденауэра в Москву. Установление дипломатических отношений между ФРГ и СССР
	20 сентября	провозглашение суверенитета ГДР
	12 ноября	создание бундесвера
1956,	18 января	создание Национальной народной армии ГДР
	17 августа	запрет КПГ
1957,	1 января	возврат ФРГ Саарской области (по итогам референдума)
	1 апреля	первый призыв в бундесвер
	28 мая	отмена карточного рационирования в ГДР
	18 июня	принятие в ФРГ закона «О равных правах мужчин и женщин»
1958,	27 ноября	предъявление Берлинского ультиматума
1959,	18 марта	принятие Германского плана СДПГ
	15 ноября	принятие Годесбергской программы СДПГ
1960,	14 апреля	завершение коллективизации сельского хозяйства в ГДР
1961,	13 августа	начало возведения Берлинской стены
1962,	24 января	введение в ГДР всеобщей воинской повинности
1963,	22 января	подписание франко-(западно)германского договора о дружбе
	15 октября	отставка Федерального канцлера ФРГ К. Аденауэра
	16 октября	избрание Федеральным канцлером ФРГ Л. Эрхарда
1964,	12 июня	подписание договора о дружбе между ГДР и СССР

1965, 26 октября	создание второго кабинета министров Л. Эрхарда
1966, 1 декабря	создание «большой коалиции» из блока ХДС—ХСС и СДПГ
1967, 20 февраля 2 июня	принятие закона о гражданстве ГДР студенческие волнения в Западном Берлине
1968, 9 апреля 11—17 апреля	принятие новой Конституции ГДР массовые студенческие волнения в ФРГ
1969, 20 октября	избрание Федеральным канцлером ФРГ В. Брандта. Создание социал-либеральной коалиции
1970, 19 марта и 21 мая	встречи В. Брандта с председателем правительства ГДР В. Штофом в Эрфурте и Касселе
12 августа	подписание Московского договора между ФРГ и СССР
7 декабря	подписание Варшавского договора между ФРГ и Польшей
1971, 3 мая	отставка В. Ульбрихта. Избрание руководителем СЕПГ и ГДР Э. Хонеккера
3 сентября	заключение четырехстороннего соглашения по Берлину
10 декабря	присуждение Нобелевской премии мира В. Брандту
17—20 декабря	подписание соглашения по транзиту между ФРГ и ГДР
1972, 28 января 17 мая	принятие закона «О радикалах» в ФРГ ратификация бундестагом «восточных договоров»
26 мая	заключение транспортного соглашения между ФРГ и ГДР
10 декабря	присуждение писателю Г. Бёллю Нобелевской премии по литературе
21 декабря	подписание договора об основах отношений между ФРГ и ГДР
1973, 18 сентября 25 ноября	принятие ФРГ и ГДР в члены ООН начало нефтяного кризиса
1974, 6 мая	отставка В. Брандта с поста федерального канцлера
16 мая	избрание Федеральным канцлером ФРГ Г. Шмидта

7 октября	изъятие из Конституции ГДР понятия «немецкая нация»
1975, 21 мая	начало суда над А. Баадером и У. Майнхоф — лидерами террористической организации РАФ
19 декабря	подписание соглашения об обмене постоянными представительствами между ФРГ и ГДР
1976, 1 июля	принятие нового закона о соучастии в управлении производством в ФРГ
29 октября	избрание Э. Хонеккера председателем Государственного Совета ГДР
1977, 7 апреля	убийство левыми террористами З. Бубака — генерального прокурора ФРГ
30 июля	убийство банкира Ю. Понто
5 сентября	похищение и убийство Х. Шлейера — президента Союза работодателей ФРГ
1979, 17 марта	создание во Франкфурте-на-Майне объединения «зеленых»
12 декабря	принятие решения НАТО о размещении ракет на территории ФРГ
1980, 13 января	конституирование «зеленых» в федеральную партию
13 октября	речь Э. Хонеккера об «окончательном отмежевании двух германских государств»
1981, 10 октября	массовые демонстрации в ФРГ против решения НАТО о размещении ракет
1982, 17 сентября	выход министров от Свободной демократической партии (СвДП) из правительства Г. Шмидта
1 октября	избрание Г. Коля Федеральным канцлером ФРГ
1983, 6 марта	победа христианско-либеральной коалиции на федеральных выборах
29 июня	предоставление ФРГ кредита ГДР в размере 1 млрд немецких марок
1986, 6 мая	заключение соглашения между ФРГ и ГДР в области культуры
1987, 7—11 сентября	официальный визит Э. Хонеккера в ФРГ
1988, 17 января	столкновения в Восточном Берлине между полицией и демонстрантами

1989, 12 марта	демонстрация в Лейпциге с требованием права свободного выезда из ГДР
7 мая	коммунальные выборы в ГДР
10 сентября	открытие Венгрией границы с Австрией
2 октября	разгон полицией многотысячной демонстрации в Лейпциге
7 октября	празднование 40-летнего юбилея ГДР. Столкновения демонстрантов с полицией
16 октября	демонстрация в Лейпциге с требованием проведения демократических реформ
18 октября	в ГДР Э. Кренц сменяет Э. Хонеккера на постах главы партии и государства
4 ноября	демонстрация в Восточном Берлине
8 ноября	отставка в полном составе политбюро ЦК СЕПГ
9 ноября	падение Берлинской стены
13 ноября	избрание премьер-министром ГДР Х. Модрова
28 ноября	обнародование программы Г. Коля «10 пунктов» (условия объединения Германии)
22 декабря	открытие Бранденбургских ворот
1990, 18 марта	первые свободные выборы в Народную Палату ГДР
12 апреля	избрание премьер-министром ГДР Л. де Мезьера
1 июля	вступление в силу валютного, экономического и социального союза ФРГ и ГДР
22—23 августа	решение Народной Палаты ГДР о вхождении страны в ФРГ
12 сентября	завершение переговоров об объединении немецких республик по формуле «два + четыре»
3 октября	присоединение пяти земель ГДР к ФРГ
2 декабря	первые общегерманские выборы. Победа блока ХДС—ХСС
1991, 20 июня	объявление Берлина столицей Германии
1992, 7 февраля	заключение Маастрихтских соглашений о политическом объединении Европы
12 ноября	начало судебного процесса против Э. Хонеккера
1993, 26 мая	принятие бундестагом плана реконструкции восточных земель

1994, 31 августа	официальное завершение вывода из Германии российских войск
8 сентября	официальное завершение вывода из Германии войск западных держав
30 декабря	завершение работы Опекунского ведомства
1997, 7 мая	слияние концернов «Даймлер—Бенц» и «Крайслер»
1998, 27 сентября	выборы в бундестаг. Создание «красно-зеленой коалиции» канцлера Г. Шрёдера
1999, 19 апреля	официальное начало работы бундестага в здании Берлинского рейхстага
23 мая	избрание И. Рау Федеральным президентом ФРГ
2000, март	слияние «Дойче банка» и «Дрезднер банка» в крупнейший в мире «Дойче банк»
1 июня	открытие Всемирной выставки в Ганновере (Экспо-2000)
2002, 22 сентября	победа Г. Шрёдера на выборах в бундестаг. Создание второй «красно-зеленой коалиции»

Германские канцлеры

	Начало канцлерства	Отношение к партии
Отто Эдуард Леопольд фон Бисмарк (1815—1898)	18.01.1871	
Георг Лео фон Каприви (1831—1899)	20.03.1890	
Хлодвиг цу Гогенлоэ-Шиллингфюрст (1819—1901)	28.10.1894	
Бернхард Генрих Мартин фон Бюлов (1849—1929)	17.10.1900	
Теобальд фон Бетман-Гольвег (1856—1921)	14.07.1909	
Георг Михаэлис (1857—1936)	14.07.1917	
Георг фон Гертлинг (1843—1919)	1.11.1917	
Максимилиан Александр Фридрих Вильгельм Баденский (1867—1929)	3.10.1918	
Фридрих Эберт (1871—1925)	9.11.1918	СДПГ
Филипп Шейдеман (1865—1939)	13.02.1919	СДПГ
Густав Адольф Бауэр (1870—1944)	21.06.1919	СДПГ
Герман Мюллер (1876—1931)	27.03.1920; 28.06.1928	СДПГ
Константин Ференбах (1852—1926)	21.06.1920	партия «Центр»
Йозеф Вирт (1879—1956)	10.05.1921	партия «Центр»
Вильгельм Куно (1876—1933)	22.11.1922	
Густав Штресеман (1878—1929)	13.08.1923	ННП
Вильгельм Маркс (1863—1946)	3.11.1923; 16.05.1926	партия «Центр»
Ганс Лютер (1872—1962)	15.01.1925	
Генрих Брюнинг (1885—1970)	30.03.1930	партия «Центр»
Франц фон Папен (1879—1969)	1.06.1932	
Курт фон Шлейхер (1882—1934)	3.12.1932	
Адольф Гитлер (1889—1945)	30.01.1933	НСДАП

Конрад Аденауэр (1876—1967)	15.09.1949	ХДС
Людвиг Эрхард (1897—1977)	16.10.1963	ХДС
Курт Георг Кизингер (1904—1988)	1.12.1966	ХДС
Вилли Брандт (Герберт Эрнст Карл Фрам) (1913—1992)	21.10.1969	СДПГ
Гельмут Шмидт (р. 1918)	16.05.1974	СДПГ
Гельмут Коль (р. 1930)	1.10.1982	ХДС
Герхард Фритц Курт Шрёдер (р. 1944)	27.10.1998	СДПГ

Указатель имен¹

- Аденауэр Конрад 302, 311,
315—317, 320—329, 331,
336, 348
Альберс Йозеф 157
Альвардт Герман 180
Аман Макс 194, 218
Андерш Альфред 363
Антонеску Ион 261
Арминий 9, 405
- Байер Герберт 157
Барлах Эрнст 156
Барт Эмиль 74
Барту Луи 229, 230
Барцель Райнер 338,
339, 345
Баршель Уве 345, 346
Бауш Пина 369
Бауэр Густав 91, 95, 97
Бевин Эрнст 310
Бек Людвиг 231, 270
Беккер Юрек 365
Бекман Макс 211, 366
Белль Иоганнес 92
Бёлль Генрих 364, 371
Бенари Арне 353, 354
Бенеш Эдуард 242
Бенн Готфрид 212
Бергер Людвиг 154
Бергман-Поль Сабина 381
Беренс Фриц 353, 354
- Беренс Хильдегард 369
Бернстайн Леонард 370
Бетман-Гольвег Теобальд
фон 48—50, 53, 54, 56,
61, 64—67
Бехер Иоганнес 167
Биденкопф Курт 387
Бирман Вольф 365
Бирнс Джеймс 306
Бисмарк Отто фон 16—18,
41, 44, 122, 139, 398, 405
Бломберг Вернер фон 150,
197, 201, 227, 238, 239
Блох Эрнст 353
Блюм Леон 237
Боймлер Альфред 221
Борман Мартин 224, 229
Борн Макс 220
Бранди Эрнст 141
Брандлер Генрих 107—109
Брандт Вилли 325, 328,
331, 334—340
Браун Ева 276
Браун Отто 100, 118, 143
Браухич Вальтер фон 239,
249, 256
Браухич Манфред фон 165
Брауэр Макс 311
Бредов Фердинанд фон 196
Брежнев Леонид Ильич 360

- Брехт Бертольд 154, 156,
167, 363, 365, 370
Бройер Марсель 157, 211
Брокдорф-Ранцау Ульрих
фон 85
Броннен Арнольд 167
Брюнинг Генрих 134,
135, 139, 140,
142, 143
Бубак Зигфрид 342
Буланже Жорж 22
Булганин Николай
Александрович 323
Бухрукер Бруно 106
Буш-старший Джордж 378
Бюлов Бернхард фон 43,
46—48, 67, 102
- Вагнер Рихард 179
Вайзенборн Гюнтер 364
Вайль Курт 158
Ван Гог Винсент 213
Ван дер Люббе Маринус 184
Ван дер Роэ Мис 211
Вартенбург Петер *см.* Йорк
фон Вартенбург Петер
Вебер Макс 22, 125
Вендерс Вим 371
Венер Герберт 325
Вернер Бруно 364
Верфель Франц 167, 211
Вильгельм II 18, 21, 46, 47,
50, 53—55, 70, 73, 140,
178, 181
Вильсон Вудро 61, 70, 71
Вильсон Горацио 244
Вирт Йозеф 82, 97—99
Виссель Рудольф 75
Вольвебер Эрнст 354
Вольф Криста 365
Вольф Теодор 182
- Гаазе Гуго 74
Габсбурги (династия) 11—13
Гайл Вильгельм фон 146
Гамелен Морис Гюстав 235
Гауптман Герхард 212
Геббельс Йозеф Пауль 123,
189, 191, 193—195, 214,
217, 238, 260, 272, 273,
277, 299
Геббельс Магда 208
Гейдрих Рейнхард 192, 283,
284, 287, 288, 300
Гейне Вольфганг 49
Гейне Генрих 213
Генлейн Конрад 242
Генрих Лев (герцог) 10
Геншер Ханс-Дитрих 341,
343, 346, 379, 384, 388
Гёрделер Карл Фридрих 270
Геринг Герман Вильгельм
144, 148, 149, 182, 184,
186, 189, 191, 192, 196,
201—203, 214, 238, 239,
251, 256, 259, 260, 276,
283, 284, 299, 300
Геринг Эмма 208
Гёринг Рейнхард 156
Герлах Людвиг фон 17
Гертлинг Георг фон 67
Герцштейн Роберт 194
Гесс Рудольф 189, 251, 300
Гёсс Рудольф Фердинанд
289
Гессе Герман 168
Гесслер Отто 95
Гёте Иоганн Вольфганг 154,
370
Гильфердинг Рудольф 75
Гиммлер Генрих 189, 191,
192, 196, 197, 255, 276,
285, 288, 299

¹Указатель составлен к основному тексту (с. 9—406).

- Гинденбург Оскар фон 120, 148
 Гинденбург унд Бенкендорф Пауль фон 58, 60, 65, 69, 118—120, 124, 127, 130, 134, 139—147, 149, 150, 186, 195—197, 280
 Гирш Макс 34
 Гитлер Адольф 58, 83, 84, 110, 129, 135—137, 140, 141, 144, 145, 147—152, 164, 172, 176, 181—197, 199, 200—202, 204—206, 208, 211—214, 216, 219, 221—223, 225—229, 231—250, 254, 256—262, 264, 271, 275, 276, 278—281, 283, 287, 299, 331, 406
 Глайзе-Хорстенау Эдмунд 240
 Глобке Ханс 324, 326
 Гоген Поль 213
 Гогенцоллерны (династия) 83, 117, 124
 Голль Шарль де 295, 323, 324
 Горбачев Михаил Сергеевич 372, 373, 378, 379, 385
 Грасс Гюнтер 364, 371
 Грей Эдуард 54
 Грейзер Артур 288
 Грёнер Вильгельм 74, 77, 128, 133, 142
 Гриншпан Гершель 283
 Гропиус Вальтер 157
 Гротеволь Отто 302, 303, 312, 313, 348, 349
 Гувер Герберт 140
 Гугенберг Альфред 83, 125, 128, 129, 148—150, 154, 186, 188
 Даладьё Эдуард 242—244
 Далюге Курт 192
 Дан Феликс 178
 Дарвин Чарлз 177
 Дарре Вальтер 178, 189, 196, 205
 Дауэс Чарлз 113, 114, 122
 Дёблин Альфред 153
 Дёниц Карл 300
 Дёрнбург Бернхард 45
 Дерри Дорис 371
 Дингерлей Эдуард 82
 Дитман Вильгельм 74
 Дитрих Отто 194
 Дольфус Энгельберг 228
 Достоевский Фёдор Михайлович 163
 Дренкман Гюнтер фон 341
 Дункер Макс 34
 Дучке Руди 333
 Дюринг Ойген 179
 Дюстерберг Теодор 141
 Зайссер Ханс фон 107
 Заратустра 41
 Заукель Фриц 300
 Зегерс Анна 365
 Зейс-Инкварт Артур 300
 Зефков Антон 270
 Зиммель Йоханнес Марио 365
 Золя Эмиль 213
 Игенау Луцки 216
 Иден Энтони 233, 323

- Йодль Альфред 300
 Йоос Йозеф 82
 Йорк фон Вартенбург Петер 271
 Йост Ханс 167
 Каас Людвиг 82, 164
 Кайзер Георг 156
 Кайзер Якоб 302
 Кальтенбруннер Эрнст 300
 Кандинский Василий Васильевич 157
 Кант Герман 365
 Капп Вольфганг 93—95
 Каприви Георг Лео фон 146
 Кар Густав фон 107, 110, 196
 Карл Великий 405
 Карл IV Габсбург 11
 Каутский Карл 67, 75
 Квислинг Видкун 258
 Кейнс Джон Мейнард 332
 Кейтель Вильгельм 239, 241, 300
 Кёль Герман 165
 Кельзен Ханс 220
 Керрль Ханс 223, 224
 Кесслер Гарри 143
 Кёстнер Эрих 168
 Кизингер Курт Георг 331
 Кирш Сара 365
 Кифер Ансельм 366
 Киш Эгон Эрвин 153
 Клас Генрих 37, 181
 Клаузенер Эрих 196
 Клее Пауль 157
 Клей Люциус 308, 309
 Клемансо Жорж 91
 Клинтон Билл 401
 Кнёхель Вильгельм 270
 Кокошка Оскар 211, 366
 Колло Рене 369
 Коль Гельмут 339, 344, 346, 377—379, 381, 384—386, 396—398, 400, 401
 Конзалик Хайнц 365
 Конрад I 10
 Кракауэр Зигфрид 153
 Краузе Гюнтер 383
 Краух Карл 203
 Кренц Эгон 374, 375, 378
 Крик Эрнст 221
 Крупп Фридрих Альфред 22
 Крупп фон Болен унд Гальбах Густав 101, 199, 289
 Кунерт Гюнтер 365
 Куно Вильгельм 99, 102, 107, 141
 Кунце Райнер 365
 Лаваль Пьер 230
 Лагард Пауль Антон де 178, 179
 Ламбсдорф Отто фон 344, 345
 Ланг Фриц 154, 211
 Лангбен Юлиус 178, 179
 Ландауэр Густав 78
 Ландсберг Отто 74
 Лафонтен Оскар 381, 388, 397
 Левине Ойген 78
 Легин Карл 33
 Ледебур Георг 67, 74
 Ледерер Эмиль 220
 Лей Роберт 188, 189, 199, 251, 299
 Леман Эрнст 221
 Ленард Филипп 221
 Ленц Зигфрид 363
 Ленш Пауль 65

Либенфельс Ланц Йорг фон 177
 Либкнехт Карл 56, 73, 74, 77, 78, 93
 Линденберг Удо 369
 Литвинов Максим Максимович 246
 Ллойд Джордж Дэвид 92
 Лоренц Петер 341
 Лоссов Отто фон 107
 Лот Вильфрид 347
 Лутце Виктор 197
 Людендорф Эрих 58, 60, 65, 69, 93, 94, 118
 Люксембург Роза 77, 78, 93, 361
 Лютвиц Вальтер фон 93, 94
 Лютер Мартин 12, 405, 406
 Лютер Ханс 114

 Майер Вальтрауд 369
 Мак Хайнц 366
 Макс Баденский 69, 70, 73
 Максимилиан I 11
 Манн Генрих 211, 213
 Манн Томас 167, 168, 211, 213
 Манхейм Карл 220
 Манштейн Эрих фон 258
 Маренхольц Маргарет фон 120
 Маркс Вильгельм 82, 111, 113, 114, 118, 119, 124, 128
 Маркс Герхард 157
 Маркс Карл 170, 171, 213
 Марр Вильгельм 179
 Маршалл Джордж 307
 Маслов Аркадий 107
 Матисс Анри 213
 Мезьер Лотар де 381
 Мейснер Отто 148, 150
 Мёллер ван ден Брук Артур 170—172
 Менде Эрих 327
 Меркель Ангела 398
 Миклас Вильгельм 240
 Миттеран Франсуа 379
 Михаэлис Георг 67
 Модров Ханс 375, 377—379, 381
 Молотов Вячеслав Михайлович 246
 Мольтке Гельмут фон 53, 54, 58
 Мольтке Хельмут фон 271
 Монтгомери Бернард 265
 Моргентау Генри 295
 Моцарт Вольфганг Амадей 369
 Мурнау Фридрих Вильгельм 154
 Муссолини Бенито 182, 221, 226, 228, 232, 234, 236—238, 243, 244, 248, 259, 261, 265
 Мюллер Генрих 283
 Мюллер Герман 92, 95, 128, 129, 130, 134
 Мюллер Людвиг 223
 Мюллер-Армак Альфред 308
 Мюнх Вернер 387
 Мюнценберг Вилли 154

 Наполеон Бонапарт 13
 Наувокс Альфред 253
 Нейрат Константин фон 225, 238, 239, 245, 300
 Николай II 50, 55
 Нимёллер Мартин 223
 Ницше Фридрих Вильгельм 169, 174, 177, 217, 405

Носке Густав 49, 75, 77, 78, 95
 Онезорг Бенно 333
 Оттон I 10

 Пааш Карл 180
 Пабст Вальдемар 93
 Пабст Георг Вильгельм 154
 Папен Франц фон 142—146, 148—150, 183, 196, 222, 229, 236, 300
 Паркер Джильберт 113
 Паулюс Фридрих фон 265
 Пачелли Эудженио (Папа Пий XII) 222
 Петен Анри Филипп 259
 Пик Вильгельм 303, 348, 358
 Пикассо Пабло 213
 Пилсудский Юзеф 228
 Пине Отто 366
 Пискатор Эрвин 156
 Плейгер Пауль 202
 Плётц Альфред 177
 Польке Зигмар 366
 Понто Юрген 342
 Посадовский Артур фон 44, 45
 Пройс Гуго 86, 87
 Пруст Марсель 213
 Пуанкаре Раймон 54, 98, 100

 Радек Карл 101, 174
 Райман Ариберт 369
 Рат Эрнст фон 283
 Ратенау Вальтер 97, 98, 102
 Регер Эрик 153
 Редер Эрих 238, 257, 260, 300
 Рейнхард Вальтер 94, 107
 Рейнхард Макс 156

 Рейтер Эрнст 310, 311
 Рейч Хана 208
 Рем Эрнст 184, 195, 196
 Ремарк Эрих Мария 213
 Риббентроп Иоахим фон 148, 189, 233, 236, 237, 239, 244, 247, 254, 300
 Рит Курт 229
 Рифеншталь Лени 208
 Рихтер Ханс Вернер 363
 Розенберг Альфред 179, 189, 194, 208, 300
 Роммель Эрвин 264, 265
 Роттек Карл фон 320
 Рубинер Людвиг 167
 Рузвельт Франклин Делано 261, 295
 Руст Бернхард 219, 220

 Саймон Джон 233
 Салаша Ференц 266
 Сезанн Поль 213
 Сект Ханс фон 94, 95, 100, 106—108, 122
 Симович Душан 261
 Симонс Вальтер 96, 97
 Соколовский Василий Данилович 308
 Сталин Иосиф Виссарионович 245—248, 254, 263, 266, 277, 295, 296, 306, 350
 Стиннес Гуго 82, 103, 110
 Стрэнг Уильям 246
 Сцилард Лео 220

 Талейран Шарль Морис 86
 Тельман Эрнст 109, 118, 119, 123, 141, 182
 Тербовен Йозеф 258
 Тилле Александр 177

Тирпиц Альфред фон 42, 67, 118
 Толлер Эрнст 156
 Торглер Эрнст 182
 Трейчке Генрих фон 180
 Трёльч Эрнст 92
 Трумэн Гарри 296, 306
 Тухольский Курт 169
 Тэтчер Маргарет 379

 Уеккер Гюнтер 366
 Ульбрихт Вальтер 301, 347, 350, 351, 353, 355, 359
 Ульштейны (концерн) 165
 Уэббер Эндрю 369

 Фалькенхайн Эрих фон 53, 60
 Фассбиндер Райнер Вернер 370
 Фёглер Альберт 82, 141
 Федер Готфрид 195
 Фейхтвангер Лион 213, 365
 Ференбах Константин 96, 97
 Фехнер Макс 353
 Фильсмайер Йозеф 371
 Фишер Йошка (Йозеф) 398
 Фишер Карл 41
 Фишер Ойген 221
 Фишер Рут 107, 109
 Фишер-Дискау Дитрих 369
 Флик Фридрих 345
 Фогель Бернхард 387
 Франк Джеймс 220
 Франк Ханс 189, 255, 256, 278, 286
 Франко Франсиско 237
 Франц II 13
 Франц Фердинанд 53
 Фрауенфельд Альфред 228
 Фрейд Зигмунд 213
 Фрейтаг Густав 178

 Фридрих Барбаросса 10, 41
 Фридрих II Великий 13, 195, 405
 Фридрих Вильгельм IV 16
 Фридрих Прусский (принц) 141
 Фрик Вильгельм 182, 184, 186, 189, 300
 Фрич Вернер фон 238, 239
 Фриче Ханс 300
 Функ Вальтер 202, 300

 Хавеман Роберт 353, 354
 Хаген Нина 369
 Хагер Курт 360
 Хазенклевер Вальтер 167
 Хайди Марция 369
 Хайдеггер Мартин 212
 Хайнеман Густав 333
 Хаммерштейн Курт фон 149
 Хануш Маргарет 215
 Харих Вольфганг 353
 Хассель Ульрих фон 270
 Хейс Теодор 302, 316
 Хельд Генрих 111
 Херцог Роман 396
 Хиллер Курт 182
 Хиндемит Пауль 157
 Хонеккер Эрих 359, 360, 373, 374
 Хор Самуэль 234
 Хорти Миклош 266
 Хоссбах Фридрих 238
 Хофман Макс 65
 Хоххут Рольф 370
 Хрущев Никита Сергеевич 323, 325, 355
 Хюнефельд Гюнтер фон 165

 Цвейг Стефан 211, 212
 Цезарь Гай Юлий 171

Цейгнер Эрих 107
 Церер Ханс 170, 174, 175

 Чемберлен Невилл 242—245, 248
 Чемберлен Хьюстон Стюарт 178
 Черчилль Уинстон Спенсер Леонард 91, 244, 258, 260, 266, 295, 296, 321, 322
 Чехов Антон Павлович 370
 Чиано Галеаццо 237
 Чичерин Георгий Васильевич 98

 Шабовски Гюнтер 374, 375
 Шалльмейер Вильгельм 177
 Шарпинг Рудольф 396
 Шахт Ялмар Грили 130, 141, 145, 200, 202, 280, 300
 Швайгер Бригитта 364
 Шеель Вальтер 334, 336, 338, 341
 Шейдемман Филипп 68, 73, 74, 85, 91
 Шекспир Уильям 370
 Шёнберг Арнольд 158
 Шигуллла Ханна 370
 Шиллер Карл 331, 332
 Шиллер Фридрих 14, 154, 156
 Ширак Жак 400
 Ширах Бальдур фон 209, 300
 Ширдеван Карл 354
 Шлагетер Альберт Лео 101
 Шлейер Ханс Мартин 342
 Шлейхер Курт фон 134, 143—149, 196

 Шлёндорф Фолькер 371
 Шлингезиф Кристоф 371
 Шлифен Альфред фон 52, 56, 57
 Шмелинг Макс 165
 Шмидт Гельмут 325, 340, 341, 343, 344
 Шмидт Карл 195
 Шмитт Карл 170, 172, 173, 212
 Шойбле Вольфганг 382, 383, 398, 403
 Шолль Софи 271
 Шолль Ханс 271
 Шольц Эрнст 82
 Шпеер Альберт 275, 300
 Шпенглер Освальд 163, 170, 171, 174, 175, 227
 Шпрингер Аксель 174, 333
 Шредер Герхард 329
 Шрёдер Герхард 397—401, 403, 404
 Штайн Петер 370
 Штаус Эмиль 141
 Штауфены (династия) 10
 Штауффенберг Клаус фон 271
 Штейн Герман 65
 Штейнер Юлиус 339
 Штёккер Адольф 36
 Штернберг Йозеф фон 211
 Штоф Вилли 337, 374
 Штрассер Грегор 137, 145—148, 196
 Штраус Иоганн 369
 Штраус Рихард 157
 Штраус Франц Йозеф 328, 331, 343, 344
 Штреземан Густав 65, 80, 82, 102, 105, 107—111, 114, 118, 120—125, 128, 166

- Штрейхер Юлиус 279, 300
Штрук Карин 364
Штумм Фердинанд Карл фон 22
Шуленбург Фридрих фон дер 246
Шулер Альфред 177
Шуман Георг 270
Шуман Робер 321
Шумахер Курт 300, 315, 321, 325
Шушниг Курт фон 148, 229, 235, 240
- Эберт Фридрих 49, 68, 70, 73, 74, 77, 85, 93, 95, 99, 100, 102, 109, 113, 117, 166
Эберт-младший Фридрих 310
Эйнштейн Альберт 220
Эйснер Курт 73
Эйснер Лотта 154
- Эйхгорн Эмиль 76
Эйхман Адольф 284, 286, 287
Энгхольм Бьёрн 345
Энценсбергер Ханс Магнус 363
Эренфельс Христиан фон 178
Эрхард Герман 94
Эрхард Людвиг 308, 315, 317, 327, 329—331
Эрцбергер Матиас 98, 102
Эттли Клеменс 296
- Юнг Эдгар Юлиус 196
Юнгер Эрнст 170, 171, 173, 174
- Ягов Трауготт фон 93
Янг Оуэн 128
Янза Альфред 240
Яррес Карл 118